

Конференция «Источниковедение в современной медиевистике» задумана как регулярное мероприятие, нацеленное на обсуждение и осмысление новых методов и подходов в современных источниковедческих исследованиях в области медиевистики; стимулирование дискуссий по теоретическим и методическим проблемам современного источниковедения; обсуждение проблем преподавания источниковедения; консолидацию профессионального сообщества медиевистов разных специальностей, занимающихся источниковедческими исследованиями.

2020-
2021

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЕВИСТИКЕ

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЕВИСТИКЕ

Материалы
Всероссийской научной
конференции
Москва, 2020-2021

Российская Академия наук
Институт Всеобщей истории

**ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
В СОВРЕМЕННОЙ
МЕДИЕВИСТИКЕ**

Всероссийская научная
конференция

Москва, 2020-2021

Москва
2020

УДК 930(08)
ББК 63.2
И 85

Рецензенты
д.и.н. Ю.Е. Арнаутова
д.и.н. П.В. Лукин

Источниковедение в современной медиевистике:
Сб. материалов Всероссийской научной конференции,
Москва 2020–2021 гг. / Отв. ред. И.Г. Коновалова
и Е.Н. Кириллова; Институт всеобщей истории РАН.
М.: ИВИ РАН, 2020. – 460 с.

Сборник посвящен актуальным проблемам источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин в области истории западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени, Древней Руси, Мезоамерики, Индии, арабского Востока.

Научное издание

ISBN 978-5-94067-516-7

© Институт всеобщей истории РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© И.Г. Коновалова и Е.Н. Кириллова, общая редакция, 2020
© Е.В. Казбекова, составление, оригинал-макет, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Содержание	3
<i>Агеева Д.А. (Санкт-Петербург) Litterae clausae 1431–1432 гг. дожа Венеции Франческо Фоскари к маркизу Феррары Никколо III д'Эсте из собрания Н.П. Лихачева как источник по истории венецианской Террафермы</i>	13
<i>Аникьев И.И. (Москва) Подходы к изучению раннесредневековых памятников литургии Римского обряда</i>	17
<i>Анисимова А.А. (Москва) Делопроизводство малого города в Средние века (на примере архивов Фавершема и Фордвича)</i>	21
<i>Анкудинов И.Ю. (Новгород Великий) Корпус новгородских и псковских актов XII–XV веков: современное состояние и вопросы публикации</i>	24
<i>Ауров О.В. (Москва) Рукописные и опубликованные источники по истории библиотек Кастилии и Леона XIII–XV веков</i>	28
<i>Байдуж Д.В. (Тюмень) Печати Тевтонского ордена как исторический источник</i>	32
<i>Белов Н.В. (Санкт-Петербург) Военно-служилая деятельность князей Щеняцевых в неопубликованных частных разрядных книгах: предварительные наблюдения и перспективы исследования</i>	37
<i>Белоусов М.Р. (Казань) «Сказки» служилых людей и боярские «подлинные» списки 7172 года в делопроизводстве Разрядного приказа</i>	41
<i>Беляев Д.Д. (Москва) Летописные памятники как форма исторической памяти в постклассической Мезоамерике (XV – первая половина XVI века)</i>	45
<i>Бережная Н.А. (Санкт-Петербург) Источники по истории конфессиональной Германии в отделе рукописей БАН</i>	49

<i>Бибиков М.В. (Москва)</i> Рукописные греческие жития древнерусских святых: афонские находки	53
<i>Блохин П.А. (Астрахань)</i> «Вековечность» права и историческая память в юридических текстах Фрайбурга 1120–1368 годов	57
<i>Болдырева Н.А. (Москва)</i> Географические атласы мира раннего Нового времени как уникальный тип источника	61
<i>Бондаренко А.А. (Москва), Хоруженко О.И. (Москва)</i> Булгаков Успенский монастырь в писцовых материалах XVI–XVII веков	66
<i>Буданова В.П. (Москва)</i> Варварский дискурс источника: парадоксы интерпретации в эпоху смены парадигм	70
<i>Ванина Е.Ю. (Москва)</i> Самое неисследованное Средневековье: проблемы источниковедения доколониальной Индии	74
<i>Ведюшкин В.А. (Москва)</i> План Мадрида Педро Тексейры 1656 года как источник по репрезентации королевской власти	77
<i>Вепрецкий С.В. (Москва)</i> Методы документации надписей древних майя классического периода	81
<i>Вершинин К.В. (Москва)</i> Краткий летописец с похвалой Ивану Калите	83
<i>Вершинина Ю.Е. (Нижний Новгород)</i> Эталон и aberrация родственных отношений: семьи Флоренциев и Меровингов в произведениях Григория Турского (аксиологический и дидактический аспекты образа семьи в раннесредневековых нарративах)	87
<i>Вилкул Т.Л. (Киев)</i> Редакции текста древнеславянской Книги Бытия	91
<i>Вин Ю.Я. (Москва)</i> Экспертная система «Византийское право и акты»: Презентация 2020	95
<i>Виноокурова М.В. (Москва)</i> Поместные описи как массовые источники по истории английского средневекового манора: предмет и метод исследования	99

<i>Воробьев Г.М. (Санкт-Петербург)</i> Залёжность бумаги и датировка рукописей Дмитрия Халкокондила (1423–1511)	103
<i>Габдрахманов П.Ш. (Москва)</i> Средневековые грамоты как гибридные тексты	105
<i>Гимон Т.В. (Москва)</i> Летописеведение и эпиграфика: Записи о смертях и о церковном строительстве у англо-саксов и на Руси	109
<i>Грязнов А.Л. (Вологда)</i> Организация работы канцелярий князей московского дома в середине – второй половине XV века	114
<i>Гуслистова А.Н. (Вологда)</i> Торговый флот вологжан по таможенным книгам 1630-х годов	118
<i>Данилов И.А. (Санкт-Петербург)</i> Герсдорфская библиотека в собрании БАН как источник по конфессиональной культуре немецких земель раннего Нового времени	122
<i>Девятайкина Н.И. (Саратов)</i> «Связанные «тексты»: проблемы источниковедческого анализа письменных и визуальных источников разных веков (на примере реформационных интерпретаций Петрарки)	125
<i>Джаксон Т.Н. (Москва)</i> <i>Vébjargabing</i> : «Там даны избирали своих конунгов в древности, избирают и теперь»	128
<i>Дзярнович О.И. (Минск)</i> Существовала ли Рижская кириллическая канцелярия? К вопросу об обеспечении документооборота между Ригой и городами Белорусского Подвина в XIII–XVI веках	132
<i>Духанина А.В. (Москва)</i> . Глава «О азбуке пермской» из Жития Стефана Пермского в русской книжности	136
<i>Елохин К.А. (Москва)</i> Испанские монеты с изобразительными девизами в XVII веке	140
<i>Ермолова И.Е. (Москва)</i> Варвар в римском праве	144
<i>Земляков М.В. (Москва)</i> К вопросу о методике публикации, изучения и критики каролингских капитуляриев в XIX – начале XXI века	148

<i>Казбекова Е.В. (Москва)</i> Иерархия инициалов в экземпляре Библии Гутенберга в РГБ	152
<i>Калашникова А.А. (Санкт-Петербург)</i> Цифровая съемка филиграней русских судебных документов XV – первой половины XVI века в инфракрасном спектре	153
<i>Калинина Т.М. (Москва)</i> Виды средневековых арабских карт	157
<i>Кириллова Е.Н. (Москва)</i> Звучание средневекового города (по «Книге ремесел» Парижа)	162
<i>Козляков В.Н. (Рязань), Севастьянова А.А. (Рязань)</i> Документы архиерейского суда как источник по истории частной жизни в России второй половины XVII века	167
<i>Коновалова И.Г.(Москва)</i> Географические описания в контексте истории средневековой картографии	171
<i>Конюшихина Н.Л. (Москва)</i> ГИС-технологии в изучении «Топографических донесений Филиппа II»	175
<i>Конявская Е.Л. (Москва)</i> Духовные и договорные грамоты XV – начала XVI век. как источник информации о русских княгинях	179
<i>Корзо М.А. (Москва)</i> О способах реконструкции библиотечного ресурса православного книжника XVII века: пример Речи Посполитой и России	184
<i>Королев А.А. (Москва)</i> Статуты архиепископа Гишара как источник сведений о Лионском капитуле в XII веке	188
<i>Кошелева О.Е. (Москва)</i> Записи на рукописях как источник по истории чтения (на примере рукописей «Космографии» Г. Меркатора в русском переводе XVII в.)	191
<i>Кравцова Е.С., Рогова Ю.К., Таможников А.В. (Санкт-Петербург)</i> Проект по воссозданию архива Пинского монастыря францисканцев (конец XV – середина XIX в.) и его электронной публикации. Проблемы и решения	195
<i>Краснова И.А. (Ставрополь)</i> Новые источниковедческие подходы к изучению семейных книг Италии XIII–XVI веков (на примере меморий рода Ринуччини)	200

<i>Кузнецов А.А. (Нижний Новгород)</i> Недостоверные оригинальные сведения в Нижегородском летописце XVII века	204
<i>Курышева М.А. (Москва)</i> Анонимный мастер церемоний — автор трактата «О церемониях византийского двора»	208
<i>Кучкин В.А. (Москва)</i> Участие можайских князей в династической войне 1425–1453 годов (по завещаниям и договорным грамотам московских князей XIV–XV веков)	212
<i>Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. (Москва)</i> Завещание Семена Гордого в свете русской средневековой полиномии	216
<i>Литовских Е.В. (Москва)</i> Работа Хаука Эрлендсона с источниками при создании второй редакции «Книги о занятии земли»	220
<i>Маслова С.А. (Москва)</i> Ярлыки монгольских правителей как исторический источник	224
<i>Мельникова Е.А. (Москва)</i> Три ипостаси княгини Ольги	228
<i>Мехамадиев Е.А. (Санкт-Петербург)</i> Арабоязычные историки IX в. ал-Балазури и ал-Йа'куби и печать Сергия, стратига и патриархия Лазики: к вопросу о военной политике Византии в ее армянских и западно-кавказских владениях в VII веке	232
<i>Митюрёва Д.С. (Тюмень)</i> О некоторых стереотипах относительно политической полемики в Англии середины XVII века	236
<i>Mitsiou E. (Göttingen)</i> Prosopography, GIS and networks of the 13 th century: New tools and methods	240
<i>Мишин Д.Е. (Москва)</i> Доисламская арабская поэзия как исторический источник	244
<i>Mouseev M.B. (Москва, Новосибирск)</i> Миниатюры Лицевого летописного свода как источник по диплома- тическому церемониалу и ритуалам в Московском государстве XVI века	248

<i>Носова Е.И., Вебер Д.И., Пьянкова Л.А., Шепилова Е.М., Баскакова Ю.П. (Санкт-Петербург)</i>	
Исследование печати графа Сигеберта Франкенбургского (1191 г.) методом рентгеноструктурного анализа	252
<i>Оборнева З.Е. (Москва)</i> Греческие документы РГАДА 1613–1645 годов и их переводы	256
<i>Окунева О.В. (Москва)</i> Экспедиция капитана Гонвиля 1503–1505 годов: источникование VS историографическая традиция	259
<i>Паскаль А.Д. (Москва)</i> Особенности кириллических глосс на румынском языке в Арадской кормчей	263
<i>Петрова М.С. (Москва)</i> К вопросу интерпретации источника при реконструкции биографии Претекстата	267
<i>Подосинов А.В. (Москва)</i> Античные истоки средневековой картографии: проблема преемственности	270
<i>Полехов С.В. (Москва)</i> Сведения о Руси в переписке сановников Тевтонского ордена первой половины XV века	274
<i>Попова Е.М. (Новгород Великий)</i> Отписка воеводы как исторический источник: анализ судебного документа начала XVII века в истории шведско-новгородских отношений	278
<i>Портных В.Л. (Новосибирск)</i> Хроника первого крестового похода «Иерусалимская история», написанная Робертом Реймским: с чем связана многочисленность ее списков в XV веке	282
<i>Праздников А.Г. (Киров)</i> Источники для просопографического изучения социальной истории Войн Роз	286
<i>Прокопьев А.Ю. (Санкт-Петербург)</i> Возможность реконструкций? Тридцатилетняя война в зеркале военных донесений	290
<i>Пчелов Е.В. (Москва)</i> Гербы Московии в европейской картографии XVI–XVII веков	293
<i>Рашковский Б.Е. (Москва)</i> Средневековые еврейские источники по истории Восточной Европы: исчерпан ли их информационный потенциал?	298

<i>Рева К.С. (Санкт-Петербург)</i> Шотландские парламентские акты первой половины XVI в.: особенности источника и методы исследования	302
<i>Румянцева М.Ф. (Москва)</i> Компаративное источниковедение как метод сравнительно-исторического исследования в коэкзистенциальном и историческом пространствах культуры	306
<i>Русецкая И.А. (Москва)</i> Сочинения Л.Б. Альберти, Дж.Б. Порты и И. Тритемия как источники для изучения западноевропейской криптографии раннего Нового времени	310
<i>Рябова М.А. (Москва)</i> Типология бухгалтерских документов в Венеции первой половины XV в. (по материалам счетных книг фирмы Соранцо)	314
<i>Савельев О.В. (Москва)</i> Как услышать горожан? Средневековые проповеди и методы исследования	318
<i>Санжаров В.А. (Донецк), Гришин Е.С. (Москва)</i> Королевские итinerарии как исторический источник: на примере постоянных резиденций и маршрутов передвижений Людовика XI (1461–1483)	322
<i>Сафронов А.В. (Москва)</i> Опыт применения ГИС-моделирования в изучении территориально-политической организации древних майя позднего классического периода (VII–IX века)	326
<i>Секачева Д.С. (Москва)</i> Probanza de Votán: конструирование исторической памяти в раннеколониальной Новой Испании	330
<i>Сидоров А.И. (Москва)</i> Малые каролингские анналы и их кодикологическое окружение	333
<i>Срединская Н.Б. (Санкт Петербург)</i> Латинская юридическая терминология в атрибуции нотариальных актов Северной Италии XIII–XIV веков	337
<i>Староскольская Д.С. (Москва)</i> Нarrативные геральдические источники	341

<i>Субботина О.В., Фролова О.Э. (Санкт-Петербург)</i>	
Два редких часослова Гийома Годара из фондов Библиотеки Российской академии наук и Российской национальной библиотеки: к проблеме идентификации и источниковедческого изучения французских богослу- жебных изданий первой половины XVI века	345
<i>Сукина Л.Б. (Москва)</i> Иллюстрации поминальной части русских синодиков XVII века: источниковедческий аспект изучения	349
<i>Танеева-Саломатшаева Л.З. (Москва)</i> Рукопись «Истории Фируз-шаха» как образцовая хроника Делийского султаната	353
<i>Таценко Т.Н. (Санкт-Петербург)</i> Грамоты и письма императоров Священной Римской империи XVI в. в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН. Проблемы изучения	357
<i>Тогоева О.И. (Москва)</i> «Кутюма Ажена» 1271–1279 годов: особенности и загадки иконографической программы	361
<i>Филиппов И.С. (Москва)</i> Новые тенденции в изучении средневековой западноевропейской документации: соотношение количественных и культурно- антропологических подходов (тезисы)	365
<i>Фонкич Б.Л. (Москва)</i> Фрагмент Порфирия Успенского – В. Гардтхаузена: «иерусалимский минускул» второй половины VIII века	369
<i>Фролов А.А. (Москва)</i> Опыт определения близости происхождения писцовых книг средствами кодикологии (на примере новгородских писцовых книг 1550/51 года)	374
<i>Хохрякова (Висканта) С.А. (Москва)</i> Ритуальные пещерные тексты майя как источник по политической истории юго-восточного региона позднего классического периода	379
<i>Худин К.С. (Москва)</i> Медицинские рецепты Аптекарского приказа XVII века как массовый исторический источник	382

Чекин Л.С. (<i>Москва</i>) Святые русские острова, Варяжские столпы и другие когнитивные искажения средневековой арктической топонимии	386
Черных А.П. (<i>Москва</i>) Памятники материальной культуры в источниковедении средневековой геральдики	390
Чеснокова Н.П. (<i>Москва</i>) Газский митрополит Паисий Лигарид в России: заметки к биографии	394
Чиркова А.В. (<i>Санкт-Петербург</i>) Древнейшие регистры дожеских посланий как источник по делопроизводству Венецианской республики XIV века	398
<i>Шадунц Е.К. (Переславль-Залесский)</i> Возможности использования документов XVII–XVIII веков для реконструкции топографии Переславля-Залесского раннего Нового времени	402
Шамина И.Н. (<i>Москва</i>) Переписная книга вологодского Спасо-Нуромского монастыря и его вотчины 1701–1702 годов как исторический источник	407
Шустова Ю.Э. (<i>Москва</i>) Образ школы в эмблематической книге «Ифика иерополитика»	412
Щавелев А.С. (<i>Москва</i>) Невыявленный аспект влияния «Тактики» Льва VI на трактат «Об управлении империей» Константина VII	417
Щеглов А.Д. (<i>Москва</i>) Шведские рукописные книги XV–XVI веков в собраниях Москвы и Санкт-Петербурга	421
Щеголева Л.И. (<i>Москва</i>) Грамота Охридского архиепископа Григория из собрания В.И. Григоровича: новые данные	425
Юсим М.А. (<i>Москва</i>) Исторические источники вчера, сегодня, завтра	429
Яковенко А.Ю. (<i>Москва</i>) Восточно-христианские элементы в ирландской агиографии как источниковедческая проблема (на материале «Путешествия святого Брендана-Мореплавателя»)	434
Якунина В.А. (<i>Новгород Великий</i>) Дело Германа Гаппе: попытка реконструкции средневекового диалога Таллина и Нарвы	438

Тематический указатель	443
Об авторах	453

Д.А. АГЕЕВА

**LITTERAE CLAUSAE 1431–1432 гг.
ДОЖА ВЕНЕЦИИ ФРАНЧЕСКО ФОСКАРИ
К МАРКИЗУ ФЕРРАРЫ НИККОЛО III
Д'ЭСТЕ ИЗ СОБРАНИЯ Н.П. ЛИХАЧЕВА
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
ВЕНЕЦИАНСКОЙ ТЕРРАФЕРМЫ**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
(проект № 19-09-00326)*

В собрании СПбИИ РАН хранится 48 посланий дожей Венецианской Республики (*lettere ducali*) середины XIV — середины XVI вв. Все они происходят из коллекции академика Н.П. Лихачева (1862–1936). Согласно сохранившимся антикварным обложкам, исследуемые документы были приобретены Н.П. Лихачевым у аукционных домов: «Pio Luzzietti» (Рим), «Gabriel Charavay» (Париж), «Gilhofer und Ranschburg» (Вена). Из этой коллекции были выбраны четыре закрытых послания (*litterae clausae* или *lettere chiuse, secrete*) 1431–1432 гг. (СПбИИ РАН. ЗЕС. Карт. 186. № 25, 26, 27, 28), адресованных Никколо III д'Эсте, маркизу Феррары (1393–1441), от лица дожа Франческо Фоскари (1423–1457). В правление этого дожа фокус венецианской политики постепенно меняет направление: на смену морской экспансии приходит интерес к экономическому освоению террафермы. С одной сто-

роны, возрастающий контроль республики на материковых владениях обусловлен необходимостью контролировать торговые пути в долине По, что, в свою очередь, служило укреплению Венеции как адриатического порта (Knaptton 2013: 86). Однако существенную роль играли также причины экологического характера, так как до окончательного завоевания террафермы венецианцы ничего не могли сделать с заиливанием рек, и судьба их города оставалась в руках их ближайших соседей (Crouzet-Pavan 2000: 40).

Послания, о которых пойдет речь, касаются Полезины, пограничной области между Феррарой и Венецией, в которой пересекались юрисдикции маркиза и республики. Сохранность посланий хорошая, лакуны в текстах отсутствуют. Печати не сохранились. Все четыре послания написаны на пергамене. Антикварные обложки отсутствуют.

Послания 1431–1432 гг. относятся к закрытому типу. Отличительными особенностями закрытых посланий являются (1) отсутствие плики (загиб пергамена в нижней части листа, к которому крепилась печать) и (2) особый способ привески печати, при котором края документа прошивал пеньковый шнурок, на который крепилась свинцовая печать. Таким образом, послание нельзя было прочесть, предварительно не разрезав края пергамена, что позволяло использовать послание как пакет для пересылки других документов. С этим связана еще одна (3) характерная черта *litterae clausae*: адрес всегда дублируется *a tergo*. Наконец, в отличие от *ducali aperte*, обычно имеющих коллективного адресата, (4) закрытые послания направляются конкретному лицу. Формуляр закрытых посланий XIII в. с различными вариациями интитуляции, салютации и эсхатокола был подробно описан В. Ладзарини (Lazzarini 1944). Его работа была дополнена последующими публикациями *litterae* XIII–XVI вв. из архивов Мантуи и Фермо, суммарно издано 68 посланий (Avarucci 1974; Idem 1979; Avarucci, Paciaroni 1982; Hagemann 2011; Gardoni 2014). Эти публикации позволяют сравнить *littere ducali* из собрания Н.П. Лихачева как с более ранним, так и с синхронным им материалом.

В послании 4 апреля 1431 г. венецианский дож Франческо Фоскари просит Никколо III д'Эсте прекратить наруше-

ние привилегий, закрепленных за венецианцами — владельцами собственности в Папоцце, которых, по сообщению венецианского представителя в Ферраре, привлекают к восстановлению неких насыпей.

В послании 18 мая 1431 г. венецианский дож Франческо Фоскари сообщает Никколо III д'Эсте, маркизу Феррары, о результатах проверки прав венецианских граждан, живущих в Папоцце, и прикладывает к письму копию привилегий, согласно которой эти венецианские граждане освобождаются от всех налогов, пошлин и повинностей. Так как Папоцце входит в дистретто Феррары, данное постановление насчет привилегий должно быть включено в ряд других договоров, существующих между Феррарой и Венецией.

В послании 12 ноября 1431 г. венецианский дож Франческо Фоскари снова просит Никколо III д'Эсте, маркиза Феррары, прекратить нарушение привилегий венецианцев в Папоцце, особенно выделяя представителей венецианского патрициата Кверини. Дож ссылается на постановление маркиза, копия которого была отправлена ему в предыдущем письме 18 мая 1431 года.

В послании 16 апреля 1432 г. венецианский дож Франческо Фоскари сообщает Никколо III д'Эсте, маркизу Феррары, о соглашении, заключенном между представителями венецианской республики и Джованни а Форфичи (Johannes a Forficibus), посланником маркиза, по поводу того, что крестьяне венецианских граждан в Папоцце не должны привлекаться к работам по восстановлению насыпей. Затем дож сообщает о новых жалобах со стороны венецианцев из Папоцце, с которых на этот раз взяли залог; попытка одностороннего вмешательства со стороны Венеции привела к новым проблемам, в связи с чем дож просит маркиза Феррары вмешаться в это дело и вернуть залоги, сделанные венецианцами.

Выбранные послания позволяют выявить административные практики Венецианской республики в управлении делами террафермы, с характерными для них казуальностью, пересечением полномочий различных магистратов республики (Knapton 1980: 253–254) и вмешательством высших магистратур (таких, как Совет десяти) в решение тех

или иных проблем, часто связанных с защитой собственности венецианцев на материке.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Avarucci G.* Cinque lettere dogali della seconda metà del quattrocento indirizzate a Montesanto (Potenza Picena) // *Studia Picena*. 1974. Vol. 41. P. 12–23.
- Avarucci G.* Lettere dogali del secolo XV nell'archivio storico comunale di Recanati // *Studi Maceratesi*. 1979. Vol. 13. P. 156–175.
- Avarucci G., Paciaroni R.* Lettere dogali in archivi marchigiani // *Studi Maceratesi*. 1982. Vol. 16. P. 121–173.
- Crouzet-Pavan E.* Toward an Ecological Understanding of the Myth of Venice // *Venice Reconsidered: The History and Civilization of an Italian City-State, 1297–1797*. Baltimore; London, 2000. P. 39–66.
- Gardoni G.* Una lettera del doge veneziano Iacopo Tiepolo al Comune di Mantova (1244) // *Honos alit artes. Studi per il settantesimo compleanno di Mario Ascheri*. Firenze, 2014. Vol. II. P. 485–491.
- Hagemann W.* Studi e documenti per la storia del Fermano nell'età degli Svevi (secoli XII–XIII). Fermo, 2011. P. 333–357.
- Knapton M.* Il Consiglio dei dieci nel governo della terraferma: un'ipotesi interpretativa per il secondo '400 // Atti del Convegno "Venezia e la terraferma attraverso le relazioni dei rettori". Milano, 1981. P. 237–260.
- Knapton M.* The Terraferma State // *A Companion to Venetian History, 1400–1797*. Leiden; Boston, 2013. P. 85–124.
- Lazzarini V.* Lettere ducali veneziane del sec. XIII (litterae clausae) // Scritti di paleografia e diplomatica in onore di Vincenzo Federici. Firenze, 1944. P. 237–239.

И.И. АНИКЬЕВ

ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ЛИТУРГИИ РИМСКОГО ОБРЯДА

Литургия, публичное богослужение христианской Церкви, была одной из наиболее важных составляющих средневековой религиозности, если не всей жизни человека в Средневековье (The Liturgy of Medieval Church 2005: 10). Несмотря на важную роль, которую играло богослужение в средние века, оно не так часто служит предметом детального анализа историков (Hannick 1994: 179–185). Известный историк раннесредневекового Рима Дж. Ричардс сравнил специалистов по истории литургии с «адептами мистериального культа» (Richards 2003: 119). Несмотря на то, что изучение различных аспектов средневекового ритуала развивается в последние десятилетия с видной скоростью и с немалыми успехами, этого нельзя с уверенностью сказать об истории литургии. Как представляется, литургию следует выделять из более широкого понятия «ритуал» (Топоров 1988; Вис 2001; Ануфриева 2012) как набор повторяющихся ритуальных практик, имеющих символическое значение, совершаемых в церкви или иных сакральных пространствах. История литургии считается технически сложной областью знания, для овладения которой требуются немалые усилия. Поэтому лишь немногие книги по истории литургии широко известны среди медиевистов (Vogel 1986; Palazzo 1998).

Парадоксальным образом специалисты по исторической литургии обычно не стремятся включить богослужение в более широкий исторический контекст. Большинство лучших книг по истории литургии имеют своей целью лишь ознако-

мить читателя с источниками и основной терминологией литургики (Guy 1990) или дать представление о том, как богослужение поэтапно изменялось с течением времени (The Church at Prayer 1968; Jungmann 1948, Taft 1986). Лишь очень немногие стремятся показать, как литургия была включена в жизнь конкретных обществ (Palazzo 2000; Riché 1973, Guy 1999). Отчасти это объясняется тем, что перед великими исследователями прошлого стояла трудная задача критического издания литургических текстов, без чего любое дальнейшее исследование не представлялось возможным.

Задача инкорпорировать историю литургии в социальную историю особенно актуальна для истории города Рима (Noble 1986). Исследователи в последние десятилетия признали, что римские литургические источники дают важные сведения об обществе, и обратились к изучению социального контекста папской литургии (Noble 2001; Verardi 2016).

Главным источником, позволяющим воссоздать папскую литургию раннего Средневековья, служат *Ordines Romani* — «Римские чины» (*Les Ordines romani* 1965) — сборники рубрик (церемониальных указаний) для совершения месс Римского обряда, относящиеся к VI–XI векам.

Изучения «Римских чинов» в сопоставлении с другими источниками позволяет увидеть важность литургии в жизни Вечного города. Литургия скрепляла социальные связи в Риме в VII–VIII вв. и шире, в культуре Средиземноморья. Эта связь литургии, социальных отношений и власти очевидна в главном акте римской литургии — папской мессе, но также и в других ритуалах и церемониях. Прежде всего следует отметить проникнутость текста лексикой, связанной с воинской службой, как это происходит и с самими молитвами мессы (Ellbracht 1963). К военной лексике относится употребление самого понятия «*ordo*» (чин, порядок, ранг). К этой же тенденции относится стремление упорядочить всех участвующих в папских литургиях и процессиях лиц. Употребляются даже плеонастические конструкции, такие как «*ordinentur per ordinem*» (*Les Ordines Romani* 1948: 443). Также среди названий различных должностей, участвующих в литургических процессиях, встречающихся заимствован-

ные из воинской иерархии, как драконарии (Les Ordines Romani 1948: 108).

Вторая важная тенденция — стремление разбить римское духовенство, играющее основную роль в папских литургиях и процессиях, на дробные группы, включенные в сложную иерархию. Жизнеописания некоторых пап VII–VIII вв. (*Liber Pontificalis* 1886) показывают, что эти группы духовенства были весьма чувствительны к соблюдению собственных литургических привилегий.

Привносится литургическая иерархия и в среду мирян, участие которых в богослужении было в основном пассивным. Так, причастие мирян проходит по-разному в зависимости от их социального статуса. Народ разделен на три группы. Только наиболее знатных, стоящих в специально отведенном для них месте (*in senatorio*) (Les Ordines Romani 1948: 104–105) причащает сам папа.

«Римские чины», с одной стороны, показывают происходящую в обществе Рима в VII–VIII вв. эволюцию: смешение воинской и светской аристократии, ключевую роль духовенства, его иерархизацию. С другой стороны, эти тексты отражают желание сформировать более многоступенчатое общество, конкурирующее из-за своих ритуальных привилегий, которым папы (всегда находившиеся в центре литургического действия) могли бы легче управлять.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ануфриева А.С. Разбор книги Филиппа Бюка «Опасности Ритуала» [Электронный ресурс] // Высшая школа экономики. Научно-учебная лаборатория медиевистических исследований. Электронный ресурс [режим доступа: <https://medieval.hse.ru/Anufressai>, дата обращения: 29.02.2020].
- Топоров В.Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988. С. 7–44.
- Buc Ph. The Dangers of Ritual. Between Early Medieval Texts and Social Scientific Theory. Oxford, 2001.
- Ellebracht M.P. Remarks on the Vocabulary of the Ancient Orations in the Missale Romanum. Nijmegen, 1963.

- Gy P.M.* La liturgie dans l'histoire. Paris, 1990.
- Gyug R.F.* Du rite bénéventain à l'usage de Bénévent // La cathédrale de Bénévent / Ed. T.F. Kelly. Ghent, 1999. P. 67–97.
- Hannick C.* Liturgie und Geschichtsschreibung // Historiographie im frühen Mittelalter / Hrsg. von A. Scharer, G. Scheilbelreiter. Wien, 1994.
- Jungmann A.J.* Missarum Sollemnia. Eine genetische Erklärung der römischen Messe. 2 Bd. Wien, 1948.
- Liber Pontificalis* / Ed. L. Duchesne. Paris, 1886. Vol. I.
- Noble T.F.X.* The Republic of St. Peter: the Birth of the Papal State, 680–825. Philadelphia, 1986.
- Noble T.F.X.* Topography, Celebration and Power: The Making of a Papal Rome in the Eighth and Ninth Centuries // Topographies of Power in the Early Middle Ages / Ed. M. De Jong, F. Theuws. Leiden; Boston. 2001. P. 45–92.
- Les Ordines Romani du haut Moyen Âge / Ed. M. Andrieu. Louvain. 1948. Vol. 2.
- Palazzo E.* A History of the Liturgical Books from the Beginning to the Thirteenth Century. Collegeville, 1998.
- Palazzo E.* Liturgie et société au Moyen Âge. Paris, 2000.
- Richards J.* Consul of God. The Life and Times of Gregory the Great. London; Boston, 1980.
- Riché P.* La vie quotidienne dans l'Empire carolingien. Paris, 1973.
- Romano J.F.* Liturgy and Society in Early Medieval Rome. London; New York, 2015.
- Taft R.* The Liturgy of the Hours in East and West. Collegeville, 1986.
- The Church at Prayer. Introduction to the Liturgy / Ed. A.G. Martimort. Shannon, 1968.
- The Liturgy of the Medieval Church / Ed. T.J. Heffernan, E.A. Matter. Kalamazoo, 2005.
- Verardi A.A.* La memoria legittimante: il Liber Pontificalis e la Chiesa di Roma del secolo VI. Roma, 2016.
- Vogel C.* Medieval Liturgy: An Introduction to the Sources. Washington DC, 1986.

A.A. АНИСИМОВА

ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО МАЛОГО ГОРОДА В СРЕДНИЕ ВЕКА

НА ПРИМЕРЕ АРХИВОВ ФАВЕРШЕМА И ФОРДВИЧА

История малых городов, организация их управления не всегда поддаются изучению из-за скудости источниковской базы, поэтому на них нередко проецируются данные, полученные при изучении больших городов. Тем не менее, хорошая сохранность архивов отдельных малых городов позволяет судить о возможностях их жителей и об уровне организации делопроизводства. Изучение состава документов, сохранившихся для двух городов, находящихся в схожих условиях, обеспечивает возможность сделать определенные выводы в этом отношении, тем более, если они могут быть поставлены в перспективу общего развития городского и манориального управления и делопроизводства.

Для изучения были выбраны два города — Фавершем и Фордвич, — расположенные в графстве Кент. В их истории есть значительное сходство, так как оба города находились под властью монастырского сеньора, одновременно также будучи членами Конфедерации Пяти Портов. Начиная с XIII в. в обоих городах, несмотря на сопротивление монастырей, складываются городские общины, которые отстаивают свое право на управление городом и самостоятельность. При этом можно констатировать, что их успехи в этом отношении были различны: хотя в обоих случаях можно говорить о появлении хорошо очерченной городской общности, которая в большей или меньшей степени была признана городским сеньором и королевской властью, тем не менее в случае Фавершема, как показала дальнейшая история, данная об-

щина смогла закрепить свои позиции и добиться окончательного признания в результате инкорпорации (вторая половина XVI века, то есть после смены сеньора в результате Реформации).

Формирование городской общины, как правило, рассматривается в контексте противостояния или взаимодействия горожан со своим сеньором, тех соглашений и договоров, которые они заключают или пытаются добиться между собой, а также политики королевской власти в этом вопросе. Неопределенное положение городских общин, статус которых не всегда был четко formalизован, затрудняет их изучение.

Однако представляется перспективным обратить внимание на общий комплекс городского архива и то, что его состав может сообщить об уровне развития городской общины и ее деятельности. Разумеется, определенные поправки должны быть сделаны относительно степени сохранности документов, но в случае значительного объема сохранившегося городского архива такой подход представляется оправданным.

Архив города Фордвича хранится в Архиве Кентерберийского собора (Canterbury Cathedral Archives, фонд U4 — Fordwich Borough), который подразделяется на 41 категорию, из которых 17 полностью или частично относятся к монастырскому периоду истории города (U4/1-6a, 8, 9, 10a, 12–15, 17, 18, 25). Самые ранние документы относятся к XIII в., а основная масса датируется XIV–XVI вв. Небольшое количество документов из архива Фордвича было опубликовано (Woodruff 1895).

Архив Фавершема хранится в Архиве графства Кент в городе Мейдстон (Kent History and Library Centre, фонд Fa — Faversham Borough Records), который подразделяется на 80 категорий, из которых 21 полностью или частично относятся к монастырскому периоду истории города (Fa/AC, AI, AZ, CPi, CPrt, FA, FV, I, JB, JC, JZ, LB, LC, Q, RA, RS, RT, TC, TQ, ZB, Z). Самый ранний документ датируется 1252 г. Значительный корпус документов из данного архива, вместе с источниками из других мест, был опубликован (The Early Town Books; пе-

ревод городской книги на русский язык: Первая городская книга Фавершема).

Несомненно, что в обоих случаях информация, полученная на основе городских архивов, может быть дополнена или уточнена благодаря монастырским и так называемым центральным источникам. Кроме того, сеньориальный характер городов, а значит, и их подчиненное положение по отношению к (в данном случае) монастырской администрации, также сыграли свою роль в развитии делопроизводства. Примеры сеньориальной, а также королевской канцелярии были образцами, на которые горожане могли равняться.

БИБЛИОГРАФИЯ

Первая городская книга Фавершема / Пер. А.А. Анисимовой // «Ради блага города»: Городские правовые сборники / Сост. Г.А. Попова, А.А. Анисимова. М., 2014. С. 119–234.

The Early Town Books of Faversham c. 1251 to 1581 / Ed. by D. Harrington, P. Hyde. Chippenham, 2008. 2 Parts.

Woodruff C.E. A History of the Town and Port of Fordwich. Canterbury, 1895.

И.Ю. Анкудинов

КОРПУС НОВГОРОДСКИХ И ПСКОВСКИХ АКТОВ XII–XV ВЕКОВ СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ВОПРОСЫ ПУБЛИКАЦИИ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РFFI
(проект № 20-09-00265)*

В издании «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», вышедшем в 1949 г. под редакцией С.Н. Валка, было опубликовано 330 новгородских и 18 псковских грамот. Из числа изданных новгородских грамот 7 относятся к периоду после 1478 г., а 5 являются фальсификатами. То есть, фактически в издании имеется 318 текстов новгородских грамот.

После 1949 г. было выявлено еще несколько десятков текстов. Сведения о корпусе новгородских актов были обобщены В.Л. Яниным в вышедшей в 1991 г. книге «Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий». Всего им учтен 371 текст новгородских грамот (в состав корпуса новгородских грамот В.Л. Янин включал также Устав о мостех и Уставную грамоту Святослава Ольговича; без их учета будет 369 текстов) и 6 фальсификаторов.

В 1980-е гг. в ЛОИИ велась работа по подготовке нового сводного издания новгородских и псковских актов, которая, к сожалению, так и не привела к появлению такой публикации. В настоящее время ведется работа по подготовке такого издания.

После 1991 г. корпус новгородских актов пополнился лишь незначительно. В 2003 г. мне посчастливилось обнаружить тексты двух новых купчих XV в. Фотокопию еще одной грамоты XV в. обнаружил в Таллинском городском архи-

ве С.В. Полехов. Также предложено включить в состав нового издания еще одну новгородско-немецкую грамоту, ранее не переводившуюся на русский язык. Кроме того, А.Г. Бобровым были выявлены и опубликованы в 1 выпуске «Описания Погодинского собрания» два текста грамот XV в., записанные в качестве проб пера на рукописной книге.

В издание предполагается включить еще один фальсификат, а два текста, помещавшиеся В.Л. Яниным среди подлинных, переместить в раздел фальсифицированных грамот.

Итого общее число новгородских грамот сейчас составляет 372 текста и 9 фальсификатов.

Общее количество псковских актов сейчас возросло с 18 до 55, но следует иметь ввиду, что возможно значительное пополнение их числа. Несколько лет назад А.Б. Постниковым была обнаружена копийная тетрадь пергаменных актов Спасо-Елеазарова монастыря, содержащая тексты 21 акта, из которых ранее публиковались лишь три. К сожалению, эти документы в настоящее время недоступны для исследования.

Кроме реально сохранившихся текстов актов имеется еще и некоторое количество упоминаний о несохранившихся документах. Имеются в виду лишь такие упоминания, которые содержат информацию об их содержании. В настоящее время учтено 8 упоминаний по Новгороду и 2 по Пскову.

Новгородские и псковские грамоты ныне хранятся в 22 архивах девяти государств. 14 грамот сейчас известны только по публикациям. Все включаемые в издание грамоты были просмотрены *de visu*. Кроме того, грамоты, хранящиеся в российских архивах, просматривались также с помощью ультрафиолетовой лампы. В результате удалось уточнить чтение более 100 грамот, по сравнению с предшествующими публикациями. В большинстве случаев поправки касались лишь отдельных букв, но для нескольких грамот они внесли существенные корректизы в их содержание.

Характерной чертой корпуса новгородских грамот является значительное количество подлинников. Из общего количества грамот сохранились подлинники 176-ти, еще 11 известны в виде научных копий или публикаций. То есть, количество сохранившихся подлинников приближается к 50% от общего числа.

Среди псковских грамот ситуация более плачевна: лишь 3 грамоты сохранились в подлиннике и одна известна в виде научной копии (прориси).

Остальные грамоты известны в виде списков XVI–XVIII вв. Следует отметить, что благодаря разысканиям в архивах в последние десятилетия увеличилось количество известных списков актов. Иногда новонайденные списки оказываются более исправными, чем те, по которым грамоты издавались в предшествующих публикациях. Всего таких случаев около двух десятков. Кроме того, в последние годы разными исследователями были обнаружены подлинники трех актов, ранее известных лишь по спискам.

Грамоты, включаемые в издание, написаны на четырех языках. Кроме русского, 28 текстов на средненижненемецком, 3 на латинском и 5 на шведском.

Распределение сохранившихся грамот по разным регионам очень неравномерно.

Хронология новгородских актов в настоящее время опирается на фундаментальное исследование В.Л. Янина. Однако датировки некоторых актов, предложенные им, не выдержали проверки или потребовали уточнений.

Структура новой публикации новгородских и псковских грамот основывается на структуре, разработанной в 1980-е гг. и предложенной в книге В.Л. Янина, но дополняется еще несколькими разделами. Она включает по Новгороду два тематических раздела, посвященных отношениям Новгорода с Западом и с князьями, и разделы по территориальной принадлежности актов — акты центральных районов Новгородской земли, Заонежья, Ваги и Двины; в отдельный раздел выносятся фальсифицированные акты. По Пскову грамоты разделяются на два раздела: акты отношений с Западом и частные акты. Кроме этого, добавляются разделы, содержащие упоминания о несохранившихся актах, а также тексты актов, написанных после 1478 г. но по формуляру периода независимости, и тексты берестяных грамот, написанных по актовому формуляру. В отдельный раздел приходится вынести одну грамоту неопределенной территориальной принадлежности.

Правила передачи текстов соответствуют правилам, применявшимся для «Актов социально-экономической истории Северо-Восточной Руси» и «Актов Русского государства».

Издание предполагается сопроводить комментариями и развернутым справочным аппаратом.

O.B. АУРОВ

РУКОПИСНЫЕ И ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ БИБЛИОТЕК КАСТИЛИИ И ЛЕОНА XIII–XV ВЕКОВ

Доклад посвящен источникам по истории средневековых библиотек Кастилии и Леона как важной части истории средневековой культуры этой части Пиренейского полуострова, в целом, применительно к эпохе ее наивысшего расцвета. Его предпосылки были созданы активизацией связей между Римом и испанской Церковью в период pontifikата Иннокентия III (1198–1216), связанных с деятельностью примаса Испании Родриго Хименеса де Рада (1209–1247), когда были упрочены культурные связи королевства с Пропрансом и Северной Италией. Несмотря на внутренние кризисы, эти связи сохранились и в годы Авиньонского пленения (деятельность Хиля (лат. *Egidius*) Альвареса де Альборноса (1302–1367)), а также впоследствии, в период Великой схизмы и конциляризма. Следует принять во внимание также и предпосылки политического характера, связанные с соперничеством пиренейских стран, объединением Кастилии и Леона в единое королевство в правление Фернандо III Святого (1217–1230), ходом Реконкисты в период до ее завершения при Католических королях включительно, европейской политикой Кастилии и Леона, влиянием тесных отношений с Арагонской Короной, которая в XIII–XV вв. в результате средиземноморской экспансии превратилась в испано-итальянскую политию, в отдельные моменты весьма влиятельную также на Балканах.

В то же время, в истории европейской культуры XIII–XV вв. стали временем подъема, обусловленного духовными

и культурными новациями сначала «долгого XII века» (неотъемлемой частью которого стал, среди прочего, и «ренессанс XIII века» Альфонсо X Мудрого (1252–1284)), а затем — итальянского гуманизма и Раннего Возрождения, вопрос о степени влияния которых на культуру пиренейских стран остается объектом дискуссий (Nieto Soria 2002: 331–350). Именно поэтому активизация связей Кастилии и Леона с основными культурными центрами латинской Европы в указанный период представляется весьма симптоматичной. При этом, одним из основных проявлений отмеченной тенденции стали «миграции» книг, приобретавшихся или копировавшихся в этих центрах, так и интеллектуалов, эти книги покупавших, привозивших, даривших, завещавших и т.д. Излишне также доказывать тот факт, что эволюция состава библиотек отражает общий вектор культурного развития сообщества, эту библиотеку собирающего, что, в свою очередь, позволяет понять взаимоотношения между культурными центрами в самом королевстве, которые могли складываться по-разному.

Основное внимание в докладе уделено истории библиотеки капитула Толедского собора, крупнейшей и наиболее богатой из церковных собраний Кастилии и Леона описанного периода; ее источники изучены Х.М. Мильясом-Вальикросой; впрочем, его интересовали, главным образом, рукописи сочинений восточных авторов, прежде всего — арабские и переведенные с арабского на латынь (Millás Vallicrosa 1942). Первая доступная опись собрания (сохранившаяся в Национальном историческом архиве в картулиарии начала XIV в.) касается только книг, хранившихся в ризнице собора, а потому охватывает лишь часть библиотеки. Полный же инвентарь собрания был составлен в 1455 г. при архиепископе Альфонсо Каррильо де Акунья (1446–1482), видном церковном и государственном деятеле, учившемся в Италии и хорошо знакомом с культурой Возрождения; он сохранилсярукописях MSS/13596 и MSS/13471 (Отдел рукописей Национальной библиотеки). Более ранний период истории собрания (подробно изученный Р. Гонсалвесом Руисом (González Ruiz 1997)) известен по завещаниям ряда архиепископов, оригиналы которых и сегодня находятся в со-

борной библиотеке в Толедо, а копии, сделанные в XVIII в. эрудитом о. Андресом Маркосом Бурриэлем-и-Лопесом, S.J. (1719–1762), хранятся ныне в Национальной библиотеке (MSS/13022, MSS/13023). Наконец, для понимания динамики процессов были изучены и рукописные инвентари XVI–XVII вв., составленные в Толедо, но отложившиеся в том же собрании (MSS/13630, MSS/13830).

Для выяснения степени уникальности состава библиотеки капитула Толедского собора в докладе использованы сохранившиеся (главным образом, опубликованные) инвентари XV–XVI вв., отражающие состояние собраний крупных церковных учреждений — соборов в Бурго-де-Осма и Паленсии (Rojo Orcajo 1929; Francia Lorenzo 1989). С той же целью привлекались отдельные данные, содержащиеся в современных каталогах ряда собраний средневековых кодексов (Beer, Díaz Jiménez 1888; García Villada 1919; Pérez Llamazares 1923 и др.).

Выводы доклада связаны с особенностями инвентарей церковных библиотек как исторического источника, практическими методами их исследования, а также степенью отражения составом библиотек главных трендов развития испанской культуры указанного периода.

БИБЛИОГРАФИЯ

Национальная библиотека (г. Мадрид)

Documentos de la Iglesia y prelados de Toledo. Signatura: MSS/13022 [s. XVIII].

Documentos de la Iglesia y prelados de Toledo. Signatura: MSS/13023 [s. XVIII].

Inventarium librorum libraria alme ecclesie Toletane repertorium.
Signatura: BNE MSS/13471 (olim BCT, Cajón 41, núm. 44)
[a. 1455].

Inventarium librorum libraria alme ecclesie Toletane repertorium.
Signatura: BNE MSS/13596 (olim BCT, Cajón 41, núm. 43)
[a. 1455].

Inventarios de los libros de la biblioteca de la Santa Iglesia de Toledo.
Signatura: MSS/13630 [s. XVII].

- Национальный исторический архив (г. Мадрид)
“Liber privilegiorum Ecclesie Toletane” [I]. Signatura: CODICES, L.987
[s. XIV].
- Beer R, Díaz Jiménez J.* Catálogos de los códices de la Santa Iglesia Catedral de León. León, 1888.
- Francia Lorenzo S.* Archivo Capitular de Palencia. Catálogo. Part. 1–2: Armarios VIII–XIV del Archivo Histórico. Palencia, 1989.
- García Villada Z.* Catálogo de los Códices y documentos de la Catedral de León. Madrid, 1919.
- Gonzálvez Ruiz R.* Hombres y libros de Toledo (1086–1300). Madrid, 1997.
- Millás Vallicrosa J.M.* Las traducciones orientales en los manuscritos de la Biblioteca Catedral de Toledo. Madrid, 1942.
- Nieto Soria J.M.* La época medieval: Iglesia y cultura. Madrid, 2002.
- Pérez Llamazares J.* Catálogo de los códices y documentos de la Real Colegiata de San Isidoro de León. León, 1923.
- Rojo Orcajo T.* Catálogo descriptivo de los códices que se conservan en la Santa Iglesia Catedral de Burgo de Osma // Boletín de la Real Academia de la Historia. 1929. T. 94–95. P. 655–792, 152–314.

Д.В. Байдуж

ПЕЧАТИ ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

«Цифровой поворот» в современной гуманитаристике позволяет по-новому ставить и решать различные научные задачи, существенно повысить информационную отдачу многих видов исторических источников, использование которых опирается на давнюю традицию. Перспективным «полигоном» апробации этих методов является, в частности, сфрагистика. Печати — массовый и многогранный медиум изучения различных аспектов средневековой европейской культуры, универсальный идентификатор в мире премодерна, образ-объект (Pastoureau 1996: 275), дающий нередко уникальные сведения о своих диспонентах и коммуникативных практиках. Правовая и аутентификационная функции использования печатей были равно значимы в средневековой культуре, с XII в. владелец (*ego*) отождествлялся со своим изображением, *imago*, а печать следует рассматривать как информационную систему, содержащую разностороннюю информацию о гендерной, конфессиональной, социальной и других идентичностях владельца (Bedos-Rezak 2011).

Существенный разброс этих объектов, хранящихся в десятках европейских архивов, чрезвычайно затрудняет доступ к ним для изучения в качестве целостного социокультурного феномена. Еще большую значимость имеет приобретшая уже неотложный характер необходимость оцифровки, как важного способа сохранения памятников сфрагистики, разрушающихся нередко катастрофическими темпами. Для успешной реализации этих задач первостепенное значение имеют достижения компьютерного источниковедения, а од-

ним из эффективных инструментов является цифровая каталогизация.

Развитые высокоеффективные структуры власти Тевтонского ордена, охватывавшие в XIII–XV вв. почти весь латино-христианский мир, обилие сохранившихся памятников и разнообразие их визуальных рядов, не имеющее исторических аналогов среди средневековых корпораций (Arnold 2015: 68), делают его весьма перспективным объектом исследования. Учет всего богатства этих данных позволит пролить новый свет на взаимодействие внешних и внутренних компонентов формирования корпоративных идентичностей, культуры святых, эмблематику и геральдику, трансформации самовосприятия и др. Значимость их сведений отнюдь не исчерпывается собственно Орденом, но имеет большое значение для истории европейских и средиземноморских регионов, нобилитета, искусства, коммуникации, права. К сожалению, издание этих источников на уровне требований современной археографии занимает небольшое место в общей картине изучения истории и культуры Тевтонского ордена. Опыт создания корпуса орденских печатей, «*Corpus Sigillorum Ordinis Sanctae Mariae Theutonicorum*», будет важным прецедентом, возможным образцом для развития дальнейших исследований такого рода.

Задача подготовки общего каталога ранее не ставилась, хотя регионалистски структурируемые собрания печатей корпорации активно издавались в середине — второй половине XIX в. (в виде графических прорисовок разной степени схематичности и фотолитографических копий), а с начала 1990-х гг. публиковались фотографически. В первом случае речь идет о владениях Ордена в Пруссии и Ливонии, во втором — об администрации в Священной Римской империи и Нидерландах. Научная значимость этих коллекций относительно невелика, как вследствие ограниченных технических возможностей воспроизведения визуальных источников в прошлом, так и лаконичности описаний физических параметров и исторических контекстов объектов. Тем не менее, публикации XIX в. приводят ряд памятников, современное местонахождение которых неизвестно, либо тех, чье состояние изменилось в негативную сторону. Существуют также

два карточных каталога орденских печатей: собрания Тайного государственного архива прусского культурного наследия (GStAPK), и частной коллекции Х.-Г. Бёма, хранящейся сейчас в Центре изучения Немецкого ордена Вюрцбургского университета имени Юлиуса и Максимилиана, большая часть которой публиковалась (Böhm 2002).

Критерием отбора объектов каталогизации является установление факта использования печати членом Ордена для маркирования исходящих от имени корпорации документов (грамоты, письма и др.). В каталог включаются персональные гербовые и иные печати братьев Ордена, начавшие массово появляться со второй половины XV в. Хронологически корпус может включать печати за весь период существования Тевтонского ордена, включая современность.

Основополагающей установкой корпуса является максимально подробное воспроизведение принципиально важных параметров оригинала и описание исторических контекстов его существования. Таким образом, учитываются перспективы и сигиллографического, и общеисторического исследования. Отправной точкой каталогизации является каждая матрица печати, реконструируемая по оттискам, а также сохранившиеся экземпляры, в основном, от Нового времени. Ввиду нередко значительного числа сохранившихся оттисков, изготовленных одной матрицей, фиксируются только значимые индивидуальные особенности аверса и реверса, а также хронология. В случае низкой различимости элементов необходимо приводить также существующие прорисовки печати. Описываемыми элементами матрицы выступают иконография и легенда, оттиска — его форма и материал, а также характер связи с документом, место печати среди аналогичных и иных средств его аутентификации. Необходимо учитывать и упоминания в документах несохранившихся печатей для каждой должности. В частности, сопоставление общего числа известных на 1300 г. административных единиц и должностей с числом сохранившихся печатей дает картину примерно 3/1.

Описание каждого объекта производится по стандарту на основе формы описания печатей, разработанной Комитетом по сигиллографии Международного совета архивов (Vo-

cabulaire 1990; Vocabularium 2016). При этом широко используется система сокращений (Vahl 1996). Важным аспектом является и технический язык описания, унификация которого представляет отдельную проблему. На данный момент в русскоязычных сигиллографических исследованиях наблюдается вариативность обозначения идентичных элементов, а также множество терминологических лакун.

Классификация объектов исходит из конкретных задач, в данном случае — публикации и изучения. Различные типы печатей имели разную юридическую значимость. Каждая печать представляет собой структуру, созданную по определенным правилам. Мы ориентируемся на типологию средневековых печатей Т. Дидериха, положившим в ее основу «смысловой» подход. Он основан на корреляции социальной роли владельца и избранной стратегии визуализации (Diederich 1983). В орденской сфрагистике можно выделить следующие типы: с изображением замка, повествовательный (*historia*), с геммой, с домовым знаком, святым (*imago*), величия, «гласный», символический, гербовый.

В структуре каталога на бумажном носителе предполагается общий вводный раздел, где освещаются различные исторические аспекты орденской сфрагистики, ни один из которых не изучен. Это изготовление матриц, где речь идет о ремесле ювелиров и резчиков более низкой квалификации. Во-вторых, это правовые нюансы использования печатей в Ордене, как они регулировались корпоративными Статутами (теория), и практически фиксировались в конкретных исторических документах. В-третьих — место печатей в истории орденской канцелярии и дипломатики.

Структура корпуса выстроена в соответствии с распространенным в литературе и исторически обоснованным динамичным административно-территориальным устройством Ордена, и совмещает иерархический подход с территориальным, представлявшим определенное культурное единство. Это разделение имеет условный характер и определяется оптимальностью работы. Части посвящены центральной администрации Ордена; владениям в Средиземноморье, Священной Римской империи, Нидерландах; Прибалтике.

Корпус должен сопровождаться разнообразным справочным материалом. Это краткий справочник по должностям и административно-территориальным единицам орденских владений, который в дальнейшем может стать самостоятельным, эмблематический тезаурус и др.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Arnold U. Siegel als Bild der Geschichte — Siegel des Deutschen Ordens // Editionswissenschaftliches Kolloquium 2015. Die Geschichte im Bild / Hrsg. H. Flachenecker, K. Kopínski, J. Tandecki. Torún, 2016. S. 67–84.*
- Bedos-Rezak B.M. When Ego was Imago: Signs of Identity in the Middle Ages. Visualizing the Middle Ages. Leiden, 2011.*
- Diederich T. Prolegomena zu einer neuen Siegel-Typologie // Archiv für Diplomatik, Schriftgeschichte, Siegel- und Wappenkunde. Münster; Köln, 1983. Bd. 29. S. 242–284.*
- Kahsnitz R. Siegel als Zeugnisse der Frömmigkeitsgeschichte // 800 Jahre Deutscher Orden: Ausstellung des Germanischen Nationalmuseums Nürnberg in Zusammenarbeit mit der Internationalen Historischen Kommission zur Erforschung des deutschen Ordens / Hrsg. v. G. Bott, U. Arnold. Gütersloh; München, 1990. S. 368–405.*
- Pastoureau M. Les sceaux et la fonction sociale des images // L'image. Fonctions et usages des images dans l'Occident médiéval / Ed. J. Baschet, J.-C. Schmitt. P., 1996. P. 275–304.*
- Siegel des Deutschen Ordens von Akkon bis Mergentheim / Hrsg. v. H.-G. Böhm. Bad Mergentheim, 2002.*
- Vahl W. Beschreibung und Auswertung mittelalterlicher Siegel // Archiv für Diplomatik. 1996. Bd. 42. S. 489–524.*
- Vocabulaire international de la sigillographie / Ed. Conseil international des Archives, Comité de Sigillographie. Roma, 1990.*
- Vocabularium Internationale Sigillographicum / Eds. K. Müller, L. Vrtel. Bratislava, 2016.*

Н.В. БЕЛОВ

ВОЕННО-СЛУЖИЛАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КНЯЗЕЙ ЩЕНЯТЕВЫХ В НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ЧАСТНЫХ РАЗРЯДНЫХ КНИГАХ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Изучение военно-служилой деятельности представителей русской знати конца XV — начала XVII вв. — одно из динамично развивающихся направлений современной русистики-медиевистики. Источниковую базу подобных исследований традиционно составляют летописи, посольские книги, родословцы, актовый материал, сочинения иностранцев и др. В роли основного источника выступают документы разрядного происхождения, прежде всего — разрядные книги (далее — РК).

Работами В.И. Буганова, К.В. Петрова и, в особенности, Ю.В. Анхимюка была наглядно продемонстрирована правомерность разделения комплекса РК на две различные по происхождению группы: официальные и частные. Официальные РК представлены Государевым разрядом 1556 г., неоднократно пополнявшимся новыми записями в конце каждого царствования. Частные РК генетически связаны с текстом Государева разряда, переработанного и дополненного по другим источникам (летописям, частным местническим архивам и др.). Помимо так называемой «Пространной» РК 1475–1605 гг., Ю.В. Анхимюком выделены порядка двух десятков других РК и разрядных компиляций, в ряде случаев

подразделенных на несколько редакций (Анхимюк 2005). Основной массив частных РК остается неопубликованным.

Несмотря на то, что Ю.В. Анхимюком была продемонстрирована чрезвычайно высокая информационная ценность неопубликованных частных РК, они не привлекались исследователями в последние десятилетия как дополнительный источник для реконструкции «послужных списков» русских воевод конца XV–XVI вв.

В рамках изучения военно-служилой деятельности рода князей Щеняевых нами предпринимается попытка комплексного анализа содержащихся в частных РК сведений о боевых назначениях и местнических конфликтах членов этой княжеской фамилии. Опираясь на классификацию Ю.В. Анхимюка, мы выделили группу в 34 списка 16-ти частных РК и их редакций. К настоящему времени нами обработаны данные 13 списков восьми РК.

В силу происхождения частные РК зачастую содержат уникальные, не встречающиеся в официальной разрядной документации сведения о служебных «карьерах» представителей русской знати и их местнических «счетах», а также дополнения фактического характера, почерпнутые из архивов служилых людей, записей очевидцев и летописных памятников (Анхимюк 2005: 73–150). Значительное число подобных сведений частных РК было выявлено и введено в научный оборот Ю.В. Анхимюком. Однако известия, касающиеся военно-служилой деятельности князей Щеняевых, оказались вне поля зрения исследователя.

Присутствующие в частных РК уникальные записи о службе князей Щеняевых можно разделить на три группы.

К первой относятся известия о местнических конфликтах Щеняевых с представителями других родов русской знати. Так, привлечение восходящей к местническому архиву князей Оболенских записи Колюбакинского списка РК 1478–1603 гг. об отказе князя К.И. Курлятева быть «в сходе» с князем П.М. Щеняевым при отражении ногайского набега 1550 г. (РГБ. Ф. 178. № 4464. Л. 173) в значительной степени разрешает давний историографический спор о причинах и ходе местнического «дела» князей П.М. Щенятева, К.И. Курлятева и М.И. Воротынского декабря 1544 г.,

отраженного в одной из приписок Царственной книги, а также позволяет уточнить местнический статус Щеняцевых в 40-х — начале 50-х гг. XVI в. (данный сюжет подробно рассмотрен нами в статье, подготовленной для журнала «Древняя Русь. Вопросы медиевистики»). Содержащая первонаучальный разряд «береговых воевод» осени 1565 г. запись РК Вындомского (РГБ. Ф. 205. № 183. Л. 140–140 об.) проясняет обстоятельства еще одного «дела о mestех», произошедшего между князьями И.А. Шуйским, П.М. Щеняцевым и И.И. Пронским накануне Болховского похода русских войск (Белов 2020).

Вторая группа представлена записями, так или иначе фиксирующими служебные назначения князей Щеняцевых. В Библиотечном VIII списке РК 1487–1577 гг. находится не имеющий аналогов в других источниках черновой разряд Свияжского похода весны 1551 г. (РНБ. Q.IV.85. Л. 168 об.). Он содержит сообщение о неизвестном ранее боевом назначении князей П.М. Щенятева и А.М. Курбского (Белов 2019). Встречаются и обратные случаи, связанные с выявлением прежде не отмеченных в исследовательской литературе фальшивых или дефектных разрядных записей. Так, в ряде частных РК князь М.Д. Щеняцев впервые упоминается под 1492 г. как первый воевода полка Правой руки в походе на Вязьму (СПБИИ РАН. Колл. 115. № 93. Л. 20 об.–21; РГБ. Ф. 178. № 4464. Л. 13 об.; РНБ. F.IV.174. Л. 67; РНБ. Q.IV.86. Л. 160; ср.: Разрядная книга 1977: 37). В действительности, эта запись является дублетом позднейшей воеводской росписи, относящейся к марта 1513 г. (Разрядная книга 1977: 129–130).

Третью группу составляют известия, дополняющие или уточняющие те или иные данные о ходе конкретных военных кампаний, в которых принимали участие князья Щенятевы. Запись Собакинской РК конкретизирует сообщение Государева разряда о раздельных действиях удельных князей В.И. Шемячика и В.С. Стародубского и пятиполковой армии князя В.М. Щенятева при отражении крымского набега мая 1512 г. (РГАДА. Ф. 181. Оп. 2. Д. 110. Л. 27–28 об.; ср.: Разрядная книга 1966: 45). Рассказ РК 1478–1603 гг. о Выборгском походе князя П.М. Щенятева зимы 1555/56 гг. предоставляет более точные сведения о районе действий русских

«летучих отрядов» — «60 верст в Лавретцкой погост», чем свидетельство официального летописца — «за Выбор верст со 100» (РНБ. Q.IV.89. Л. 174; РГБ. Ф. 178. № 4464. Л. 194; ср.: ПСРЛ 1904: 264). В особом Колюбакинском списке этой же РК содержится информация о точном местоположении полка князя М.Д. Щенятева во время стояния пятиполковой рати на «Берегу» в мае 1522 г. — «на Девичьем перевозе» (РГБ. Ф. 178. № 4464. Л. 92).

Таким образом, привлечение неопубликованных частных РК к исследованию как военно-служилой деятельности отдельных родов русской знати, так и военных кампаний конца XV — начала XVII вв. представляется весьма перспективным. Комплексный анализ основного массива частных РК позволит существенно расширить наше представление о служилой деятельности князей Щеняевых и их положении в структуре Государева двора и воеводского корпуса Московского государства XVI века.

БИБЛИОГРАФИЯ

РГАДА. Ф. 181. Оп. 2. Д. 110.

РГБ. Ф. 178. № 4464.

РГБ. Ф. 205. № 183.

РНБ. Ф.IV.174.

РНБ. Q.IV.85.

РНБ. Q.IV.89.

СПБИИ РАН. Колл. 115. № 93.

Анхимюк Ю.В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV — начало XVII веков. М., 2005.

Белов Н.В. Неизвестное боевое назначение князей Петра Щенятева и Андрея Курбского // Русь, Россия: Средневековые и Новое времена. М., 2019. Вып. 6. С. 104–107.

Белов Н.В. О причинах местнического конфликта князя И.А. Шуйского с князьями П.М. Щенятым и И.И. Пронским накануне Болховского похода 1565 года // Сб. памяти Т.А. Лаптевой. М., 2020 (в печати).

Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966.

Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. 1. Ч. 1.

М.Р. БЕЛОУСОВ

**«СКАЗКИ» СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ
И БОЯРСКИЙ «ПОДЛИННЫЙ» СПИСОК
СЕНТЯБРЯ 7172 ГОДА
В ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕ РАЗРЯДНОГО
ПРИКАЗА**

Целью составления боярских списков являлся учет пригодности служилых людей, входивших в состав Государева двора, к службе, а также их местонахождения и служебной деятельности. Поэтому боярские списки должны были оперативно учитывать сведения вновь поданных по царскому указу служилыми людьми «сказок» (об этом, в частности, говорит заголовок столбца, включающего «сказки» июня 7172/1664 г.: «И против сих сказок в боярском списку отметить над имяны их, сколько за кем крестьянских и бобыльских дворов, а службам их зделать список впредь» (I. Л. 1)). Сведения «сказок», поданных в Разрядный приказ в 1661–1664 гг., о численности «людей з боем», количестве крестьянских и бобыльских дворов, выплате денежного жалованья были занесены в два «подлинных» и два «наличных» боярских списков сентябрь 7172/1663 г. — сентября 7176/1667 г. Делопроизводственная взаимосвязь «сказок» и боярских списков наиболее отчетливо видна в том, что в структуре «сказок» являлись обязательными те части, сведения которых учитывались боярскими списками (количество крепостных дворов, численность на полковой службе с господином «людей з боем»).

Ранее нами было установлено (Белоусов 2011: 219; Белоусов 2012: 21, 23), что при внесении в «подлинный» бояр-

ский список сентября 7172/1663 г. (II) помет о количестве «людей з боем» составители боярского списка использовали сведения «сказок», поданных в Разрядный приказ в январе–марте 7169/1661 г. (III), и что указание на получение или не-получение государева жалованья на «людей з боем» является формальным обязательным элементом «сказок» июня 7172/1663 г. (I), поскольку в предыдущие, 7169/1661 г., «сказки» служилых людей заносились сведения о численности «людей з боем», отправлявшихся на полковую службу, и поскольку в самих июньских «сказках» служилые люди приводили новые сведения о количестве своих «людей з боем».

Однако изучение наиболее значительного по количеству документов комплекса «сказок» декабря–января 7172 (1663/1664) г. (IV) вынуждает скорректировать последнее наблюдение. Дело в том, что из 754 «сказок» этого источникового комплекса лишь в 44 имеются сведения о получении или не-получении денежного жалованья «на себя и на людишек». Таким образом, несмотря на то, что в зимних «сказках» 7172 г. приводятся иные по сравнению со «сказками» 7169 г. сведения о количестве «людей з боем», указание на выплату или невыплату денежного жалованья еще не является формальным обязательным элементом их структуры. Но к июню 7172/1664 г. сведения о получении или неполучении денег становятся, наряду с указанием количества дворов в поместьях и вотчинах и численности «людей з боем», обязательным элементом структуры «сказок» (имеются почти во всех более чем 400 июньских «сказках»).

Указанная взаимосвязь «сказок» и боярских списков позволяет усмотреть в сокращенной помете «д», сделанной при именах значительного числа служилых людей в «подлинном» боярском списке сентября 7172/1663 г., слово «деньги» — делопроизводственную регистрацию выплаты стольникам, стряпчим и дворянам московским государева жалованья «на людей» за службу 7169–7171 гг. Однако, поскольку крайние даты зимних «сказок» 7172 г. 18 декабря — 30 января (IV. Л. 659, 672), а боярский список прекратил функционирование в разрядном делопроизводстве до 25 декабря 7172 г. (Белоусов 2008:76), остается пока не ясным ис-

точник его сведений о численности «людей з боем» (помета «1 ч.» и т.п.) и выплате «денег» (помета «д»).

Тем не менее, представляет интерес сопоставление сведений 44 «сказок» зимы 7172 г. о получении или неполучении служилыми людьми денежного жалованья с пометами сентябрьского «подлинного» списка 7172 г. о выплате «денег» и численности «людей з боем».

Полностью совпадают указания «сказок» о получении или неполучении служилыми людьми денежного жалованья с пометами боярского списка о выплате «денег» и численности «людей з боем» в 22 случаях. Из них: в 14 — в «сказках» говорится о том, что служилый человек «денег на люди не имал», а в боярском списке отсутствуют пометы «д» («деньги») и о численности «людей з боем» (например, IV. Л. 512. II. Л. 1); в 8 — в «сказках» указано число «людей з боем», на которых получено жалованье, а в боярском списке сделаны пометы о таком же количестве «людей з боем» и о выплате «денег» (например, «взял жалованья на два человека медных денег» (IV. Л. 532) и «2 ч.» «д» (II. Л. 33)).

Частичных совпадений насчитывается 15. Из них: в 14 случаях в «сказках» приведены сведения о числе «людей з боем», на которых получено жалованье, а в боярском списке сделаны пометы о таком же количестве «людей з боем» и отсутствуют пометы «д» (например, «жалованья взял на 4-х человек» (IV. Л. 273) и «4 ч.» (II. Л. 51)); в 1 — в «сказке» указано число «людей з боем», на которых получено жалованье, а в боярском списке сделаны пометы об ином числе «людей з боем» и о выплате «денег» («взял на 2 человек» (IV. Л. 277) и «1 ч.» «д» (II. Л. 57)).

Несовпадение сведений «сказок» и боярского списка обнаружено в 7 случаях. Из них: в 5 — в «сказках» говорится о том, что служилый человек «государева денежнова жалованья не имал», а в боярском списке сделана помета о выплате «денег» (например, IV. Л. 675. II. Л. 89); в 2 — в «сказке» указано число «людей з боем», на которых получено жалованье, а в боярском списке сделана помета об ином числе «людей з боем» (например, «жалованья на 1 человека» (IV. Л. 519) и «2 ч.» (II. Л. 30)).

Таким образом, высокая доля совпадения сведений «сказок» зимы 7172 г. о получении или неполучении служилыми людьми денежного жалованья с пометами сентябрьского «подлинного» списка 7172 г. о выплате «денег» и численности «людей з боем» позволяет считать делопроизводственную взаимосвязь этих документов весьма тесной, и, следовательно, боярские списки 1660-х гг. весьма оперативно учитывали изменения в служебной деятельности членов двора.

БИБЛИОГРАФИЯ

- I — РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 9 (Столбцы Московского стола). Ед. хр. 354. Стб. 3.
- II — РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Ед. хр. 355. Стб. 3.
- III — РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Ед. хр. 323. Стб. 2.
- IV — РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Ед. хр. 360. Стб. 2.
- Белоусов М.Р.* Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник: в 2 т. Казань, 2008. Т. 1.
- Белоусов М.Р.* «Сказки» московских дворян как источник боярских списков середины XVII в. // Исторический источник и проблемы российской истории: Сб. науч. ст. Казань, 2011. С. 214–219.
- Белоусов М.Р.* К вопросу о делопроизводственной практике Разрядного приказа (на материале «сказок» служилых людей и боярских списков 60-х годов XVII в.) // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2012. Т. 154. Кн. 3. С. 19–26.

Д.Д. БЕЛЯЕВ

ЛЕТОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ КАК ФОРМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ПОСТКЛАССИЧЕСКОЙ МЕЗОАМЕРИКЕ (XV – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVI ВЕКА)

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ
(проект № 18-18-00454)*

Исторические тексты, основанные на принципе регулярного хронологического изложения информации (чаще всего погодного) являются одной из наиболее распространенных форм раннего историописания. В историографии эта форма часто обозначается как *погодные летописи или анналы*. Особенno широко они были распространены в раннесредневековой Европе (Англия, Ирландия, Польша, Русь и др.) (Беляев, Гимон 2013). Однако вопрос об их универсальности остается открытым. Рассмотрение вопроса о существовании летописных памятников в доиспанской Мезоамерике позволяет расширить перспективу исследования ранних форм историописания и исторической памяти.

Дошедшие до нас летописные памятники были созданы в разных регионах Мезоамерики, прежде всего в Центральной Мексике и в области майя. В традиции историописания миштеков такого рода тексты отсутствуют, а история строится на генеалогическом принципе и описаниях деяний правителей, что, безусловно, связано с формированием в Оахаке в постклассический период «генеалогической культуры» (Беляев 2004). Иерогlyphические летописные тексты, сопровождаемые испанскими или науатльскими глоссами латиницей, которые в историографии принято называть ан-

налами, хорошо известны в метрополии Астекской державы (долина Мехико) и прилегающих территориях. Они сохранились как отдельные памятники, так и в составе более обширных источников. Наиболее известны Кодексы Обэн, Аскатитлан, Мендоса, Мексиканус и Ботурини, описывающие историю мешиков и Теночтитлана, «Кодекс в виде креста» и «Полоса Тепечпан», описывающие историю царства аколья со столицей в Тескоко, а также Кодекс Уичапан и «Анналы Тулы», описывающие историю городов в Идальго. За пределами этой нуклеарной зоны наиболее яркий пример летописей — «Кодекс Асойу I» (Тлапан, Герреро). Э. Бун полагает, что распространение этого вида источников связано с астекской экспансиеи (Boone 2000: 198).

В астекских анналах счет лет является структурообразующим принципом. Годы обозначаются иероглифическим календарным знаком дня 260-дневного календаря, которым этот год начинается. Знаки пишутся в квадратных (изредка в круглых) картишах, либо закрашенных красным, либо обведенных по контуру красным. Годы перечисляются по порядку, чаще всего иероглифические знаки записываются в виде прямой линии, идущей слева направо. Линии могут быть расположены как в верхней части страницы, так и в нижней. В более поздних источниках, возможно испытавших европейское влияние, хронологические линии могут быть записаны вертикально, а также U-образно или L-образно, обрамляя страницу. Записи о событиях могут быть соединены с датами линией или просто подписаны под соответствующим полем с указанием года. Встречаются и пустые годы.

Миссионер Торибио де Бенавенте (Мотолиния), давая характеристику «книгам» древних мексиканцев, первой называет разновидность, в которой «говорится о годах и эпохах» (Motolinia 1858: 5). Далее он специально подчеркивает, что этому первому типу можно верить «поскольку говорит правду, так как хотя они были варварами, не знавшими букв, но уделяли большое внимание счету времени, дней, недель, месяцев и лет, и праздникам...» (Motolinia 1858: 5). Этот вид источников Мотолиния называет «Книга счета лет».

Испанские и индейские авторы из Центральной Мексики приводят различные термины, описывающие летописные памятники: *xiuhpolhualli* (букв. «летосчет»), (*ce*)*xiuhamatl* (букв. «годовая бумага»). Локхарт приводит также термин *xiuhtlacuilolli* (букв. «летописание») (Lockhart 1992: 376), однако в действительности он не встречается самостоятельно, а образован от агентивного существительного *xiuhtacuilo* «хронист» (букв. «летописец»). Все вышеприведенные обозначения основаны на слове *xihuítl* «год», что свидетельствует о том, что базовой единицей в структурировании истории у научоворящих народов Центральной Мексики был год.

Схожую структуру демонстрирует основной источник по истории майя-какчикелей (горная Гватемала) в постклассический период — так называемые «Анналы какчикелей», составленные между 1620 и 1650 гг. доном Франсиско Эрнандесом Аранья Шахила, потомком правящего рода какчикелей. Этот источник начинается, как другие исторические памятники горной Гватемалы («Пополь-Вух», «Титуло из Тотоникапана» и пр.), с описания общей истории киче и какчикелей, деяний первых правителей. Однако начиная с восстания, которое какчики подняли против киче, текст переходит к погодному изложению, отсчитывая годы от восстания. Возможно, что данный фрагмент опирается на летопись, составленную в начале XVI в. по аステкскому образцу.

По иной схеме строились нарративы летописного характера у майя на севере Юкатана. Наиболее известными их примерами являются тексты, сохранившиеся в составе так называемых книг Чилам-Балам. Под этим названием объединяют компилиативные сборники различных текстов пророческого, исторического, мифологического и ритуального характеров, записанные латиницей на протяжении второй половины XVI — XVIII вв. на Северной Юкатане. Три из них — Чилам-Балам из Мани, Чумайеля и Тисимина — включают в себя летописные тексты (так называемые «Хроники»). Однако в отличие от аステкских анналов, основной хронологической единицей являются не годы, а двадцатилетия (катуны), что связано с традицией календарного счета классического периода (Кнорозов 1963; Lacadena 2006).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Беляев Д.Д. Царские генеалогии в древней Мезоамерике // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 2002 год: Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2004. С. 38–51.
- Беляев Д.Д., Гимон Т.В. Предисловие // Древнейшие государства Восточной Европы. 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М., 2016. С. 5–24.
- Гимон Т.В. К проблеме зарождения историописания в Древней Руси // Древнейшие государства Восточной Европы. 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М., 2016. С. 748–800.
- Кнорозов Ю.В. Письменность индейцев майя. М.; Л., 1963.
- Boone E.H. Stories in red and black: Pictorial histories of the Aztecs and Mixtecs. Austin, 2000.
- Lacadena A. El origen prehispánico de las profecías katúnicas mayas coloniales: antecedentes clásicos de las profecías de 12 Ajaw y 10 Ajaw // Sacred Books, Sacred Languages: Two Thousand Years of Religious and Ritual Mayan Literature: 8th European Maya Conference, Complutense University of Madrid, November 25–30, 2003. Markt Schwaben, 2006. P. 201–225.
- Lockhart J. The Nahuas After the Conquest: A Social and Cultural History of the Indians of Central Mexico, Sixteenth Through Eighteenth Centuries. Stanford, 1992.
- Motolinia T. de Benavente. Historia de los indios de la Nueva España // Colección de documentos para la historia de México. México, 1858. Т. 1. Р. 1–249.

Н.А. БЕРЕЖНАЯ

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ГЕРМАНИИ В ОТДЕЛЕ РУКОПИСЕЙ БАН

Собрание иностранных рукописей Библиотеки Российской академии наук (Санкт-Петербург) является одной из самых больших коллекций рукописных книг латинского и греческого алфавитов в России. Это собрание и ряд других собраний отдела рукописей насчитывают около двух тысяч рукописей и фрагментов и продолжают пополняться за счет поступлений из Обменно-резервного фонда БАН, дарений и приобретений у коллекционеров (последнее крупное поступление в декабре 2019 г. насчитывает 31 рукопись, в основном XVIII–XIX вв., латинских и немецких). Особенности формирования Академической библиотеки с начала XVIII в. были такими, что рукописи на немецком языке, наряду с латинскими и польскими, составляют большую часть иностранного рукописного фонда. Рукописи латинского алфавита, поступившие в библиотеку до 1956 г., кратко описаны Е.И. Бобровой (Боброва 1958), однако в ее статье представлена лишь около половины этих рукописей. Почти все средневековые манускрипты и фрагменты (196 ед.) вошли в описание рукописей латинского алфавита X–XV вв. Л.И. Киселевой (Киселева 1978), а И.Н. Лебедева издала описание рукописных книг XVI–XVII вв. (189 ед.) (Лебедева 1979). Выходили и другие работы, в которых рассматривались рукописи, до этого не привлекавшие внимание исследователей, в том числе те, что поступили во второй половине XX в. [Блескина 1991; Блескина 1996; Бережная 2019]. Однако больше половины рукописей XVI–XVII вв. не вошли в описание И.Н. Лебедевой.

девой, а рукописные материалы XVIII–XX вв. — наиболее крупная часть иностранного собрания — в целом остаются почти совершенно не изученными и не введенными в научный оборот. К сожалению, даже описанные рукописи редко привлекаются отечественными и, тем более, зарубежными исследователями, хотя среди них есть и совершенно оригинальные тексты конфессиональной эпохи, и неучтенные копии произведений известных немецких авторов. В настоящее время ведутся работы по созданию полноценного электронного каталога, в котором будут отражены наиболее важные сведения об имеющихся рукописях (название с титульного листа или максимально полное описательное название, его перевод на русский язык, датировка, тип почерка и языки рукописи, наличие описаний), однако этот проект еще далек от завершения.

Немецкие рукописи БАН способны дать исследователям богатый источниковый материал по конфессиональной эпохе. Обычно выделяют несколько тематических разделов: источники по религиозной повседневности (Библии, молитвенники, толкования на евангельские тексты, проповеди, полемические сочинения), источники по законодательству и судебной практике (земские и городские уложения, юридические трактаты, судебные иски), источники по военному делу и медицине, естественным и точным наукам, филологии, истории, географии, музыке. С другой стороны, в последнее время наблюдается интерес к различным аспектам конфессиональной политики. Мы хотели бы обратить внимание на наличие в рукописном отделе БАН источников по религиозному образованию при княжеских дворах XVI–XVII вв., в первую очередь, в Курляндии и Бранденбурге: здесь можно отметить рукопись О 118 (учебная тетрадь герцога Вильгельма Курляндского по богословию, 1588 г.) (Лебедева 1979: 199–200; Бережная 2016: 45–47), Q 163 (трактат кальвиниста Рудольфа Гюнтера Кизеветтера о религиозном воспитании, посвященный герцогу Иакову Курляндскому, его супруге Луизе Шарлотте Бранденбургской и детям, 1670 г.) (Бережная 2016: 47–48; Бережная 2019: 338–339), F 154 (программа занятий по богословию для Фридриха Казимира Курляндского, составленная лютеранским теологом

Элиасом Сигизмундом Райнхартом, 1660–1661 гг.) (Лебедева 1979: 183–184). Изучение этих источников позволит сделать выводы о содержании религиозного образования в конце XVI — XVII вв., использовании определенных катехизисов и документов, покажет отголоски конфессионального противостояния между лютеранами и кальвинистами. Кроме того, можно выделить группу источников, имеющих отношение к формированию и развитию немецкой историографической традиции в конфессиональную эпоху — и в эпоху Просвещения. Одними из наиболее интересных примеров являются F 401 (биография курфюрста Морица Саксонского автора Георга Арнольда, перевод на немецкий язык Д. Ширмера, 1672 г.) (Лебедева 1979: 45–46), F 359 (История Кёнигсбергского университета, XVIII в.), F 436 (рассказ о династических разделах саксонских Веттинов Тобиаса Пфеннера, XVIII в.) (Бережная 2019: 337–338).

БИБЛИОГРАФИЯ

Бережная Н.А. Немецкие рукописи XVII–XVIII веков в Отделе рукописей БАН // Материалы и сообщения по фондам отдела рукописей БАН. Вып. 7 / Под ред. В.Г. Подковыровой. СПб., 2019. С. 331–343.

Бережная Н.А. Формирование конфессиональной идентичности при дворе курляндских герцогов (по материалам Отдела рукописей БАН) // Петербургская библиотечная школа. 2016. № 2 (54). С. 44–49.

Блескина 1991 — Рукописная иллюстрированная книга Библиотеки АН СССР: каталог выставки иллюстрированных рукописей XI–XIX вв., написанных латинским алфавитом / Сост. О.Н. Блескина. Л., 1991.

Блескина 1996 — Рукописное наследие баронов Будбергов в фондах Библиотеки Российской академии наук / Сост. О.Н. Блескина. СПб., 1996.

Боброва Е.И. Собрание иностранных рукописей (Собр. № 28) // Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. 2. XIX–XX вв. / Сост. А.И. Копанев, В.А. Петров, М.Н. Мурзанова и др. М.; Л., 1958. С. 205–271.

Киселева 1978 — Латинские рукописи Библиотеки Академии наук СССР. Описание рукописей латинского алфавита X–XV вв. / Сост. Л.И. Киселева. Л., 1978.

Лебедева 1979 — Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 6. Рукописи латинского алфавита XVI–XVII вв. / Сост. И.Н. Лебедева. Л., 1979.

М.В. БИБИКОВ

РУКОПИСНЫЕ ГРЕЧЕСКИЕ ЖИТИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ СВЯТЫХ

АФОНСКИЕ НАХОДКИ

В последнее время получает все большее развитие и утверждается в качестве нового метода изучения древнерусских памятников литературы, истории, духовной жизни анализ текстов древнерусского происхождения, не дошедших однако в оригинал, но сохранившихся в иноязычных переводах и переложениях, например, греческих — византийских и пост-византийских. Это относится прежде всего к памятникам агиографии, литургики, отчасти к актовому материалу — посланиям и соглашениям, кратким хроникам и др. Особое место в этой связи принадлежит памятникам византийской и пост-византийской книжности, в частности, связанным своим происхождением с обителями Святой горы Афона — центра притяжения и взаимных контактов авторов, переводчиков и редакторов-копиистов многоэтничного мира средневековой православной культуры.

В современной гуманитарной науке вообще и в истории русской, византийской и пост-византийской литературы, в частности, трудно представить себе появление какой-нибудь новой, не известной еще, исторической фигуры автора, достойного занять ведущее положение в круге тех или иных протагонистов определенного вида литературы. Еще более неожиданной была бы встреча с такого рода открытием в области истории Афона, афонской литературы, традиций афонского историописания, — той сферы, которая с самого конца прошедшего века и особенно уже в веке нынешнем стала областью особого интереса и многочисленных новых

публикаций как у нас в стране, так и во всем мире. Но именно здесь исследователя поджидает успех. Имя афонского монаха Иакова Неаскитиота (1790-е гг. — 1869), называемого также в его собственных рукописных автографах и литературе Иаковом Ватопедским, Иаковом Святогорцем, Иаковом Афонским и др., не известно большинству справочников и энциклопедий, единичны упоминания о нем и отсылки и в афоно-ведческой научной литературе. Но вот в работах буквально последних лет образ святогорского монаха вырастает в фигуру значительного масштаба, будь то в области агиографии, литургики и гимнографии, чему посвятил специальные исследования афонский монах Патапий Кавсокаливит, будь то в области богословия, как теоретического, так и практического, представляющего своего рода «народный исихазм», будь то в области историографической литературы — как создателя фундаментального труда — «Афониады». Само заглавие монументального труда как бы провоцирует читателя на ассоциации с «Илиадой» или с «Алексиадой» (восслед Анне Комнине). Особое значение этот opus magnum имеет в силу того, что отражает исторические представления самого афонского монашества, представляя как бы «взгляд изнутри». С другой стороны, Иакову были доступны многочисленные документы афонских архивов (он был архивариусом в ряде обителей), не всегда доступных мирянам или визитерам. В «Афониаде», наконец, сублимировались многие афонские устные легенды и версии объяснения тех или иных событий, которые лежат в основе уже собственно научной критической истории Афона, начиная с еп. Порфирия (Успенского).

«Афониада» сохранилась в четырех редакциях — автографах Иакова, датированных соответственно 1848, 1855, 1860 и 1865 гг. (Cod.Athos.gr. Skyt. Annas 156, Pantaleemon. 282, Vatoped. 1708, Pantaleemon. 281), и замечательных тем, что имеют в своем составе тексты о крещении Руси, о начале монастырского строительства там, и, главное, содержат в греческих переводах жития древнерусских святых — Антония Печерского и Феодосия Печерского.

Анализ греческого текста Жития Антония Печерского, включенного Иаковом в «Афониаду», приводит к выводу о

специальном внимании афонского книжника к русской, и шире — к славянской — проблематике. Материалы по истории Русской, а также сербской, болгарской др. поместных Церквей (молдо-валашской, «иллирийской») занимают все большее место в структуре «Афониады», если проследить эволюцию ее текстов от первоначального списка, датированного 1848 г., до последнего, законченного в 1865 г., за несколько лет до смерти. В авторском колофона Иакова схимонах Свято-Пантелеймона Русского монастыря Азария (Попцов) представлен в качестве фактически соавтора памятника, являясь переводчиком славяно-русских сюжетов и текстов. Побудительным мотивом становится также прошение русского архимандрита Россикона о. Иеронима. Работа над книгой в основном протекала в Новом Скиту и успешно завершилась в 1855 г. Последняя, самая объемная, как сказано (845 стр.), редакция будет завершена Иаковом через десять лет в Русском монастыре, где хранится и по сей день.

Итак, создание данной, Свято-Пантелеймоновой версии «Афониады» непосредственно связано с Русским монастырем. Оно было выполнено по просьбе «русского архимандрита» о. Иеронима (Соломенцова) и схимонаха Азарии (Попцова), знатока славянских языков, прославившегося впоследствии переводами греческих актов Русского Свято-Пантелеймона монастыря, опубликованных впервые в Киеве, а также изданной затем Истории Русского монастыря на Афоне. Углубление и расширение русской тематики сочинения нашло свое отражение и в ткани произведения.

В непосредственной связи с указанными трудами Иакова находится еще один греческий кодекс, хранящийся на Афоне в рукописном собрании библиотеки Русского монастыря св. Пантелеймона. Это — Codex Athos Panteleemon. gr.283: в книге содержатся не известные доселе греческие переводы древнерусских литургических и агиографических памятников и другие материалы по русской, сербской, болгарской истории Афона. Сборник содержит греческие тексты «Последования св. Покрову», «Последование прп. Антонию Рессу» (т.е. Антонию Печерскому), его Житие, Службу и Житие Феодосия игумена «Перичерскои, т.е. Пещеры» (Печерского). Особый раздел сборника открывается на л. 47 об. но-

вым агиографическим текстом: «Месяца ноября, 23 (числа) — Последование св. Митрофана». Далее переписаны стихи службы в честь св. Митрофана Воронежского и наконец, на лл. [53]–69 об., помещено «Житие и деяния иже во святых отца нашего Митрофана, названного в ангельском образе Макарием, первого епископа Воронежа, чудотворца; переведено с русского наречия на наше».

Таков состав афонских сборников Иакова Неаскитиота. В них содержится и новое. Так, заключительная часть греческого Жития Феодосия Печерского не находит соответствия ни в одном из известных русских или греческих источников: в тексте, писанном, кстати, в сборнике другой рукой, сообщается о нахождении в той же обители останков ста десяти праведников, а также мастеров-строителей собора и художников, расписавших монастырский храм.

П.А. Блохин

«ВЕКОВЕЧНОСТЬ» ПРАВА И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ ФРАЙБУРГА 1120–1316 ГОДОВ

Между 1120 и 1293 гг. во Фрайбурге было создано четыре официальных хартии (Учредительная привилегия 1120 г., далее — *GP*, хартия Бертольда IV 1152–1153 гг., далее — *BV*, хартия Бертольда V 1186 г., далее — *EH*, Немецкоязычная хартия 1293 г., далее — *FR 1293*); три ряда дополнений к хартиям — группа законов, имевших официальное хождение в городе наряду с хартиями (Дополнения к хартии Бертольда IV 1152 и 1178 гг., далее — *BV Dop.*, I ряд Дополнений к хартии Бертольда V 1191, 1198 гг. и рубежа XIII–XIV вв., далее — *EH Dop. I*, II ряд Дополнений к хартии Бертольда V начала XIV в., далее — *EH Dop. II*); сборник фрайбургских законов для передачи в дочерний город — Текст из Бремгартена начала XIII в. (далее — *Br*); сборник фрайбургских законов, находящийся в счетной книге монастыря в Тенненбахе 1341 г. (далее — *T*); «подложная» хартия, получившая официальный статус — Штадтродель 1218 г. (далее — *R*); Конституционные изменения к Штадтроделю 1248 г. (далее — *R Dop.*); два проекта немецкоязычных хартий 1275 г. (далее — *FR 1275a* и *FR 1275b*); соглашение графа Конрада II с горожанами 1316 г.

I. Одной из особенностей средневекового городского права считается ссылка на «вековечность» установлений как на источник права. На фрайбургском примере такую особенность можно проследить на восприятии *GP* в последующих правовых документах Фрайбурга.

Из всех текстов только *R Доп.* никак не использует *GP* в качестве источника права. Остальные 12 сборников законов так или иначе включают нормы *GP* в свой состав.

Наиболее часто к *GP* обращается *T*: документ практически дословно повторяет Пролог, 6 параграфов (из 9) и Эпилог. Из *T* «исчезают» нормы о владении недвижимостью фрайбуржцами за пределами города (*GP 3*), об отмене таллии и иных поборов с горожан в мирное время (*GP 5*) и об отмене права постоя (*GP 8*): *GP 3* и *GP 5* более никогда не использовались фрайбургскими законодателями, *GP 8* в сокращенной формулировке вошел в состав *BB*.

Три параграфа *GP* были включены в состав поздних хартий без изменений: *GP 1* — норма о защите жизни и имущества для прибывающих во Фрайбург, *GP 2* — закон о наследовании выморочного имущества и *GP 4* — освобождение горожан от торговых пошлин. Но если *GP 1–2* заимствовались только официальными хартиями исключительно в силу обязательности ссылки на «вековечность» права для указания преемственности в системе законодательства, то *GP 4* нуждался в частом подтверждении, поскольку затрагивал интересы и горожан, и городского сеньора.

GP Пролог (установления об основании Фрайбурга и предоставлении горожанам домового участка установленного размера, с указанием на сумму обязательного чинша за такой участок), *GP 6* (закон о выборах городских фогта и священника), *GP 7* (норма об обращении к кёльнскому праву как к образцовому) и *GP 9* (разрешение на свободную продажу недвижимости) были либо сокращены, либо исправлены в формулировках, либо изменены и превращены в новый закон, либо дополнены. Это свидетельствует о важности данных законов в действующем законодательстве.

Известно также, что некоторые законы *GP*, включенные в последующие тексты, не действовали в городе, но в силу авторитетности нормы, ее древности либо надежды законодателей, что рано или поздно горожане вернутся к обязательному исполнению права и т.п., по прежнему аккуратно записывались в новые сборники законов.

Использование норм *GP* в последующих правовых текстах показывает, как традиция включения в юридиче-

ский документ норм в силу их авторитетности и «вековечности» на деле оказывается сложным деятельным трудом законодателей. Обращение к древним, изначальным формам законотворчества было необходимо соблюдать, но также было обязательно учитывать реально существующую правовую, социально-экономическую и политическую ситуацию, сложившуюся в городе в тот или иной момент времени.

II. Фрайбургские правовые тексты позволяют увидеть отношение законодателей к проходящему времени.

Прологи и эпилоги к юридическим сборникам содержат рассуждения авторов текстов о причинах написания документа.

GP, как самая первая грамота в коллекции фрайбургского права, в своем прологе указывает как причину петиции и просьбы горожан. Данную фрайбуржцам привилегию Конрад фон Церинген обещал от своего имени и от имени своих потомков исполнять «вечно». Остальные тексты, созданные в XII — начале XIII в., не сохранили эпилоги и прологи. Пролог появляется в *R*, но он содержит информацию только о факте основания города.

R Dop. начинается с пространного рассуждения о том, что современность мимолетна, и поэтому будущим поколениям необходимо обращаться к прошлому, дабы почерпнуть «благоразумие». Механизм такого обращения — чтение записей о действиях прошлого, которое приводит к его пониманию. В Эпилоге автор текста указывает, что составленный документ имеет силу закона, нарушать который непозволительно ни в настоящее время, ни в будущее. Таким образом, автор *R Dop.* рассматривает законодательную деятельность как важное общественное действие, необходимое не только для участников событий, но и для будущих поколений, приводящее к пониманию истины и направляющее на благородство и осторожность.

FR 1275a и *FR 1275b* повторяют тему служения документа нынешнему и будущим поколениям, жизнь человека объясняется мимолетной, а человеческая память — краткой. Правда, следующей причиной написания новой хартии, называется факт физического обветшания ранних текстов. Эпилог завершает идею о фиксации в памяти важного для

города события. *FR 1293* повторяет пролог проектов, но в эпилоге возвращается тема, начатая в *GP*: право следует соблюдать «вечно».

Соглашение 1316 г. содержит лишь пожелание «всего лучшего» горожанам. В Эпилоге указано, что документ составлен и будет хранится для общего блага. Не сам факт предоставления права горожанам, но именно сохранность документа стала необходимостью для «вечного подтверждения».

Текущее время представляется фрайбургским законодательством как мимолетное, кратковременное. Необходима обязательная письменная фиксация важнейших событий, к которым относится создание новых законов, которые должны исполняться «вечно».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Варьаш О.И.* Городское право и право города как фактор единения // Город в средневековой цивилизации западной Европы. М., 2000. Т. 3. Человек внутри городских стен. С. 232–254.
- Blattmann M.* Die Freiburger Stadtrechte zur Zeit der Zähringer. Würzburg, 1995.
- Keutgen F.* Urkunden zur städtischen Verfassungsgeschichte Deutschlands. Berlin, 1901. Bd. II. S. 117–125.
- Rietschel S.* Neue Studien über die älteren Stadtrechte von Freiburg im Breisgau mit einer vergleichenden Ausgabe der lateinischen Stadtrechtstexte des 13. Jahrhundert // Festgabe für Friedrich Thudichum. Tübingen, 1907. S. 30–45.
- Уркунденбук der Stadt Freiburg im Breisgau / Hrs. H. Schreiber. Freiburg, 1828. Bd. 1. S. 3–25.

Н.А. Болдырева

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АТЛАСЫ МИРА РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ КАК УНИКАЛЬНЫЙ ТИП ИСТОЧНИКА

Введенное Герардом Меркатором сначала в обиход географов и картографов, а затем всего мира слово «атлас», которое фламандский ученый возводил к имени мифического ливийского царя, мудрого философа, математика и астронома, сегодня трактуется как сборник географических карт. Тем самым обозначается основной тип информации, содержащейся в атласах — визуальный, поскольку карты — это, прежде всего, уменьшенное изображение части земной поверхности.

Однако в период раннего Нового времени, когда географические атласы мира только зарождались, их текстовые составляющие были более объемными. Сегодня в историографии тексты атласов («Theatrum Mundi») рассматриваются как особый литературный жанр XVI–XVII вв. Т. Конли считает, что успех некоторых атласов был возможен только благодаря сочетанию карт и их текстовых описаний (Conly 2007: 407). Последние, по мнению К. Жакоба, фактически превратились в самостоятельный жанр так называемого «воображеного путешествия», сохранявшего популярность еще многие столетия (Jacob 2006: 75–76). Г. Тернер подчеркивает, что тексты из атласов служили путеводителем и по истории той или иной страны (Tigner 2007: 422).

В докладе мы продемонстрируем, что описания к картам в атласах раннего Нового времени являлись уникальным типом источника и содержали намного более широкий спектр сведений, чем география или история. В качестве

примера мы рассмотрим эволюцию описаний Британских островов в трех знаменитых атласах мира — Атласе Герарда Меркатора («Atlas sive cosmographicae meditationes de fabrica mundi et fabricati figura», 1595), Атласе Меркатора-Хондия (1606) и «Новом атласе» Блау («Theatrum Orbis Terrarum, sive Atlas Novus», 1634).

Атлас Меркатора был издан уже после смерти своего создателя — Герарда Меркатора (1512–1594), его сыном Румольдом. В одном томе были напечатаны и космография Герарда Меркатора, над которой тот трудился в последние годы своей жизни, и его великолепные карты. В 1604 г. гравировальные пластины выкупил издатель Йодок Хондий (1563–1612). Он и его наследники активно дополняли это собрание новыми картами и текстами и переиздали в общей сложности 27 раз в разных форматах и на нескольких европейских языках, помимо латинского, сначала в одном, а с 1633 г. и в двух томах (Keuning 1947). В 1629 г. часть печатных форм перешла к еще одному выдающемуся картографу и издателю Виллему Блау (1571–1638) (Keuning 1973). На их основе он напечатал свой атлас, изданием которого потом занимался его сын Ян Блау (1596–1673). Труд Блау «Зрелище круга земного или новый атлас» стал уже многотомным и к 1667 г. превратится в так называемую «Космографию Блау» из 12 частей.

Ни в одном из упомянутых атласов создатели карт или издатели атласов не являлись авторами текстов к картам Британских островов. Румольд Меркатор в предисловии прямо указал на составителя части описаний, посвященных, в основном, государственному устройству изображенных на картах стран — это был Бернард Фурмерий (Bernardus Furmerius; 1542–1616). Для Йодока Хондия новые тексты к картам составил ученый-гуманист Питер ван ден Берге (Pieter van den Berghe; 1560–1625), более известный как Петр Монтан (Petrus Montanus). И.В. Дубровский продемонстрировал, что разделы о Русском государстве были созданы Петром Монтаном на основе нескольких источников (Дубровский 2018). Наш анализ глав о Британских островах Атласа Меркатора-Хондия также показал, что данные описания носят исключительно компилиативный характер (Болдырева 2018).

В «Новом атласе» Блау, начиная с 1645 г., Британским островам был посвящен отдельный том, с подробнейшим описанием Англии и краткими главами об Ирландии и Шотландии. Имя автора открыто указывалось издателями уже на первых страницах.

Во всех трех случаях тексты к картам данного региона создавались на основе историко-топографического трактата «Британия» (1586) Уильяма Кемдена (1551–1623). Основатель английского Общества антиквариев, официальный королевский историограф, онказал большое влияние на развитие исторической науки в Англии и Европе, а его труд стал вершиной развития тюдоровской и ранней стюартовской историографической антикварной традиции (McKissack 1971: 152).

Этот труд являлся первым полным описанием Британии, охватывавшим географию, историю, социально-политическую структуру, судебную систему английского государства, а также включал в себя данные нескольких новых для того времени дисциплин: топонимики, геральдики, археологии, эпиграфики и нумизматики. Источниковедческая база «Британии» крайне обширна. Это и письменные источники: труды античных авторов, средневековых хронистов и ближайших предшественников Кемдена, и надписи на материальных памятниках, а также сами памятники. Новаторством автора стало использование новых методов работы с вышеперечисленными источниками, благодаря чему Кемден сегодня считается основоположником критического анализа источника в английской историографии.

Историко-топографические и антикварные штудии Уильяма Кемдена, находясь на пересечении с жанром «Theatrum Mundi», оказались органичным дополнением к изображению описываемых территорий. Различия заключались лишь в объеме информации, которую компиляторы заимствовали из «Британии». В Атлас Меркатора входило 16 карт территорий Англии, Шотландии и Ирландии, лишь к некоторым прилагалось по полстраницы текста, остальные листы занимали указатели координат расположения того или иного географического объекта, например, графства. Тем не менее, Бернард Фурмерий, в общей главе о Британии привел

размышления Кемдена об этимологии топонима «Британия», а в главе об Англии представил краткую, но последовательную характеристику ее административной, сословной и судебной системы и епископств.

В Атласе Меркатора-Хондия на основе «Британии» созданы вводная глава, большая часть глав об Ирландии и все описания Англии, причем Петр Монтан использовал также «О деяниях в Ирландии» («De rebus in Hibernia Gestis») Ричарда Станихерста и «Топографию Ирландии» («Topographica Hibernica») Гиральда Камбrijского и т.д., но в последних семи главах о Британских островах у Уильяма Кемдена не было ни одного серьезного «соперника». Каждая карта сопровождалась текстом уже на двух страницах формата *in folio*, соответственно, количество и разнoplanovostь заимствованной информации из «Британии» стали более значительными.

На следующем этапе развития географических атласов Блау, уже дважды на тот момент напечатавшие текст «Британии» в Амстердаме, в 1645 г. включили ее в свой амбициозный проект по созданию карт и описаний всего света. Ян Виллем Блау, отдавая дань значимости труда Кемдена и признавая его соответствие своему замыслу, практически не скратил текст (за исключением глав о Шотландии и Ирландии, описанию которых собирался посвятить другие части атласа) и издавал сочинение как самостоятельный том в течение десятилетий, предоставляя своим читателям уникальную возможность ознакомиться в полном объеме с новаторским трудом выдающегося исследователя того времени, творение которого стало вершиной развития научной мысли XVI–XVII вв.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Болдырева Н.А. «Британия» Уильяма Кемдена в Атласе Меркатора-Хондия (1613) // Средние века. 2018. №79 (2). С. 107–130.
- Дубровский И.В. Сообщение о Московском государстве в «Атласе» Меркатора // Русский сборник. Исследования по истории России. М., 2018. Т. XXIV. Московия в свидетельствах иноземцев. С. 388–473.

Atlas sive Cosmographicae Meditationes de Fabrica Mundi et Fabricati Figura. Gerardo Mercatore Rupelmondano, Illustrissimi Ducis Julianae Cliviae & Montis &c. Cosmographo Autore. Cum Privilegio. Duisburgi Cliviorum, 1595.

Atlas sive cosmographicae meditationes de fabrica mundi et fabricati figura. Denuo auctus. Editio Quarta. Sumptibus et typis aeneis Jodoci Hondij. Amsterodami, 1613.

Camdenus W. Britannia, sive Florentissimorum Regnorum Angliae, Scotiae, Hiberiae, et Insularum adiacentium ex intima antiquitate Chorographicā descriptio: Nunc postremo recognita, plurimis locis magna accessione adiecta, & Chartis Chorographicis illustrata. Londini, 1607.

Conly T. Early Modern literature and cartography: an overview // The History of Cartography. Chicago; London, 2007. Vol. 3. Part 1. P. 401–411.

Jacob Ch. The sovereign map: theoretical approaches in cartography throughout history. Chicago; London, 2006.

Keuning J. The history of an Atlas: Mercator – Hondius // *Imago Mundi*. 1947. Vol. 4. P. 37–62.

Keuning J. Willem Jansz. Blaeu. A biography and history of his work as a cartographer and publisher. Amsterdam, 1973.

McKissack M. Medieval history in the Tudor age. Oxford, 1971.

Theatrum Orbis Terrarum, sive Atlas Novus. Vol. 4. Amsterdami: Apud Iohanem Guiljelmi F. Blaeu. 1645.

Turner H.S. Literature and Mapping in Early Modern England, 1520–1688 // The History of Cartography. Chicago; London, 2007. Vol. 3. Part 1. P. 412–426.

А.А. Бондаренко, О.И. Хоруженко

БУЛГАКОВ УСПЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ В ПИСЦОВЫХ МАТЕРИАЛАХ XVI–XVII ВЕКОВ

Булгаков монастырь, сведения о котором отсутствуют в исследовательской и справочной литературе, — пример «мелкого вотчинного монастырька», о которых писал С.Б. Веселовский. Судьба этих обителей прямо зависела от карьеры и материального благополучия ктиторов. Булгаков монастырь отвечает модели деградации вотчинного богоомолья (Веселовский: 178–179).

Первое упоминание монастыря относится к концу XVI в., когда он уже был упразднен, его храм (Успения Богородицы) обращен в приходской, а земли — в поместье (Сторожев 1898: 245).

Карты Генерального межевания позволяют локализовать пустошь Булгаков Монастырь на правом берегу рч. Большой Инкаш (ранее Инокша), напротив с. Карабухино в современном Путятинском р-не Рязанской обл. Ныне ландшафт не дает подсказок о расположении былых монастырских или жилых построек: эти земли используются в аграрном производстве.

Локализация обители в пределах стана Старая Рязань позволяет связать название Булгакова монастыря с конкретным ктитором.

В 1483 г. Рязанское княжество было разделено между великим князем Иваном Васильевичем (Переяславль, Ростиславль, Пронск) и его братом «третным» князем Федором (треть доходов с Переяславля, Перевитск, и Старая Рязань)

(Экземплярский: 601–604, 645–646). Судя по всему, был разделен и велиkokняжеский двор.

Ко времени раздела сделали успешную карьеру потомки Юрия Константиновича Шаина, чашника (АСЭИ: 378) великого князя рязанского Ивана Федоровича (1427–1456 гг.). У Юрия Константиновича было трое сыновей. Старший, Федор, как и отец, значился чашником князя Ивана Федоровича, затем — боярином князей Ивана Федоровича и Василия Ивановича (АСЭИ: 379; Беликов, Сметанина: 93). Младшие, Назарий и Денисий Юрьевичи, также были боярами у великого князя Василия Ивановича (Кротов, Сметанина: 68; АСЭИ: 379, 386, 387). При разделе Рязанского княжества Денисий Юрьевич остался боярином великого князя Ивана Васильевича (АСЭИ: 387), а его старший сын Матвей Денисьевич Булгак перешел в удел к князю Федору Васильевичу Третному.

Матвей Булгак служил у своего сюзерена боярином (АСЭИ: 348), дворецким (АСЭИ: 353) и воеводой (Разрядная книга 1475–1598 гг.: 32), и, очевидно, был жалован за свою службу вотчинами в Перевитском и Старорязанском станах. При всей многочисленности Булгаков и Булгаковых, названия деревни Булгакова Слободка в Перевитском стане (Сторожев 1898: 177) и Булгаков Монастырь — в Старорязанском следует связать именно с Матвеем Булгаком.

Князь Федор Васильевич Третный умер в 1503 г., отписав свой удел московскому великому князю Ивану III. Матвей Булгак, которого, конечно, не ждал при московском дворе чин, сопоставимый с прежним, предпочел службу калужскому удельному князю Семену Ивановичу (Разрядная книга 1475–1605 гг.: 98 — 1506/07 г.). Вскоре Булгак покинул князя Семена и стал служить рязанской великой княгине-регентше Аграфене. В 1508 г. великий князь московский приказывал ей послать Булгака Денисьева провожать ногайских послов от Рязани до «украины» (Памятники дипломатических сношений: 18).

К 1521 г. Булгак уже служил московскому великому князю (Разрядная книга 1475–1605 гг.: 175, 180, 181), но дальше исчезает из источников. Между 1573 и 1578 г. Федор Булгаков сын Денисьев дал вклад в Троице-Сергиев мона-

стырь по своему отцу Матвею с. Бадеево (Кириченко, Николаева: 200, 324).

Предполагаем, что отторжение ряда или всех рязанских вотчин Матвея Булгака (добровольное или принудительное) в Старорязанском и Перевитском станах пришлось на период 1503–1508 гг., когда он ушел служить в удел. Вотчины Булгака в Окологородном, Кобыльском и Моржевском станах, унаследованные позднее его сыновьями, могли быть получены в период его московской службы (Сторожев 1898: 11, 36, 210, 225; Сторожев 1900: 660; Анпилогов: 170, 171, 173–175, 178, 189, 233).

Допуская связь Булгакова монастыря с Матвеем Булгаком, датой основания обители следует считать период 1483–1503 гг. После того, как монастырь утратил покровительство своего ктитора, перспектива развиться до значимой обители исчезла.

Писцовые материалы XVI–XVII вв. позволяют наблюдать тенденцию к последовательному убыванию населения в Булгакове монастыре. В 1629–1630 гг. здесь значилась церковь Успения Богородицы, при которой находился попов двор и три кельи, в которых проживали пономарь, просвирница и нищий «старец»; один двор при церкви был пустым. На помещичей земле был пустой помещиков двор и два бобыльских. В 1639 г. здесь значился пустой крестьянский двор и два дварища. В 1672 г. оставался лишь помещиков двор и два места «беглых крестьянских дворовых» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 408 Л. 784–786; Оп. 2, ч. 1. № 13371. Л. 252–254; № 13394. Л. 520–523). Село обезлюдело, вероятно, уже к переписи 1678 г.

Предлагаемая версия истории Булгакова монастыря, объединяя показания источников, позволяет рассматривать такой глобальный вопрос, как присоединение Рязанского великого княжества, в актуальных проблемных полях (историческая антропология, микроистория и т.п.), ориентированных на «человеческое измерение» масштабных событий и явлений.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Западной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1964. Т. 3.
- Анпилогов Г.Н. [сост.] Рязанская писцовая приправочная книга конца XVI в. М., 1982.
- Беликов В.Ю., Сметанина С.И. [сост.] Акты светского феодального землевладения Великого княжества Рязанского XV в. // Советские архивы. 1991. № 5. С. 92–93.
- Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
- Кириченко Л.А., Николаева С.В. Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г.: исследование и публикация. М., 2008.
- Кротов М.Г., Сметанина С.И. [сост.] Источники по истории феодального землевладения Великого княжества Рязанского в XV в. // Советские архивы, № 1. 1987. С. 66–69.
- Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, нагаями и Турциею. Т. 2: 1508–1521 / под ред. Г.Ф. Карпова и Г.Ф. Штендмана // Сборник имп. русского исторического общества. СПб., 1895. Т. 95.
- Разрядная книга 1475–1598 гг. / подгот. В.И. Буганов. М., 1966.
- Разрядная книга 1475–1605 гг. / под ред. В.И. Буганова. М., 1977. Т. 1, ч. 1.
- Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Поместный приказ, Вотчинная коллегия и Вотчинный департамент (Ф. 1209). Оп. 1. Кн. 408; Оп. 2, ч. 1. № 13371; № 13394.
- Сторожев В.Н. [сост.] Писцовые книги Рязанского края. XVI век. Рязань, 1898. Т. 1, вып. 1. 426 с.; 1900. Т. 1, вып. 2.
- Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. СПб., 1891. Т. 2: Владетельные князья Владимирских и Московских уделов и великие и удельные владетельные князья Суздальско-Нижегородские, Тверские и Рязанские.

В.П. Буданова

ВАРВАРСКИЙ ДИСКУРС ИСТОЧНИКА

ПАРАДОКСЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В ЭПОХУ СМЕНЫ ПАРАДИГМ

1. В современных исследованиях раннего Средневековья изучение особенностей вербализованного знания о варварстве находится в зоне пристального внимания (В. Гоффарт, П. Хизер, Бр. Дюмезиль, М. Кумерт, Ал. Готье, М. Болеци, П.П. Шкаренков, Е.В. Санников). Однако, до настоящего времени понятие «варварство» предстает незавершенным императивным конструктом, когда речь идет о сущности «варварских королевств» и о том, возможно ли, чтобы их создатели, *pene consimiles*, «почти похожие» на представителей цивилизованной части Ойкумены, могли считать себя «варварами». Система историописания в королевствах (Эннодия, Кассиодора, Иордана, Гильды Премудрого, Григория Турского, Исидора Севильского, Фредегара, Беды Достопочтенного, Павла Диакона) создавала свою формулу «варвара». Нarrативы о «происхождении народов» отразили ментальное пространство обостренного отношения между Своим и Чужим (Безбожным). Контрарный подход и дискурс-анализ позволяют рассмотреть этап раннего Средневековья, когда «времена были варварские» (*Paul. Diac. VI, 35...tempora fuero barbarica*), взаимообусловлено: сопоставляя и противопоставляя то, что было в действительности (факты, события, явления) и что представлялось, как было и нашло отражение в тексте источника как «образ» этой действительности — «зловещее распутье варваров» (*Gild. Sap. 10*), живущих по формуле *patria vel gens*.

2. Когнитивное внимание изучающих историю варваров к тексту уже давно вошедших в научный оборот источников

претерпевает постепенное изменение в сторону ухода от тотальности, к преобладанию большей тонкости и нюансированности. В том числе, открываются некоторые возможности рассмотреть *дискурс источников*, как совокупность тематически соотнесенных текстов, обращенных к общей варварской теме в социокультурном и ценностно-нормативном контексте варварства. Понятие «варварство», как определение оценочного социально-политического феномена, сложилось и принимается в системе бинарной оппозиции цивилизация vs. варварство. Это базовая оценочная номинация эмоционально окрашенных характеристик с однозначной непримиримой дихотомией «мы — они», «свои — чужие», «друзья — враги».

3. Каждый этап исторического развития отличается своими особенностями варварства. Античная письменная традиция зафиксировала матрицу варварства, в качестве эталона нецивилизованного, примитивного образа жизни, трагического взаимного отчуждения. Античная ментальность, порождая взаимное неприятие, фактически разделила жителей Ойкумены на два мира — цивилизованный и варварский. Письменная традиция темпорально многослойного раннесредневекового мира стала инструментом, который отразил создание иного социокультурного пространства, как «хорошего — плохого» или «своего — чуждого». В дискурсе источника понятие «варвар» встречается крайне редко (*Gild.Sap.* 10, 18, 20, 23; *Lord. Get.* 40, 69, 85, 160, 172, 176, 179, 310; *Greg. Tur. Hist. Franc.* II. 9, 32; III. 15; IV. 48; VII. 29, 31; *Isid. Hist.* 14, 22, 68, 73; *Bed. Ven. I.* 2, 11, 12, 13, 23; II. 2, 15, 20; III. 2, 4, 7, 24; IV. 2; V. 9, 10, 19; *Paul. Diac. I.* 1, 5, 20; IV. 37; V. 38; VI. 15, 35, 48). Характеристика варварства меняется и сосредоточена не только на лингвистических различиях (*Gild.Sap.* 23...ut lingua eius exprimitur; *Lord. Get.* 84...patria lingua petit; *Bed. Ven. I.* 23...cuius ne linguam nossent; III. 7...barbarae loquellae; *Paul. Diac. I.* 5), истоках географической локализации (*Greg. Tur. Hist. Franc.* III, 15; *Paul. Diac. I.* 1) или этнической принадлежности «нечестивого имени» (*Gild.Sap.* 23...ferocissimi nefandi nominis Saxones...). Варварство ассоциируется уже не только с отсутствием пайдеи, неспособностью к разумному рассуждению, с бедностью, примитивным образом жизни (*Bed. Ven. III. 4*), с хаосом, воинственной дикостью (*Paul. Diac. I.* 1) и

эгоистическим своеволием (*Bed. Ven.* III. 5; *Paul. Diac.* V. 38). В варварском дискурсе раннесредневековых текстов отражен оценочный набор «иного» уклада жизни, «иной» системы ценностей в поисках истины и заблуждений, «иного» выбора между спасением и грехом, между добром и злом, прекрасным и безобразным, «иной» мотивации и установок в стремлении к общему и частному интересу, в оценке доходов и убытков, но самое главное в определении друзей-союзников (*amicus, socius*) и врагов-язычников (*hostis, inimicus, paganus*).

4. История происхождения и обращения (*conversio*) готов, франков, вандалов, англо-саксов, лангобардов и других германских народов соединяет несовместимое, противоположное — языческие племенные предания, античную историю и мифологию, а также библейскую, прежде всего, ветхозаветную историю. Создается парадоксальная картина реально невозможной событийной истории, где образ варвара приобретает особый сокровенный смысл злонамеренного свойства человеческой природы с присущим эмоциональным состоянием и непредсказуемым поведением «диких варварских зверей» (*Gild.Sap.* 18...*barbaricae ferae bestiae*). Содержание нарратива наполнено примерами варварства, представление о котором бытовало в V–VIII вв., когда победы и поражения стали сопровождаться верой не в человека, а в Бога (*Greg. Tur. Hist. Franc.* IV. 48; *Isid. Hist.* 52, 56, 73; *Bed. Ven.* III. 3, 24). Явно и затаенно присутствует этический кодекс консимилированных германцев с примерами «иных» способов общения, действий и поступков, отличных от норм поведения коренных жителей Италии, Испании, Галлии, Британии. Логика повествования, независимо от этнополитической и социальной принадлежности автора, его информированности и целеполагания, выстраивалась на христианском понимании оппозиции «добродетель — порок» (*Isid. Hist.* 49, 56). Теперь смысл понятия «варварство» соотносится с духовным усердием заносчивого варвара (*Iord. Get.* 176...*superbam barbariem*) обуздать варварские нравы и обычай (*Iord. Get.* 69...*barbaricos mores*; *Greg. Tur. Hist. Franc.* VII. 29...*consuetudo barbarorum*), культ идолов и варварской дикости (*Isid. Hist.* 14), а не только с результатами вторжения и присутствия посторонних внешних факторов, когда варва-

ры как пришельцы и чужаки (*Lord. Get.* 137...*ut advenae et peregrine...*) в качестве воинов (*Gild.Sap.* 23...*barbari veluti militibus...*) умножали жестокие истребления (*Gild.Sap.* 19...*strages accelerantur crudeliores*), нанося значительный урон (*Bed. Ven.* I. 2; III, 2).

5. Ни один народ раннесредневекового периода не называл себя «варварам», а употреблял это понятие только по отношению к другим. «Варвар» — термин мобилизующий, фиксирующий различную поведенческую логику действий. По-прежнему, это понятие привязывается к военному контексту и, как правило, сопровождается словами: «разрушили», «сожгли», «вытоптали», «уничтожили», «осадили», «опустошили», «совершили нападение». Но теперь невежественный иноземец, крайне агрессивный и непредсказуемый чужестранец, носитель разрушительного начала «жестокий враг» (*gravis hostis*) движется в сторону позитивных ценностей (*Bed. Ven.* IV. 2; V, 7; *Paul. Diac.* VI. 15). Чуждость и вероломство сохраняются (*Bed. Ven.* II. 20), но принятие христианства становится для некогда консимилированных, заносчивых варваров стратегией выживания (*Bed. Ven.* II. 1). Фактически утверждалось примирение непримиримого (*regum concordia discors*). Дискурс-анализ подтвердил, что в отношении понятий «варвар» и «варварство» в текстах совмещены *выдумка* (*inventio*), *подражание* (*imitatio*) и *умолчание* (*silentio*). В связи с этим важно учитывать не только то, что сказано в нарративах о варварах, но и то, что «сказалось» текстами помимо воли их создателей, о чем онивольно или невольно промолчали, не договорили, скрыли или сделали вид, что не заметили. Парадоксально, но неизбежность христианизации новая интеллектуальная элита описывала с надеждой и тревогой, вольно или невольно обозначая на горизонте ожидания нового «варвара» — зверя и еретика. Чем более активно писатели варварских королевств, этих *imitatio imperii*, пытались отгородиться от варварского прошлого, тем меньше шансов осталось у варварства проиграть и возродиться уже в другом когнитивном статусе в формировании средневековой мизоксении.

Е.Ю. ВАНИНА

САМОЕ НЕИССЛЕДОВАННОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ДОКОЛОНИАЛЬНОЙ ИНДИИ

О том, что у них было Средневековье, индийцы узнали от британских ориенталистов, которые изучали прошлое покоренного народа, разумеется, по европейским образцам – эту парадигму они считали единственной правильной и абсолютной. Согласно им, на протяжении тысячелетий своего доколониального существования Индия пережила героическую первобытность благородных ариев, блестательную древность, сопоставимую с греко-римской античностью. На смену им пришло мрачное Средневековье, принесшее с собой упадок морали и культуры, обусловленные нашествием «варваров», прежде всего — мусульман. Вошедший в моду у европейцев XIX в. медиевизм на Индию не распространялся. Об этом свидетельствовала резкая критика книги шотландца Дж. Тода «Анналы и древности Раджастана» (20-е годы XIX в.), где раджпутское общество вполне убедительно было охарактеризовано как средневековое, близкое европейскому феодализму. В 70-е годы XIX в. было осуществлено многотомное издание «История Индии, рассказанная ее собственными историками»: англичане Г. Эллиот и Дж. Доусон перевели с фарси тщательно подобранные фрагменты мусульманских хроник, чтобы доказать, как было заявлено в предисловии, что Делийским султанатом и империей Великих Моголов правила «отбросы человечества», в хрониках которых нет ничего, кроме кровавых убийств, разврата и подлости. Такую историю можно было изучать лишь для того, чтобы

оценить благодеяния новых хозяев Индии, цивилизованных и высокоморальных, у которых, в отличие от туземцев, была героическая, достойная изучения история.

В индийском прошлом ориенталисты ценили только наследие древности. Им Европа и сама Индия обязаны открытием, исследованием и переводом на европейские языки многих шедевров санскритской классики. Однако, с точки зрения ориенталистов, древние индийцы, несмотря на многие достижения, были лишены исторического мышления. Погруженные в «трансцендентальное», они не хотели и не умели фиксировать и осмысливать свое прошлое. Поскольку древние и раннесредневековые тексты, где речь шла о прошедших временах, не походили по форме на греческие и латинские образцы, их считали не историей, а плодом поэтического или мифологического воображения. Поэтому древнюю историю Индии изучали, главным образом, по сочинениям античных авторов. Для раннего Средневековья источниками, правда несовершенными и неправильными, могли быть эпиграфические надписи. Но «высокое» Средневековье практически не имело источников, если не считать фарсиязычных хроник, не вызывавших у ориенталистов ничего, кроме отвращения.

О том, что в различных регионах Индии существуют средневековые тексты, фиксировавшие и интерпретировавшие события прошлого, ориенталистам было известно. Героические поэмы о подвигах царей и доблестных воинах, о противостоянии завоевателям, прозаические сочинения бытовали как в письменной, так и в устной форме. Но для европейских ученых эти произведения не были историей, поскольку не соответствовали критериям, установленным Л. фон Ранке. Исторической памяти индийцев нельзя было доверять, и Дж. Тод, использовавший раджастханские тексты, вызвал на себя шквал критики как поверивший в «выдумки» и «мифы». В результате индийское Средневековье изучали как историю без источников, и каждая книга начиналась с ритуальной формулы об отсутствии «нормальных» документов. Единственными, кто внушал доверие, были записки европейских путешественников. Скрепя сердце, историки обращались и к мусульманским хроникам, привычно

сетуя на их аморализм, на преувеличения и лесть хронистов, возвеличивавших «азиатских деспотов».

Все эти концепции не оставались уделом узкого круга европейских индологов, а через колониальную систему образования и печать вносились в среду индийской интеллигенции. Любой образованный индиец со школы знал, как таблицу умножения, что его предки не имели исторического мышления, что источников по доколониальной истории Индии нет и быть не может. Когда индийские националисты стали обращаться к героическим странцам прошлого, у них не было других источников, кроме британских исторических и литературных текстов об Индии.

И в наши дни Индия отличается от других стран тем, что из ее средневекового наследия изучена лишь минимальная доля. В то время, как в большинстве стран Запада и Востока обнаружение неизвестного средневекового текста становится научной сенсацией, в индийских архивах, княжеских дворцах, храмах, в сундуках старых феодальных семей хранится множество никем не изученных документов, и любой аспирант может вытащить наугад неизвестный науке источник для своей диссертации. Работа над наследием индийского Средневековья началась сравнительно недавно и идет с большим трудом. Еще труднее оказалось преодоление колониальных стереотипов о «неисторичности» индийцев и «невозможности доверять» средневековым текстам. На это накладывается до сих пор не изжитый негатив в восприятии средневековой эпохи, когда само понятие «средневековый» трактуется как синоним «отсталого» и «мрачного». Поэтому Индия остается раем для медиевистов, привлекая их не только материальными памятниками доколониальной эпохи (дворцами, крепостями, храмами), но и, пожалуй, самым неисследованным в мире Средневековьем.

В.А. Ведюшкин

ПЛАН МАДРИДА ПЕДРО ТЕКСЕЙРЫ 1656 ГОДА КАК ИСТОЧНИК ПО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ

Важной чертой бурного развития западноевропейской картографии в XVI–XVII вв. стало составление подробных планов крупных городов, особенно столиц. Такие планы не столько служили практическим целям ориентации в городе, сколько являли собой образы власти, отражая ее репрезентацию.

Мадрид, став в 1561 г. столицей Испанской монархии и вскоре превратившись в один из крупнейших городов Европы, долгое время не располагал собственным планом: для XVI в. известны лишь виды Мадрида Антона Ван ден Вейнгарде, сделанные около 1562 года (Ciudades 2008: 110–118).

Первый план города датируется началом 1620-х годов, традиционно он приписывался Фредерику де Витту, но позже его связали прежде всего с именами архитектора Хуана Гомеса де Мора и, в особенности, работавшего в Мадриде итальянского художника Антонио Манчелли, в то время как Витт, видимо, лишь сделал на основе рисунка гравированную доску (подробнее см.: Pereda 1998: 115–126). План Манчелли, созданный по инициативе муниципальных властей и оплаченный из городского бюджета, неизбежно был скромным по размерам и по степени детализации.

Зато следующий по времени создания план — «Топография города Мадрида, описанная доном Педро Тексейрой. 1656 год» (Topographia 1656) — является уникальным картографическим и изобразительным источником по истории

столицы Испанской монархии. Педро Тексейра (1595–13.04.1662) — видный представитель португальской картографической школы; к моменту получения этого заказа он проработал при дворе около трех десятилетий. Уже его статус придворного картографа и посвящение монарху позволяют рассматривать план как имперский проект. При этом сохранились и документы об оплате расходов по созданию плана и о вознаграждении Тексейре после его завершения — то и другое из королевской казны (16 documentos 2002: 56–63, 74–76).

Идея плана возникла тогда, когда Филиппу IV преподнесли посвященный ему детальный план Брюсселя (Bruxella 1640) — столицы Испанских Нидерландов. Он был завершен в 1640 г. (хотя неизвестно, когда именно оказался в Мадриде); его называют планом Мартина де Тайи, хотя характер и степень участия Тайи в его создании не вполне очевидны. Филипп IV захотел иметь сходный план Мадрида. Поручая это дело Тексейре, монарх не мог не предоставить ему возможности ознакомиться с планом Тайи (который, несомненно, хранился в Мадриде, скорее всего, в Алькасаре); тот послужил образцом не только для самой идеи плана, но и для того, как именно ее следовало воплощать. Однако сравнение двух планов показывает очевидные различия, которые отнюдь не сводятся к художественному оформлению (план Тексейры выглядит едва ли не аскетично по сравнению с планом Тайи, в котором словно воплотилось все изобилие фламандского барокко); важнее различия в содержании.

План Брюсселя как таковой занимает 6 из 15 листов всего издания Тайи; на остальных размещены панорамный вид города, изображения его важнейших сооружений и его хорографическое описание. Поэтому, хотя общие размеры плана вместе с видами весьма внушительны — 146,2 x 185,2 см, но сам план гораздо меньше, примерно 835 x 1135 см (Le peintre 2000: 229), что делает возможным масштаб 1:3000. В этом отношении план Тайи вдвое превосходит план Манчелли, но значительно уступает плану Тексейры, масштаб которого, по подсчетам Ф.Х. Марина и Х. Ортеги, примерно 1:1629 (16 documentos 2002: 36). Такой масштаб предполагал отказ от панорам города и от изображения от-

дельных зданий (на это не оставалось места), зато позволил представить на плане практически все дома, фонтаны, надземные переходы, а когда речь шла о важных объектах — церквях, монастырях, дворцах и т.д. — показать основные черты их архитектурного облика (классическое описание Мадрида по плану Тексейры см.: Molina Campuzano 1960: 264–279; наиболее подробный рассказ о Мадриде, каким он предстает на плане Тексейры, см.: Gea 2007); в качестве примера использования плана для получения сведений о конкретном здании сошлюсь на собственный опыт: когда я искал информацию о доме, где было размещено в 1668 г. первое русское посольство в Испании, то важные данные о нем удалось найти именно на плане Тексейры (Ведюшкин 2018: 367). При этом Тексейра спрятал и слегка расширил улицы и площади за счет внутренних дворов: в результате планировка выглядит не столь извилистой и запутанной, как на самом деле.

Мадрид на плане Тексейры — это столица империи, и весь его облик подчеркивает эту идею. Лента с латинской надписью представляет город как «*Mantua Carpetanorum*, или Мадрид, королевский город», объединяя мифическое прошлое города, в соответствии с которым Мадрид оказался старше Рима, с местопребыванием Двора.

План украшен двумя гербами. Формально в центре герб города, но фактически он теряется рядом с помещенным в правом верхнем углу гербом Филиппа IV, размеры и барочная роскошь которого сразу привлекают к себе внимание. Сверху льются солнечные лучи — метафора короля-солнце не была еще зарезервирована за Людовиком XIV.

В центре города сразу обращают на себя внимание Королевский Алькасар и средоточие городской жизни — Пласа Майор. Проекция плана избрана таким образом — вид не строго сверху, а с юга, — что наиболее выигрышно представляет как раз Алькасар и Пласу Майор. При этом город как такой располагается между еще двумя королевскими резиденциями — Каса дель Кампо на западе и Буэн Ретиро на востоке; обе они окружены огромными парками. Показательно, что в легенде плана именно три королевские резиденции структурно выделены и наиболее подробно расписаны.

Таким образом, план Тексейры предстает как своего рода путеводитель по Мадриду Королевского двора. Технически сделанный на самом высоком для того времени уровне, он стал важным инструментом политической пропаганды, способствуя тому, чтобы представить Мадрид одной из ведущих европейских столиц.

БИБЛИОГРАФИЯ

- 16 documentos de Pedro Texeira Albernaz en el Archivo Histórico de Protocolos de Madrid. Madrid, 2002.
- Bruxella nobilissima Brabantiae civitas [Bruxelles, 1640] (Режим доступа: <https://uurl.kbr.be/1044570>; дата обращения: 18.11.2020).
- Ciudades del Siglo de Oro. Las vistas españolas de Anton van den Wyngaerde / Dir. por R. L. Kagan. Madrid, 2008. P. 110–118.
- Gea Mª I.* Guía del plano de Texeira (1656). Madrid, 2007.
- Molina Campuzano M. Planos de Madrid de los siglos XVII y XVIII. Madrid, 1960.
- Le peintre et l'arpenteur: images de Bruxelles et de l'ancien duché de Brabant Bruxelles. 2000.
- Pereda F. Iconografía de una capital barroca: Madrid entre el simbolismo y la ciencia // Espacio, tiempo y forma. Serie VII. Historia del Arte. T. 11, 1998. P. 103–134.
- Topographia de la villa de Madrid / Descrita por don Pedro Texeira. [Antwerpiae, 1656]. (Режим доступа: <http://bdh-rd.bne.es/viewer.vm?id=0000061128>; дата обращения: 18.11.2020).
- Ведюшкин В.А. Мадридский адрес посольства П.И. Потемкина // Посольство П.И. Потемкина в Испанию в 1667–1668 гг. Документы и материалы. М., 2018. С. 363–371.

С.В. ВЕПРЕЦКИЙ

МЕТОДЫ ДОКУМЕНТАЦИИ НАДПИСЕЙ ДРЕВНИХ МАЙЯ КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ
(проект № 18-18-00454)*

Письменные источники по истории древних майя в большинстве своем представляют собой надписи на твердых носителях, таких как каменные монументы (стелы, панели, притолоки, иероглифические лестницы и т. п.), керамические сосуды и предметы мелкой пластики (раковины, кости, предметы украшения и т. п.). С момента появления первых публикаций текстов майя сложилась традиция выполнять их линейные прорисовки, которые базировались либо на полевых набросках, либо на фотографиях. После дешифровки письма майя Ю.В. Кнорозовым в 1952 г. (Кнорозов 1952: 100–118) внимание к надписям резко возросло. За вторую половину XX в. было опубликовано большинство известных на данный момент надписей. Немаловажный вклад в это связан с проектом «Корпус иероглифических надписей майя» (*Corpus of Maya Hieroglyphic Inscriptions 1977–2006*), которым долгое время руководил Я. Грэм, разработавший оптимальный метод линейных прорисовок для монументов древних майя (Graham 1975: 12–13), а также сделавший качественные фотографии большого массива надписей из разных регионов области майя. В настоящее время происходит пересмотр старых прорисовок и чтений, что стало возможным благодаря новым методам документации надписей. Важную роль в данном процессе играет российско-гватемальский проект «Эпиграфический атлас Петена» под руководством Д.Д. Беляева.

В докладе будут рассмотрены основные методы документации иероглифических надписей майя, применяемых в современной науке, а именно:

1. Фотографирование с использованием косого света. Данный метод позволяет выявить дополнительные детали рельефа на различных снимках.

2. Создание RTI-изображений. Данный метод также включает в себя создание ряда фотографий с использованием косого света, однако в этом случае источник света вне зависимости от направления должен находиться на одинаковом расстоянии от центра фотографируемого объекта, кроме того, в кадре рядом с объектом располагается темный стеклянный шар, фиксирующий направление света. Полученные снимки обрабатываются в специальной программе, и результатом является создание двухмерного изображение с трехмерным светом, направление которого можно менять по собственному усмотрению.

3. Фотограмметрия — метод, позволяющий создать трехмерную модель с помощью фотографий под разными углами наклона камеры.

4. 3D-сканирование — самый продвинутый, но в то же время, самый дорогостоящий на данный момент метод документации рельефных надписей. Для его осуществления необходимы 3д-сканеры различных типов, позволяющие создавать трехмерную модель непосредственно в момент документации. Последующая обработка при этом занимает значительно меньше времени, нежели при создании модели с помощью фотограмметрии.

БИБЛИОГРАФИЯ

Кнорозов Ю.В. Древняя письменность центральной Америки // Советская этнография. 1952. № 3. С. 100–118.

Corpus of Maya Hieroglyphic Inscriptions. Cambridge (Mass.), 1977–2006. Vol. 1–9.

Graham I. Corpus of Maya Hieroglyphic Inscriptions. Cambridge (Mass.), 1975. Vol. 1: Introduction to the Corpus.

К.В. ВЕРШИНИН

КРАТКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ С ПОХВАЛОЙ ИВАНУ КАЛИТЕ

В сборнике РГБ. Рог. 662 нами был обнаружен летописец (л. 283 об.–314), в котором заслуживает внимания как исторический материал, так и похвала князю Ивану Даниловичу, известная до сих пор только по колофону Сийского Евангелия 1339/40 г. Приведем краткое описание сборника. Это рукопись в 4°, на 322 листах, датируемая по филиграням 20-ми или 30-ми гг. XVI в. и переписанная тем самым писцом, которому принадлежат две копии Сильвестровского сборника XIV в. (образцы почерка см.: Грибов 1993; 2009). На л. 283 об.–314 читается «Летописецъ Рускыя земли, начало княжения рускаго, какъ почали в Руси княжити». Назовем его, по аналогии с известным Рогожским летописцем Рог. 253 (далее — *Рог*), Рогожским вторым (*Рог-2*). Он, несомненно, заслуживает публикации; здесь же предложим краткую характеристику.

Рог-2 представляет собой свод и может быть разложен на несколько частей:

1) Вступление и статьи 6370, 6387, 6400 гг. Упоминается Гостомысл (л. 284), как в Софийской I летописи и *Рог*. Отметим «домысленное» сводчиком упоминание: «и родися у жены у Рюриковы сынъ Игорь» (285 об.).

2) Недатированная статья «О князехъ в Кыеве и в Новегороде» (дублирует известие 6370 г.) и статьи 6496–6920 гг. Местами заметно сходство с «Летописцем русским» XV в. (ЛР). Почти тождественна с ним запись о мероприятиях Юрия Долгорукого: «В лето 6660. Князь великий Юрьи Володимеричъ в Сузdalской земле многи церкви поста-

вил...» (л. 287–287 об.); ср.: (Насонов 1955: 289). В статье 6725 г. о Липицкой битве фигурируют Добрыня Златой Пояс и Александр Попович «с-воим слугою с Торопом», как в Устюжском своде (ПСРЛ 1982: 69), имевшем общий протограф с *ЛР*, а также Московско-Академической летописью (*М-Ак*), близкой к *ЛР* после 6745 г. Заслуживает упоминания ремарка по поводу представления Ростислава Мстиславича, выражающая общую тенденцию данной части летописца: «оттоле же начало столом град Володимерь Залеский, князь великий Ондрей Юрьевич Боголюбский всяя (!) Руси» (л. 288). В статью 6(7)20 г. (в связи с известием о смерти Всеиволода Большое Гнездо) вставлены перечни «Начало княземъ рускым» (сопровождает *ЛР* в одном из списков) и «От (!) наугородцых (!) великих князь» (повторяет статью «А се князи великого Новагорода» при Новгородской I летописи младшего извода, но продолжен до Василия III).

После 6745 г. *Рог-2* регулярно сближается с *М-Ак* (а одновременно и с *ЛР*). Однако ряд известий изложен сходно с Симеоновской летописью (*Сим*; а также Троицкой, когда ее текст доступен). В обоих случаях *Рог-2* нередко полнее. Так, здесь читаем, что в 6746 г. Ярослав Всеиволович дал «сыну своему князю Александру Новъгородъ Великий, а князю Афонасью град Тверь, а князю Михаилу град Москву» (л. 293; в *М-Ак* и *ЛР*, с которыми совпадает начало статьи, эти сыновья не упоминаются). Под 6804 г. (съезд князей во Владимире) соединяются подробности *Сим* (о расстановке сил) и *М-Ак* («сведе их на любовь владыка Семион Владимирьский и владыка Измайло»), однако добавлено: «и ту чли ярлыки, царевы грамоты, не бысть имъ миру» (л. 295). В рассказе о походе Дмитрия Ивановича на Тверь в 6883 г., изложенного в целом по *Сим*, читаем уникальные подробности: «А князь великий Дмитрий Иванович не захотя граду разорьния и кровопролитья крестьяньского... поеха в малых людихъ, оже за ним пригнася князь великий Тверской со многими людми, да послал к великому князю Дмитрею Ивановичю, а ркучи ему тако: “изневолил мя еси, не могу в той воле (*неволе?) быти”. И князь великий Дмитрий взяша с ним мир, и разъехашася по своим градом»

(л. 303). Итак, данная часть *Rog-2* — особый свод, использовавший нетривиальные источники. При этом отсутствуют ростовские известия, характерные для *M-Ak* и *LP*. Следовательно, текст восходит (в частности) к такому общему источнику двух этих летописей, который еще не был обработан в Ростове. Источник этот датировался около 6920 г. (последнее общее известие *M-Ak*, *LP*, *Rog-2* о поездке Василия Дмитриевича в Орду) и имел общерусский характер.

3) Статьи 6933–6970 гг. (л. 306 об.–311 об.; 6921–6932 гг. отсутствуют). Передают в сокращении Софийскую I летопись младшего извода; ср. например, встречающиеся только в ней обороты под 6941 г.: «князь Юрый Дмитреевич возлютился...» (л. 307), под 6953 г.: «яко же зразиша 2-жы попущеньемъ Господа Бога Саваофа...» (о судальском поражении Василия Васильевича; л. 309 об.); ср.: (ПСРЛ 1851: 265, 268).

4) Похвала Ивану Калите, помеченная 6847 г. (л. 311 об.–312 об.).

5) Статьи 6901 и 6938 гг. (л. 312 об.–313). Близки к Софийской I летописи младшего извода. После статьи 6938 г. (съезд в Луцке) вставлен текст: «А се начало Литовских князий», составленный в конце XV в. и встречающийся в качестве «конвоя» к летописным текстам (Новикова 2007: 167).

6) Статьи 6959–7008 гг. (л. 313–314), из-за краткости трудно сравнимые с другими летописями. Последнее известие — взятие Путивля и пленение Константина Острожского. Если сопоставить этот факт с датировкой рукописи *Rog. 662*, то следует заключить, что перед нами не оригинал, а список свода первых лет XVI века.

Похвала Ивану Калите читается после известия 6970 г. о смерти Василия Васильевича и не имеет прямой связи с окружающим ее текстом. В начале вместо «князе великому Иване» (Сийское Евангелие) читается: «князе Иване Васильевиче всея Русии» (л. 311 об.), однако дата 6847 г. осталась без изменений. Копирование Сийского Евангелия допустить трудно — *Rog-2* содержит значимые разнотечения: «богомудреному» (*lectio difficilior*) вместо «благородному»; «помочникъ» вместо книжного «помощникъ»; правильное «вдовицы» вместо ошибочного «вдовци»; «в запустевший (!)» вместо «въ апустевший (!)»; целый дополнительный фрагмент с

аллюзией на 71-й псалом («И поклоняются ему вси царие земстии...»), использованный в других местах похвалы. Границы текста в точности совпадают с тем отрезком записи Евангелия, что помещается между введением и заключением с упоминаниями чернеца Анании. Таким образом, новый список похвалы Калите свидетельствует против версии о ее составлении для Сийского Евангелия. В то же время указать источник ее заимствования в *Рог-2* пока не представляется возможным.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Грибов Ю.А.* Значение палеографических особенностей для определения состава и генеалогии четырех сборников // История и палеография. М., 1993. Вып. 1. С. 34–55.
- Грибов Ю.А.* О реконструкции новгородского иллюстрированного сборника XIV в. // Хризограф. М., 2009. Вып. 3. С. 253–267.
- Насонов А.Н.* Летописный свод конца XV в. // Материалы по истории СССР. М., 1955. Вып. 2. С. 273–321.
- Новикова О.Л.* Материалы для изучения русского летописания конца XV — первой половины XVI в.: I. Летописные подборки рукописи Погод. 1596 // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2007. Вып. 11. С. 132–258.
- Полное собрание русских летописей. СПб., 1851. Т. 5. Псковская и Софийская летописи.
- Полное собрание русских летописей. Л., 1982. Т. 38. Устюжские и Вологодские летописи.

Ю.Е. ВЕРШИНИНА

**ЭТАЛОН И АБЕРРАЦИЯ
РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ:
СЕМЬИ ФЛОRENЦИЕВ И МЕРОВИНГОВ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ГРИГОРИЯ ТУРСКОГО**
АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ И ДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ
ОБРАЗА СЕМЬИ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ НARRATIVAX

Трудно переоценить роль семьи и родственных связей в жизни раннесредневекового человека. Исследование источников различной жанровой принадлежности показало, что в этот период люди чаще всего общались именно с ближайшими родственниками (родителями и детьми, братьями и сестрами, женами и мужьями). В связи с этим представляется важным выявить представления о семье и родстве как части картины мира человека этой эпохи. Без их учета затруднено, а иногда и невозможно адекватное понимание сочинений раннесредневековых авторов и интерпретация событий, изложенных в них.

Иллюстрацией последнего утверждения может служить изучение трудов одного из самых известных писателей раннего Средневековья — Григория Турского. За почти двухсотлетний период исследований он «превратился» из «наивного летописца» в искусного компилятора и стилиста, манипулирующего потенциальной аудиторией и создающего у нее «нужные» впечатления о людях и событиях (Goffart 2005: 114–116; Dailey 2015: 161–170). В частности, долгое время считалось, что Григорий Турский намеренно конструировал по большей части негативные образы представителей династии Меровингов, считая их чужаками и варварами, сопер-

никами епископов за власть в Галлии, что образы королей у него шаблонны и «списаны» с царей из Ветхого и Нового Заветов (Савукова 1987: 339–340). Однако анализ того, как турский епископ изображает поведение королей франков по отношению к родственникам, говорит о том, что отношение к ним автора было гораздо сложнее.

Анализ поведения Меровингов-родичей требует поиска аналога, сопоставимого с ними по «интересу» со стороны автора, по количеству родственников различных степеней, упоминаемых в текстах, по социальному положению, богатству и уровню власти (до некоторой степени), а также времени жизни. При этом, членов этой семьи турский епископ должен изображать в качестве эталона/идеала родственников. Не вызывает удивления, что коллективом, наиболее полно удовлетворяющим всем этим требованиям, является семья самого Григория Турского — знатный галло-римский сенаторский род Флоренциев. Флоренции были очень богаты и обладали значительным политическим весом, поскольку владели обширной земельной собственностью и контролировали одни из важнейших галльских епископств в Туре, Лионе и Лангре. Среди членов этой семьи были сенаторы, епископы, герцоги и святые. Григорий Турский рассказывает о многих своих предках и родственниках, однако формат данной работы позволяет рассмотреть лишь наиболее показательные сюжеты с Флоренциями-родичами.

Анализ трудов турского епископа показал, что, по его мнению, отношения между родственниками, особенно близкими, зависели от того, насколько полно их поступки соответствовали его представлениям о должном поведении людей в рамках существовавших в меровингской Галлии социальных институтов. Среди этих институтов первостепенное значение, с точки зрения Григория Турского, имел институт «честного брака» (*"honorabile cinubium"*). Пренебрегая его условиями, прежде всего, моногамностью, равенством социального и имущественного положения супругов и добровольностью, супруги обрекают себя и своих детей, и других родственников на заведомо неудачные отношения и отклоняющееся поведение (Réal 2001: 251–300).

Брак родителей Григория в полной мере соответствовал требованиям «честного брака», что предопределило преуспевание членов их семьи. Что касается королей франков, то успешны были только те их внутрисемейные отношения, которые соответствовали указанным выше условиям. Дети, рожденные в «честном» браке, уважают и почитают родителей, во всем подчиняются им и стараются помочь. Так, сам Григорий Турский дважды способствовал излечению отца от болезни (*Monumenta* 1885: 222), а за литературное творчество принялся только после поощрения со стороны своей матери (*Monumenta* 1885: 135–136). Он превозносит духовное смиление последней, рассказывая о двух чудесах, свидетельницей которых она стала (*Monumenta* 1885: 63, 300–301). То же можно сказать об отношениях между королевой Хродехильдой и ее сыновьями, или королевой Брунгильдой и ее сыном. Напротив, сыновья Хлотаря и Хильперика позволяют себе пренебрегать их приказаниями, непочтительно отзываются о них и даже поднимают против них восстания.

«Честный брак» налагает и определенные ограничения на поведение супругов, прежде всего женщин, в случае вдовства. Григорий Турский рассматривает эту ситуацию в жизни женщины как благоприятную возможность максимально посвятить свою жизнь служению Богу, ограничив светскую жизнь (*Dailey* 2015: 46–63). Именно так, судя по его произведениям, поступила его собственная мать. Королевы, пренебрегшие этой возможностью, начинают демонстрировать отклоняющееся поведение в родственных отношениях. Хродехильда обрекает на смерть своих внуков (*Monumenta* 1951: 117–120), Брунгильда не смогла спасти свою дочь из плена, где та и погибла (*Monumenta* 1951: 387–388).

Взаимоотношения с более дальными родственниками в изображении Григория Турского также во многом зависят от того, соблюdenы ли условия «честного брака». Дядья Григория Турского демонстрируют только заботу и любовь по отношению к нему и его брату (*Monumenta* 1885: 242). Образцовый же король Гунтрамн сначала пытается оспорить отцовство своего брата Хильперика в отношении его сына Хлотаря II (*Monumenta* 1951: 376), а затем пытается завладеть королевством мальчика (*Monumenta* 1951: 385–385).

Свои же владения он в итоге передает племяннику Хильдеберту II, родившемуся в «честном браке». Хильдеберт I активно способствует восстанию своего племянника Храмна, против его отца Хлотаря I (*Monumenta* 1951: 147–150).

Таким образом, мы видим, что образы королей и королев из династии Меровингов, как и других героев произведений Григория Турского, содержат в себе значительно больше нюансов, чем может показаться на первый взгляд, и далеки от шаблонов. Хотя турский епископ не меняет общего отношения, сложившегося у него к тому или иному герою, однако он показывает, что, отступая от «правильной» линии поведения, даже «образцовый» персонаж может совершать ошибки, и наоборот. В связи с этим, большое значение, на наш взгляд, имеет изучение мировоззрения Григория для более глубокого понимания истории раннесредневековой Галлии.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Dailey E.T. Queens, Consorts, Concubines: Gregory of Tours and Women of the Merovingian Elite.* Leiden; Boston, 2015.
- Goffart W. The Narrators of Barbarian History (A.D. 550–800): Jordanes, Gregory of Tours, Bede, and Paul the Deacon.* Notre Dame (In), 2005.
- Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Merovingicarum / Hrsg. von B. Krusch.* Hannoverae, 1885. V. 1.2.
- Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Merovingicarum / Hrsg. von B. Krusch, W. Levison.* Hannoverae, 1951. V. 1.1.
- Réal I. Vies de saints, vie de famille: représentation et système de la parenté dans le royaume mérovingien, 481–751, d'après les sources hagiographiques.* Turnhout, 2001.

Т.Л. Вилкул

РЕДАКЦИИ ТЕКСТА ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОЙ КНИГИ БЫТИЯ

Полный или иначе, четий древнеславянский перевод первой книги Библии произведен, как предполагают, в первой половине X в. в Болгарии. Однако дошел он в намного более поздних рукописях (старшие — рубежа XIV–XV вв.) и является составной частью сборников Восьмикнижия, Пятикнижия и хронографов. В процессе трансмиссии Книги Бытия возникли три *редакции текста*. А.В. Михайлов определил две редакции — Русскую и Южнославянскую (Михайлов 1900–1908). По его мнению, существовала также Промежуточная группа, в которую исследователь включил два списка, в их числе старший из собрания РГБ Троице-Сергиевой Лавры № 1, и которая сближается то с Русской, то с Южнославянской редакцией. Однако эта группа на самом деле является самостоятельной редакцией, мною она была названа Хронографической (Исход 2015; Книга Иисуса Навина 2019). Ныне Хронографическая редакция представлена пятью рукописями.

Каждая из трех редакций разветвляется далее на группы и подгруппы. Хронографическая редакции делится на две группы. Первую составляют Троицкий Пятикнижия (№ 1 и № 45, оцифрованы, см. на сайте www.old.stsl.ru). Вторую — списки Иудейского хронографа (о нем и других хронографах: Вилкул 2019) Архивский (оцифрован, см. на сайте *Cyrillo-Methodianum*: <http://histdict.uni-sofia.bg/chronograph/clist>), Варшавский и Виленский. Кроме того, заимствования из нее имеются в Полной хронографической палее (оцифрован Синодальный № 210 на сайте ГИМ и Румянцевский № 453, см.

www.old.stsl.ru) и списках одной из подгрупп Русской редакции, где проводилась сверка по нескольким ветвям (Румянцева № 27 и иные списки). О дате возникновения Хронографической редакции можно сказать лишь то, что уже Иудейский хронограф имеет в своем составе приписку, позволяющую его датировать 1260-ми годами, то есть возникновение редакции в целом следует отнести к периоду до середины XIII века.

Русская редакция представлена самым большим числом списков, более трех десятков, и имеет сложную структуру. Она состоит из трех групп. Ранняя группа представлена тремя списками (в их числе Троицкий № 44, см. www.old.stsl.ru). При этом один из трех списков, Ундельского № 1, является непосредственной копией Троицкого в этой своей части, а другой самостоятельный список из собрания Дорохотова № 13 (БАН) имеет следы сверки с рукописью, близкой Хронографической редакции (?). В более поздних ветвях (Пичхадзе 1996: 21) видим собственно Русскую позднюю группу и Русскую позднюю с глоссами и исправлениями по древнееврейскому Масоретскому тексту (Грищенко 2018: 78–79). Обе поздние ветви объединяет ряд общих чтений, то есть они отошли не от общего протографа Русской редакции, а от его ответвлений — протографа Русской поздней. На материале Книги Исход известно, что все поздние списки содержат заимствования из Позднего или Афонского Паримейника (сборника выбранных чтений из Ветхого Завета, каковыми иногда заменялись фрагменты полного или четвертьего перевода уже с древности; Древнейший относят к самому раннему периоду древнеславянской книжности, но Поздний или Афонский создан в XIII–XIV вв.). В Книге Бытия общих чтений такого типа — позднего паримейного — для 2-й и 3-й ветвей Русской редакции не обнаружено, такие чтения имеются только в подгруппах и отдельных списках. Однако поскольку Бытие и Исход входят в сборники Пятикнижия и Восьмикнижия и, предполагается, принадлежат к одному древнеславянскому переводу, можно осторожно предположить, что период составления протографа обеих поздних групп Русской редакции — не ранее рубежа XIII–XIV вв. Хро-

нологию же появления этой редакции в целом пока установить не удается.

Южнославянская редакция делится на две группы: сербскую и болгарскую, ныне насчитывают около десятка ее списков (Славова). В Книге Бытия, Исход и Иисуса Навина в ней обнаружены заимствования из Исторической палеи — памятника, переведенного с греческого, по-видимому, в XIII в. (Reinhart 2007; см. также Славова 2015), что ограничивает время появления этой версии периодом после XIII века.

Редакции и группы отличаются определенными характерными особенностями. Так, Хронографическая редакция возникла, судя по всему, вследствие постепенного накопления и инноваций в процессе передачи текста. Южнославянская, напротив — скорее вследствие одномоментного вмешательства довольно смелого редактора. В Русской редакции гораздо больше, сравнительно с двумя остальными, пропусков. В ней также можно предполагать редактирование, которое, однако, выразилось в основном в сокращении текста, и особенно — так называемых библейских повторов. Повтор с некоторыми вариациями одних и тех же выражений является риторическим приемом, присущим для большинства библейских текстов, но редактор Русской редакции счел, по-видимому, эту особенность излишней и постарался «выпрямить» изложение. Характеристики зависят прежде всего от того, насколько консервативными или наоборот, креативными были редакторы и переписчики определенных ответвлений, и как они работали с материалом своих протографов. Хотя, конечно, значение имеют и особенности дальнейшей трансмиссии текста. Чтения редакций, их групп и в ряде случаев — подгрупп, прослеживаются на надежном материале, поскольку текст Книги Бытия содержит сотни узлов существенных разнотечений. Схема текстуальной трансмиссии из трех ветвей благоприятствует текстологическим исследованиям, тогда как при наличии лишь двух ветвей возникает дихотомия разнотечений, что усложняет определение ближайшей к протографу версии.

БИБЛИОГРАФИЯ

Вилкул Т.Л. Летопись и хронограф. Текстология домонгольского киевского летописания. М., 2019.

Грищенко А.И. Славяно-русские Пятикнижия XV–XVI вв. с правками и гlossenами по Масоретскому тексту и другим семитским источникам: новые лингвотекстологические данные // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики. XVI Международный съезд славистов. Белград, 20–27 августа 2018 г. Доклады российской делегации. М., 2018. С. 62–81.

Книга Ісуса Навина. Давньослов'янський четій текст за списками XIV–XVI століть / Упорядкування та вступна стаття Тетяни Вілкул. («Київське християнство», 9). Львів, 2017.

Книга Исход. Древнеславянский полный (четый) текст по спискам XIV–XVI веков / Составитель Т.Л. Вилкул. М., 2015.

Михайлов А.В. Книга Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе, 1–4. Варшава, 1900–1908.

Пичхадзе А.А. К истории четьего текста славянского Восьмикнижия // ТОДРЛ. 49 (1996). С. 10–21.

Славова Т. Историческата палея и славянска хронографска традиция // Полюстров. Scripta slavica Mario Capaldo dicata. М., 2015. С. 256–265.

Славова Т. Южнославянската ръкописна традиция на книга Битие (археография, структура и сегментация на текста) // Стабрългарска литература. София, 2018. С. 96–127.

Reinhart J. Die älteste Bezeugung der Historischen Paläa in slavischen Übersetzung (Cod. Slav. Vindob. nr. 158) // Прилози за книжевност, језик, историју и фолклор. Београд, 2007. Кн. 73. Бр. 1–4. С. 45–75.

Ю.Я. Вин

ЭКСПЕРТНАЯ СИСТЕМА «ВИЗАНТИЙСКОЕ ПРАВО И АКТЫ» ПРЕЗЕНТАЦИЯ 2020

На Международных конгрессах византийских исследований в Софии (2011 г.), а затем в Белграде (2016 г.) был предложен план создания и продемонстрированы первые результаты построения «Экспертной системы “Византийское право и акты”» (ЭС). В настоящее время названный инновационный проект представляет концептуальную версию программного продукта. Построение ЭС осуществляется комплексно на принципах системного подхода к разработке и внедрению средств обеспечения свободного доступа к видео-, аудио- и текстовой информации экспертных данных о памятниках византийского права и актах. Средоточием экспертной информации является информационно-поисковый массив Базы знаний «Аннотации» (БЗА). Она предназначена поддерживать информационно-аналитическую экспертизу материалов византийского права и актов в качестве научно-критического аппарата. Блок информационной экспертизы (БИЭ) служит основным средством хранения и непосредственной презентации экспертных знаний в составе ЭС. Он аккумулирует в собственном смысле слова экспертные данные, включая видео-, аудио- и текстовые интервью ведущих отраслевых специалистов, а также служащие для получения экспертных оценок графические (схемы и таблицы) и изобразительные материалы.

Приоритетной задачей проекта является разработка программных средств поддержки машинной обработки экспертной информации БЗА и БИЭ, прежде всего систем спе-

циального информационно-аналитического поиска и навигации. ЭС включает разноплановые по содержанию, составу и происхождению документы: памятники византийского и средневекового славянского права и актовые материалы, написанные на средневековом латинском, греческом и славянском языках, включая тексты как на кириллице, так и на глаголице. В их составе выделяется рецептированная лексика, транскрибированная знаками разных алфавитов. Соответственно, возникает потребность в различных технических средствах машинного анализа текстов источников смешанного характера различной степени структурированности, а также реализующегося на основе взаимодействия всех программных приложений ЭС научно-критического аппарата и экспертной информации, репрезентируемой в указанных приложениях.

БЗА ориентирована на специальный категориальный поиск в информационно-поисковом массиве научно-критического аппарата источников. Она представляет иско-мые сведения как электронных репликаций печатных изданий, так и оригинальные материалы изысканий экспертов и пользователей ЭС. Особая информационно-аналитическая функция БЗА поддерживает презентацию данных о связях отдельных разделов и статей памятников права и актов. Так, разработан прогностический поиск данных в информационно-поисковом массиве БЗА. Он предполагает осуществлять на основе установленных сведений экспликацию ранее неочевидных для пользователя связей отдельных разделов и статей законов и актов. Система многофункционального поиска по дескрипторам раскрывает сведения об атрибуции документов, их датировках, проблемно-тематические классификаторы, примечания и комментарии экспертов. Равным образом осуществляется понятийно-терминологический поиск, а также поддерживается поиск латинской, греческой и славянской лексики памятников византийского права и его славянских рецепций.

Материалы экспертных интервью в составе ЭС доступны для просмотра и ознакомления как через посредство самого БИЭ, так и внедренной для каждой соответствующей позиции системы отсылок в программных приложениях ЭС

(БЗА, Блок понятий и терминов, Блок «Имена», Блок когнитивного картирования, приложение «Словарь»). Здесь видеоинтервью могут быть представлены в режиме так называемой Дискуссии — последовательного просмотра и прослушивания экспертных интервью в заданном хронологическом диапазоне.

В 2015 г. разработчики ЭС практически приступили к созданию ее он-лайн версии, обнародовав в Интернете видео- и текстовые экспертные интервью, с которыми можно ознакомиться на сайте проекта в открытом доступе. На настоящем этапе построения ЭС идет разработка демоверсии он-лайн Тезауруса понятий и терминов (ЭТ). К настоящему времени разработана его Альфа-версия. Системными чертами ЭТ является интеграция аутентичных латинских, греческих и славянских понятий и терминов, включая рецепции и транслитерации, совокупная презентация лексики, в том числе — словоформ, синтагм и словосочетаний, раскрытие значений слов в контексте изучаемых источников. Алгоритм работы ЭТ строится на выборе аутентичного понятия и термина. В дальнейшем предполагается внедрение алгоритма, отправляющегося от значения слова. В составе ЭТ также предусмотрена презентация материалов Словников, инсталлированных в БД ЭС источников независимо от языка и форм транскрипции лексики. Разработка программных функций он-лайн версии ЭТ производится с учетом научной актуальности и концептуального подхода к анализу материалов византийского и средневекового славянского права и актов. Приоритет отдан презентации результатов изысканий в сфере рецепции и транслитерации понятий и терминов византийского права и актов.

В научном плане осуществления настоящего проекта ввод в состав ЭТ рецепций и транслитераций понятий и терминов византийского права и актов требует выявления и систематизации указанных лексических единиц с применением инновационных методов их анализа. В дальнейшем предполагается проектирование систем редактирования и управления он-лайн версии ЭТ. Так, намечена разработка функции соотнесения аутентичных понятий и терминов различных языков сообразно их семантике путем машинно-

го анализа текстов памятников права и актов. Выполнение указанных задач наравне с репрезентацией собственно экспертной информации (интервью экспертов) станет предпосылкой успешного построения он-лайн версии как самого ЭТ, так и он-лайн версии ЭС, неотъемлемой частью которой предназначен служить ЭТ.

Доклады на тему ЭС, включенные в программы упомянутых конгрессов византийских исследований (София, 2011; Белград, 2016), были представлены в разделах, посвященных «будущему византинистики». Однако ЭС отнюдь не будущее, а уже настоящее лицо науки. Это не банковский «фьючерс», а проект, нуждающейся в реальной поддержке, и прежде всего специалистов, чей профессиональный опыт позволяет дать экспертное интервью, рассказать о подробностях, написать комментарий, дополнить Аннотации к включенному в БД ЭС источнику и информационно-поисковые массивы других программных приложений новыми данными или просто исправить допущенную там ошибку. С проектом ЭС, включая коллекцию экспертных интервью, можно ознакомиться на веб-сайте проекта (<https://www.byzlaw.ru>, <https://en.byzlaw.ru>, то есть <https://sites.google.com/site/byzanlaw>; <https://sites.google.com/site/byzanlawen>). Здесь также размещена демоверсия ЭС-2016 (<http://www.byzlaw.ru/exp-sys>). Члены проекта «Экспертная система “Византийское право и акты”» приглашают всех заинтересованных специалистов, отечественных и зарубежных, к активному сотрудничеству и участию в настоящем проекте.

М.В. ВИНОКУРОВА

ПОМЕСТНЫЕ ОПИСИ КАК МАССОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО МАНОРА ПРЕДМЕТ И МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ

Данный текст посвящен вопросу о специфике составления и возможностях исследования главного типа документов по аграрной истории Англии. Речь идет о массовых источниках, на материале которых основано большинство положений и выводов отечественной историографии по социально-экономическому развитию английского манора периода Средневековья и начала Нового времени (Барг 1962; Косминский 1947; Лавровский 1966).

Характеристика указанных источников в качестве *массовых* предполагает а) идентичные причины и обстоятельства составления описей отдельных маноров, включаемых в свод (кадастр), б) стандартные их содержание и форму, в) большую (измеряемую десятками и сотнями тысяч акров) территорию, подлежащую включению в описи.

Характеристика указанного типа источников для XVI — начала XVII в. может быть дана на примере крупных земельных кадастров, относящихся, в частности, к юго-западному региону Англии (Винокурова 2004: 17–36). Более всего нам интересен вопрос о том, как (на основании каких принципов) составлялись описи, и как их можно исследовать ныне.

В распоряжении автора имеется обширный материал манориальных описей графов Пемброков в юго-западной Англии (графство Уилтшир), крупнейших лендлордов периода

правления Елизаветы и первых Стюартов. Существует две серии описей земель Пемброков. Первая относится к 60-м гг. XVI в., а вторая фиксирует состояние владений этой влиятельной фамилии в 30-е гг. XVII столетия. (Survey of the Lands 1909; Survey of the Manors 1953).

Хотя манориальные описи давно уже изучаются отечественными историками-аграрниками, тем не менее, в нашей литературе найдется не так уж много примеров аналитического разбора этого типа источников по отношению к периоду раннего Нового времени. Для аграрной истории эпохи Средневековья эту задачу выполнил Е.А. Косминский (Косминский 1947: 47–121).

Экстенты маноров владений Пемброков елизаветинских времен составлены на латинском языке. Они представляют собой 122 пергаменные мембранны, сшитые в несколько связок-томов. В течение трех с лишним веков эти документы пролежали в графской канцелярии, и были обнаружены лишь в начале XX в. В 1909 г. источники были обработаны и опубликованы Чарльзом Стратоном.

Второй интересующий нас земельный кадастровый был составлен примерно через три четверти века (в 1631–1632 гг.), а опубликован Эриком Керриджем лишь в 1953 г. в отчетах Уилтширского общества археологии и естественной истории.

Какой материал содержат интересующие нас источники манориальной истории предреволюционной Англии?

Во-первых, эти тексты дают представление о размерах крупного землевладения в Англии — Пемброки владели десятками тысяч акров земель, в состав которых входили пашни, луга, пастбища, леса, пустоши и т.д.

Во-вторых, из описей (особенно из земельного кадастра 1566–1567 гг.) отчетливо проступают система поместной администрации, особенности работы манориальной курии (местного суда) и специфики обычая.

В-третьих, клерки позаботились и о том, чтобы провести вполне четкую границу между отдельными категориями держательского состава: деление сельского населения маноров на фригольдеров, копигольдеров и арендаторов дает основание для решения вопроса об особенностях юридической и социально-имущественной дифференциации в их среде.

Наконец, эти важные тексты дают обширный материал об эволюции рентных отношений. В них обычно содержатся подробные данные о размерах выплачиваемых рент, как денежных, так и натуральных, а зачастую — и отработочных, подробно указываются размеры доходов, вступных платежей (файнов) и гериотов (посмертных платежей).

Манориальные описи, и в частности, экстенты маноров Пемброков, таким образом, позволяют нам использовать их в качестве надежных и репрезентативных источников для выяснения вопроса о специфике развития аграрных отношений в Англии в канун революции середины XVII века.

В этой важнейшей проблеме имеется много аспектов, осветить которые возможно лишь на основе применения сравнительно-статистического метода данного массового материала.

К их числу относятся, например:

- соотношение юридических типов держаний (манориальная и держательская структура);
- сословная принадлежность держателей;
- юридический статус держаний;
- дифференциация крестьян различных сословных статусов;
- соотношение суммы рент с единицами держания на земле различных юридических статусов;
- сословная и экономическая характеристика аренды;
- проблема свободного держания.

Получить качественно выраженные ответы на совокупность этих (и многих других) вопросов является для компактной группы маноров редкой, если не уникальной возможностью даже на одном и том же хронологическом срезе. Познавательная важность манориальных описей как основного типа источников по аграрной истории еще более повышается от того, что использование метода сравнительно-статистического анализа на различных хронологических срезах позволяет выявлять не просто *статику*, а *социальную динамику* процессов, имевших место в сельской экономике предреволюционной Англии.

При работе с массовыми источниками стоит помнить, что точность статистических подсчетов и точность резуль-

татов исследования — далеко не одно и то же. Результаты сравнительно-статистического исследования документов манориальной истории зависят прежде всего от исторической логики самих приемов этого исследования. Поэтому при анализе таких источников есть смысл учитывать следующие важнейшие принципы:

1. территориальные пределы изучаемого региона должны полностью совпадать в сравниваемых хронологических разрезах (территориальный принцип);

2. однородность содержания разновременных земельных кадастров должна служить основанием для одних и тех же принципов группировки данных, чем максимально обеспечивается сопоставимость результатов исследования на различных хронологических срезах (принцип идентичности данных).

Ценность сравнительно-статистического исследования, построенного на указанных принципах, значительно повышается, ибо его результаты, являясь в начале анализа абсолютно непредсказуемыми, в конечном итоге полностью поддаются проверке.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Барг М.А. Исследования по истории английского феодализма в XI–XIII вв. М., 1962.
- Винокурова М.В. Мир английского манора. По земельным описям Ланкашира и Уилтшира второй половины XVI — начала XVII в. М., 2004.
- Косминский Е.А. Исследования по аграрной истории Англии XIII в. М.; Л., 1947.
- Лавровский В.М. Исследование по аграрной истории Англии XVII–XIX вв. М., 1966.
- Survey of the Lands of William the First Earl of Pembroke, 1566–1567. Oxford, 1909.
- Survey of the Manors of Philipp the First Earl of Pembroke and Montgomery. 1631–1632. Devizes, 1953.

Г.М. ВОРОБЬЕВ

ЗАЛЁЖНОСТЬ БУМАГИ И ДАТИРОВКА РУКОПИСЕЙ ДИМИТРИЯ ХАЛКОКОНДИЛА (1423–1511)

Как показывают работы последних десятилетий (Поля Канара, Джузеппе Де Грегорио и др.), анализ водяных знаков существенно помогает изучению индивидуальных греческих почерков XV–XVI вв. Исследование бумаги обретает особое значение в тех случаях, когда почерк писца оставался более или менее однородным на протяжении жизни, ведь тогда установление хронологии его рукописей при помощи собственно палеографического анализа затруднено.

В этом отношении характерен пример Димитрия Халкокондила (1423–1511), одного из византийских ученых, переехавших в Италию в середине XV в. Он известен прежде всего как преподаватель древнегреческой словесности, у которого учились знаменитые гуманисты, и как редактор первого печатного издания Гомера. На протяжении жизни Халкокондил не только заказывал рукописи профессиональным переписчикам, но и сам переписывал книги для себя, для друзей и учеников.

В разрозненных работах ряда исследователей около трех дюжин греческих рукописей приписываются перу Халкокондила, в основном это сочинения античных авторов. Первое систематическое исследование этих рукописей было предпринято в моей диссертации, защищенной в Римском университете «Сapiенца». Ни в одном из переписанных Халкокондилом кодексов (за исключением одного спорного случая) он не указал даты завершения копирования. По-

скольку он прожил долгую жизнь и успел поработать в нескольких итальянских городах, можно попытаться датировать переписанные им рукописи по тем или иным внешним признакам, чтобы затем сделать выводы об эволюции его письма. Все рассмотренные кодексы за исключением двух писаны на бумаге, поэтому наряду с просопографическими и текстологическими сведениями в основу датировки легли результаты анализа филиграней.

По итогам изучения водяных знаков, встретившихся в кодексах руки Халкокондила, в докладе будет сделана попытка выяснить, на протяжении какого времени он мог хранить партии неиспользованной бумаги. Особое внимание будет уделено двум кодексам из Французской национальной библиотеки, grec 2060 (выдержки из комментариев разных авторов к «Никомаховой этике» Аристотеля) и grec 2770 (выдержки из комментария Евстафия к «Илиаде»), которые, очевидно, переписаны на перемешанных остатках нескольких разных партий бумаги: в первой рукописи (380 лл.) встретилось девять разных мотивов филиграней, во второй (201 лл.) — одиннадцать. Использование такого большого количества разных сортов бумаги внутри одного кодекса нехарактерно для Халкокондила. Видимо, эти две книги служили рабочими экземплярами, создавались на скорую руку (это видно и по письму, и по ряду других характеристик), поэтому на их изготовление не зазорно было пустить листы, остававшиеся от нескольких разных партий. Представляется, что время создания этих двух рукописей можно, пусть и с определенной осторожностью, принять в качестве *terminus ante quem* для датировки тех кодексов, в которых те же партии бумаги использованы последовательно.

Если предложенная реконструкция верна, случай Халкокондила служит примером того, как анализ распределения сортов бумаги в блоке той или иной рукописи может помочь установлению относительной хронологии создания других рукописей того же переписчика.

П.Ш. ГАБДРАХМАНОВ

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГРАМОТЫ КАК ГИБРИДНЫЕ ТЕКСТЫ

Современная дипломатика обновляется. Все чаще говорят о «новой дипломатике» (*nouvelle diplomatie*). Из «вспомогательной дисциплины» она стала частью нового направления о средневековой «культуре письма» (*culture d'écrit*). От традиционной дипломатики ее отличает несколько иное отношение к средневековой грамоте, не просто как к «акту юридической практики», а еще и как к формализованному *документальному тексту*. С этой точки зрения важно не только то, что сообщается в грамоте, но и как об этом в ней говорится. Отсюда возникает особый интерес исследователя к *дискурсу писца и форме* грамоты во всех ее проявлениях.

В предлагаемом сообщении показаны некоторые предварительные итоги собственной работы автора в рамках указанного направления с грамотами об алтарных трибутиариях из архива аббатства св. Петра в Генте (RAG. StP. VL; RAG. Bisdom), частично опубликованными (Van Lokeren; Fayen; Boeren; Gysseling-Koch). Речь пойдет о случаях выявления в результате проделанного им анализа, так называемых *грамот-гибридов*.

Начало данному исследованию было положено статьей о «двуликом хирографе» (Габдрахманов 2007: 143–161), в котором странным образом «нераздельно и неслиянно» сочетаются признаки как *грамоты-описи* алтарных трибутиарев, так и *описи грамот* об алтарных трибутиариях названного аббатства.

Затем в другой статье (Габдрахманов 2016: 145–198) были рассмотрены тексты нескольких грамот, где говори-

лось об отдаче аббатом в феод своим вассалам монастырских алтарных трибутиарев. Тщательно проанализировав обстоятельства, вероятное время составления и написания этих грамот, их формат и формуляр, а также особенности содержащихся в них родословных описей алтарных трибутиарев, автор пришел к выводу о *композитной двойственности и гибридности* текстов этих грамот, поскольку в них акты инфеодации органично соединялись с актами, подтверждающими (или отстаивающими в судебном порядке) правовой статус этих алтарных трибутиарев. Все это свидетельствует о том, что средневековые грамоты принципиально мало чем отличались от других «текстов» средневековой культуры, в том числе даже, казалось бы, таких далеких от них по своей фактуре как средневековые миниатюры, в которых гибридные изображения тоже занимали немалое место.

В еще одной статье (Габдрахманов 2017: 13–58) было обращено внимание на существование некоторых странных грамот XII в., в которых имеются явные нестыковки при их датировке, так как упоминаемые в них властные лица и свидетели, жившие в совершенно разное время, якобы были современниками или свидетелями описанных в этих грамотах актов самодарений на алтарь монастыря, совершенных некогда некоторыми женщинами, хотя сами эти персоны, годы жизни которых нам известны, никак не могли бы все вместе быть участниками этих событий. Объяснения этим несурвностям, суть которых сводилась лишь к возможным ошибкам, допущенным писцами при датировке этих грамот, и варианты «исправления» этих ошибок, предложенные ранее издателями этих грамот, далеко не всегда «снимают» все вопросы в их датировке. Вот почему в статье была предложена принципиально иная объяснительная гипотеза о якобы «ошибочно датированных» грамотах, в которой автор — обратив внимание на существовавший тогда средневековый обычай многократного повторения одного и того же публичного акта — предположил, что в таких случаях мы вновь имеем дело со своеобразными *гибридными грамотами*, в которых в ходе их обновления (*renovatio*) произошло наложение текста одного, более раннего акта на текст другого, более позднего, вследствие чего упомянутые в этих грамотах

лица, жившие в совершенно разное время, оказывались как бы современниками одного и того же события.

В последующей статье (Габдрахманов 2018: 107–127) автор произвел дополнительную проверку версии о гибридности грамот с «неправильной» датировкой. Он обратил внимание на существование многочисленных *грамот-дубликатов* с идентичным содержанием, записанных в разное время, а также таких пар сходных грамот, в каждой из которых поздние копии все же подвергались определенному *редактированию* после осуществленной новой процедуры повторного акта, что косвенным образом подтверждает высказанную ранее гипотезу о возможности образования вследствие этого гибридных грамот.

БИБЛИОГРАФИЯ

Габдрахманов П.Ш. Что за оказия? Казус средневекового хирографа из архива аббатства св. Петра в Генте // Средние века: Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. М., 2007. Вып. 68 (2). С. 143–161.

Габдрахманов П.Ш. «Мертвые души» рыцаря Яна из Леде, сеньора Ландегем // Обман как повседневная практика. Индивидуальные и коллективные стратегии поведения. Коллективная монография / Под ред. О.И. Тогоевой и О.Е. Кошелевой. М., 2016. С. 145–198.

Габдрахманов П.Ш. Мнимые ошибки в датировке грамот об алтарных трибутиариях аббатства св. Петра в Генте XI–XIII вв. // Стратегии обмана в обществах Средних веков и Нового времени. Сб. статей / Под ред. О.И. Тогоевой и О.Е. Кошелевой. М., 2017. С. 13–58.

Габдрахманов П.Ш. Ревизия гипотезы о гибридных грамотах // Обманые практики и доверительные отношения. Поведенческие стратегии в меняющихся социокультурных условиях Европы (Средние века и Новое время). Коллективная монография / Под ред. О.И. Тогоевой и О.Е. Кошелевой. М., 2018. С. 107–127.

Boeren P.C. Etude sur les tributaires d'église dans le comté de Flandre du IXe au XIVe siècles. Amsterdam, 1936. Appendices.

Fayen — Liber Traditionum Sancti Petri Blandiniensis. Livre des donations, faits à l'abbaye de Saint-Pierre de Gand, depuis ses

origines jusqu'au XIe siècle, avec des additions jusqu'en 1273 /
Publ. et annoté par A. Fayen. Gand, 1906.

Gysseling-Koch — Diplomata Belgica ante annum millesimum
centesimum scripta / Uitg.M. Gysseling et A.C.F. Koch. s. l., 1950.

RAG. StP. VL — Rijksarchief te Gent, Sint-Pietersabdij, Van Lokeren.

RAG. Bisdom — Rijksarchief te Gent, Bisdom.

Van Lokeren — Chartes et documents de l'abbaye de Saint-Pierre au
Mont-Blandin à Gand / Éd. par A. Van Lokeren. Gand, 1868. T. I.

Т.В. Гимон

ЛЕТОПИСЕВЕДЕНИЕ И ЭПИГРАФИКА

ЗАПИСИ О СМЕРТЯХ И О ЦЕРКОВНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ У АНГЛО-САКСОВ И НА РУСИ

События одного и того же типа могли фиксироваться в текстах разных видов и на разных носителях. В настоящем докладе я предлагаю посмотреть на записи о событиях двух типов — смертях и строительстве церквей — в двух разных обществах, недавно приобщившихся к письменной культуре: в англо-саксонских королевствах и в Древней Руси.

Записи о смерти. Сообщения о смертях князей, церковных иерархов, изредка — иных лиц составляют важную часть содержания древнерусских летописей. Краткие статьи «Повести временных лет» за 1000–1011 гг., которые ученые почти единогласно считают осколком древнейших анналистических записей (см.: Гимон 2016б: 770–772), состоят почти исключительно из сообщений о смертях. В то же время у нас имеются записи о смертях, сделанные на других носителях. Так, предположительно первой половиной XI в. (Михеев 2011) датируется Воймерицкий крест, поставленный в память о двоих умерших (ср. также более поздние крест из Ростиславля Рязанского, надгробие монаха Зеновия). Довольно многочисленны граффити в церквях, сообщающие о чьей-либо смерти: иногда — без годовой даты, только указанием месяца и дня, а иногда — с годовой датой, наподобие летописных известий. Граффити о смертях создавались с середины XI в., а в новгородском Юрьеве монастыре в конце XII – первой половине XIII в. как будто даже носили характер систематической записи кончин первых лиц Новгорода (см.: Гиппиус, Седов 2016: 200–204, 208).

Ситуация в англо-саксонских королевствах аналогична. С одной стороны, смерти — важнейшее содержание как древнейших кратких анналов (анналы на пасхалиях VII–VIII вв., анналистические продолжения труда Беды Достопочтенного, VIII в., — см.: Гимон 2016а: 400–404, 410), так и составлявшейся с конца IX в. Англо-Саксонской хроники, стилистически весьма близкой к древнерусским летописям (см. о ее тематике: Метлицкая 2008: 159–160, 196–201; Гимон 2012а: 150–160). С другой стороны, судя по всему, в Англии рано стали создаваться надгробные надписи: в одних случаях историк начала VIII в. Беда Достопочтенный цитирует либо упоминает подобные тексты; в других они, весьма вероятно, послужили ему источником фактологической информации (см.: Shaw 2018: 42–43, 107–110, 196–204). От VIII–IX вв. и более позднего времени сохранились надгробные и/или поминальные надписи на камне, включая кресты (Okasha 1971: № 23, 30, 39, 69, 87, 92, 94, 111, 116, 135, 138, 144, 145, 153), на свинцовых пластинах и крестиках (Okasha 1971: № 7, 21, etc.), и др.

Записи о церковном строительстве. На Руси известия о церковном строительстве в летописях довольно многочисленны. Их больше всего в летописании Новгорода (с 1110-х годов) и Северо-Восточной Руси (со второй половины XII в.), где они составляют около 10% от всех сообщений; в меньшем количестве они присутствуют в киевском летописании XI–XII вв. (Гимон 2012б: 43–45; Guimon 2015: 96–97; Виноградов 2020: 46–47). Для известий о церковном строительстве (включая даже киевские) характерна трафаретность, повторение стандартных формулировок. В плане содержания важнейшей чертой является упоминание заказчиков строительства, хотя и не во всех случаях. Наоборот, ранних надписей о церковном строительстве на Руси практически нет. Одно исключение — предположительно сообщающее о переосвящении киевской Софии графити 1052 г. (Гиппиус 2016). Другое — антиминс (плат, на котором совершается литургия) с надписью об освящении церкви св. Георгия в 1148 г. В последнем случае вероятно, что подобные надписи составлялись регулярно (ср.: Виноградов 2020: 49).

В Англии ситуация противоположная. Ранние краткие анналы вообще не содержат записей о церковном строительстве. В Anglo-Saxonской хронике они присутствуют, но весьма редки (Метлицкая 2008: 197, 199, 201; Гимон 2012а: 153–154, 157, 159–160). В то же время у англо-саксов, вне всякого сомнения, существовала традиция помещать надписи об освящении церквей на самих зданиях. Древнейший пример — надпись из Ярроу 685 г. (см.: Higgitt 1979). Всего подобных текстов около полутора десятков (большинство, правда, уже XI в.), и для них тоже характерно упоминание заказчика (см. перечень: Higgitt 1979: 367–370). Кроме того, исследование труда Беды Достопочтенного показало, что в числе его источников были не дошедшие до нас подобные надписи VII в. (Shaw 2018: 48–54, 193–196).

Подведем итог. В обоих случаях мы можем говорить о, так сказать, взаимозаменяемости двух форм записи: в пергаменной летописи и на твердом носителе. В силу, видимо, набора конкретных причин и культурных влияний в одном случае (со смертями) в обеих странах получили развитие разнообразные формы письменной фиксации, а в другом случае (со строительством церквей) эту функцию взяла на себя какая-то одна традиция: эпиграфическая у англо-саксов и летописная — на Руси (впрочем, единственный уцелевший древнерусский антиминс может быть осколком еще одной традиции). Важнее же всего то, что эти два типа событий и в англо-сaxonских королевствах, и на Руси стали фиксироваться на письме весьма рано (в VII и XI вв. соответственно), что, с одной стороны, объяснимо в христианском контексте, а с другой — находит многочисленные архаические, дохристианские параллели (см. некоторые соображения: Гимон 2019: 225–229, 231–232).

БИБЛИОГРАФИЯ

Виноградов А.Ю. Освящения храмов в письменной традиции Византии и Руси (середина IX — первая половина XIII в.) // Восточная Европа в древности и средневековье: Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 2020. Вып. 32: Сравнительные исследования социокультурных практик. С. 45–50.

- Гимон 2012а – Гимон Т.В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование.* М., 2012.
- Гимон 2012б – Гимон Т.В. Тематика сообщений Лаврентьевской летописи (текст за 1156–1263 гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского.* 2012. № 6. Ч. 3. С. 42–47.
- Гимон 2016а – Гимон Т.В. Зарождение историописания в Англо-Саксонской Англии // Древнейшие государства Восточной Европы,* 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья / Отв. ред. Д.Д. Беляев и Т.В. Гимон. М., 2016. С. 365–438.
- Гимон 2016б – Гимон Т.В. К проблеме зарождения историописания в Древней Руси // Древнейшие государства Восточной Европы,* 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья / Отв. ред. Д.Д. Беляев и Т.В. Гимон. М., 2016. С. 748–800.
- Гимон Т.В. Князь Владимир и письменность // Древнейшие государства Восточной Европы,* 2017–2018 год: Ранние формы и функции письма / Отв. ред. Т.В. Гимон. М., 2019. С. 216–240.
- Гиппкус А.А. К прочтению надписи № 3541 Софии Киевской // Восточная Европа в древности и средневековье: Письменность как элемент государственной инфраструктуры: XXVIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто,* 20–22 апреля 2016 г.: Материалы конференции. М., 2016. С. 79–81.
- Гиппкус А.А., Седов Вл.В. Находки в Георгиевском соборе Юрьева монастыря: новые фрески и новые надписи // Труды Отделения историко-филологических наук,* 2015. М., 2016. С. 190–208.
- Метлицкая З.Ю. История в хрониках: Историческое сознание англосаксонской Англии // Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной.* М., 2008. С. 149–201.
- Мухеев С.М. Надпись на каменном кресте из Воймериц на реке Мсте — памятник начальной истории древнерусской письменности // Вопросы эпиграфики.* М., 2012. Вып. 6. С. 7–30.
- Guimon T.V. What Events Were Reported by the Old Rus' Chroniclers? // COLLeGIUM: Studies across Disciplines in the Humanities and Social Sciences.* Helsinki, 2015. Vol. 17: Past and Present in Medieval Chronicles. Электронный ресурс [режим доступа: https://helda.helsinki.fi/bitstream/handle/10138/153792/VOL17_05_guimon.pdf?sequence=1].
- Higgitt J. The Dedication Inscription at Jarrow and its Context // The Antiquaries Journal.* 1979. Vol. 59. N 2. P. 343–374.

Okasha E. Hand-List of Anglo-Saxon Non-Runic Inscriptions. Cambridge,
1971.

Shaw R. The Gregorian Mission to Kent in Bede's *Ecclesiastical History*:
Methodology and Sources. L.; N.Y., 2018.

А.Л. ГРЯЗНОВ

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ КАНЦЕЛЯРИЙ КНЯЗЕЙ МОСКОВСКОГО ДОМА В СЕРЕДИНЕ – ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV ВЕКА

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
(проект № 20-09-00360)*

К концу правления Василия II княжеская канцелярия превращается в фактический центр административной власти интенсивно растущего государства. Время наследников Василия II — период усиленного развития этой тенденции и перехода ее в новое качество. Хотя прямые сведения непосредственно о княжеских канцеляриях этого времени крайне фрагментарны, тем не менее, о деятельности и эволюции этих учреждений можно судить, анализируя их непосредственный продукт — документы, в первую очередь акты.

Поскольку под термином княжеская канцелярия подразумеваем постоянно существующее учреждение, объединяющее группу людей, занимавшихся оформлением, хранением и упорядочиванием документации, как изданной тем или иным князем, так и поступившей ему, то первое, что целесообразнее всего исследовать — персональный состав канцелярий. За вторую половину XV в. в источниках встречается более сотни великокняжеских и удельных дьяков. Часть из них — всего один раз, но значительная число дьяков именно в этом качестве упоминается многократно, некоторые — на протяжении нескольких десятилетий. Четко прослеживается персональная преемственность с составом великокняжеской

канцелярии Василия II. Его дьяки распределяются между канцеляриями Ивана III и его удельных братьев и матери.

Длительный срок службы как удельных, так и великокняжеских дьяков свидетельствует о том, что компетенция старых дьяков позволяла работать и в государственном аппарате постоянно растущего и трансформирующегося государства. Вместе с тем, по сравнению с предыдущим временем заметен рост числа дьяков, причем в несколько раз. Следовательно, многократно увеличивается объем выполняемой ими работы, то есть продукции княжеских канцелярий.

Для обозначения сотрудников княжеских канцелярий продолжают использоваться прежние термины. Чиновник высшей категории, составляющий важные документы (например, княжеские духовные) и обладающий правом ставить княжескую подпись на грамотах, называется дьяком. Младший сотрудник канцелярии, составляющий текущую документацию или пишущий непосредственно текст жалованной грамоты или иного документа — подьячий. Одновременно как в великокняжеской, так и в удельной канцелярии работает несколько дьяков. Подьячих (определяемых по почерку) больше, чем дьяков.

Сохраняется право дьяков менять адрес службы. Во всяком случае, о каких-либо санкциях за такой переход источники не сообщают. Как и прежде, переход из удела на великокняжескую службу не сопровождается потерей статуса, во всяком случае, известны дьяки, работавшие как в удельных канцеляриях, так затем и в великокняжеской.

В XV в. упоминаются лица, совмещавшие должность дьяка и казначея или дворецкого, но к концу XV в. эти должности уже стабильно разделяются, и казначеями и дворецкими назначаются лица не дьяческого круга. К числу лиц, участвовавших в работе канцелярий, относились печатники, которые осуществляли финальную часть процедуры заверения грамоты — прикладывали княжескую печать. Известные по именам печатники удельных князей были попами.

Во второй половине XV в. расширяется круг сфер, в которых фиксируется участие дьяков. Они привлекаются для проведения писцовых описаний и землеустроительных работ, участвуют в судебных заседаниях, входят в состав по-

сольств, проводят ревизию документов на присоединяемых территориях. Отдельная сфера деятельности дьяков и подъячих — организация работы великокняжеского архива (как части казны). В случае необходимости в казну делался запрос о сведениях, содержащихся в писцовых книгах или актах. В особых случаях составлялись подборки документов по отдельным проблемам. В духовной Ивана III указаны дьяки, ответственные за хранение имущества, передаваемого великокняжеским сыновьям. В связке с ними упомянуты казначей и печатник. Эти должностные лица тоже были связаны с функционированием княжеской канцелярии. Казначей заведовал казнью, в которой непосредственно хранились документы, а печатник участвовал в заверении документов, исходивших из княжеской канцелярии.

По подлинникам хорошо видна утилитарная функция создававшихся в канцеляриях документов, в том числе и жалованных грамот. Они пишутся без украшений и помпезности, в них нет каких-то особо выдающихся образцов каллиграфии. Размер документа прямо связан с его текстом. Никаких лишних полей не оставляется, поэтому княжеская грамота может быть очень маленьких размеров. Тем не менее, оформление показывает, что сами выданные грамоты являются «беловиками», в них нет помарок и исправлений, почерк аккуратный, поля выдержаны со всех сторон (в отличие от более раннего периода).

Сохранение общих принципов композиции содержания грамоты на протяжении всего XV в. свидетельствует, что, скорее всего, для составления грамот использовались формулярники. Возможно, с тем, что разные дьяки могли использовать разные формулярники, мог несколько отличаться формуляр грамот. В свою очередь, постепенная эволюция формуляра может свидетельствовать о внесении в формулярники дополнений и правок.

Документы в основной своей массе писались на бумаге. Соответственно, обычно ставилась прикладная восковая печать. Судя по тому, что на нескольких грамотах на верхнем поле сохранились нижние части букв от написанного выше текста, для черновиков использовалась та же самая бумага, что и для белового текста.

Сама процедура создания жалованной грамоты выглядит следующим образом.

По распоряжению великого князя или лица, действующего от его имени, дьяк или подьячий составляли черновик документа. Одобренный текст переписывался подьячим на стандартно разрезанный лист бумаги. Уполномоченный велиокняжеский дьяк ставил на обороте княжескую подпись. Это первая степень защиты подлинности документа, поскольку у каждого ставившего ее дьяка был свой индивидуальный почерк. Второй элемент защиты подлинности документа и подтверждение личности уполномоченного дьяка — монограмма, которая могла быть поставлена в любом месте документа. Третий элемент удостоверения документа — княжеская печать, после приложения которой документ становился правомочным.

В правление Ивана III вместо издания новых грамот стандартной стала практика подписи подтверждения на старой грамоте от лица нового князя (подтверждения ставились только на грамотах князей московского дома). С конца XV в. отмирает традиция дьяческих монограмм. Княжеская подпись теперь ставится анонимным дьяком, но в подтверждениях явно указывается имя дьяка, подписавшего его.

Несмотря на большое количество лиц, упоминаемых в должности дьяка в правление Ивана III, только несколько из них ставили княжеские подписи на оборотах грамот, то есть существовало разделение сфер компетенции. Это же видно и на примере посольских дел, для которых привлекается довольно ограниченный круг лиц.

Укрепляется социальное положение дьяков. Они становятся обязательными участниками писцовых и судебных коллегий, включаются в тексты разрядных записей в качестве отдельной чиновной категории велиокняжеского двора. Их дети вливаются в низшие страты придворной молодежи.

A.H. ГУСЛИСТОВА

ТОРГОВЫЙ ФЛОТ ВОЛОГЖАН ПО ТАМОЖЕННЫМ КНИГАМ 1630-Х ГОДОВ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
(проект № 19-09-000147)*

Таможенные книги Сухоно-Двинского речного пути XVII в. являются крайне информативным и ценным массовым источником по социальному-экономической истории Русского Севера. На данный момент большая часть таможенных книг за 1630-е гг. опубликована. В них фиксировалось не только происхождение, ассортимент, цена и объем товара, система взимания и размеры таможенных пошлин, виды и размеры транспортных средств, но и записывались сведения о персональном составе участников торговли — посадских торговых людях, крестьянах, гостей и членов гостиной и суконных сотен. В ранних таможенных книгах 1620–1630-х гг. основное внимание уделялось пошлинам, которые брались с любого транспортного средства, проходившего через населенный пункт. Что делает вполне осуществимым подсчет общего количества вологодских речных судов. Раннее такой подсчет уже был сделан по опубликованным таможенным книгам 1670-х гг. (Гуслистова 2004).

Подсчет количества судов усложняется тем, что срок службы судов мог быть от 1 года (у лодок и барок) до 10 лет (у дощаников и лодий), поэтому количество судов за длительный отрезок времени сосчитать практически невозможно. Однако, если взять за условную единицу количество судов, зафиксированных в одном городе за одну навигацию, то мы получим формализованный хронологический срез,

который можно сравнивать с аналогичными выборками за другие годы.

Опубликованные таможенные книги Тотьмы за 1626/27 и 1634/35 гг. зафиксировали речную навигацию на Сухоне (часть Сухоно-Двинского пути) с апреля по октябрь. Судя по записям в других таможенных книгах, некоторые вологжане в навигацию могли совершать до трех поездок из Вологды в Архангельск и обратно. Следовательно, суда могли неоднократно использоваться всеми участниками торговых семейных компаний — как членами семьи, так и приказчиками. Поэтому речной транспорт, совпадающий по виду и размеру, но зафиксированный в разные месяцы, могло быть одним и тем же судном.

Помимо количества важно учитывать вид судов. Среди 120 вологодских судов в навигации 1626/27 гг. были как суда крупной грузоподъемности — 8 дощников и лодей в 20–25 саж. (около 42–51 м в длину), средней — 62 судна от 8 до 16 саж. (от 17 до 34 м) и 50 судов малой — лодки, барки и каюки, длина которых не указывалась. Через восемь лет картина меняется. В навигацию 1634/35 гг. при почти таком же количестве (118) крупных судов фиксируется чуть больше — 11, средних — 73, мелких — 34. Соотношение речного транспорта меняется в сторону увеличения судов крупной и средней тоннажности, что, несомненно, свидетельствует об увеличении объема перевозимых товаров. А появление в 1630-х гг. нового вида судна средней грузоподъемности — павозка — говорит о развитии судостроения и дальнейшей специализации торговли, требовавшей изменения или усложнения судов для нужд коммерческих перевозок.

По сведениям вологодской описи судов 1702 г., грузоподъемность судна зависела от его размеров. Судно среднего размера до 20 саж. вмещало до 25 тыс. пудов (4 тыс. т), от 8 до 13 саж. вмещали до 2400 т. (Вологда в период Петровских реформ 2007: 27–55).

Интересно рассмотреть персональный состав судовладельцев. В 1620-х гг. среди владельцев крупных судов (использовавшихся в том числе и для перевозки крупных партий соли) обозначены уже известные по другим источникам торговые крестьяне Казаковы и Белавинские, потомок из-

вестного с XV в. белозерского рода Кондратий Акишев и крупная торгово-семейная компания Досадиных с большой сетью приказчиков. И если Казаковы на протяжении восьми лет не меняют приоритеты в использовании именно крупных судов, то у Белавинских в 1630-х гг. такие суда уже не упоминаются, зато число средних судов возрастает от одного до трех. А фамилии Акишевых и Досадиных в 1634 г. уже не упоминаются.

В 1626 г. наибольшее количество средних дощаников и лодий — также у Досадиных, Фроловых, Сычуговых, Мериновых, Будая Рыбникова, Алачугиных. В 1634 г. Борис Алачугин, Фроловы и Мериновы продолжают владеть примерно таким же количеством судов, но новых имен больше — крестьяне Турундаевские, Федор Непотяговский, братья Константиновы и Яким Викулов.

Примерный груз среднего дощаника можно увидеть по записи в таможенной книге Вологды 1634/35 гг. — «Зиновей Фролов явил 2 дощаники с чюжими товары да своего товару 12 бочек полуберемянных вина красного, 2 бочка беремянных Петра Симана, 2 бочки вина френцузского, 45 чел. деловых» (Таможенная книга города Вологды 1984: 15).

Вологодские торговые судовые компании Казаковых, Белавинских, Акишевых, Рыбниковых, Мериновых, Досадиных, Алачугиных и Сычуговых специализировались на масштабных коммерческих грузоперевозках и транспортных услугах, не теряя связи с мелкооптовой городской торговлей, и достигли значительного успеха, который, в силу разных причин, кому-то из них не удалось позднее закрепить (Грязнов 2018; Гуслистова 2019).

Семья Фроловых, владевшая пятью судами в 1626/27 г. и шестью — в 1634/35 г., в чем-то похожа на уже известные вологодские компании первой половины XVII в. Глава семейной компании — Зиновий Фролов, по всей видимости, младший брат «середних» людей Бориса и Козьмы Фроловых д. Меньшиковых, живших в первой четверти XVII в. По писцовой книге 1627 г. ему принадлежали 3 лавки в соляном и серебряном рядах и амбар. (Писцовые и переписные книги Вологды: 47, 52, 58, 65, 168, 170) Семейная судовладельческая компания Зиновия, его брата (предположительного)

Филимона и племянника Самойла имела сеть приказчиков, успешно сочетала розничную торговлю в городских рядах с оптовыми операциями в городах по Сухоно-Двинскому пути, специализируясь на импорте и торговле солью.

Таким образом, в 1620–1630 гг. вологжане владели довольно крупным речным флотом, насчитывающим несколько видов судов, где были представлены как большие суда, предназначенные для крупных партий товара и дальних переходов, так средние и мелкие. Владельческая принадлежность судов показывает, что как минимум треть речного транспорта находилась в собственности у зажиточных торговых семейных компаний вологжан, которые могли использовать суда не только для собственного предпринимательства, но для коммерческих перевозок чужих товаров, в том числе и оказания транспортных услуг иностранным и привилегированным торговцам.

БИБЛИОГРАФИЯ

Вологда в период Петровских реформ. Сборник документов и материалов / Сост. М.С. Черкасова, А.Н. Гуслистова. Вологда, 2007.

Грязнов А.Л. Торговая компания Акишевых в конце XV–XVIII в. // Хозяйственные книги вологодского архиерейского дома святой Софии XVII — начала XVIII в. М.; СПб., 2018. С. 768–814.

Гуслистова А.Н. Торговые семейные компании вологжан первой трети XVII в. // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов X международной научной конференции (9–13 сентября 2019 г., Москва, Россия). М., 2019.

Гуслистова А.Н. Торговый речной флот вологжан в начальный период Петровских реформ // Историческое краеведение и архивы: материалы межрегиональной научной конференции. Вологда, 2004. Вып. 11. С. 92–102.

Писцовые и переписные книги Вологды XVII — начала XVIII века. Вологда, 2018. Т. 3.

Таможенная книга города Вологды 1634–1635 гг.: Ч. 1–3 / Публ. Е.Б. Французова. М., 1984.

И.А. ДАНИЛОВ

ГЕРСДОРФСКАЯ БИБЛИОТЕКА В СОБРАНИИ БАН КАК ИСТОЧНИК ПО КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ НЕМЕЦКИХ ЗЕМЕЛЬ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

На протяжении многих десятилетий вопрос о перемещенных в ходе Второй мировой войны культурных ценностях, к числу которых относятся и книжные собрания, остается в повестке межгосударственных российско-германских отношений. Между тем, ученым двух стран, заинтересованным прежде всего в изучении своего наследия, удалось наладить продуктивный диалог в обход имущественных споров (см. об этом: Dialog 2016). Стремление скрыть историю поступления «трофейных» артефактов в разные государственные собрания Советского Союза привело к тому, что она, как правило, намеренно плохо документирована и нуждается в дополнительных архивных разысканиях (пример удачной реконструкции см.: Дмитриева 2016: 79–81). Так называемое Герсдорфское собрание является ярким примером того, что могло происходить с большими книжными коллекциями, перемещенными с занятой советскими войсками территорией Германии при их поступлении в государственные библиотеки.

Прежде всего следует кратко остановиться на собирателях и владельцах Герсдорфской библиотеки. Они принадлежали к древнему верхнелужицкому роду Герсдорф, первые документальные свидетельства о котором относятся к 1241 г. Титул баронов представители этой династии получи-

ли между 1668 и 1696 гг., а графов — между 1701 и 1824 гг. Их возвышение было непосредственно связано со службой курфюрстам Саксонии (История рода Герсдорф; König 1736; Transehe-Roseneck 1935: 731–732). Скорее всего, именно к этому периоду относится интеллектуальный расцвет рода, вещественным свидетельством которого стала собственная библиотека. Однако процесс ее создания не сопровождался какими-либо историческими свидетельствами. Кто именно в семье Герсдорфов начал собирать книги — неизвестно. Среди кандидатов на роль основателя фамильной библиотеки более других подходят трое представителей рода, отличавшихся широтой культурных интересов: камергер курфюстов Саксонии, известный коллекционер, в том числе, гравюры, Ганс фон Герсдорф (1630–1692); или его отец, тоже советник курфюрстов и камер-юнкер Ганс Вольф фон Герсдорф (1605–1648); наконец, обер-камергер курфюрста Саксонии Иоганна Георга III Николаус фон Герсдорф (1629–1702). Таким образом, с большой долей вероятности, Герсдорфская библиотека сформировалась во второй половине XVII в., и ее можно причислить к характерным проектам эпохи Просвещения.

Об этом, в частности, свидетельствует жанровый репертуар произведений, входящих в отдельные конволюты из собрания Научно-исследовательского отдела редкой книги Библиотеки Академии наук (НИОРК БАН). К примеру, именно XVII столетие является золотым веком казуалии, прежде всего, надгробной проповеди. Для исследователей, занимающихся историей высшего и низшего дворянства Саксонии в период позднего Средневековья и раннего Нового времени, этот жанр представляет исключительный интерес. Кроме надгробных проповедей, которые посвящены курфюрстам, а также многочисленным представителям рыцарской и придворной знати курфюршества Саксония, имеющаяся в БАН часть Герсдорфской библиотеки включает в себя генеалогии, описания городов (*Theatrum Europaeum*), редкие издания Библии и т.д.

Вместе с тем очевидно, что в БАН Герсдорфская библиотека представлена лишь фрагментарно. Фактически книги из этого собрания рассеяны по разным отделам БАН (Отдел

редкой книги, Рукописный отдел, Иностранный фонд). Более того, мы не знаем точных масштабов и объема этой библиотеки. Проблему представляет и история ее попадания в БАН. Поэтому нельзя исключить вероятности того, что не только отдельные части Герсдорфского собрания, но и целые крупные комплексы могут быть рассеяны по книжным хранилищам как России, так и других стран. Его историю еще предстоит реконструировать.

БИБЛИОГРАФИЯ

Дмитриева К.А. История книжной коллекции семьи Харденберг // Durch Dialog zur Zusammenarbeit: über den Deutsch-Russischen Bibliotheksdialog zu kriegsbedingt verlagerten Büchersammlungen: [Referate der Treffen des DRBD] / Zusammengestellt von O. Hamann. Berlin, 2016. S. 78–83.

История рода Герсдорф — сайт родовой ассоциации Герсдорфов (Geschlechtsverbands derer von Gersdorff). Электронный ресурс [режим доступа: <https://www.von-gersdorff.family/die-familie>].

Durch Dialog zur Zusammenarbeit: über den Deutsch-Russischen Bibliotheksdialog zu kriegsbedingt verlagerten Büchersammlungen: [Referate der Treffen des DRBD] / Zusammengestellt von O. Hamann. Berlin, 2016.

König V. Genealogische Adels-Historie oder Geschlechts-Beschreibung derer im Chur-Sächsischen und angräntzenden Landen... Leipzig, 1736. Bd. 3. S. 315–416.

Transehe-Roseneck A. v. Genealogisches Handbuch der livländischen Ritterschaft. Görlitz, [ca. 1935]. Bd. 2. S. 731–746.

Н.И. ДЕВЯТАЙКИНА

**«СВЯЗАННЫЕ ТЕКСТЫ»:
ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО
АНАЛИЗА ПИСЬМЕННЫХ И ВИЗУАЛЬНЫХ
ИСТОЧНИКОВ РАЗНЫХ ВЕКОВ
(НА ПРИМЕРЕ РЕФОРМАЦИОННЫХ
ИНТЕРПРЕТАЦИЙ ПЕТРАРКИ)**

1. *Актуальность.* Главную культурную славу итальянскому гуманисту и поэту Петrarке (1304–1374) до недавнего времени приносили его итальянские стихи — бессмертная «Книга песен», вместившая в себя 366 сонетов и канкан о прекрасной Лауре. Они во многом исследованы текстологически, источниковедчески; ныне больше всего изучаются контекстные связи и влияние на поэтов последующих веков. Совсем иначе обстоит дело с трактатом «О средствах против всякой судьбы». Редкий текст так соответствует в своей истории названию, как это латинское сочинение гуманиста. Судьба забрасывала первые копии-манускрипты в далекие от Италии места, делала объектом пристального интереса королей и вольнодумцев, художников и ранних типографов, превращала в «бестселлер» и учебную книгу для школьников или, напротив, выводила на долгие десятилетия из «зоны» культурного и научного внимания, в лучшем случае тиражируя в учебниках по истории литературы старые мнения и оценки, что данный текст сугубо средневековый и мало интересный. В результате степень источниковедческого осмыслиния этого текста и его «взаимодействий» с интерпретациями, литературными и графическими пока невелика.

2. Латинский трактат Франческо Петрарки «О средствах против превратностей судьбы», его латино-немецкоязычные версии и визуальное «сопровождение» эпохи Реформации. Прилив интереса к сочинению наметился в последние десятилетия: появились новые переводы на европейские языки и академические двуязычные их издания, типографские издания конца XV–XVI вв. выставили, благодаря программам больших компаний, в Интернете. Среди них и те, которые позволили автору тезисов заняться эпиграфами и ксилографиями, созданными в немецкоязычной зоне в раннюю типографскую эпоху, между 1520–1530-и годами соответственно «рядовым» гуманистом-интеллектуалом Иоахном Пинитианом (1477/1478–1542) и Мастером Петрарки (наибольшая активность 1519–1521 гг., время создания 260 иллюстраций к трактату), вдохновленным гуманистом Себастьяном Брантом (1458–1521), задавшим, как полагают многие авторы, художественно-содержательную программу. Добавим, что латинские эпиграфы только что переведены на русский и билингвально изданы. Огромный труд проделала Л.М. Лукьянова: она впервые перевела трактат и эпиграфы полностью.

3. Характер современных источниковедческих примечаний к трактату. Их можно разделить на три группы: объемные и важные указания на скрытое цитирование, обогатившее представление об «источниковой базе» диалогов; разыскания в области тематической связи текстов трактата с предыдущими сочинениями, письмами, цитированиями; контекстные примечания, проливающие свет на историко-культурные обстоятельства, историю людей, в том числе не названных по имени, но фигурирующих в примерах чаще всего намекающе: «как мы знаем...».

4. Неисследованные «поля». Тезисы позволяют только кратко перечислить и еще короче прокомментировать проблемы, которые предстоит исследовать источниковедчески.

а) Одна из самых сложных задач — определение времени создания диалогов. Общая хронологическая рамка (1354–1366) известна со слов самого Петрарки в одном из писем, от него же — время создания знаменитого диалога «О печалих

и несчастиях» (II, 93); еще около двух десятков диалогов датированы по разным основаниям исследователями, в том числе, автором тезисов. Предстоит определить датировку 230–235 текстов. Возможные инструменты: имена «расшифрованных» персонажей примеров, относящихся ко времени Петрарки; сквозное исследование всех текстов с поисками отсылок их автора к уже написанным диалогам («я совсем недавно писал об этом...» и т.д.); такое же исследование с упоминанием географически-топографических ориентиров («я сам не раз видел, как....»), которые возможно привязать ко времени пребывания в том или ином месте, что было достаточно детально исследовано в свое время Э. Уилкинсоном, а после него уточнено и дополнено недавно ушедшими из жизни У. Дотти, самым крупным итальянским специалистом по «латинскому» Петрарке.

БИБЛИОГРАФИЯ

Petrarch's Remedies for Fortuna, Fair and Foul: a modern English translation of *De remediis utriusque fortune / Comm.* by C.H. Rawski. 5 Vol. Bloomington, 1991.

Petrarque Fr. Les remèdes aux deux fortune / Texte et trad. par Ch. Carraud. Grenoble, 2002. Vol. 1–2.

Das Glückbuch/ beydes des Güt= | ten vnd Bösen/ darinn leere vnd trost/ weiß sich menigklich | hierinn halten soll/ Durch Franciscum Pertarcham vor im latein beschriben/ | vnd yetz grüntlich ver- tœutscht/ mit schönen Figuren/ Concordantzen/ Register/ | durch- auß gezieret/ der gestalt vor nie gesehen [...]. Augsburg, 1539.

Т.Н. ДЖАКСОН

VÉBJARGAPING: «ТАМ ДАНЫ ИЗБИРАЛИ СВОИХ КОНУНГОВ В ДРЕВНОСТИ, ИЗБИРАЮТ И ТЕПЕРЬ»

Доклад посвящен *tingu* в *Виборге* — народному собранию в районе Виборга (на Ютландии), где, согласно целому ряду средневековых источников, датчане избирали своих королей. Вынесенные в заглавие слова принадлежат знаменитому исландскому историку начала XIII в. Снорри Стурлусону, автору свода саг о норвежских конунгах «Круг земной». Специфика жанра саг такова, что автор в них в большинстве случаев не виден, он как бы занимает позицию стороннего наблюдателя, но все же иногда он вторгается в свой «объективный» текст комментариями, выдающими его присутствие и хронологический разрыв между его временем и тем, о котором он ведет повествование. В данном случае речь идет о том, как норвежский конунг Магнус Добрый после смерти датского конунга Хёрда-Кнута (1035–1042) приходит к власти в Дании. Из рассказа Снорри получается, что тинг в Виборге был своего рода верховным тингом в стране, закреплявшим за претендентом королевские права, поскольку сначала, только еще приплыв в Данию, Магнус (конунг Норвегии в 1035–1047 гг.) начал устраивать тинги и встречи с жителями страны и просил, чтобы они признали его конунгом, как на то была договоренность у него с Хёрда-Кнутом, а уже затем велел созвать тинг в Вебьёрге. Вот там-то, согласно Снорри, «даны поставили Магнуса Олавссона конунгом над всем Данавельди (то есть над всей Датской державой)», именно потому, что «*там даны избирали своих конунгов в древности, избирают и теперь*» (Hkr 1951: 35).

Надо отметить, что информация об избрании Магнуса конунгом на тинге в Виборге присутствует в одном из источников Снорри — в своде королевских саг «Красивая кожа», созданном десятилетием раньше (Fask 1985: 216). Еще раз о тинге в Виборге в «Красивой коже» говорится в связи с избранием несколькими годами ранее Хёрда-Кнута (Fask 1985: 202–203), а в «Круге земном» у Снорри — в рассказе о том, какическими годами позднее норвежский конунг Харальд Суровый Правитель (1046–1066) собирался отправиться туда, чтобы «там быть избранным конунгом над Данавельди» (Hkr 1951: 106). Последняя история взята Снорри дословно еще из одного своего источника — немного более раннего свода королевских саг «Гнилая кожа» (Msk 2011: 1, 173), где, в свою очередь, имеется еще одно упоминание тинга в Виборге — в ситуации избрания датским конунгом (сразу после смерти Магнуса) Свена Эстридсена (1047–1076), ранее поставленного Магнусом ярлом над Данией (Msk 2011: 178). В скальдических стихах, норвежских синоптиках и более ранних сагах тинг в Виборге не фигурирует. А в сводах королевских саг, как видим, все интересующие нас известия относятся к одному сюжету, охватывающему отрезок времени в 12 лет, от прихода в 1035 г. к власти в Дании и Норвегии соответственно юных Хёрда-Кнута, сына Кнута Могучего, и Магнуса, сына Олава Святого, до претензии на власть в Дании (сразу после смерти Магнуса в 1047 г.) Харальда Сигурдарсона и избрания датчанами Свена Эстридсена.

Лишь еще в одной исландской королевской саге фигурирует тинг в Виборге. Это — записанная в середине XIII в. «Сага о Кнютлингах». Поскольку одним из ее источников был «Круг земной» Снорри Стурлусона, ее автор (вероятно, Олав Тордарсон Белый Скальд) столь же однозначно, как и Снорри, характеризует тинг в Виборге как место в Дании, где «они всегда избирали конунгов» (Knýtl 28). В этой саге, посвященной датским конунгам с X до начала XIII в., о выборах конунгов речь идет постоянно, но тинг в Виборге упоминается лишь трижды и при этом не в тех же ситуациях, что в сагах о норвежских королях. Это — рассказ о

сыновьях Свена Вилобородого, Кнуте и Харальде, которые сразу после его смерти (1014) пустились в путь на Ютландию, «поскольку там, на Вебъяргатинге, должен был быть избран конунг» (*Knýtl* 26); избрание в 1080 г. после смерти конунга Харальда, сына Свена Эстридсена, его брата Кнута, будущего Кнута Святого (*Knýtl* 28), а в 1086 г. (после убийства этого последнего) — их брата Олава (*Knýtl* 65). Никакие другие ландстинги на территории Дании в сагах не упоминаются.

Описанные в исландских сагах выборы конунгов на тинге в Виборге не совпадают с теми, о которых речь идет у датских историков начала XIII в. У Свена Аггесена тинг в Виборге (*Vibergensi placito*) назван лишь единожды, но явно как тинг исключительно жителей Ютландии, поскольку, по его словам, после смерти Эрика Ягненка (1146) Кнут, сын Магнуса, «был избран королем на тинге в Виборге», а Свен, сын Эрика Незабвенного, «был посажен на трон жителями Сконе» (*Sven XVI*), что подразумевает наличие тинга на Сконе. Упомянутый им тинг в Урне (*Urnensi placito*) фигурирует лишь как место убийства (1137) Эрика Незабвенного (*Sven XV*). А вот *Hysøre/Ilsore* (на западном берегу горла Исефьорда на Зеландии) он характеризует как традиционное место сбора всех датчан, где, по обычаям предков, избрание короля освящалось согласием всех людей (*Sven X*). Здесь, по его утверждению, решалось, кто из двух старших сыновей Свена Эстридсена, Харальд или Кнут, будет преемником своего отца на троне. Подробнее ту же ситуацию (см. о ней: Hoffmann 1976: 37–55) описывает Саксон Грамматик, также называя *Isore* местом, где собирались «все датчане», чтобы провести выборы (XI.10.2). По мнению Э. Кристиансена, именно Свен почерпнул эту информацию у Саксона, а не наоборот (*The Works of Sven Aggesen* 1992: 127, ком. 122). Саксон еще дважды назовет *Isore*: сначала как место, где даны безуспешно пытались избрать королем старшего сына Эрика Доброго (ум. 1103) Уббо (XII.8.2), а затем в рассказе о том, как Эрик Незабвенный, сначала отказавшийся принять титул на этом тинге, возвращается на Зеландию и при поддержке жителей

Зеландии и Сконе получает его (XIII.8.4). Саксон, однако, неоднократно упоминает еще два тинга на Ютландии — в Урне на юге, где был объявлен королем Харальд Копье (XIV.1.4) и где не слишком хорошо приняли Кнута, сына Вальдемара (XVI.1.1), и в Виборге на северо-востоке, куда стремился поскорее попасть, узнав о смерти своего брата Эрика Доброго, Свен (XII.8.1), и где был хорошо принят после смерти отца ранее уже помазанный в короли Кнут, сын Вальдемара I (XVI.1.1). Таким образом, Саксон называет больше чем один тинг, на котором избирались короли, и не выделяет из них того, который можно считать главным.

Исследователи склонны считать, что тинг в Виборге традиционно превосходил по значимости другие тингы (см.: Sawyer & Sawyer 1996: 89; Christiansen 1980: 1, 239, comm. 39). Видимо, не без основания так его оценивали английские хронисты XII в. Эльнот (Ailnoth 23) и Радульф Нигер (Radulfus Niger *s. a.* 1147), а также авторы исландских саг, записанных в XIII в., но основанных в значительной степени на устной традиции. Вероятнее всего, восприятие тинга в Виборге как верховного (или единственного) тинга в Дании могло сохраниться в Исландии в устных рассказах о норвежском и датском конунге Магнусе Добром, найти затем отражение в трех сводах королевских саг и быть впоследствии — через труд Снорри — воспринятым автором «Саги о Кнютлингах».

О.И. Дзярнович

СУЩЕСТВОВАЛА ЛИ РИЖСКАЯ КИРИЛЛИЧЕСКАЯ КАНЦЕЛЯРИЯ?

**К ВОПРОСУ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ ДОКУМЕНТООБОРОТА
МЕЖДУ РИГОЙ И ГОРОДАМИ БЕЛОРУССКОГО ПОДВИНЬЯ
В XIII–XVI ВЕКАХ**

Точное время возникновения архива Рижского магистрата неизвестно. Предполагается, что формирование архива началось вскоре после образования магистрата города Риги и его канцелярии (около 1226 г.) (Иванов 2004: 49). Сначала делопроизводство находилось в компетенции городского нотариуса (городского писаря); завершение процесса формирования постоянной канцелярии магистрата произошло в XIV веке (Енш 1981: 23–24).

В 1282 г. Рига присоединилась к торговому и политическому союзу северо-немецких городов — Ганзе, и с этого момента важной функцией Рижского магистрата стало поддержание хозяйственных и политических связей с Русью (в широком понимании, но прежде всего с подвинскими землями уже в составе Великого Княжества Литовского). Документы по этим связям изначально откладывались в различных структурных частях архива. Наиболее важные документы (пергаменты оригиналов договоров) хранились в специальном помещении Рижского магистрата — Kämmerei. Именно эта часть архива позже, в XVII–XVIII вв., стала известна как Внутренний архив (Inneres Ratsarchiv). Актуальная делопроизводственная документация магистрата сохранялась непосредственно в канцелярии, в том числе переписка Риги с городами ВКЛ, отдельные договоры (оригиналы и копии), послания великих князей литовских и их наместников,

копии важнейших документов, хранившихся во Внутреннем архиве. Во второй половине XVIII в. эта часть архива стала называться Внешним архивом (*Äusseres Ratsarchiv*). Исторически в Внешнем архиве образовался автономный отдел *Moscowitica-Ruthenica*.

Надо отметить, что в комплексе *Moscowitica-Ruthenica* преобладают входящие документы. Как правило, это оригиналы. Но сохранились также и современные оригиналам копии важнейших актов, произведенные в канцелярии Рижского магистрата. Некоторые древнерусские и старобелорусские акты были переведены на немецкий или латинский языки. Исходные документы представлены концептами (проектами) или записями об отправке.

Тексты посланий полоцких и витебских властей помещались на одной стороне листа, на втором писалось наименование адресата (инскрипция). Отдельные грамоты сразу после получения переводились на нижненемецкий язык. С течением времени немецкие переводы стали хранить вместе с оригиналами документов. В течение XVI–XVIII вв. (пожалуй, что при реорганизации архива) на самих документах были помещены аннотации, которые передавали содержание писем.

Палеографическое изучение материалов переписки свидетельствует о том, что в XVI–XVII вв. на протяжении периода длительностью 10–15 лет немецкие аннотации полученных писем выполнялись в Риге одной рукой. Можно считать, что при Рижской городской канцелярии существовала должность переводчиков. Насколько эта должность была регулярной, и кто мог ее занимать?

Первое упоминание переводчиков в документах восходит к 1189–1199 гг. В договоре между Новгородом и немецкими городами приводится слово «таль», которое, по мнению исследователей, не что иное, как описка, заменившая правильное написание «толкъ». Что касается национальности ливонских переводчиков, то немецкие исследователи считают их немцами, о чем свидетельствуют их имена: Ганс Дюркоп, Николаус (1343), Ганс, Зассенбеке (1405). Также среди переводчиков могли быть представители коренных

народов Ливонии. Это подтверждается некоторыми указаниями ливонских хроник, а также именами переводчиков в документах (Клаус Куре, то есть «из куршай»).

Сведения об обучении иностранцев русскому языку восходят к середине XIII в. В наброске договора, переданного в 1268 г. любекским послом Генрихом Булленпунтом новгородскому князю Ярославу Ярославовичу, говорится о возможности иностранцам свободно и без препятствий посыпать своих сыновей учиться в любую страну. В 1346 г. ганзейским постановлением предельный возраст для обучения русскому языку определен в 20 лет. Отмечалось также, что престарелые переводчики доставляют купцам немало хлопот.

Лифляндские города на ландтаге в Вольмаре 1445 г. приняли постановление не посыпать впредь учеников в Новгород и в Псков. Вместо этого стали организовывать обучение русскому языку в самой Ливонии. Обучение русскому языку в Ливонии подтверждено документально. 9 октября 1440 г. в Любекскую книгу договоров был вписан договор молодого любекского купца, который в Ревеле учился русскому и эстонскому языкам. В документе названы имена жителей Дерпта и Ревеля, уполномоченных получить плату в размере 46 рижских марок и двух шиллингов за обучение: Иван Эпеншеде, Гереке Хобере, Хинрикес ван дер Гейден.

Процесс обучения представлял собой личное общение иностранцев с русскими, с записью новых слов и выражений в тетради. С середины XVI в. века известны и первые рукописные учебники. Это «Русская книга» Томаса Шрове, книга Тенниса Фенне и другие.

Таким образом, мы видим, что обучение русскому языку в Ливонии XV–XVI вв. было организовано для профессиональных нужд купеческой корпорации. Но практика регулярного сношений канцелярии Рижского городского совета говорит в пользу того, что для выполнения переводческих функций в сфере документооборота привлекались постоянные переводчики. Эти канцелярские и купеческие переводчики выступали «субстратом интерференций» (Скрайс, Фердинанд 2002: 94) — той средой, которая осуществляет

отбор контактных черт и формирует представления о том, как следует общаться с восточнославянскими канцеляриями.

Палеографические особенности оформления полученных документов и подготовленных черновиков ответных посланий свидетельствует в пользу этой версии. То, что это были штатные сотрудники канцелярии Рижского городского совета, остается пока версией.

Между тем, в канцеляриях городов Белорусского Подвина эпохи Великого Княжества Литовского мы не знаем подобной практики переводов. Вся документация из городских канцелярий исходила вначале на древнерусском языке, а в дальнейшем на «русской мове» (старобелорусском языке). Только воеводские канцелярии Полоцка и Витебска с XVI в. могли выпускать документацию на латыни или на польском языке. В этой практике видится разница в дипломатике и социокультурных подходах.

БИБЛИОГРАФИЯ

Ениш Г. Из истории архивного дела в Латвии. Рига, 1981.

Иванов А.С. “Moscowitica—Ruthenica” в Латвийском Государственном Историческом архиве: история формирования комплекса, состав и введение в научный оборот // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 3. С. 47–54.

Сквайрс Е.Р., Фердинанд С.Н. Ганза и Новгород: Языковые аспекты исторических контактов. М., 2002.

А.В. ДУХАНИНА

ГЛАВА «О АЗБУКЕ ПЕРМСКОЙ» ИЗ ЖИТИЯ СТЕФАНА ПЕРМСКОГО В РУССКОЙ КНИЖНОСТИ

Житию Стефана Пермского, выдающемуся произведению древнерусской книжности, написанному Епифанием Премудрым в конце XIV или начале XV в., посвящена обширная литература. Однако, несмотря на значительный интерес к произведению в науке, проблема рукописной традиции текста осталась совершенно неразработанной. Между тем и в этом отношении Епифаниевская редакция Жития является уникальным сочинением: особенность ее рукописной традиции состоит в том, что текст Жития распространялся не только как собственно агиографическое произведение, описывающее жизнь Стефана Пермского и соответствующим образом озаглавленное, но и в виде отрывков.

Набор отрывков, помещаемых русскими книжниками в сборники, тематически ограничен: из Жития выписывались фрагменты, содержащие исторические, географические, грамматические сведения. Наибольший интерес вызывала глава «О азбуке пермской».

Как неоднократно отмечалось исследователями, Епифаний написал главу «О азбуке пермской» на основе Сказания «О письменех» черноризца Храбра, продолжив ее рассказом о составлении в конце XIV в. новой азбуки — пермской (коми-зырянской), автором которой стал русский подвижник — Стефан, первый епископ Пермский. Этот расширенный вариант Сказания «О письменех» оказался востребован в русской книжности: главу «О азбуке пермской» в том или

иным виде включали в разного рода сборники, как отдельно, так и в сочетании с другими отрывками из Жития.

Комплекс отрывков из Жития известен в рукописях гораздо раньше, чем полный текст сочинения, старший список которого был создан в 70-х гг. XV в. Самый ранний список комплекса отрывков из Жития выявлен в Рогожском сборнике (РГБ. Ф. 247. Собр. Рогожского кладбища. № 253), который датируется 40-ми гг. XV в. Тот же комплекс, но в более полном виде, помещен в сборник третьей четверти XV в. ГИМ. Собр. Е.В. Барсова. № 1395. Наряду с другими отрывками, комплекс включает фрагмент главы «О азбуке пермской», повествующий о создании греческой и славянской азбук и текстуально близкий Основной редакции Сказания «О письменех» черноризца Храбра. Однако мнение, что это переработка Сказания (Трембовольский 1985: 148) и «заготовка» для Жития (Анисимова 2008: 64), при текстологическом исследовании не подтвердилось. Таким образом, епифаниевский вариант рассказа о сложении греческой и славянской азбук привлекал внимание уже в середине XV в. и воспринимался как достаточно авторитетный источник.

Этот вывод основывается еще на одном факте. В XV в. отрывок из главы «О азбуке пермской» был включен в состав «Златой цепи» (III типа I группы, по классификации М.С. Крутовой (Крутова 1990)) под названием «Преложение грамот». Епифаниевский текст был сокращен и превратился в своеобразную энциклопедическую статью, посвященную истории составления греческой, славянской и пермской азбук. Вероятно, именно наличие данных о новой — пермской — азбуке и стало причиной того, что составители «Златой цепи» обратились к сочинению Епифания, а не к лежащему в его основе Сказанию черноризца Храбра. Этот отрывок из Жития образовал самостоятельную рукописную традицию: на данный момент выявлены 10 его списков XV–XVIII вв., причем не только в составе полных списков «Златой цепи», но и отдельно в других сборниках.

Без сокращений глава «О азбуке пермской» вошла в состав еще одного комплекса текстов, содержащего также два самостоятельных произведения (Сказания «О письменех»

черноризца Храбра в Основной редакции и «Начало грамоте греческой»), переработанные отрывки из Толковой Палеи (статьи «О племени Симове», «О племени Хамове», «О племени Афетове») и другие отрывки из Жития Стефана Пермского (о народах и реках Перми, явно параллельный статьям о племенах Симове, Хамове и Афетове, и о проповеди апостолов). Фактически этот комплекс представляет собой своеобразный свод известных его автору статей, посвященных составлению азбук и просвещению народов, важное место в котором занимают фрагменты из Жития, расширяющие и уточняющие лингвистические и географические сведения, которые можно было почерпнуть из Толковой Палеи. Данный комплекс известен пока в 9 рукописях XVI — начала XIX в., где может быть отражен как полностью, так и частично.

В XVI–XVIII вв. создавались и другие варианты главы «О азбуке пермской», представленные единичными списками. Текст главы с небольшими модификациями мог помещаться в разные по составу сборники под разными заголовками и даже с особым жанровым обозначением. В сборник XVI в. РГБ. Ф. 256. Собр. Н.П. Румянцева. № 359, среди хронографических, богословских и других сочинений, глава вошла под заголовком «Слово святаго Стефана, епископа Пермского, како сложил азбку пермскую, и крестил, и просветил». В сборнике ГИМ. Собр. А.С. Уварова. № 187 XVII в. наряду с другими лингвистическими сочинениями читается «Сказание о грамоте и о пермской азбуке» (История Пермской епархии 1996: 14–15). Без заголовка глава включена в сборник второй половины XVIII в. ГИМ. Синодальное собр. № 749, после рассказа о путешествии митрополита Исидора на Флорентийский собор и отрывка из Жития Иоанна Новгородского. При этом на основе главы «О азбуке пермской» составлялись и новые сочинения. Так, к XVI в. восходит написанное иноком Герасимо-Болдинского Троицкого монастыря Иосифом «Сказание о сложении азбук...», где епифаниеевский текст был дополнен рядом исторических сведений из других источников (История Пермской епархии 1996: 12–14).

Таким образом, глава «О азбуке пермской» из Жития Стефана Пермского довольно активно переписывалась с те-

ми или иными изменениями начиная с XV в. как отдельно, так и в составе комплексов отрывков из Жития, причем некоторые ее варианты сформировали самостоятельные рукописные традиции (всего сейчас известен 21 ее список); появлялись даже новые сочинения на ее основе. Это свидетельствует о заметном интересе к тексту на протяжении нескольких столетий и говорит о том, что как авторитетный грамматический источник глава «О азбуке пермской» конкурировала в русской книжности со Сказанием «О письменах» черноризца Храбра.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анисимова Т.В.* Сборник хронографический с Рогожским летописцем (археографическое описание) // Летописи и хроники. СПб., 2008. С. 52–93.
- История Пермской епархии в памятниках письменности и устной прозы: Исследования и материалы. Сыктывкар, 1996.
- Крутова М.С.* Сборники «Золотая цепь» в русской письменности // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Новосибирск, 1990. Вып. 5. Ч. 1 («Золотая цепь»). С. 3–66.
- Трембовольский Я.Л.* Проблемы атрибуции, установления и распространения текста древнего славянского памятника «О письменехъ чрьноризца Храбра». Дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1985.

К.А. ЕЛОХИН

ИСПАНСКИЕ МОНЕТЫ С ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫМИ ДЕВИЗАМИ В XVII ВЕКЕ

Монеты являются самым распространенным геральдическим источником. Поскольку изобразительные девизы на монетах испанских Габсбургов XVI в. уже становились предметом изучения, мы обратимся к исследованию изобразительных девизов на монетах XVII века.

До конца XVII в. в Новом Свете и на Канарских островах наравне с другими валютами продолжали хождение старые монеты с изобразительными девизами, несмотря на несколько попыток их собрать и перечеканить. Изобразительные девизы могли быть изменены, к ним могли быть добавлены как частные знаки глав монетных дворов, так и другие государственные эмблемы (в том числе территориальные) (Proctor 2015: 87–102).

На португальских монетах, чеканившихся для бразильских заморских территорий, лишь после объявления независимости от Испании в 1640 г., впервые (!) появился изобразительный девиз в виде армиллярной сферы (Lopes Fernandes 1856: 232). Очевидно, это произошло вследствие влияния испанской монетной традиции, существовавшей к тому времени уже не одно столетие.

В Неаполитанском королевстве изображение рога изобилия повторялось в качестве самостоятельного изобразительного девиза у потомков Карла V — Филиппа II (Vergara 1715: Tab. XXXX, N 4), Филиппа III (Vergara 1715: Tab. XXXXIII, N 2; Tab. XXXXVI, N 2; Tab. XXXXVI, N 3), Филиппа IV (Vergara 1715: Tab. XXXXX, N 5) и Карла II (Vergara 1715: Tab. LIV, N 3).

Изобразительный девиз в виде двух колонн и письменного девиза *Plus Ultra* потомки Карла V в неаполитанских монетах не использовали. В других же итальянских владениях знак одной из высших наград Европы — ордена Золотого Руна — использовался ими до конца династии испанских Габсбургов. Также был распространен и бургундский изобразительный девиз в виде огнива, кремня и искр. На монетах королевства Сицилии встречались разные изобразительные девизы: так, на серебряном дукате 1617 г. на аверсе был изображен бюст Филиппа III и легенда "PHILIPP III D G REX", на реверсе — орел с распростертыми крыльями, сжимающий в одной лапе лавровую ветвь, а в другой — двуглавую стрелу с молниями, и легенда "QVODVIS". Так же выглядели и монеты достоинством в полдуката того же года выпуска. Мелкие монеты обычно были не датированными. На мелкой монете типа карлино на аверсе изображался бюст Филиппа III и легенда "PHILIPP III DG REX ARA", на реверсе — изображенный в профиль коронованный орел, сжимающий в лапе камень, и легенда "FIDEI DEFENSOR". На мелкой монете достоинством в три чинквина (*cinquine*) (2 г серебра) на аверсе чеканилась легенда "PHIL III D G R HISP", обрамленная растительным орнаментом, а на реверсе изображался скипетр с воздетой короной и привязанными цветами/снопами и легенда «PAX ET UBERTAS» (Filippo III of Spain).

Во время посещения испанскими королевами Милана управляющие этого герцогства, в честь данного события, чеканили монетовидные жетоны с изобразительными девизами (Francisco Olmos, 2006: 105–164). Возможно, это была местная особенность выражения почтения и уважения к сюзерену и членам его семьи.

Филипп IV в итальянских монетах следовал традиции размещения изобразительных девизов, уменьшив количество серебряных монет с ними и сохранив лишь элементы в виде искр от бургундского изобразительного девиза в виде огнива и искр; искры были расположены по углам креста, например, на серебряной монете достоинством в 15 грана (Filippo III of Spain).

Раскрывая смысл посланий подданным, испанские Габсбурги в XVII в. на итальянских монетах с помощью словесных девизов стремились показать в своих изобразительных девизах рвение в защите веры, желание установить мир и изобилие, а также указывали на свою силу.

На монетах в Нидерландах обычай мультилицирования изобразительных девизов, распространенный в XVI в., перестал оказывать какое-либо влияние. Изобразительные девизы снова начали, как и встарь, располагаться на монетах по одному. Более того, можно отметить приверженность к родовым девизам, а не личным. Именно с помощью эмблем и гербов в сочетании с изобразительными девизами испанские Габсбурги демонстрировали мощь своей страны. Однако проблема заключается в том, что те, для кого чеканились мелкие монеты, самые простые и неграмотные люди, должны были понимать изобразительные девизы не только в рамках своего разумения, но и в рамках того, что хотел донести до них тот или иной испанский монарх. Для решения вопроса о том, как именно понимали простые люди изобразительные девизы — правильно (в соответствии с представлениями монархов) или нет, — требуется специальное исследование.

В XVII в. монеты с монограммами (которые, вероятно, с большой осторожностью, можно назвать модификацией изобразительных девизов) преобладали в количественном отношении над монетами с изобразительными девизами, которых становилось все меньше. Также и пропаганда на монетах с помощью изобразительных девизов по сравнению с XVI в. значительно уменьшилась, хотя и продолжала существовать. Доверие к мелким монетам низкого достоинства (основным носителям изобразительных девизов) было подорвано из-за многочисленных фальсификаций и инфляции.

Таким образом, в XVII в. размещение изобразительных девизов на испанских монетах становилось все менее вос требованным и неактуальным.

БИБЛИОГРАФИЯ

Filippo III of Spain 1598–1621. — Электронный ресурс [режим доступа: <http://www.rhinocoins.com/ITALY/rnapsic/FILIP3.HTML>, дата обращения: 08.09.2019].

Francisco Olmos J.M. de. Novedades tipológicas en la moneda de la monarquía hispánica en el siglo XVII // V Jornadas Científicas sobre Documentación en España e Indias durante el siglo XVII / Ed. Susana Cabezas Fontanilla Marfa del Mar Royo Martínez. Madrid, 2006.

Lopes Fernandes M.B. Memoria das moedas correntes em Portugal, desde o tempo dos romanos até o anno de 1856. Lisboa, 1856.

Proctor J.A. Los ensayadores de la casa de moneda de Potosí durante el reinado del Rey Felipe III (1598–1621) // Gaceta Numismática. N 189. Junio 2015.

Vergara C.A. Monete del regno di Napoli, da Roggiero, primo rè, sino all' augustissimo regnante Carlo VI. Imperadore, E III. Re Catolico Raccolte, e spiegate da D. Cesare Antonio Vergara, Dottore dell'una, e l'altra Legge, all'Ecceletissimo Signore Gio Vincislao Di Galasso... Roma, 1715.

И.Е. ЕРМОЛОВА

ВАРВАР В РИМСКОМ ПРАВЕ

Чуть ли не с первого знакомства с племенами, населявшими окраины ойкумены, в греческой литературе начинается формирование стереотипного представления о них.

Уже на начальных этапах развития этнических контактов с соседями отмечается тенденция к выделению собственно го коллектива и противопоставления его чужому (Поплинский 1980: 132). Быстрее и легче всего обособленность «своего» осознается в отношении языка. Столкнувшись с иноязычными народами, греки сочли их вообще не умеющими разговаривать и еще в архаическую эпоху (Иванчик 1999: 18) ввели в оборот живущее тысячелетия слово βάρβαρος (бормочущий: Liddel 1940). Данный термин на протяжении всей античности не терял своего первоначального смысла, но с течением времени приобрел и новые, прежде всего, оттенок враждебности в силу того, что ограниченные, этнически однородные коллективы обычно воспринимают противостоящие им иные коллективы как нечто неизведанное и потому опасное (Кнабе 1985: 108–109). Образ жизни, обычаи племен периферии так резко отличались от привычных норм античного бытия, что породили представления о культурном пре-восходстве эллинов и, соответственно, «дикости» варваров в наихудших ее проявлениях.

Римляне, первоначально бывшие для эллинов варварами, ко II в. до н.э. осознали свою культурную слитность с ними и восприняли стереотип «варвара вообще» со всеми его оттенками, с той лишь разницей, что в эпоху Римской империи в силу ее многонациональности в данный термин вкладывалось не этническое, а государственное содержание: под вар-

варами подразумевались те, кто не жил на ее территории (Lechner 1955: 293–294) и не подчинялся ее законам.

Важную часть культурного наследия древнего Рима составляет его правовая традиция. Помимо своего непосредственно профессионального значения, сочинения римских юристов, законы и эдикты обладают огромной ценностью в качестве исторических источников, в которых нашли отражение самые разные стороны жизни общества и государства, хотя и в весьма специфической форме. Разумеется, не приходится ожидать в них обилия сведений о варварах, так как главное, что их характеризует — это обособленность от римлян и, следовательно, отсутствие законодательных актов, обращенных непосредственно к ним. Но действительность поздней Римской империи была такова, что варвары прорывались не только на ее земли, но упоминания о них попадали даже в юридические документы, собранные и систематизированные в V–VI вв.

В Дигестах термин «варвар» встречается всего три раза, а Кодексы Феодосия и Юстиниана содержат двадцать девять конституций на латинском языке с таковым. Девять законодательных актов Кодекса Феодосия продублированы и в Кодексе Юстиниана. Пять конституций относятся к первой половине IV в., большая часть (восемнадцать) написана во второй половине IV — начале V вв. совместно императорами Запада и Востока, четыре датируются серединой V в. и происходят с Востока, две — времени Юстиниана.

В Дигестах, сборнике фрагментов римских юридических сочинений II–III вв. (Бартешек 1989: 109), варварам уделяется очень мало внимания. Все три упоминания данного термина относятся к работам юристов начала III в., Ульпиана и Аррия Менандра (Бартешек 1989: 331; 345), и носят нейтральный характер, просто констатируя существование рядом с римлянами других народов и наличие определенных контактов с ними. В 50-ой книге мимоходом сообщается, что гражданская община Пальмиры расположена «вблизи от варварских племен и народов» (D. 50.15.5); в 48-ой — что из средств, конфискованных у казнен-

ных преступников, наместник провинции, наряду с другими расходами, может одаривать прибывших к нему варваров (D. 48.20.6: *barbaros etiam inde munerari venientes ad se vel legationis vel alterius rei causa*); что контакты эти не всегда были мирными, и легионеры иногда попадали в плен к варварам, а затем возвращались (D. 48.16.5.6: *a barbaris remissos milites...*).

В IV в. тональность документов по отношению к варварам изменяется. В духе всей предшествующей античной литературной традиции в конституциях IV — начала V в. находят место представления о «варварской дикости» (CTh. 5.7.2 pr.: *barbarica feritas*; 7.16.2) и о том, что свирепость свойственна именно варварам (CTh. 9.12.1: *saevitia immanum barbarorum*), что вполне согласуется со стереотипным образом «варвара вообще», сложившимся в древней литературе (Camus 1967: 116; Lippold 1969: 95; Ladner 1976: 2–3). Один раз также в контексте того, что недостойно римлянина, встречается довольно редкое слово «*barbaries*» (CTh. 9.42.22).

Отражением важности варварской проблемы для римских властей служит появление понятия «*barbaricum*» (CJ.6.1.3) в правовых документах уже начала IV в., в 317–323 гг. В семидесятых годах IV в. этот термин продолжает использоваться для обозначения заграничных земель (CJ.4.63.2) и появляется в нарративных источниках (Eutr. VII.9; IX.4; Amm. Marc. XVII.12.21; XXVII.5.6).

В целом, в разных контекстах варвары выступают или как враги (CTh. 3.14.1; 5.6.2–3; 5.7.1; 5.2.1; 7.1.1; 7.12.1; 7.13.20; 7.16.2; 9.14.3 pr; 9.40.24; 10.10.25; 15.14.14; CJ. 4.40.2; 4.41.1; 4.63.2; 8.50.5), или как рабы (CTh. 3.4.1; 13.4.4).

Любые несанкционированные сношения с варварами объявлялись изменой родине (*Romano imperio proditio*) и карались смертной казнью (CJ.4.41.2). Четко прослеживается противопоставление *Romanae gentis homines* (CJ. 4.42.2 pr.) и *barbarae autem gentis* (CJ. 4.42.2.1).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri qui supersunt / Ed. W. Seyfarth.*
Leipzig, 1978. Vol. 1–2.
- Codex Justinianus // Corpus juris civilis / Rec. P. Krueger.* Berlin, 1906.
Vol. 2.
- Codex Theodosianus // Theodosiani libri XVI / Ed. Th. Mommsen et
P.M. Meyer.* Berlin, 1905. Vol. 1–2.
- Digesta Iustiniani / Дигесты Юстиниана: Текст и пер. с лат. / Отв.
ред. Л.Л. Кофанов.* М., 2001–2006. Т. I–VIII.
- Eutropius. Breviarium ab urbe condita / Rec. C. Santini.* Leipzig, 1979.
- Бартошек М.* Римское право: понятия, термины, определения.
М., 1989.
- Иванчик А.И.* «Млекоеды» и «абии» «Илиады». Гомеровский пассаж
в античной литературе и проблемы возникновения идеали-
зации скифов // Древнейшие государства Восточной Европы.
1996–1997 гг.: Северное Причерноморье в античности. Вопро-
сы источниковедения / Отв. ред. А.В. Подосинов. М., 1999 С. 7–45.
- Кнабе Г.С.* Историческое пространство и историческое время в куль-
туре древних римлян // Культура древнего Рима. М., 1985. Т. 2.
С. 108–166.
- Поплинский Ю.К.* Принципы этнографических описаний в античной
научной литературе // Африканский этнографический сбор-
ник. Л., 1980. Вып. 12. С. 139–144.
- Camus P.-M. Ammien Marcellin temoin des courants cultúrels et religieux
à la fin du IV siècle.* Paris, 1967.
- Ladner L.B.* On Roman Attitudes toward Barbarians // *Viator.* 1976. Vol. 7.
P. 1–26.
- Lechner K.* Byzanz und die Barbaren // *Saeculum.* 1955. Bd. 6. H. 3.
S. 292–306.
- Liddel H.G., Scott R.* Greek – English Lexicon. Oxford, 1940. Vol. I-II.
- Lippold A.* Orosius, chlistlicher Apologet und römischer Bürger // Philo-
logus. 1969. Bd. 113. H. 1/2. S. 92–105.

М.В. ЗЕМЛЯКОВ

К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ ПУБЛИКАЦИИ, ИЗУЧЕНИЯ И КРИТИКИ КАРОЛИНГСКИХ КАПИТУЛЯРИЕВ В XIX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Доклад посвящен обзору источниковедения капитуляриев — особого типа законодательных памятников, ставшего ключевым в середине VIII – конце IX века. Появление доступа к электронным собраниям Западной Европы (например: <https://capitularia.uni-koeln.de/>), а также возможности знакомства с ними *de visu*, ставит перед историками новые задачи в области их внешней и внутренней критики, опираясь на уже имеющийся опыт изучения данного типа источников, в том числе в сравнительно-исторической перспективе.

Отдельные капитулярии издавались еще антикварами XVI–XVII вв.: И. Герольдом, Ж. дю Тилле, Фр. и П. Питу, Ф. Линденбрухом и др. Однако первое критическое исследование по этой теме вышло только в конце XVII в. из-под пера Э. Балюза (Baluze 1779); ему же принадлежит первое полное издание каролингских капитуляриев (*Capitularia regum Francorum* 1677). Он провел разграничение между варварскими правдами (*leges*) и капитуляриями Каролингов и предложил свой принцип их систематизации (по хронологии, по месту записи и по именам королей).

Его подход стал основой для изданий *MGH* под редакцией Г. Перца (*Capitularia regum Francorum* 1835) и А. Борециуса (*Capitularia regum Francorum* 1883). Именно их порядок описания (имя правителя, время и место фиксации; шифры рукописей либо название печатных источников с его текстом; обстоятельства записи) стал базой для зарубежных историков XX века.

Еще одним важным достижением немецкого источниковедения конца XIX в. стало обнаружение ряда ранее неизвестных капитуляриев и их фрагментов, которые были помещены в отдельные рубрики (*capitula francica, italica, incerta*), и четкое определение *terminus ante quem* для эпохи капитуляриев — 910–920-е гг.; более поздние законодательные памятники публиковались в отделе *MGH* под названием *Constitutiones*.

Для конца XIX – начала XX в. большое значение имела работа Г. Зелигера (Seeliger 1893), в которой он отвергал подход А. Бореция к разделу капитуляриев на три большие группы (дополнения к правдам — *capitularia legibus addenda*, указания государевым посланцам — *capitularia missorum*, постановления по особым поводам — *capitularia per se scribenda*), отмечая большую сложность их формы и содержания, а также впервые попытался применить к ним методы формулярного анализа, отмечая их резкое отличие от каролингских дипломов и грамот IX–X веков.

На протяжении первой половины XX в. значительное внимание уделялось изданию отдельных памятников права эпохи Каролингов, среди которых находилось место и капитуляриям Карла Великого и Людовика Благочестивого (работы К. Гарайса, К.А. Эхарда, Ф. Лота, Р. Бухнера и др). Несмотря на важность отдельных положений (например, уточнение датировок, разоблачение фальшивок и т.п.), они мало нового говорили об этом типе источников.

Поворот в исследовании каролингских капитуляриев наступил после выхода книги Ф.-Л. Гансгофа (Ganshof 1961). Он предложил новую их классификацию, включив в свою работу таблицу (с названием и датировкой, соответствием своей нумерации капитуляриев изданию Бореция 1883 г.). Он опустил самые поздние капитулярии и ограничил их эпоху на Западе Империи 884 г. (правление Карломанна III), а на Востоке — 843 г. (правление Людовика Немецкого) и показав изменение формы легитимации законодательных актов и их содержания в конце IX века.

Он же впервые с конца XIX в. разграничил капитулярии по их основному содержанию и назначению (светские и ду-

ховные); по территории и сфере применения (общеимперские, так называемые «итальянские», «французские» и «немецкие»); по способу их принятия (на собрании знати, в королевском совете). Также Ф.-Л. Гансгоф указал на то, что широкое бытование капитуляриев в Империи, необходимость их использования скабинами, государевыми посланцами и графами предполагала создание архивов в пфальцах, где хранились копии этих документов.

Длительное время работа Ф.-Л. Гансгофа считалась классической, и ее положения не пересматривались и не уточнялись вплоть до середины 1990-х годов. Тем не менее, в последние 15–20 лет наблюдается очевидное повышение внимания к формулярному анализу, внешней и внутренней критике капитуляриев. Если первая тенденция явно прослеживается на примере анализа каролингских дипломов и составления «идеальной» схемы протокола, корпуса и эсхатокола, применимой и к законодательству VIII–IX вв. (Classen 1977: 141–148; Mersiowsky 2015: 1–48), то вторая восходит к резкому подъему роли специальных исторических дисциплин в изучении законодательных источников средневековой Европы.

В частности, в 1995 г. вышло наиболее полное описание рукописной традиции капитуляриев VI–IX вв., сделанное Х. Мордеком (Mordek 1995). Он кардинально поменял расположение разделов описания: вместо заголовков капитуляриев он провел систематизацию по номенклатуре рукописей (место хранения, шифр); указал их физические характеристики (формат, объем, материал, размер «зеркала» рукописи и число линий на листе), тип письма и его особенности, наличие кустод, инициалов в тексте, особых помет; проанализировал их происхождение и историю бытования до наших дней. Только после тщательного палеографического и кодикологического анализа Х. Мордек переходил к подробному описанию содержания манускрипта с указанием названий всех текстов, которые он содержит (в том числе капитуляриев и их фрагментов, юридических формул, варварских правд, постановлений церковных соборов и т.д.), диапазона занимаемых ими листов и критических изданий каждого из

этих текстов. Конечной целью его анализа было определение возможного использования той или иной рукописи в рамках каролингского мира VIII–IX вв. и наличие связей с другими собраниями капитуляриев.

Таким образом, на рубеже XX–XXI вв. можно наблюдать резкий подъем роли палеографии, кодикологии, дипломатики в изучении законодательства Каролингов, а также переход от традиционной схемы его описания к более сложным процедурам анализа, поиска связей между различными скрипториями с целью более глубокого понимания особенностей складывания и функционирования правовой культуры раннего Средневековья.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Capitularia regum Francorum...* / Ed. St. Baluzius. Paris, 1677. Vol. 1–2.
- Capitularia regum Francorum* / Hrsg. von G.H. Pertz. Hannover, 1835 (MGH. LL. Bd. 1).
- Capitularia regum Francorum* / Hrsg. von A. Boretius. Hannover, 1883 (MGH. Capit. Bd. 1–2).
- Baluzé É. Histoire des Capitulaires des Rois François de la premiere et seconde race.* Paris, 1779.
- Classen P. Kaiserreskript und Königsurkunde. Diplomatische Studien zum Problem der Kontinuität zwischen Altertum und Mittelalter.* Thessaloniki, 1977.
- Ganshof F.-L. Was waren die Kapitularien.* Weimar, 1961.
- Mersiowsky M. Die Urkunde der Karolingerzeit. Originale, Urkundenpraxis und politische Kommunikation.* Wiesbaden, 2015. Bd. 1 (MGH. Schriften. Bd. 60).
- Mordek H. Bibliotheca capitularium regum francorum manuscripta: Überlieferung und Traditionszusammenhang der fränkischen Herrschererlasse.* München, 1995 (MGH. Hilfsmittel. Bd. 15).
- Seeliger G. Die Kapitularien der Karolinger.* München, 1893.

E.B. КАЗБЕКОВА

ИЕРАРХИЯ ИНИЦИАЛОВ В ЭКЗЕМПЛЯРЕ БИБЛИИ ГУТЕНБЕРГА В РГБ

Известно, что Гутенберг при наборе своей знаменитой 42-строчной Библии для выделения частей текста предусмотрел инициалы пяти уровней (для них были оставлены пустые места), от 6-строчных до 1-строчных, но не смог последовательно выдержать эту систему. При иллюминации отдельных экземпляров художники нередко пытались исправить эту непоследовательность. Пример таких исправлений дает экземпляр B42 из РГБ (ранее Лейпциг, Музей книжного дела и письма): количество уровней инициалов было сокращено до четырех — оставлены только выделение книг, прологов к ним, глав и стихов в Псалтири. Всего сделано 17 исправлений, из них 2 или 3 ошибочных и 3 неисправленных ошибки, самые заметные из которых — это 4-строчные инициалы вместо 6-строчных в начале Евангелия от Матфея (начало Нового Завета!) и Евангелия от Луки. Причины этой непоследовательности не прояснены. В докладе будет рассмотрена версия, связанная с копированием особенностей иллюминации протографа. В двух наиболее близких к B42 рукописях, выявленных на сегодня, — карманных парижских Библиях XIII в. — под инициалы в начале Евангелий также отведено меньше строк, чем под другие книги, однако инициалы сопровождаются длинными богато украшенными антеннами, под которые в столбцах специально оставлено место. При наборе B42 особенность расположения строк была воспроизведена лишь частично: оставлены места только под инициалы, но не под антенны.

A.A. КАЛАШНИКОВА

ЦИФРОВАЯ СЪЕМКА ФИЛИГРАНЕЙ РУССКИХ СУДЕБНЫХ ДОКУМЕНТОВ XV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI ВЕКА В ИНФРАКРАСНОМ СПЕКТРЕ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
(проект № 19-31-27001)*

От XV – первой половины XVI в. сохранился комплекс русских судебных документов, включающий в себя около 300 грамот, дошедших до наших дней в подлинниках и копиях разной степени сохранности. В литературе за этими документами закрепилось название «правые грамоты и судные списки». Они представляют собой детальные протоколы судебных разбирательств, как правило, земельных споров. Эти источники содержат сведения об объекте спора, истце, ответчике и судье, а также показания свидетелей, копии документов, представленных в качестве доказательства на суде, вердикт по делу. Старейшим дошедшим до наших дней судебным протоколом является правая грамота 1416 г. суда великого князя Василия Дмитриевича, выданная архимандриту Чудова монастыря Иоакиму (Акты 1964: 53–54).

Русские судебные документы ранее не исследовались комплексно; специальной монографии, целиком им посвященной, пока не написано. Возможно, это связано с тем, что эти источники находятся в междисциплинарном поле истории и истории права. До революции судебными документами занимались почти исключительно правоведы — Д.М. Мейчик, И.Д. Беляев, В.А. Федотов-Чеховский. Они предложили первые классификации судебных документов (Беляев 1855:

123; Мейчик 1883: 28–29), а также подготовили первые издания правых грамот (Акты 1860; Мейчик 1883). Из историков первым обратил внимание на этот вид источников Н.П. Лихачев, опубликовавший несколько документов и в предисловии к публикации подчеркнувший их значение для изучения землевладения и бытовой истории (Лихачев 1895: VI–VII).

После революции судебная документация начинает привлекаться для изучения классовой борьбы, землевладения и социально-экономических отношений. Классической работой, во многом определившей вектор исследования судебных документов, стала монография Л.В. Черепнина «Русские феодальные архивы», где правым грамотам удалена отдельная глава (Черепнин 1951: 226–252). Анализируя судебные документы, Л.В. Черепнин приходит к выводу, что земельные споры конца XV в. были следствием захватов черных земель духовными и светскими феодалами периода феодальной войны 1440–1450-х годов. Суд, с точки зрения Черепнина, действовал в интересах господствующего класса, закрепляя за ним незаконно захваченные земли и тем самым юридически оформляя систему феодально-крепостнических отношений (Черепнин 1951: 232–235). Опираясь на концепцию Черепнина, Л.И. Ивина также привлекала в своих исследованиях судебные документы для изучения роста монастырского землевладения на материале Симонова монастыря (Ивина 1979).

Несмотря на то, что судебные документы используются современными историками (Кром 2010: 459–462; Петров 2005: 167–174) и в большинстве своем давно введены в научный оборот, до сих пор не существует их общепризнанной научной классификации, а также детального дипломатического и источниковедческого исследования. Одним из аспектов исследования судебных документов является съемка филигра-ней в инфракрасном диапазоне.

Фотосъемка водяных знаков древних актов и кодексов в инфракрасном спектре — это самый современный, относительно дешевый, простой и безопасный способ получить корректную цифровую копию водяного знака. На современном этапе развития источниковедения альбомы филигра-

ней, копировавшиеся исследователями вручную, во многом устарели, в то время как создание баз данных водяных знаков позволит исследователям легко и быстро датировать документы и выяснить происхождение бумаги, на которой они были составлены.

Съемка судебных документов в инфракрасном диапазоне позволит получить точные изображения филиграней в хорошем разрешении и сетку бумаги (вержюры и понтюзо). Поскольку железо-галловые чернила прозрачны в ИК-диапазоне, снимок филиграней при такой съемке получается более достоверным, чем изображение, получаемое при ручной прорисовке. Снимки филиграней русских судебных документов позволяют более точно датировать грамоты, дата составления которых не указана в тексте. Кроме того, водяные знаки могут предоставить определенные сведения об истории партии бумаги с одной отливочной формы.

В фокусе нашего исследования находятся судебные документы Кирилло-Белозерского монастыря XV – первой половины XVI в. При сопоставлении снимков филиграней судебных документов с данными исследования М.А. Шибаева, изучавшего монастырские бумажные кодексы, можно установить, использовалась ли в судебном делопроизводстве монастырская бумага (Шибаев 2013). Кроме того, для исследования также планируется привлечь хозяйственную документацию монастыря, сохранившуюся от этого времени. В том случае, если филиграни монастырских книг и протоколов судебных разбирательств, в которых Кирилло-Белозерский монастырь выступал в качестве истца или ответчика, совпадут, можно будет утверждать, что правые грамоты составлялись судьями, присланными из Москвы, на монастырской бумаге. Это, в свою очередь, позволит предположить, что монастырь был заинтересован в письменной фиксации судебного процесса и, возможно, влиял на него. Для подтверждения этой гипотезы также необходимо будет сопоставить почерки этих документов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Т. 1. Киев, 1860.
- Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 3. М., 1964.
- Беляев И.Д. Списки судные и докладные и грамоты правые и безсудные в Московском государстве // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1855. Кн. 2. С. 115–128.
- Ивина Л.И. Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV – первой половины XVI в. Л., 1979.
- Кром М.М. «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30–40-х гг. XVI в. М., 2010.
- Лихачев Н.П. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. СПб., 1895.
- Мейчик Д.М. Грамоты XIV и XV вв. московского архива министерства юстиции. Их форма, содержание и значение в истории русского права. М., 1883.
- Петров К.В. Значение «закона» в средневековом русском праве XVI – XVII вв. // Cahiers du monde russe. 2005. N 1–2. P. 167–176.
- Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М., 1951. Ч. 2.
- Шибаев М.А. Рукописи Кирилло-Белозерского монастыря XV века. Историко-кодикологическое исследование. М.; СПб., 2013.

Т.М. Калинина

ВИДЫ СРЕДНЕВЕКОВЫХ АРАБСКИХ КАРТ

Обширные территории, завоеванные Арабским халифатом, как и окружающие земли, требовали знаний для управления государством и эксплуатации торговых путей. Арабские ученые получили доступ к древнегреческой, индийской, сирийской астрономии, наукам о Земле. В первой трети IX в. в «Домах мудрости» при дворах арабских халифов переводились трактаты ученых; среди греческих наиболее авторитетным был Клавдий Птолемей. Его труды «Альмагест» и «Географическое руководство» были наиболее популярны. На их основе арабские ученые создали *зиджи* — астрономические таблицы, состоявшие из пояснений к сферической тригонометрии, астрономии, движению Солнца, Луны и планет, а также хронологических и географических таблиц. На их фундаменте была разработана математическая география, а на ее основе — картография.

По инициативе халифа ал-Ма'муна (813–833) был измерен градус земного меридиана (по сравнению с градусом Птолемея); была вычислена окружность Земли; созданы «Проверенные мамуновские таблицы» с координатами населенных пунктов для карты мира, которая не сохранилась. В работах принимал участие математик, астроном и географ Мухаммад ал-Хорезми (ум. около 850 г.). Опираясь на «Географическое руководство» Птолемея, он создал «Книгу картины Земли», которая, как считают многие ученые, была предназначена для карты мира ал-Ма'муна. Ал-Хорезми

определен координаты топонимов внутри семи «климатов» (*иклим*) — широтных зон, которые определялись долготой дня и склонения солнца к экватору. В «Альмагесте» ал-Хорезми показывал «Как найти широту в любой местности», а в «Книгу о действиях с астролябией» включил раздел о способе нахождения широты местности. Создавая «Книгу картины Земли», ал-Хорезми, вероятно, основывался на этих измерениях, рассчитывая точки координат по современным ему данным.

Карта ал-Хорезми, если и была создана, то не сохранилась. В его сочинении имеются четыре изображения отдельных местностей, в частности, течения реки Нил, Яхонтовых гор, ал-Батихи (озера Меотис). Современными учеными были разработаны реконструкции на плоскости отдельных частей мира по данным координат труда ал-Хорезми (Мжик, Цегледи, Разийя Джрафи, Калинина, Daunicht, Wieber). Было выказано предположение, что сохранившаяся карта в труде арабского ученого XIV в. ал-'Умари воспроизводит, возможно, несколько искаженно, карту ал-Ма'муна, скопированную в 1340 году. Карта выполнена в глобулярной проекции, она выглядит как шар внутри Окружающего сущу океана; Окружающий океан сам находится внутри Темного океана. Атлантический и Индийский Океаны выглядят заливами Окружающего океана; Средиземное море — заливом Атлантического океана. Далеко не все историки согласны с предположением о принадлежности этой карты эпохе ал-Ма'муна, хотя отдельные ее части (исток и течение Нила, очертания Средиземного моря, отсутствие Черного и Азовского морей и отдельно расположенное озеро Тирма) напоминают реконструированные по координатам части карты ал-Хорезми.

Сочинения типа *зидж*, которые, кроме прочего, создавались учеными для построения карт, разрабатывались еще в IX в. ал-Фергани, с X по XIV в. — ал-Баттани, ас-Садафи, ал-Бируни, Ибн Са'идом, Насир ад-Дином Туси, Ибн ал-Варди,

ал-Казвини и другими. Сохранились или таблицы, или карты земли с текстами.

В X в. трудами ученых так называемой «классической школы» был создан «Атлас ислама», состоявший из круглой карты мира, шести карт с текстами, посвященными Аравии, Персидскому заливу, Магрибу, Египту, Сирии и Румийскому (Средиземному) морю. Остальные 14 карт сопровождающим их текстом показывали центральную и восточную части исламского мира. На этих картах линии и окружности чертились при помощи циркуля и линейки, что неизбежно влекло за собой искажение очертаний и несоразмерность площадей водных пространств, рек и дорог. Сеть меридианов и параллелей отсутствовала, хотя тексты, сопровождавшие карты, иногда содержали указания широт и долгот. Не исключено, что для их составления были привлечены образцы времени Сасанидов, однако примеров таких карт нет.

Основателем «классической школы» был среднеазиатский ученый ал-Балхи (20-е гг. X в.), его последователями были ал-Истахри, Ибн Хаукал, ал-Мукаддаси. Ранее считалось, что карта и труд ал-Балхи не сохранились. Однако Р.Б. Кумекова обнаружила в Институте арабских рукописей Лиги арабских стран в Каире манускрипт «Упоминание о расстояниях и изображение климатов», чьим автором указан Абу Зайд Ахмад ибн Сахл ал-Балхи. При сравнении, на основе издания полных списков труда ал-Истахри (Каир, 1961), Кумекова обнаружила, что труд ал-Балхи короче и менее насыщен, чем карта и труд ал-Истахри. В Атласе арабских карт, изданном в Софии в 2011 г., опубликована недатированная круглая карта мира из собрания рукописей одной из библиотек Стамбула, также под именем ал-Балхи, с отличиями от карт ал-Истахри и Ибн Хаукала.

Ал-Истахри написал «Книгу путей и государств» в 934 г., хотя существует редакция 951 г., сделанная, возможно, его учениками. Здесь Земля делилась на двадцать *иклимов* (термин, не идентичный таковому в книге ал-Хорезми — имелись в виду просто области) с описанием расстояний между станциями, названиями городов и населенных пунктов, иной раз с упоминанием наличия земледелия и скотоводства. По

сравнению с картой ал-Балхи, добавлены исправления, изменения и уточнения.

Продолжателем ал-Истахри стал его младший современник Ибн Хаукал, по договоренности с ал-Истахри исправивший неточности в картах и описаниях. Ибн Хаукал расширил свой труд за счет оригинального материала: его круглая карта мира, а также информация о городах, торговле, путях и областях Средней Азии, Византии, Армении, Испании были значительно подробнее материалов ал-Истахри.

К редким сочинениям относится анонимная «Книга чудес наук и диковин виденного воочию» — анонимная космография с текстом и рисунками звезд и планет, с прямоугольной и круглой картами мира и отдельных областей и городов Земли (Египет, 20–50-х гг. XI в.). Прямоугольная карта мира имела основой несохранившуюся карту ал-Хорезми: некоторые карты в труде Анонима аналогичны изображенным ал-Хорезми (Яхонтовые и Лунные горы, Нил). Круглая же карта мира и отдельные карты Анонима в искаженном виде повторили карты и иногда текст Ибн Хаукала.

Известен труд ал-Идриси (1099–1162), работавшего при дворе сицилийского короля Рожера II (1130–1154). В его сочинении «Отрада страстно желающего пересечь мир» имеется круглая карта мира, возможно, относящаяся к традиции «Атласа ислама». В другой, прямоугольной карте ал-Идриси Земля делилась на семь «климатов» (по традиции Птолемея), расположенных с юга на север, внутри же климатов располагались карты 10 поперечных секций (*джуз*) с севера на юг. Ал-Идриси не обращался к астрономическим и математическим вычислениям; он собрал 70 карт с более чем 2500 наименованиями, текст же его книги содержит вдвое больше. Сложененные вместе, 70 карт должны были показать прямоугольную карту мира с топонимами, гидронимами, хоронимами и др., которую в XX в. реконструировал К. Миллер.

Наконец, следует упомянуть о необычной карте мира одной из рукописей Британского музея, где Земля изображена в виде птицы: голова мира — Китай, Вак-Вак и неведомые народы, правое крыло — Индия и море, левое — Хазария и народы Маншак и Машак, Йаджудж и Маджудж, грудь —

Мекка, Хиджаз, Сирия, Ирак и Египет, хвост — области к западу от Египта. Схожие, но более короткие описания имеются у 'Абд ар-Рахман ибн Хакама и Ибн ал-Факиха.

В кратком обзоре невозможно охватить все многообразие арабских карт, хотя, как отметил еще И.Ю. Крачковский, арабская география делилась на математическую и описательную. Карты, созданные учеными Халифата, сочетали в себе обе эти черты.

E.H. КИРИЛЛОВА

ЗВУЧАНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА (ПО «КНИГЕ РЕМЕСЕЛ» ПАРИЖА)

*Исследование выполнено при поддержке РНФ
(проект 16-18-10393)*

Средневековый город был наполнен звуками. Их разнообразие, порядок и несогласованность отражали ход и насыщенность городской жизни, обозначая то, что происходило только в определенные часы (утром или вечером), в конкретные дни недели или года (в праздники, во время работы рынка или ярмарки), то, что могло случиться в городе где угодно или только на площади, у реки или у церкви.

Основной вопрос данного исследования — как звуки городской жизни отражаются в таких хорошо известных источниках по истории средневекового ремесла как ремесленные и торговые регламенты, и что они могут дать в изучении истории ремесла и в урбанистике: как звучала жизнь города, которую слышали средневековые ремесленники и торговцы; на какие звуки и в каких ситуациях они ориентировались в своей работе и в повседневной жизни. В основу исследования легли ремесленные и торговые регламенты «Книги ремесел», первой записи уставов парижских корпораций, которая была составлена в правление Людовика IX, в 1260-х гг., по указанию прево Париса Этьена Буало.

Профессиональная деятельность средневекового ремесленника и торговца не была бесшумной, однако в «Книге ремесел» отсутствуют упоминания о стуке молотка или о других звуках, которые издавали инструменты — своих для каждой профессии и разных по ходу работы. Их не регламентировали и не ограничивали, при том, что предположение о

неудобстве для соседей, обычных горожан, будет вполне логичным. Однако никакие громкие, долгие или неприятные звуки не принимались регламентами во внимание, чтобы стать основанием для запрета работать или выполнять шумные операции в конкретное время (ночью) или в конкретных местах. Составители регламентов обосновывали запрет на работу во внеурочное время необходимостью яркого (дневного) освещения (*la clarté du jour*), а не необходимостьюочной тишины. Обычно указывали на недостаточность ночного освещения для того, чтобы делать качественные изделия (как, например, у изготовителей оловянной посуды (XII устав «Книги ремесел»)), иногда — на то, что ремесло слишком трудное (как, например, у чеканщиков медных листочеков (XX)).

Чтобы ограничить время работы, городским ремесленникам оказалось недостаточно такого основного способа определения времени, как движение солнца. Им были необходимы менее субъективные критерии, независимые, например, от мнения хозяина о том, что именно сейчас и именно для его работников света вполне хватает. В регламентах «Книги ремесел» подобного рода формулировки не использовались, однако нельзя не увидеть их отголоски в правилах о вечернем отдыхе подмастерьев в уставах изготавителей пряжек из меди (XXII), волочильщиков медной проволоки (XXIV), изготавителей гвоздей для пряжек и поясов (XXV), сукновалов (LIII) и ременщиков (LXXXVII).

Как свидетельствуют регламенты, более объективным способом деления рабочего дня оказались звуки, среди которых был звон церковного колокола. Звон колокола приходской церкви указывал время работы и время отдыха мастеров и подмастерьев, что фиксируют многие уставы «Книги ремесел», делая это разными способами. Для шести ремесел ориентиром служил колокол собор Парижской Богоматери, для четырех — церкви Сен-Мерри, по одному — Сен-Лефруа, Сен-Мартен-де-Шан, Сент-Инносан и Сент-Опортюн. Еще четыре устава «Книги ремесел» упоминали колокольный звон, не уточняя его источник.

Наконец, о звоне колокола «в том приходе, где живут» мастера этого ремесла, сказано в уставах изготавителей ящиков и замков (XIX), изготавителей четок из кости и рога (XXVII), изготавителей четок и застежек к башмакам (XLIII; только в мясоед, в пост им следовало ориентироваться на собор Парижской Богоматери), сапожников (LXXXIV).

Лишь устав сукновалов (LIII) указывал на тот приход, где мастера работали. Это предписание представляется самым логичным: работа должна быть завершена, когда ремесленник услышит колокол ближайшей к месту работы церкви. В ином случае он должен будет выделить из общего хора голос колокола определенной ему церкви. Такие формулировки источников дают основания для уточнений, где именно жили и работали ремесленники разных специальностей. Сукновалы, таким образом, приходили на работу в разные районы города. Сапожники, изготавливати четок и ящиков работали там, где жили. Ремесленники, слышавшие колокол конкретной церкви или собора Парижской Богоматери, работали (всегда?) рядом с ними или умели различать разные голоса колоколов.

Крик глашатая также мог служить ориентиром для определения рабочего времени и времени отдыха. Первый крик вечернего глашатая в мясоед означал, что булавочникам (LX) и пуговичникам (LXXII) пора прекращать работу (в пост они ориентировались на колокольный звон).

В то же время регламенты свидетельствуют, что и сам по себе факт появления глашатая, безотносительно его действий (крика), мог быть значимым событием в рабочем графике ремесленников. Сукновалы (LIII) должны были увидеть, а вовсе не услышать глашатая, когда он проходил (*vont*) в ночь накануне некоторых праздников (Троицы, Петрова дня и др.). О том, что глашатай именно «идет» (*qui va*), было сказано и в уставе ременщиков (LXXXVII), для которых его появление становилось знаком окончания работы подмастерьев в мясоед (в пост — звон колокола), и у изготавителей пряжек из меди и латуни (XXII; в пост — звон колокола).

В подавляющем большинстве регламентов зафиксированы вечерние звуки, и лишь в трех случаях — утренние. Ка-

раул, который трубил начало дня (*la gueite ait corné le jour*), служил изготавителям фетровых шляп (XCI) указанием на то, что можно начинать работу, иначе они платили штраф. Утренний звон колокола в соборе Парижской Богоматери разрешал булочникам (I) печь хлеб по понедельникам, если они не приходились на праздничные дни. Даже до звона к заутрене булочники могли начинать работать накануне Рождества, если он выпадал на субботу. В позднейшей прописке к уставу сукноделов (L) появилась фраза о восходе солнца (*l'eure de soleil levant*), но более нигде это явление не обозначало начало работы.

Запрет на ночную работу был установлен в регламентах 50 парижских ремесел, правило о вечернем отдыхе — в семи уставах (в шести из них присутствовали оба ограничения), и 23 из этих регламентов были ориентированы на звуки.

Из звуков, связанных с ходом работы и торговли, в уставах присутствуют также призывы к покупателям: ко всем вообще или к конкретному человеку.

В первом случае речь идет об объявлениях о товарах или услугах. Уставы ограничивали выкрики старьевщиков (LXXVI), банщиков (LXXXIII), глашатаев вина (V): допустимые времена дня (не слишком рано) и места (ярмарки).

Призывы, обращенные к конкретному человеку, должны были привлечь внимание потенциального покупателя, но в городе они могли оказаться не всегда уместными. Повару (LXIX) было запрещено звать покупателя, который стоял у прилавка или окна другого повара, прищениваясь или покупая. Если он все же зазывал покупателя к себе, не дождавшись, пока тот отойдет от соседского прилавка, его штрафовали. Подобный запрет зазывать покупателя, который стоял у прилавка или дома соседа, есть у седельщиков (LXXVIII). Аналогичную ситуацию фиксирует устав кошелечников (LXXVII), однако она передана не через описание звуков, которые можно услышать, а описанием действий, которые можно увидеть: мастер не должен был выходить из своей мастерской и показывать свои товары, чтобы отвлечь покупателя от соседнего прилавка.

Все собранные, составленные и утвержденные прево регламенты были прочитаны в присутствии большинства самых мудрых, почтенных и старых горожан, как указывает в преамбуле «Книги ремесел» Этьен Буало. Это публичное оглашение правил работы и торговли в городе составляло важную часть процедуры, но было предназначено не всем горожанам, а только их представителям. В то же время «Книга ремесел» дает примеры адресных и регулярных объявлений о правилах торговли для всех заинтересованных лиц. Прево Парижа раз в год объявлял «с рыбного камня» о запрете для рыбаков (С) покупать рыбу на земле, то есть не при улове, и наказание за это в виде изъятия рыбы, которую отдавали бедным.

В.Н. Козляков, А.А. СЕВАСТЬЯНОВА

ДОКУМЕНТЫ АРХИЕРЕЙСКОГО СУДА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

Антропологический поворот исследований в гуманитарных науках обусловил переключение внимания историков на сюжеты истории частной жизни и повседневности, долгое время остававшиеся в тени изучения проблем власти и общества, революций, социальной и экономической истории. Внимание к частной сфере жизни общества требует изучения особенностей взаимодействия отдельных людей и целых общин, соотношения нормы и действительности в делах семьи и брака, регулировавшихся церковным судом.

Сюжеты истории частной жизни в России XVII в. исследованы до сих пор недостаточно, особенно в сравнении с аналогичными материалами по западноевропейской истории. Изучение истории частной жизни в отечественной науке началось в 1990-е гг. под влиянием трудов Ю.Л. Бессмертного, создавшего в Институте всеобщей истории РАН Центр «История частной жизни и повседневности». В статьях исследователей, опубликованных в альманахах «Казус: Индивидуальное и уникальное в истории» и «Одиссей: Человек в истории», рассмотрен методологический потенциал понятия «частная жизнь», изучена историографическая традиция в трудах по европейской истории средних веков и нового времени (Ю.Л. Бессмертный, Л.П. Репина). Появились и публикации по истории России, имеющих значение для общей постановки темы изучения частной жизни в России XVII ве-

ка. Н.Л. Пушкарева в рамках гендерного подхода исследовала историю женщин, а О.Е. Кошелева привлекала внимание к «казусным» примерам российской истории, позволяющим интерпретировать их в контексте изучения частной истории. Традиционно изучаются источниковедческие проблемы изучения частных архивов и переписки XVII в., но исследования на эту тему лишь косвенно затрагивают понятие «поповседневности» (см. работы Б.Н. Морозова, О.В. Новохатко, Л.А. Тимошиной).

Комплексы сохранившихся материалов патриарших приказов и архиерейских домов XVII в. используются, в основном, для изучения внутренней структуры церковных институтов и землевладения Церкви (см. работы И.А. Устиновой о книгах патриарших приказов, труды Н.В. Башнина, Д.Е. Гнешавшева, А.Л. Грязнова и М.С. Черкасовой, основанные на изучении архива Вологодского архиерейского дома). Хорошая сохранность делопроизводства архиерейских домов XVII в. является, скорее, исключением из правила. Церковные архивы оказались рассредоточены по разным собраниям, что требует дополнительных поисков. Источниковедческие сложности существуют и при изучении приходской жизни (см. работы П.С. Стефановича и Е.Н. Швейковской).

Обнаруженные авторами материалы церковного суда по духовным делам представляют собою записные книги судебных дел Рязанского архиерейского дома 1660–1670-х гг., ведшииеся при архиепископе (с 1669 г. — митрополите) Иларионе (известном участнике церковного собора 1666–1667 гг.) и митрополите Павле (Севастьянова 2018: 7–12). Эти источники уже были предметом внимания церковных историков в XIX–XX вв., оценивших их значение для истории русской Церкви: «Насколько нам приходилось знакомиться с историей отдельных русских епархий, нигде еще не сохранилось сведений о деятельности духовных приказов за столь продолжительное время. Скажем дальше более: об этих учреждениях вообще по русским епархиям имеются очень отрывочные данные, которые еще не подвергнуты обработке и не сведены к общим выводам» (Введенский 1905: 127).

Записные книги судного приказа Рязанского архиерейского дома, состоящие из перечисления сотен духовных дел 1665–1668 и 1675–1678 гг., позволяют обратиться к исследованию проблематики «частной жизни» в России второй половины XVII в. на достаточно обширной документальной основе. Описание каждого из дел занимает в книгах от одного до трех листов, в них упоминается об исках разных лиц — детей боярских, посадских людей и стрельцов, священников и митрополичьих слуг. Кратко описан ход рассмотрения дела, перечислены судьи духовного приказа, сказано о решении по делу и взимаемых пошлинах. Сами подлинники челобитных и материалы сыска по делам хранились отдельно, отрывки этого делопроизводства встречаются в фондах Солотчинского монастыря (Ф. 1202) и Муромского митрополичьего двора (Ф. 1433) в РГАДА. Обширность рязанской и муромской митрополии обусловила присутствие в составе записных книг материалов по истории многих городов и уездов, подведомственных митрополичьему суду: Мурома, Касимова, Тамбова, Козлова, Ряжска, Скопина, Шацка, Переславля-Рязанского, Ельца, Лебедяни, Воронежа.

Комплекс документов, дает хорошую основу для понимания проблематики и наиболее распространенных коллизий частной жизни, с которыми сталкивались жители Русского государства в XVII в., чьи «голоса» редко встречаются на страницах источников: крестьян, посадских людей и холопов, казаков, монастырских слуг, церковных дьячков и приходских попов, рядовых детей боярских. В материалах церковного суда отражен бесправный статус «литовских полонянников». По предварительным наблюдениям, более всего были распространены дела, связанные с нарушением правил заключения брака или невозможностью его продолжения в связи с побегом или длительным отсутствием одного из супругов. Судные дела показывают порядок оформления разводов, разбора споров о владении приданым и другим имуществом. В них сохранились сведения о действиях городских и сельских общин при столкновении с фактами исчезновения людей или неожиданными смертями. Рассмотрение «духовных дел» раскрывает роль и значение посредничества

местных священников, монастырских властей и поповских старост в случаях девиантного поведения и преступлений на сексуальной почве, рождения внебрачных детей. Материалы делопроизводства архиерейского суда свидетельствуют о нарушениях церковного управления, раскрывают порядок «снятия скуфы», запрета в богослужении отдельным священникам.

Таким образом, записные книги судебных дел Рязанского архиерейского дома 1660–1670-х гг. являются важными источниками по истории церковного суда. Изучение «духовных дел» позволяет обосновать типичность и повторяемость определенных ситуаций и способов их разрешения чиновниками архиерейского дома и правящими архиереями. В языке этих дел, отразивших непосредственную реакцию людей на чрезвычайные события в их жизни, содержатся самые разные примеры, позволяющие лучше понять историю частной жизни в России второй половины XVII века.

БИБЛИОГРАФИЯ

Введенский С.Н. Материалы для истории Воронежской епархии (из рукописей Рязанской духовной семинарии) // Воронежская старина. Воронеж, 1905. Вып. 5. С. 126–135.

Севастьянова А.А. Редкие рукописные книги XVII–XIX веков в Государственном архиве Рязанской области // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2018. № 3 (60). С. 7–12.

И.Г. Коновалова

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОПИСАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КАРТОГРАФИИ

Карта, по словам географа и историка картографии Дж.Б. Харли, служит «посредником между внутренним ментальным миром человека и внешним физическим миром» (Harley 1987: 1). Это образное выражение очень точно определяет место карты — как материализованной формы пространственного мышления — в общем массиве представлений человека о пространстве. Дошедшие до нас средневековые карты опирались на огромный объем информации, бытавшей в различных формах, — в виде устных сведений, записок путешественников, ученых трудов, административно-политических документов, литературных произведений и т.п., среди которых собственно картографические изображения составляли лишь малую часть. Этот обширный информационный контекст, помноженный на особенности пространственного мышления в различных культурных традициях, часто недооценивается при анализе карт и их истории.

Справедливости ради следует отметить, что в результате «пространственного поворота» (*Spatial Turn*) в социально-гуманитарном знании в 1970–1980-е гг., благодаря которому усилилось внимание к изучению пространственного измерения всех сфер социальной жизни, начался новый этап в изучении истории картографии. Прежде всего, был подвергнут кардинальному пересмотру статус карты как «объективного» научного продукта, единственной целью которого является максимально точное отображение поверхности земли, и тем самым был поставлен под сомнение взгляд на историю кар-

тографии как на поступательное движение ко все большей и большей точности карт. Сейчас признано, что не существует «картографии вообще» как единого научного предприятия; есть лишь различные способы картографирования, каждый из которых является частью более широкого национального контекста, в рамках которого формируется определенный способ ментального и технологического освоения пространства. Карта стала рассматриваться как более или менее ангажированная концептуализация географического пространства, как культурный текст, наполненный смыслами, выходящими за рамки собственно пространственных отношений. «Вторым текстом» карты стала признаваться ее подспудная идеологическая составляющая, которая через заказчика карты и ее пользователя оказывает влияние на смысл и назначение картографического изображения. В самостоятельную проблему выделилось изучение производства карт как формы политического дискурса, как одной из отраслей политики и пропаганды, как манифестации власти (военной, административной, религиозной, экономической) (подробнее см.: Коновалова 2012; там же библиография).

Вместе с тем рост внимания к исследованию широкого общественно-политического и культурного контекста картографического производства не сопровождается привлечением описательных произведений географического характера в круг источников по истории картографии. В рамках этой дисциплины сравнительный материал ограничивается, как правило, другими картами того же или иного типа. Между тем ментальные карты и географические образы, лежащие в основе географических описаний, следует рассматривать как не менее важную часть картографического наследия, чем сами карты, в связи с чем изучение географических текстов может быть полезно не только для исследования пространственных представлений, но и для понимания практики картографирования как таковой.

К средневековой исламской географии и картографии сказанное выше относится, может быть, в большей степени, чем к другим традициям. Последние исследования в области средневековой исламской картографии показывают, что

карты исламских географов вряд ли существовали в виде самостоятельных произведений: почти все они дошли до нас в составе нарративных сочинений и являлись их неотъемлемой частью (Karamustafa 1992: 4–6). Именно с иллюстративной ролью исламских карт связано то, что в арабском языке длительное время отсутствовал точный термин для обозначения географической карты как таковой. Использовавшиеся для этой цели слова подходили для обозначения любых визуальных объектов: *ṣūra* («вид, образ, картина, изображение, копия»), *rasm* («чертеж, план, рисунок, изображение»), *naṣṣ* («рисунок, украшение»). Термин *ḥarīṭa* («географическая карта») в арабском языке является поздним заимствованием из французского (Maqbul 1997: 1077–1078).

Карты так называемого «Атласа ислама» X в., карты «Книги чудес», анонимной космографии первой половины XI в., и в особенности карты из географического сочинения ал-Идриси середины XII в. дают редкую возможность проследить взаимозависимость картографической и текстовой информации. Сравнение данных текста и карты ал-Идриси показывает, что текстовая информация о каком-либо объекте и его изображение на карте не всегда могут рассматриваться как дополняющие или уточняющие друг друга данные. Карта отражает представления самого ал-Идриси о том или ином регионе или объекте, а его информаторы могли иметь и другую пространственную картину перед своим мысленным взором — хотя бы уже потому, что в силу неизбежной ограниченности своего личного опыта представляли себе только какой-то фрагмент пространства. Если в тексте данные о разных маршрутах ал-Идриси мог соединять довольно небрежно, не заботясь о том, что сведения о разных объектах повторялись дважды или даже многократно, то как составитель карты он уже не мог себе этого позволить. Поэтому если в тексте могло быть представлено несколько личных точек зрения на организацию пространства, то на карте все сводилось воедино ее составителем (подробнее см.: Коновалова 2009: 52–71).

Особую группу географических текстов представляют собой сочинения, созданные в жанре описательной геогра-

фии и не содержащие в своем составе карт, но приводящие для более или менее значительного числа объектов их географические координаты. В первую очередь, это всемирные географии испано-арабского ученого XIII в. Ибн Са'ида ал-Магриби и сирийского историка и географа XIV в. Абу-л-Фиды. Оба автора, рассказывая о тех или иных объектах — населенных пунктах, навигационных ориентирах, горах, реках, озерах, — попутно сообщают множество координатных данных, что дает возможность реконструировать их карту того или иного района мира (например, о реконструкции карты Черного моря Абу-л-Фиды см.: Frolov, Konovalova 2018).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Коновалова И.Г.* Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: Текст, перевод, комментарий. М., 2009 (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).
- Коновалова И.Г.* Историческая география на междисциплинарных перекрестках // Историческая география / Отв. ред. И.Г. Коновалова. М., 2012. Т. 1. С. 8–19.
- Frolov A., Konovalova I.* Reconstruction of the Black Sea Map in the Geographical Work of Abu al-Fida' // e-Perimetron: International Web Journal on Science and Technologies Affined to History of Cartography and Maps. 2018. Vol. 13. No. 1. P. 50–62. — Электронный ресурс [режим доступа: http://www.e-perimetron.org/Vol_13_1/Frolov_Konovalova.pdf, дата обращения — 01.03.2020].
- Harley J.B.* The Map and the Development of the History of Cartography // History of Cartography / Ed. by J.B. Harley, D. Woodward. Chicago; London, 1987. Vol. I. P. 1–42.
- Karamustafa A.T.* Introduction to Islamic Maps // History of Cartography / Ed. by J.B. Harley, D. Woodward. Chicago; London, 1992. Vol. II. Book 1. P. 3–11.
- Maqbul A.S.* Kharīṭa // The Encyclopaedia of Islam. New Edition. Leiden, 1997. Vol. IV. P. 1077–1083.

Н.Л. Конюшихина

ГИС-ТЕХНОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ «ТОПОГРАФИЧЕСКИХ ДОНЕСЕНИЙ ФИЛИППА II»

В последнее время растет интерес исследователей к источникам историко-географического типа, содержащим большие объемы данных. Одним из них являются так называемые «Топографические донесения Филиппа II» (*Relaciones topográficas de Felipe II*, далее — ТД), представляющие собой огромную базу данных со сведениями самого разного характера: территориального, административного, экономического, социального, исторического и др.

Речь идет об обширном корпусе документов, состоящем из ответов респондентов различных населенных пунктов Испании на королевскую анкету 1575 г. (57 вопросов) и ее последующую редакцию 1578 г. (45 вопросов), полученных в период между 1575 и 1581 гг. (Miguélez 1915: 12–29). ТД охватывают, прежде всего, территорию Новой Кастилии, а именно провинции Мадрид, Толедо, Сьюдад Реаль и Куэнка (636 донесений — 88,2 % от всех имеющихся донесений). Остальные приходятся на Эстремадуру, Альбасете, Аликанте, Хаэн, Мурсию и Саламанку (85 донесений — 11,8 % от общего числа). В общей сумме — 721 донесение (Campos y Fernández de Sevilla 2003: 495–496). Несмотря на то, что характер информации, порядок ее сбора и изложения определялись содержанием опросника, сообщаемые респондентами сведения крайне разнообразны. По своему масштабу ТД — явление совершенно исключительное и уникальное для того времени, не имеющее аналогов в других странах.

До сих пор исследователи сталкиваются с трудностями в

попытке отнести донесения к какому-то определенному типу источника из-за широты представленных там сведений и не вполне ясных целей создания (Salomón 1973; Arroyo Ilera 1998: 188–189; Alvar Ezquerra 2010). Мы прежде всего рассматриваем их в историко-географической перспективе. Подчеркнем, что ТД являются одним из важнейших и наиболее полных источников применительно к XVI в. Они широко используются в испанской исторической науке в самых разных отраслях знания, но отечественные исследователи до сих пор их почти не использовали (Денисенко 1985: 127; Прокопенко 2002: 38).

Как отмечают разные специалисты, в процессе анализа подобных источников, в первую очередь, возникает проблема обработки больших объемов данных. Одной из попыток ее решения является создание специального программного обеспечения, позволяющего работать с большим количеством информации. Например, Единая информационная база данных исторических кадастров (SIGECAH) — программное обеспечение по обработке кадастровой информацией, за основу которого был взят Кадастр Энсенады (Гарсия Хуан 2017: 66–68). С другой стороны, все большую популярность обретает использование уже существующих информационных систем, с помощью которых можно решать конкретные исследовательские задачи (Владимиров 2005). В нашем случае речь идет о применении ГИС-технологий для изучения ТД.

Платформа ArcGIS — эта одна из ГИС, которая позволяет пользователям обрабатывать, интерпретировать и визуализировать данные, а также анализировать их, находить корреляцию, закономерности и общие тенденции (Баранов 2009). Она может быть применена в работе с ТД в отношении той информации, которая предполагает визуализацию объектов. В первую очередь это касается наложения на карту населенных пунктов, где были составлены донесения, что дает ясную картину пространственного охвата донесений, способствует лучшему восприятию топонимов, которые без графического изображения мало что говорят читателю-неспециалисту, позволяет сделать выводы относительно территорий, не охваченных королевским опросником.

После визуализации населенных пунктов на карту можно наносить любую информацию статистического характера в зависимости от исследовательского интереса. Например, это могут быть сведения, касающиеся административного устройства территории: сеньориальный режимселений, тип поселения, судебные округа или церковное управление. Учитывая специфику донесений, отмеченные данные можно использовать в качестве дополнительного источника по территориально-административному делению Новой Кастилии в XVI веке. Еще один тип объектов, которые возможно отобразить благодаря использованию платформы ArcGIS, — природные, экономические и человеческие ресурсы населенных пунктов. В донесениях содержатся сведения о лесных и водных запасах, флоре и фауне, полезных ископаемых, сельскохозяйственных культурах, количестве населения и др. Информация подобного типа служит для восстановления исторического ландшафта указанных территорий. ArcGIS позволяет также работать со сведениями исторического характера. Так, визуализация населенных пунктов, в связи с которыми в донесениях упоминается восстание комунерос (1520–1522), заметно дополняет наши представления о вовлечении в это движение сельской округи Новой Кастилии.

Мы не ставили перед собой цели перечислить все возможности использования платформы ArcGIS в работе с ТД, а лишь наметили общие линии. В то же время необходимо отметить, что применение ГИС имеет свои ограничения. Во-первых, отображение информации осуществляется практически всегда на современных картах, с нынешними границами провинций, муниципий и населенных пунктов. Некоторые селения либо исчезли, либо вошли в состав более крупных, другие поменяли название, у третьих изменились границы. Во-вторых, графическому воспроизведению подлежит в основном количественная информация. В-третьих, существуют ограничения в отношении анализа данных донесений. ГИС-технологии — это, прежде всего, инструмент отображения данных, для их анализа требуются другие методы исторического исследования.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Баранов Ю.Б., Берлянт А.М. и др.* Геоинформатика: Толковый словарь основных терминов. М., 2009.
- Владимиров В.Н.* Историческая геоинформатика: Геоинформационные системы в исторических исследованиях. Барнаул, 2005.
- Гарсия Хуан Л.* Испанские и русские исторические кадастры: обработка данных в единой информационной базе // Испания и Россия: Исторические судьбы и современная эпоха. М., 2017. С. 63–72.
- Денисенко Н.П.* Кастильская деревня в XVI веке (к характеристике развития производительных сил) // Средние века. 1985. Вып. 48. С. 125–140.
- Прокопенко С.А.* Население Испании в XVI–XVII вв. М., 2002.
- Alvar Ezquerra A.* Sobre la descripción de los pueblos de España y su ambiente historiográfico // La Historia sin complejos: La nueva visión del Imperio Español. Madrid, 2010. P. 79–98.
- Arroyo Ilera F.* Las Relaciones geográficas y el conocimiento del territorio en tiempos de Felipe II // Estudios geográficos. 1998. Vol. 59. N 231. P. 169–200.
- Campos y Fernández de Sevilla F.J.* Las Relaciones Topográficas de Felipe II: índices, fuentes y bibliografía // Anuario jurídico y económico escurialense. 2003. N 36. P. 441–574.
- Miguélez M.* Las Relaciones Histórico-Geográficas de los pueblos de España hechas por orden de Felipe II. Madrid, 1915.
- Salomón N.* La vida rural castellana en tiempos de Felipe II. Barcelona, 1973.

Е.Л. Конявская

ДУХОВНЫЕ И ДОГОВОРНЫЕ ГРАМОТЫ XIV – НАЧАЛА XVI ВЕКА КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ О РУССКИХ КНЯГИЯХ

*Исследование выполнено при поддержке РНФ
(проект № 19-18-00247)*

Информация о русских княгинях, содержащаяся в летописях или иных нарративных источниках, оказывается крайне скромной и односторонней: говорится об их происхождении, рождении детей, оплакивании уходящих из сего мира мужей, принятии монашества и кончине. Реже, если княгиня не уходит в монастырь, можно встретить информацию о том, что вдова принимает участие во внутрисемейных делах, в политической и церковной жизни княжества.

Вместе с тем данные о владениях княгинь, их роли в взаимоотношениях внутри княжеского дома, их властных прерогативах обнаруживаются в завещаниях и договорах русских князей.

Больше такого материала в завещаниях. Из них можно узнать, что княгини получали от своих мужей после смерти последних села в станах и волости за пределами станов (последние упоминаются в договоре Дмитрия Донского с Владимиром Андреевичем Серпуховским 1364–1365 гг. как волости «за княгинею Ульяною», а затем в его второй духовной грамоте). Однако статус владений мог быть разным. В первой половине XIV в. завещанные территории имели статус пожизненного владения, а затем переходили в ведение сыновей. Например, Заячковом, Заберегой, говорят-

ся в духовных Ивана Ивановича, владеет княгиня Марья, его тетка, но после ее смерти эти места достанутся его супруге. Из второй духовной Ивана Ивановича можно узнать о том, что волостями второй жены Ивана Калиты Ульяны после ее кончины будут распоряжаться сыновья Ивана Ивановича, которым он завещает передать эти земли дочери вдовы его отца. Владения, переданные Симеоном Гордым супруге Марии Александровны, к моменту написания этих завещаний частично были уже у нее отняты, а другие, согласно второй духовной Ивана Ивановича, «по ее животе» переходят его жене и сыновьям.

Княгини также могли совершать самостоятельные «купли». Такие приобретения уже были в полном их распоряжении и могли завещаться по их усмотрению. «Купли» княгинь фигурируют в договорах и завещаниях русских князей с достаточно раннего времени. Так, в договоре Михаила Ярославича 1318 г. с Юрием Даниловичем и Новгородом упоминаются села в Вологде и Бежецком уезде, которые «покупила» княгиня Василиса, вдова Андрея Александровича. Правда, земли эти по заключаемому договору должны были быть возвращены «Святой Софии» с некоей компенсацией кунами. В следующей статье идет речь уже о княгине самого Михаила Ярославича («такоже и дѣтемъ его, и кнагыни его») — о такого же рода возвращении земель во владение Новгорода, «зная своих истцов» (Кучкин 2003: 336). Есть более позднее упоминание, но о более раннем прецеденте. Во втором завещании Ивана Калиты говорится о селе Павловском: «бабы наше купла» (Кучкин 2008а: 131). Речь идет о жене Александра Невского.

Но уже во втором завещании Дмитрия Донского по воле князя супруга будет «вольна» не только в собственных «куплях», но и в тех «примыслах» великого князя, которыми он ее «благославляет»: «с(ы)ну ли которому да|стъ, по д(у)ши ли дастъ. А дѣти мои в то не въступаютъс(а)» (Кучкин 2009: 134). В завещании Владимира Андреевича Серпуховского также перечисляется целый ряд завещаемых княгине сел, о которых князь заявляет отдельно: «Тъ села кнагини мои шприснь дѣлу, в тѣх селех кнагини мої волна,

которому с(ы)ну дасть, тому то и есть, а дѣти | мои в тѣ села не въступаютса» (РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. I. № 12). Подобные «опричные» территории выделяет своей супруге и Василий Дмитриевич.

На княгинь возлагались обязанности в различных ситуациях после смерти князя. Так, Дмитрий Донской поручает своей жене Евдокии раздел выморочных владений. Она вправе и обязана наделить уделом сына, если он родится уже после кончины Дмитрия, перераспределить уделы, если кто-то из сыновей утратит владение, распределяет прежний удел князя, который вступает в права главы княжеского дома. В завещании неоднократно подчеркивается, что слово матери не оспаривается сыновьями.

Великие княгини имели у себя на службе бояр. Обращает на себя внимание фраза из завещания Симеона Гордого: «А хто моихъ боарь иметь служити оу моее кнагини, а волости имуть вѣдати, даютъ кнагинѣ мои прибытъка половину» (Кучкин 2008б: 124). Как можно видеть, речь идет о боярах великого князя, которые будут служить в дальнейшем в волостях, которые ей переданы. Из этой статьи можно узнать, на каких условиях служили княгиням бояре. Сходные тексты (хотя и без упоминания материальных условий) относительно бояр княгини читаются во втором завещании Дмитрия Донского. Неоднократно упоминаются они и в завещании Владимира Андреевича Серпуховского. Характерно, что здесь декларируется и право княгини суда на своих территориях, в том числе она может судить бояр: «А судит кнагини може оудѣль свои и тѣ села, и боәре свои сама».

Определенно говорит о своих боярах, а также о детях боярских и слугах в своем завещании Софья Витовтовна: «А что которыи мои | боәре, и дѣти боәрьскіи, и слуги мои, которыи служили мнѣ, великои кнагинѣ, и тѣхъ всѣх г(о)с(поди)нъ мои, с(ы)нъ мои, великіи | [кназъ Ва]силии Васил(ъ)евич, жалует и блюдет, как и своих» (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 20).

Были в распоряжении княгинь и «люди», разные их категории. Василий Дмитриевич в первом завещании

закрепляет за женой данных ранее ей холопов: «А кнагинъ мои тѣ люди, што е[смъ] еи подавал при своемъ животѣ, и грамоты полные тѣхъ | людем оу нее» (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 9). В последнем же его завещании в такого же роде статье добавляется, что будущая вдова обязывается передать своим дочерям из холопов князя каждой по пяти семей (остальные должны быть отпущены на свободу). В завещании Софьи упоминаются серебренники и страдники (последних она отпускает на свободу). Борис Волоцкий передает супруге холопов, среди которых повар, сокольник, посельский и три хлебника. Большой список «людей» с женами и детьми завещает супруге Иван Юрьевич Патрикеев. Среди них повара, конюхи, серебряных дел мастера, портные, плотники и др.

Необходимо отметить, что предписания завещаний не всегда точно исполнялись. Так, Дмитрий Донской дает указание супруге наделить сына, который может родиться уже после написания завещания, уделом, «возма по части оу болши[е] его браты» (Кучкин 2009: 135). Из первого завещания Василия ясно, что Константину выделены Тошна и Устюжна, но только из владений великого князя. Более поздние завещания Василия Дмитриевича и договор Василия Васильевича с Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным показывают, что состав владений Константина неоднократно изменялся. Таким образом, лишь сопоставление сведений ряда завещаний и договоров позволяет оценить степень достоверности такой информации.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV в.: Внешнеполитические договоры. М., 2003.
- Кучкин 2008а — Кучкин В.А. Издание завещаний московских князей XIV в. [1339 г.] Вторая душевная грамота великого князя Ивана Даниловича Калиты // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 2 (32). С. 129–132.
- Кучкин 2008б — Кучкин В.А. Издание завещаний московских князей XIV в. [1353 г., апреля 24–25] Душевная грамота великого

князя Семена Ивановича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 3 (33). С. 123–125.

Кучкин В.А. Издание завещаний московских князей XIV в. Вторая душевная грамота великого князя Дмитрия Ивановича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 3 (37). С. 132–136.

М.А. КОРЗО

О СПОСОБАХ РЕКОНСТРУКЦИИ БИБЛИОТЕЧНОГО РЕСУРСА ПРАВОСЛАВНОГО КНИЖНИКА XVII ВЕКА

ПРИМЕР РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ И РОССИИ

Исследование нацелено на разработку методов реконструкции корпуса религиозных текстов западного (латинского) происхождения, который циркулировал в православной среде Речи Посполитой и России XVII в. В основу исследования положена гипотеза, что дошедшие до нас не так уж и многочисленные по сравнению с Западной Европой той эпохи описания книжных коллекций — монастырей, православных религиозных братств, отдельных церковных иерархов, светских лиц (Charipova 2006) — далеко не исчерпывающим образом отражают степень знакомства православных книжников с иностранной книгой. Данный тезис в большей степени относится к книжникам Киевской митрополии, в меньшей степени — Московского государства.

Подтверждением выдвинутой гипотезы является тот факт, что многие выходцы из Киевской митрополии (и те, что оставались впоследствии в Речи Посполитой, и те, что перебирались в пределы Московского государства) получали в XVII в. образование в коллегиях Общества Иисуса или школах иных католических орденов, а потому вполне вероятно, что во время обучения православные студенты использовали и книжный ресурс данных учебных заведений. Материал

из прочитанных в школьные годы книг использовался впоследствии в виде конспектов и выписок разной степени полноты, не отражаясь, таким образом, в описаниях книжных собраний. Нельзя недооценивать и наличия зачастую дружеских контактов между представителями православного и католического духовенства в Речи Посполитой, что создавало дополнительные предпосылки для книгообмена (Яковенко 2017: 105–106; Яременко 2007: 51–53). Исследователями уже не ставится под сомнение тот факт, что для православных книжников могли быть доступны библиотечные собрания отдельных монашеских орденов. В пределах Речи Посполитой подобные случаи известны и из иной конфессиональной среды, когда один из членов лютеранской общины исключительно благодаря личному знакомству получил доступ к библиотеке доминиканского (то есть католического!) конвента в Вильне (Niedźwiedź 2012: 98).

Одним из способов, который помогает расширить знания о степени знакомства православных с латинской религиозной книгой, является реконструкция конкретного корпуса памятников, задействованного при написании того или иного сочинения, или реконструкция так называемого «библиотечного ресурса» того или иного сочинения. Продуктивность такого подхода продемонстрирована в последней монографии украинского историка Наталии Яковенко, в которой анализируется литературное и богословское наследие самого плодовитого украинского писателя XVII в. Иоанникия Галятовского (ок. 1620–1688) (Яковенко 2017: 97–116).

Используя данный метод, необходимо учитывать, что далеко не каждый автор оставил исследователям подсказки об источниках своей эрудиции в виде прямых отсылок в тексте или выносных ссылок на полях. И даже если подобные подсказки и встречаются, то им не всегда можно доверять в полной мере, поскольку в книжной традиции той эпохи еще не было принципиальной разницы между прямым цитированием источника и цитированием текстов с «чужих слов» или в чьем-то пересказе (Brogi Bercoff 1992–1993: 329). Ссы-

ляясь на какую-то латинскую книгу, православный автор мог никогда не держать ее в руках; а использование информации с «чужих слов» приводило зачастую к искажению не только фактов, но и авторства тех или иных высказываний.

Одним из путей по реконструкции «библиотечного ресурса» того или иного сочинения является выявление латинских религиозных текстов, фрагменты из которых присутствуют в православном памятнике в «спрятанном» виде. Не претендуя на исчерпывающее описание данного феномена в православной книжности Речи Посполитой и России XVII в., я остановлюсь лишь на трех наиболее распространенных способах «встраивания» чужого (латинского) текста в сочинение православного автора (или авторов).

Первый способ: заимствование из латинской книги небольшого, но тематически цельного фрагмента, который мог не подвергаться редактированию или из него «изымались» лишь отдельные идеи или термины, которые противоречили православной вероучительной традиции. Жанр текста-источника и текста-реципиента могли отличаться и заимствованный фрагмент оказывался в совершенно ином контекстуальном окружении.

Второй способ: православные авторы XVII в. могли использовать латинскую книгу также в качестве структурообразующей основы для собственного сочинения или своеобразного «каркаса», который потом как мозаичное полотно заполнялся содержанием из других источников как латинского, так и не обязательно латинского происхождения.

Третий способ: перевод латинской книги без указания авторства в полном или практически в полном объеме, с минимальными сокращениями или расширениями текста, после чего новое сочинение функционировал как сугубо православное сочинение и обретало нового автора.

На данной стадии исследования сознательно оставляются без рассмотрения вопросы, по каким критериям в каждом конкретном случае происходил выбор латинского источника; каковы были техники переложения латино- или

польскоязычных сочинений на церковнославянский или на так называемую «простую мову»; какие трансформации в процессе перевода претерпевали те или иные богословские термины и вероучительные сюжеты; кто был компилятором или переводчиком анализируемых ниже православных сочинений. Ответы на эти и многие другие вопросы требуют дополнительных исследовательских усилий.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Яковенко Н.М. У пошуках Нового неба. Життя і тексти Йоанікія Галятовського. Київ, 2017.
- Яременко М.В. Київське чернецтво XVIII ст. Київ, 2007.
- Brogi Bercoff G.* The “Letopisec” of Dimitrij Tuptalo, the Metropolitan of Rostov, in the Context of Western European Culture // *Ricerche Slavistiche*. 1992–1993. Vol. 39–40. P. 293–364.
- Charipova L.V. Latin Books and the Eastern Orthodox Clerical Elite in Kiev, 1632–1780. Manchester; New York, 2006.
- Niedźwiedź J.* Kultura literacka Wilna (1323–1655). Retoryczna organizacja miasta. Kraków, 2012.

A.A. КОРОЛЕВ

СТАТУТЫ АРХИЕПИСКОПА ГИШАРА КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О ЛИОНСКОМ КАПИТУЛЕ В XII ВЕКЕ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ
(проект 16-18-10393)*

Каноники кафедрального собора в Лионе получили свои первые подробные статуты от архиепископа Гишара из Понтины (1165–1182). В трудах современных исследователей определены и истолкованы основные особенности этих статутов. Выходец из цистерцианских кругов, Гишар разделял аскетические убеждения реформированного монашества и мало считался с интересами соборных каноников (Rubellin 2000). Статуты, которые он навязал каноникам, по своей форме восходили к монашеским (клунийским, цистерцианским) образцам. При этом исследователи были удивлены содержанием статутов Гишара, которые «не касались никаких важных вопросов» (Collomb 1995: 13). Гишар обошел молчанием такие существенные аспекты жизни соборного капитула, как состав общины, права и обязанности ее членов, структуру руководства, распорядок дня, управление имуществом и распределение доходов среди каноников. Лишь в одном случае он привел конкретный пример коллективного действия капитула: чваный каноник, не пожелавший выполнить указание прецентора (распорядителя богослужения), решением общего собрания был временно исключен из общины (Antiqua statuta 1855: 1110–1111).

Основное внимание Гишар уделил порядку совершения богослужений и процессий, поведению в церкви и в клуатре,

необходимости участия в богослужениях, внешнему виду каноников. Чередуя частные распоряжения с общими призывами к скромности, порядку и дисциплине, Гишар постоянно ссылался на традицию Лионской церкви и обильно цитировал авторитетного церковного писателя Амвросия Медиоланского (Collomb 1995: 11–12; Rubellin 2000: 48–49). Заметно желание Гишара приблизить царившую в соборном клуатре атмосферу к модели поведения, принятой в монастырях: он предписывал каноникам спокойствие, безмолвие и ритуализированные жесты, в основном направленные на символическую изоляцию нарушителей, способных «заразить» окружающих дурным примером. Гишар считал неприличным поведение каноников во время церковных служб: они опаздывали, переговаривались, посмеивались, зевали и сморкались. Пока одни каноники участвовали в богослужении, другие расхаживали по клуатру и вели досужие беседы. По-видимому, Гишар был особенно недоволен поведением молодых клириков, которые нередко бегали по храму и клуатру со смехом и криками: упрекая каноников за мягкое обращение с мальчиками, он подробно расписал порядок подготовки юных клириков, требовал жестко контролировать их поведение и регулярно устраивать хоровые спевки (*Antiqua statuta* 1855: 1104–1108). Кроме того, в статутах подробно описаны обязанности церковного сторожа — матрикулария, который отвечал за порядок в храме и сохранность богослужебных принадлежностей. Очевидно, это связано с тем, что матрикуларии, судя по замечаниям Гишара, часто ссорились с другими канониками и с молодыми клириками (*Antiqua statuta* 1855: 1111–1113).

Многие особенности статутов архиепископа Гишара можно объяснить тем, что их автор занимал позицию стороннего наблюдателя. Архиепископ жил по соседству с канониками и хорошо знал, как выглядит их жизнь с внешней точки зрения. Возглавляя торжественные богослужения в соборе, он следил, как вели себя каноники во время церковных обрядов. Поэтому Гишар в первую очередь добивался от каноников внешнего «благочиния», имея при этом в виду чинный и размеренный образ жизни монахов. Внутренняя

жизнь общины, особенности ее устройства и функционирования, судя по всему, редко попадали в поле зрения архиепископа. Его конкретные распоряжения относились только к инкорпорированным клирикам, чьи права и обязанности не были четко определены и могли становиться предметами разногласий, и к молодежи, чьи игры в клуатре вызывали у него раздражение. Таким образом, статуты Гишара следует воспринимать не как свод внутренних правил соборной общины, а как сборник замечаний внешнего наблюдателя. Некоторые ремарки архиепископа показывают, что он был хорошо знаком с устройством капитула, но его внимание привлекали только отдельные аспекты жизни каноников, с которыми он сталкивался регулярно.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Antiqua statuta ecclesiae Lugdunensis a Guichardo archiepiscopo renovata // Patrologia Latina. T. 199. Paris, 1855. Col. 1091–1120.
- Collomb P.* Les statuts du chapitre cathédral de Lyon (XIIe–XVe siècle): Première exploration et inventaire // Bibliothèque de l’École des chartes. 1995. T. 153. P. 5–52.
- Rubellin M.* Guichard de Pontigny et Valdès à Lyon: La rencontre de deux idéaux réformateurs // Revue de l’histoire des religions. 2000. T. 217. P. 39–58.

O.E. Кошелева

ЗАПИСИ НА РУКОПИСЯХ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЧТЕНИЯ

НА ПРИМЕРЕ РУКОПИСЕЙ «КОСМОГРАФИИ» МЕРКАТОРА В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ XVII ВЕКА

Записи на рукописях дают возможность увидеть их читателей в диалоге с тем или иным текстом. Здесь речь пойдет о «Космографии» Герарда Меркатора в русском переводе с латыни, сделанном в Москве в 1637 г. (Глускина 1949; Кошелева 2018). В ней дано научное описание всех стран земного шара, на них расположенных. Жанр был достаточно нов для древнерусской книжности, где преобладала душеполезная литература, и вызывал большой интерес, о чем говорит множество рукописных списков переводных Космографий и маргиналий на них. Именно они и будут рассмотрены ниже.

Маргиналии на списках «Космографии» весьма разнообразны: владельческие, писцовые, вкладные, полемические, указательные, дополнительные, объяснительные, отсылающие к иной литературе, пробы пера. Рассмотрим некоторые из них.

Владельческие записи показывают, что некоторые списки «Космографии» Меркатора были читателями скопированы для себя самостоятельно, другие же заказаны писцам, третьи — куплены у прежнего владельца. В записях отмечено 16 лиц, из них шестеро были покупателями или заказчиками рукописной копии, один человек книгу переписал собственноручно, один унаследовал от отца. В трех случаях названы продавцы «Космографии», один раз обозначена ее цена: подьячий Л. Львов продал ее стольнику Ф.А. Татищеву за 7 руб. (РГБ. Унд. 703). Львов в 1700 г. в Поместном приказе

получал наивысший оклад — 25 руб. (Демидова 2011: 328). Запрошенная цена равна приблизительно 1/3 его оклада. Но труд писца, вложенный в переписку 794 страниц размером в лист, того стоил, не говоря уже о стоимости бумаги, чернил и переплета. Одна из записей писца, копировавшего «Космографию» в 1669 г., говорит о временных затратах его работы: «Начата сия книга Космография писать лета 7177 год [1669] месяца иунии во 2 день ...А совершилася сия книга Космография 7178 [1670] года месяца априля во 2 день» (ГИМ. Единов. 84). Трудясь в одиночку 10 месяцев, он закончил последний 1072-ой лист рукописи перед Пасхальным воскресеньем — срок, к которому он, вероятно, и намечал завершить работу.

В социальном отношении лица, названные во владельческих записях, состоят из следующих категорий: думные и дворцовые чины — 6, городовые дворяне — 1, духовенство — 5, приказные — 2, посадские — 2. Иначе говоря, «Космографию» читали представители разных слоев населения. Обращение же к фамилиям владельцев раскрывает их принадлежность к социальной и интеллектуальной эlite своего времени. Так, из духовных лиц владельцами Космографии были патриарх Никон, казначей Новоиерусалимского монастыря Марк Щербаков, известный соловецкий книжник Сергей Шелонин, царский духовник Андрей Постников, дьяк домовой церкви кн. Черкасских Федор Андреев. Из светской знати: боярин М.П. Головин, окольничий кн. Ю. Щербатов и его сын, кн. Михаил, стольники Ф.А. Татищев, И.Н. Кологривов и И.Е. Власьев, дворянин И.М. Ермолов, подьячие московских приказов Л. Львов и А. Чистой. Примечательна запись, относящаяся к двум выдающимся личностям: книгописцу и «тираноборцу» Вас. Талицкому, продавшему в 1691 г. «Космографию» известному дипломату греку Ивану Власьеву (РНБ F. IV. 137).

Глава «Космографии» «О Московском государстве» не понравилась русским читателям, поскольку они не соглашались с тем, что было в ней написано о хорошо им известных реалиях. Это побуждало к записям полемического характера. К утверждению о том, что русские «блудный грех ни во что

ставят» написано «лжеш» (ГИМ. Воскр. 159). Другой читатель писал: «Зри: истранны (иностранны. — О. К.) неведение наше не хвалят» (помета к тексту о том, что русские «книжного учения не искатели»); «Зри: и сего не хвалят нрава!» (помета к тексту о том, что русские женщины «все взаперти живут»); «О роде российском зри: и сего нет от стран похваления» (помета к тексту: русские «люди завистливы и лукавы...») (РНБ Q IV. 52). К концу XVII в. утверждение о том, что в Московии нет «книжных училищ» устарело, какой-то читатель отреагировал на него: «А сего времени много училищ» (РНБ. Сол. 9/1468). В рукописи кн. Черкасских много маргиналий, например, к тексту о том, что в России «сладких овощей не рождается» сделано возражение: «Неправо написано. Есть в державе государя московского всяких плодов здравых и сладких, яко бы в Астрахани и в Киеве...» (РГАДА. Ф. 181. 743).

На полях много маникул (указующая рука) и помет «зри!», которые призывали обратить внимание на то или иное место в тексте (Крылова 2015). Иногда это пояснялось словами. Например, к рассказу о корнях дерева, растущего в Испании, при употреблении в еду которых умирали от смеха, на полях помечено «от смеху смерть» (РНБ. Сол. 9/1468). Часто, судя по почерку, такие пометы делали сами писцы, эмоционально реагировавшие на текст.

Немало записей, объясняющих или дополняющих текст. Например: «коло — сиречь круг», «Академия — то есть школа, сиречь училище», «Златой рыцарь — сиречь богатырь», «Сенатор — сиречь боярин» (РНБ. Q IV. 52). Есть дополнения к характеристике русских городов, например, о Туле, которая в тексте только поименована: «град каменной, и высок, и промышлен, и мастеров оружейных всяких много, заводов железных, и прочих трудом отходчим питатися» (РГАДА. Ф. 181. 743). Встречаются отсылки к дополнительной литературе: например «Зри в Ключу разумения» (то есть «Ключ разумения» Иоанникия Голятовского) или «Зри Гронограф» (РГБ. Попов. 170).

Итак, с помощью маргиналий на списках «Космографии» оказалось возможным очертить приблизительный круг читателей сложного для восприятия научного фолианта и от-

нести их к группе интеллектуальной московской элиты XVII в., которая не имеет видимого для исследователей социального маркера. К интеллектуалам обычно относят тех, кто являлся «сочинителем». Но среди таковых были и «просто читатели», те, кто не писал сам, но копировал и читал современную литературу. Маргиналии также позволили выявить отношение читателей к написанному, то есть определить некоторые особенности мировоззрения этой группы. Записи помогли узнать цену и временные затраты на копирование «Космографии».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Глускина С.М.* Космография Богдана Лыкова 1637 г.: Автореф. дис. ...канд. филологических наук. Л., 1949.
- Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России. XVII в. Биографический справочник. М., 2011.
- Кошелева О.Е.* «Русский перевод главы о Московии в Атласе Герарда Меркатора» //Русский сборник: Исследования по истории России. М., 2018. Т. XXIV. С. 473–516.
- Крылова Ю.П.* «Указующий перст», или Загадка манускрипта 1693 // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. 2010–2013. М., 2015. Вып. 10. С. 59–72.

E.C. КРАВЦОВА, Ю.К. РОГОВА, А.В. ТАМОЖНИКОВ

**ПРОЕКТ ПО ВОССОЗДАНИЮ АРХИВА
ПИНСКОГО МОНАСТЫРЯ ФРАНЦИСКАНЦЕВ
(КОНЕЦ XV – СЕРЕДИНА XIX В.)
И ЕГО ЭЛЕКТРОННОЙ ПУБЛИКАЦИИ**

ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

В фондах Музея истории религии (ГМИР, Санкт-Петербург) находятся 10 грамот, входивших в состав архива Пинского монастыря францисканцев. Эти грамоты дают представление об экономическом, социальном и культурном взаимодействии францисканцев в Пинске с многоконфессиональным населением Пинщины, а также за ее пределами в XVI и XVIII вв. Согласно гипотезе, сконструированной в ходе изучения грамот, Пинский конвент францисканцев являлся важным форпостом католического мира в православных землях, в результате взаимодействия с которым местное население вовлекалось в экономические, социальные и политические процессы Великого Княжества Литовского (ВКЛ) в период XVI–XVIII вв. При этом, несмотря на наднациональный характер ученой францисканской корпорации в целом, интересы францисканцев из Пинска были сосредоточены исключительно на Пинске и его окрестностях. Так, пять из 10 грамот из собрания ГМИР представляют собой буллы папы Климента XI (1700–1721). Речь в них идет о назначении Иосафата Парысовича, бывшего управляющего Пинского монастыря францисканцев, епископом Бакэу (*dioecesis Bachoviensis*, совр. Румыния). Но даже будучи епископом Бакэу, Иосафат Парысович продолжал жить в Пинском монастыре францисканцев и больше заботится о Пинске, чем о подчиненном ему

далеком диоцезе, вкладываясь в строительство Собора Вознесения Пресвятой Девы Марии, символа присутствия францисканского ордена на пограничных землях между миром католическим и православным (Кравцова 2019: 149–152).

Однако эти 10 грамот представляют собой лишь малую часть от архива монастыря пинских францисканцев, который, после закрытия монастыря, хранился в Высшей духовной семинарии г. Пинска. После закрытия семинарии часть архива была вывезена комиссией Центрального антирелигиозного музея из Пинска в Москву в 1940 г., а в 50-е гг. XX в. перемещена в Государственный музей истории религии и атеизма (Кравцова, Рогова 2018: 357–367). Предположительно, прочие части находятся в архивах Беларуси, Российской Федерации, Эстонии, Польши. Его реконструкцией до настоящего времени никто не занимался.

Между тем, архив Пинского монастыря францисканцев формировался в те несколько столетий, когда Турово-Пинская земля, регион с сильными православными традициями, пережила трансформацию, приведшую к изменению религиозной и национальной идентичности местного населения. Францисканский монастырь в Пинске — первая организованная католическая структура, основанная на древнерусских землях. Специальных работ по истории взаимоотношений католических и православных институций на землях Пинщины до и после Брестской унии создано не было, но эта тема затрагивалась в некоторых работах начала XX в., до расцветания архива. А.С. Грушевский, перечислив все известные ему грамоты о владениях францисканского монастыря на Пинщине, выдвинул гипотезу, что монастырь этот был создан как «базис для местной проповеди» (Грушевский 1903: 109). При этом автор удовлетворяется объяснением, что зримое длительное отсутствие результатов проповеди вполне объяснимо местными особенностями. А. Мощинский, каноник и местный краевед, имея доступ к монастырскому архиву, попытался воссоздать на его основе историю пинских францисканцев, а также привел тексты нескольких документов, касавшихся учреждения монастыря и его привилегий (Moszyński 1844: 40–41, 46–49). В период нахождения

Пинска в составе Второй Речи Посполитой на территории монастыря работала Высшая Духовная семинария, в которой был организован собственный архив. Именно туда вошли все оставшиеся в Пинске документы францисканского монастыря. Профессор Высшей Духовной семинарии К. Кантак, заведовавший архивом и библиотекой, опубликовал краткое описание архива и библиотеки в небольшой статье для Пинского епархиального обозрения, а также использовал документы пинских францисканцев в своем двухтомном труде «Францисканцы Польши». В этой работе Кантак, опираясь на архив Пинского францисканского монастыря, в частности, проанализировал вопрос о действительной дате основания монастыря, доказав, что фундационная грамота XIV в., хранившаяся в его архиве, являлась более поздней подделкой (Kantak 1937: 308).

Монография Кантака, изданная в 1937 г., была последней, в которой Пинский монастырь францисканцев фигурирует как объект исследования, поскольку, после событий 1939 г., присоединения Западной Беларуси к СССР, архив пинского монастыря оказался расченен. Отсутствие монографий и специальных исследований, посвященных истории Пинского монастыря францисканцев, объясняется отсутствием архива.

Исторические источники, дошедшие до нашего времени, крайне редко представляют собой единые комплексы. Войны, переселения, разделы и переделы территорий отделяют нас от времени создания репрезентативных данных о прошлом. Одна из основных задач историка — восстановить круг разрозненных ныне документов и проследить маршруты его деконструкции. Обладая современными возможностями, мы можем пойти дальше и собрать разрозненные части некогда целостного собрания в виртуальном пространстве в виде электронного каталога.

В докладе будет представлен проект по реконструкции архива пинских францисканцев в виде электронного научного каталога: этапы исследования, цели и перспективы. Уже сейчас можно сказать, что, с одной стороны, восстановленный комплекс документов позволит исследователю выйти на малоисследованную проблему деятельности францискан-

ского ордена в православном мире, на землях бывшего Туро-во-Пинского княжества. С самого своего создания орден отличался тем, что гибко интегрировался в структуры власти, как церковные, так и мирские, участвуя в длительном процессе создания государств. Реконструкция структуры архива и введение в научный оборот комплекса документов, отложившихся в архиве, позволит на примере одного региона ВКЛ проследить путь, приведшей к изменению религиозной и национальной идентичности местного населения и роли в этом процессе наднациональной организации – францисканского ордена (XV–XVIII вв.). С другой стороны, электронная публикация архива позволяет наглядно представить ход деконструкции архива (XIX–XXI вв.), что позволит выявить способы формирования новых нарративов в новых контекстах существования документов.

В докладе также предлагается обсудить транскрипцию текстов, палеографический анализ, научный комментарий и сформулировать принципы, по которым изображения и тексты обнаруженных документов могут быть изданы в электронном виде.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Грушевский А.С. Пинское Полесье XIV–XVI вв. // Исторические очерки. Киев, 1903.
- Кравцова Е.С., Рогова Ю.К. О коллекции пергаменных грамот в собрании ГМИР: история поступления и состав // История религиоведения и интеллектуальная история России XIX – первой половины XX века. Архивные материалы и исследования. СПб., 2018. С. 357–367.
- Кравцова Е.С. От инквизиторов Римского престола к королевским следователям: францисканцы во Франции в первой половине XIII в. // Религия. Церковь. Общество. СПб., 2016. Вып. V. С. 70–93.
- Кравцова Е.С. Из коллекции пергаменных грамот в собрании ГМИР: буллы Климента XI к Йосафату Парысовичу, епископу Бакэу, и Августу II, королю Польши (1717 г.) // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 2019. Т. XXXVIII. С. 138–155.
- Iorga N. Studii și documente cu privire la istoria Românilor I. Socotelile Bistriței (Ardeal), II. Acte relative la istoria cultului catolic în Principate. București, 1901.

- Kantak K.* Franciskanie Polscy. Krakow. 1937. T. I.
- Kantak K.* Biblioteka Seminarium Duchownego w Pińsku // Piński Przegląd Diecezjalny. 1927. Nr. 1. P. 6–8.
- Moszyński A.* O klasztorze pińskim XX. Franciszkanów// Athenaeum. Wilno, 1844. N 4. P. 37–54.
- Probable Truth: Editing Medieval Texts from Britain in the Twenty-First Century / Ed. by V. Gillespie and A. Hudson. Turnhout, 2013.

И.А. КРАСНОВА

НОВЫЕ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СЕМЕЙНЫХ КНИГ ИТАЛИИ XIII–XVI ВЕКОВ НА ПРИМЕРЕ МЕМОРИЙ РОДА РИНУЧЧИНИ

Особый жанр — семейные книги итальянских горожан XIII–XVI вв. — стал предметом исследовательской рефлексии еще в XVI в., начиная с труда эрудита Винченцо Боргини о флорентийской знати (Borghini 1974). В дальнейшем историки XVII–XIX вв. использовали эти тексты в прикладном значении, скорее, как иллюстрации к исследованиям по династической, региональной или экономической истории.

Новый этап исследования семейных книг начался в 80-е годы XX в. Выдающиеся историки и филологи В. Бранка (Branca 1986), А. Бартоли Ланджели (Bartoli Langeli 2000), А. Чиккетти и Р. Морденти (Cicchetti, Mordenti 1984) поставили вопросы об изучении семейных книг как автономного историко-культурного феномена во всей его полноте и специфике, определении хронологии и географии их распространения, предпосылках их появления и о путях эволюции (Cazalé Bérard, Klapisch-Zuber 2004: 807–808). Тогда же появился и предложенный Л. Пандимильо (Pandimiglio 1995: 156–157) термин «семейная книга», объединивший множество разнородных текстов. К. Казале-Берар и К. Клапиш-Зубер сформулировали такие отличительные черты семейных книг: как предназначенностъ их домашнему кругу; продолжение записей последующими поколениями; воспроизведение ментальных установок и практик повседневности тех эпох, когда они были написаны; индивидуальное осозна-

ние своего «Я» в соотношении с фамильным «Мы». Но они указывали на их относительность и вариативность, невозможность формулировки абсолютного определения «семейная книга» (Cazalé Bérard, Klapisch-Zuber 2004: 809–813, 820).

Что касается географических параметров, то тексты, условно относимые к семейным книгам, встречаются на территории Италии, но большая их часть обнаруживается в Тоскане и особенно во Флоренции, где они появились раньше всего (XIII в.). Именно там выявляются семейные книги «полного титра», по определению Э. Ираче, содержащие в себе четыре тематических поля: совокупное физическое тело семьи (браки, рождения, болезни и смерти); экономическое состояние фамилии; социально-политическое положение (должности, уплата налогов, профессиональный статус); элементы городской хроники (Irace 2001: 149).

В этой связи возникает вопрос отнесения записей из архива известной флорентийской фамилии Ринуччини к семейным книгам. В сборнике архивных материалов, опубликованных Г. Аяцци, приводятся, наряду с деловой информацией и официальными посланиями, мемории (*ricordi*) членов фамилии, посвященные отдельным выдающимся событиям, или семейным делам (Ricordi 1840). Наиболее выдающимся представителем рода считается Чино (Ринуччино) ди Франческо Ринуччини (1350–1417), интеллектуал, преподаватель риторики, поэт, автор «Ответа» (*Risponsiva*) на инвективу «О флорентийцах» миланского канцлера А. Лоски, в которой Чино защищал идеалы Республики и коммунальной свободы (Siniscalchi 2016).

Его сын Филиппо ди Чино (1392–1462) и внуки Аламанно (1419–1499) и Нери ди Филиппо (1436–1508) являлись авторами хроники, в которых они фиксировали события, начиная с 1282 и заканчивая 1506 г. Записи Филиппо ди Чино вряд ли можно отнести к жанру семейных книг. Они содержат погодную регистрацию событий, следуя традиционной линии: деяния императоров, пап и королей, войны и мирные соглашения, факты флорентийской истории. Он опирался на опыт «приористов» — нотариев, ведущих списки избираемых каждые два месяца приоров и других долж-

ностных лиц, отмечая при этом на полях знаменательные события. Филиппо приводил длинные перечни лиц, избираемых в Балии, осужденных партией гвельфов, произведенных в рыцари чомпи. Автор не был склонен к рефлексии по поводу описываемых явлений и не пытался их анализировать (Ricordi 1840: I-LXXXIX).

Важен факт осознанного продолжения хроники сыновьями, судя по интересу Аламанно к записям отца, о чем свидетельствуют его комментарии на полях хроники Филиппо. Сын приступил к фиксации событий с 1461 г. без всяких прологов. Его текст значительно отличался от аннотаций отца: исчезло следование традициям приористов, усилился «флорентинизм» — сосредоточенность на делах своей коммуны. Аламанно склонен к анализу быстро меняющихся политических ситуаций, с горечью прослеживая постепенный процесс демонтажа традиционных республиканских институтов. У него заметны политические пристрастия: резко отрицательное отношение к правящей фамилии Медичи. Исключение составлял лишь Козимо Медичи, «человек разумный», в отличие от последующих правителей, и особенно Лоренцо — «злобного тирана» (Ricordi 1840: CXLVI). Подобной же силы ненависть Аламанно проявлял и к французскому королю Карлу VIII (1470–1498), одному из инициаторов Итальянских войн (Ricordi 1840: CLIV).

С 1499 по 1506 г. записи брата продолжал Нери ди Филиппо, следя и особенностям его историописания, с той разницей, что Нери был глубоко религиозным человеком: регистрации реальных событий могли включать описания чудес и видений, почти каждая аннотация заканчивалась ссылкой на провидение Господа (Ricordi 1840: CLXVII).

Традиции историописания в семье Ринуччини обнаруживают два важных элемента их причастности к жанру семейных книг: заметна органическая связь поколений в единстве и неразрывности хроникального текста, который, видимо, предназначался для широкого круга читателей-современников в связи с оппозиционным правящему режиму настроем, выражаемым Аламанно и Нери.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Bartoli Langeli A.* La scrittura dell’italiano (L’identità italiana). Bologna, 2000.
- Borghini V.* Storia della nobiltà fiorentina: discorsi inediti o rari. Pisa, 1974.
- Branca V.* Introduzione // Mercanti scrittori: Ricordi nella Firenze tra Medioevo e Rinascimento / A cura di V. Branca. Milano, 1986.
- Cazalé Bérard C., Klapisch-Zuber Chr.* Mémoire de soi et des autres dans les livres de famille italiens // Annales. Histoire, Sciences Sociales. 2004/4. P. 805–826.
- Cicchetti A., Mordenti R.* La scrittura dei libri di famiglia // Letteratura italiana / A cura di A. Asor Rosa. Torino, 1984. Vol. III: Le forme del testo. T. II: La prosa.
- Irace E.* Dai ricordi ai memoriali: libri di famiglia in Umbria tra Medioevo ed Età moderna // *Mordenti R.* I libri di famiglia in Italia. II – Geografia e storia. Roma, 2001.
- Pandimiglio L.* La memoria di Lionardo Morelli (1476–1539) // La memoria e la città. Scritture storiche tra Medioevo ed Età moderna / A cura di C. Bastia, M. Bolognani e F. Pezzarossa. Bologna, 1995. P. 151–233.
- Ricordi storici di Filippo di Cino Rinuccini dal 1282 al 1460 colla continuazione di Alamanno e Neri suoi figli fino al 1506 / Per cura ed opera di G. Aiacci. Firenze, 1840.
- Siniscalchi R.* Rinuccini Cino // Dizionario biografico degli italiani. 2016. Vol. 87. — Электронный ресурс [режим доступа: <http://www.treccani.it/enciclopedia/cino-rinuccini%28Dizionario-Biografico%29/>, дата обращения 16.01.2020].

А.А. КУЗНЕЦОВ

НЕДОСТОВЕРНЫЕ ОРИГИНАЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ В НИЖЕГОРОДСКОМ ЛЕТОПИСЦЕ XVII ВЕКА

Уникальные сведения нижегородского летописания XVII в., представленного Летописцем о Нижнем Новгороде (ЛНН) и рядом редакций Нижегородского летописца (НЛ), с XIX в. не только активно используются в исторических реконструкциях, но часто и определяют их направление. Такое интенсивное использование текстов нижегородского летописания определяется тем, что последние, начиная с «Древней Российской Библиофики» (1791) и до публикации А.С. Гацкого (1886), издавались в случайному порядке, на любительском уровне, прежде всего, под углом интереса получения новой информации. Полноценное исследование нижегородского летописания стало возможным после публикации М.Я. Шайдаковой в 2006 г. самого полного корпуса списков НЛ и текста ЛНН, снабженной комплексным текстологическим исследованием.

Замечание М.Я. Шайдаковой о том, что ЛНН создавался как выборка известий общерусских летописей о Нижнем Новгороде с упщением отдельных известий (Шайдакова 2006: 54), можно расширить целеполаганием этого памятника. Выборка сведений для него производилась под углом интереса происхождения князей Шуйских от основателя династии нижегородско-суздальских князей Константина Васильевича (1295/1303–1355). Соотнесение этого факта с результатами внутренней источниковедческой критики списков НЛ позволило выявить ряд недостоверных сфабрикованных известий.

Фабрикация была обусловлена тремя факторами: 1) введение летописания в Михаило-Архангельском соборе Нижнего Новгорода; 2) возведение династии Шуйских и, вероятно, Василия Шуйского (1606–1610) к основателю Нижнего Новгорода — великому владимирскому князю Юрию (Георгию) Всеволодовичу (1188–1238); 3) наивное псевдо-историческое объяснение некоторых местных реалий XVII в. Подспорьем в реализации таких намерений оказались технические описки, ошибки чтения и переписки.

Первый фактор сказался и в ЛНН. В его и НЛ начальных сведениях об основании в 1221 г. и первых годах истории Нижнего Новгорода подчеркивается строительство в 1220-е годы деревянной (6720), а затем и каменной (6735) церкви Архангела Михаила и только в 6780 г. (ЛНН) и 6765/60 г. сообщается о возведении в городе каменного Спасо-Преображенского собора (Шайдакова 2006 (раздел «Тексты»): 127, 136, 143, 148, 169, 183, 197, 212, 225, 238, 249, 258). В общерусских источниках ЛНН — Московском летописном своде конца XV в. (МЛС), Типографской и Воскресенской летописях (Шайдакова 2006: 50) — сообщается под 6733 г. о закладке в Нижнем Новгороде каменной церкви Святого Спаса (см., например, МЛС: 121). Налицо сознательная подмена древнейшего нижегородского храма Спаса церковью Михаила Архангела.

Второй фактор проявляется в том, что если в ЛНН в первых двух статьях действует князь Юрий Всеволодович, которого сменяет в 6860 и 6862 гг. князь Константин Васильевич (Шайдакова 2006 (раздел «Тексты»): 127), то в НЛ этот Константин становится Юревичем (Шайдакова 2006 (раздел «Тексты»): 136, 143, 148, 169, 183, 197, 212, 225, 238, 249, 258). Составителей НЛ не смущало, что между Юрием Всеволодовичем и Константином Юревичем оказывается 130 лет. Такая подмена не выглядит случайной. В «Жалованной грамоте царя Василия Шуйского протопопу Спасо-Преображенского собора Савве (Евфимьеву) и нижегородскому клиру» (19.08.1606) было разрешено: «А протопопомъ з братьею... в литеях поминати на памяти и на преставленья по нижегородцких великих князехъ и княгиняхъ, которые лежат в Нижнемъ Новегороде в соборной церкве у Преображения Спасо-

ва, по великому князе Константине Юрьевиче внуке Всеволодовича» (Жалованная грамота протопопу Савве 1913). Было установлено, что при воцарении Василии Шуйского в 1606 г. началось создание родословной легенды, которая возводила его род через Константина Юрьевича к основателю Нижнего Новгорода — Юрию Всеволодовичу (Пудалов 1999: 93; Пудалов 2003: 160). При этом деяния существовавшего Константина Васильевича в НЛ оказались приписаны к тезке с отчеством *Юрьевич*. Эта фальсификация определила и создание генеалогии нижегородских князей, похороненных в Михаило-Архангельском соборе: она неизменно начинается с Константина Юрьевича (Кузнецов 2012: 119–120). Василий Шуйский получал в качестве родоначальника Юрия Всеволодовича (основателя Нижнего Новгорода), старшего (а, значит, и более почетного) брата Ярослава Всеволодовича, к сыну которого Александру также возводилась династия Шуйских.

Ее представителями оказались суздальские князья, основавшие предшественник Нижнего Новгорода — «старый городок» (Шайдакова 2006: 140, 147, 155, 173–174, 187–188, 202, 216–217, 229–230, 242, 253, 262). Это известие, объяснявшее остатки городища вверх по Оке от Нижнего Новгорода, было сшито из сведений, встречающихся в сообщениях общерусского летописания об оползне в Нижнем Новгороде 6877 (1369) г. и походе на морду 1377/1378 г. после пьянского побоища (см., например, МЛС: 185). Попытки интерпретации П.И. Мельниковым (Андреем Печерским) сведений НЛ о Старом Городке дали начало источниковым мистификациям об Абрамовом городке и Ибрагимовом городке (Кузнецов 2016).

Подобным образом сшитыми из разных общерусских известий и сообщения ЛНН оказываются недостоверные оригинальные сведения НЛ о возобновлении митрополитом Алексием Благовещенского монастыря (Шайдакова 2006: 137, 144, 151, 171, 185, 199, 214, 227, 240, 250, 259). Так нижегородцы XVII в. удревнили монастырь до обители Спаса, упомянутой в 1229 г. (Кривцов 2005: 107–122).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Жалованная грамота протопопу Савве // Действия Нижегородской Губернской Ученой Архивной Комиссии. Материалы по истории Нижегородского края из столичных архивов. Нижний Новгород, 1913. Вып. 3. Ч. 1 (1498–1613). С. 115.
- Криевцов Д.Ю. Два волжских предания о митрополите Алексее // Лествица: Материалы научной конференции по проблемам источниковедения и историографии памяти проф. В.П. Макарихина. Нижний Новгород, 2005. С. 106–128.
- Кузнецов А.А. Нижегородская генеалогическая легенда Шуйских начала XVII в. // Смутное время в России: конфликт и диалог культур. Материалы научной конференции. СПб., 2012. С. 118–120.
- Кузнецов А.А. *Абрамов городок, Старый городок на Дятловых горах: ономастические аспекты развития нарратива о предшественнике Нижнего Новгорода* // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: сборник научных и методических статей. Нижний Новгород, 2016. Вып. 14. С. 68–80.
- МЛС — Московский летописный свод конца XV века // Полное собрание русских летописей. М.; Л., 1949. Т. 25.
- Пудалов Б.М. Начальный период истории древнейших русских городов Среднего Поволжья (XII – первая треть XIII в.). Нижний Новгород, 2003.
- Пудалов Б.М. Нижегородский «Чиновник»: проблема достоверности исторических известий // Ученые записки Волго-Вятского отделения Международной славянской академии. 1999. № 3. С. 90–93.
- Шайдакова М.Я. Нижегородские летописные памятники XVII в. Нижний Новгород, 2006.

М.А. КУРЫШЕВА

АНОНИМНЫЙ МАСТЕР ЦЕРЕМОНИЙ — АВТОР ТРАКТАТА «О ЦЕРЕМОНИЯХ ВИЗАНТИЙСКОГО ДВОРА»

Византийский трактат *De ceremoniis aulae byzantinae* (Reiske 1829–1830; Moffatt & Tall 2012) в полном виде сохранился в единственной рукописи — *Lipsiensis Rep. I, 17* (Universitätsbibliothek Leipzig, описание см.: <http://www.manuscripta-mediaevalia.de/#15>; рукопись оцифрована и доступна для просмотра на сайте: <https://digital.ub.uni-leipzig.de/mirador/index.php#e29821c5-0cf1-477f-b6d4-75be86f01217>). Мой анализ палеографии Лейпцигской рукописи *De ceremoniis* дает возможность говорить только о ее относительно точной, но широкой дате в пределах середины — второй половины X в. (Курышева 2015б: 40–80; Курышева 2015а: 177–185), тогда как дальнейшее изучения особенностей текста списка гробниц византийских императоров в церкви Святых Апостолов в Константинополе позволило сузить дату создания рукописи до осени – зимы 963 г. (Курышева 2017: 184–191).

Рукопись являлась служебным справочником, пособием по конкретной социальной практике — организации дворцовых и прочих церемоний. Среди маргиналий на полях л. 78 есть ссылка на «старую книгу церемоний» — ἔξετέρου πα[λαιοῦ] τάκτη[коῦ] (Moffatt & Tall 2012: 161), рядом в тексте и далее в главе I, 29–30 речь идет о нюансах празднования Благовещения «в старые времена». Сама Лейпцигская рукопись, таким образом, может считаться «новой книгой церемоний», составленной на основе архива документов, как является из преамбулы текста трактата (Moffatt & Tall 2012: 4–5).

В свое время А. Морфатт вполне убедительно предположила, что автором-компилятором текста трактата *De ceremoniis* должен быть некий мастер церемоний (Moffatt 1995: 381, 383). Она справедливо указала, что ни сам император Константин VII, ни влиятельные придворные политики с высокими титулами и должностями, например, такие как, придворный препозит (Moffatt 1995: 381, 384), не стали бы заниматься созданием такого специального текста о церемониях. Однако эта статья осталась практически забытой и ее выводы по каким-то причинам не вошли в новое комментированное переиздание текста трактата (Moffatt & Tall 2012: XXIII).

По моим наблюдениям, Лейпцигский манускрипт был «книгой церемоний», написанной для справок как раз таким администратором-организатором церемониала или по его заказу под его наблюдением (Курышева 2015а: 182). Ее единственный писец, он же, скорее всего, и составитель этой компиляции, должен был быть профессиональным церемониймейстером византийского двора. В пользу этого говорит и оформление рукописи, непарадной и нероскошной, написанной без экономии пергамена обиходным почерком.

При поиске автора-составителя или редактора рукописи *De ceremoniis* важным оказалось исследование маюскульных маргиналий или комментариев на полях Лейпцигской рукописи (Курышева 2015а: 178–182). Характер схолий свидетельствует о том, что перед нами — не крупный государственный деятель, а скорее чиновник-администратор, вовлеченный в организацию протокольных мероприятий, а не в политическую, военную и дипломатическую активность. Тематический анализ маргиналий говорит против распространенной сейчас версии о «высокопоставленном» знатном «редакторе» или заказчике кодекса, будь то паракимомен Василий Лакапин Ноф или любой другой вельможа. Предложенные мною наблюдения показывают, что автор-писец рукописи, будучи церемониймейстером, находился в эпицентре перипетий политической борьбы, но сам в нее не был непосредственно вовлечен, оставаясь «техническим сотрудником» и наблюдателем. Ничто не говорит о том, что автор

трактата-компиляции был действующим политиком, как безосновательно предполагалось в историографии (Featherstone 2014: 355–374).

Итак, самым вероятным автором маргиналий, а значит и всего текста, являлся некий анонимный ἐπί τῆς καταστάσεως, то есть «мастер церемоний» — чиновник, непосредственно отвечающий за организацию дворцового церемониала. Таким главным распорядителем в церемонии похорон императора Константина VII Багрянородного 15 ноября 959 г. являлся некий анонимный ὁ τῆς καταστάσεως (PmbZ # 31418), упомянутый в Книге VI «Продолжателя Феофана» (Sullivan 2018: 55–57). Поскольку рукопись *De ceremoniis* была написана через четыре года после этого события в 963 г., то самым экономным вариантом идентификации ее автора-составителя и / или писца будет его отождествление именно с этим распорядителем церемонии похорон императора Константина VII Багрянородного. В самом трактате *De ceremoniis* мастер церемоний упоминается дважды (Reiske 1830: 76, 857). Один раз — в формальном перечне должностей «Клиторология» Филофея, где мастеру церемоний подчинены пять рангов — ипаты, веститоры, силенциарии, апоэпархи, синклитики (Moffatt & Tall 2012: 720). Гораздо значимее второе упоминание — в описании церемоний в Великой Церкви времени Константина VII Багрянородного, в котором как бы подчеркнуто, где именно должен находиться мастер церемоний, и как он взаимодействует с препозитом (Moffatt & Tall 2012: 10).

БИБЛИОГРАФИЯ

Курышева М.А. К вопросу об узкой датировке рукописи трактата «*De ceremoniis aulae Byzantinae*» (Leipzig, Univ. Bibl. Rep. I 17) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22. № 5. С. 184–191.

Курышева 2015а — Курышева М.А. Маргиналии и сокращения в рукописи *Lipsiensis bibl. Urb. Rep. I 17* трактата «*De ceremoniis aulae byzantinae*» // *Spicilegium Byzantino-Rossicum*. Сборник

статьей к 80-летию чл.-корр. РАН И.П. Медведева / Под ред. Л.А. Герд. М.; СПб., 2015. С. 177–185.

Курышева 2015б — Курышева М.А. Рукопись Lipsiensis bibl. Urb. Rep. I 17 трактата «*De ceremoniis aulae byzantinae*» // Средние века: Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. 2015. Вып. 76 (1–2). С. 40–80.

Featherstone M. Basileios Nothos as Compiler: The *De Ceremoniis* and *Theophanes Continuatus* // The Transmissions of Byzantine Texts: Between Textual Criticism and Quellenforschung [Lectio 2]. Turnhout, 2014. P. 355–374.

Moffatt & Tall — *Constantine Porphyrogenetos*. The Book of ceremonies in two volumes / Transl. by A. Moffatt & M. Tall, with the Greek edition of the Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae (Bonn, 1829). Canberra, 2012.

Moffatt A. The Master of Ceremonies' Bottom Drawer: The Unfinished State of the *De Ceremoniis* of Constantine Porphyrogenetos // Byzantinoslavica. 1995. Vol. LVI/2. P. 377–388.

PmbZ — Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit Online.

Reiske — *Constantini Porphyrogeniti imperatoris De ceremoniis aulae Byzantinae libri duo* / Rec. J. J. Reiskii. Bonnae, 1829–1830. Vol. I–II.

Sullivan D. The Rise and Fall of Nikephoros Phokas. Five Contemporary Texts in Annotated Translations. Leiden; Boston, 2018 (Byzantina Australiensia. Vol. 23).

В.А. КУЧКИН

УЧАСТИЕ МОЖАЙСКИХ КНЯЗЕЙ В ДИНАСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЕ 1425–1453 ГОДОВ

**ПО ЗАВЕЩАНИЯМ И ДОГОВОРНЫМ ГРАМОТАМ
МОСКОВСКИХ КНЯЗЕЙ XIV–XV ВЕКОВ**

Развернувшаяся сразу после смерти 27 февраля 1425 г. великого князя всея Руси Василия I борьба за главный в Северо-Восточной Руси московский великокняжеский стол оказалась самым продолжительным династическим конфликтом в русской истории. Конфликт имел давние и глубокие корни, а порожден был политикой Дмитрия Донского. В начале 1363 г. этот князь сумел подчинить себе великое княжество Владимирское, по размерам территории и числу городов превосходившее Московское княжество в несколько раз. В итоге в центре и юго-западной окраине древней Ростовской земли возникло новое большое государственное образование, по своим возможностям явно превосходившее остальные княжества русского Северо-Востока и претендовавшее на верховенство над ними. Предпринятые в 60–70-х гг. XIV в. тверским великим князем Михаилом Александровичем попытки вернуть Владимирское княжество под власть тверских Рюриковичей успеха не имели, а после победы Москвы и ее союзников над Тверью в 1375 г. последняя вообще прекратила борьбу за владимирское наследие. Казалось бы, Дмитрий Донской мог спокойно пожинать плоды своей целенаправленной внешней политики, однако взятие и разграбление Москвы ордынским ханом Тохтамышем в 1382 г. привели к таким

людским и материальным потерям, которые московские правители не смогли восполнить даже к 90-м гг. XIV в. Поэтому составляя в первой половине мая 1389 г. свое последнее завещание, Дмитрий был крайне обеспокоен будущим завоеванных им владений, в первую очередь — великого княжества Владимирского. Его он передавал целиком своему старшему сыну Василию. Кроме Василия у Дмитрия Донского оставались сыновья Юрий, Андрей, Петр, четырехдневный Константин и неизлечимо больной Иван. Ни один из Дмитриевичей к 1389 г. не имел семьи. Поэтому в свое завещание Дмитрий Донской ввел статью 32, которая гласила: «А по грѣхом отъимет б(ог)ъ с(ы)на моего, князя Василья, а хто будет подъ тѣм с(ы)нъ мои (следующий по возрасту. — В.К.), ино тому с(ы)ну моему княжъ Васильевъ оудѣл, а того оудѣломъ подѣлит их моа княгини» (ДДГ: 35. № 12). Данная статья предписывала, что в случае смерти старшего сына Василия ему должен наследовать старший из остававшихся в живых его братьев, первоначальный удел которого должен был быть разделен между остальными его братьями. Однако завещатель не догадался объяснить, как поступать в тех случаях, когда у великого князя-наследника и его братьев будут семьи и сыновья. Кто должен владеть великим княжением: брат великого князя, то есть другой сын Дмитрия Донского, или сын великого князя — внук Дмитрия Донского? Ответов на такие вопросы завещание 1389 г. не предусматривало. (Подобная ситуация сложилась в 1399 г. в семье тверского великого князя Михаила Александровича. Но назвав своим преемником на тверском столе старшего сына Ивана, Михаил Александрович закрепил это установление указанием на то, что последующие великие князья тверские должны выбираться только из семей его старшего сына, старшего внука, старшего правнука). Это создавало большую напряженность в московском княжеском доме на всем протяжении правления Василия I. Показательно, что ни в одном из трех своих завещаний (октябрь 1406 – 16 мая 1407 г.; вторая половина 1420 – начало 1421 г.; конец февраля 1423 г.) Василий I не упоминал брата Юрия, хотя о других, более

молодых своих братьях, говорил. Так, в первом своем завещании Василий I в числе гарантов его исполнения называл своих родных братьев Андрея и Петра (ДДГ: 57. № 20). Во втором завещании Василия I такими гарантами выступали братья Андрей, Петр и Константин (ДДГ: 59. № 21). В третьем завещании — братья Андрей и Петр (ДДГ: 62. № 22). Со смертью Василия I возникла ситуация, которую отчасти и предвидел в своем завещании Дмитрий Донской. И его второй сын Юрий, князь звенигородский и галицкий, начал борьбу за московский велиkokняжеский стол с наследником старшего брата Василия I десятилетним Василием II.

Самый ранний этап этой борьбы освещается различными русскими летописями, но следует иметь в виду, что эти летописи были написаны на несколько десятилетий позже событий 20-х гг. XV в. и освещали эти события кратко, опуская существенные детали. Иное дело документальный материал. Сохранившийся первый договор Василия II с дядей Юрием Звенигородским, заключенный 11 марта 1428 г., свидетельствует о том, что почти сразу же после кончины Василия I Звенигородское княжество Юрия Дмитриевича было захвачено московскими войсками, которые пребывали там до мира 1428 г. С чужого княжества Василием II уплачивался «выход» Орде, и князь Юрий Дмитриевич должен был вернуть ему затраченные средства. В летописях подобных сведений нет. Весьма ценный материал содержится и в преамбуле договора 1428 г. Князь Юрий должен был целовать крест «къ своему брату старѣшому, к великому кн(а)зю Васил(ъ)ю Васил(ъ)евич(ю), и къ своему брату младшому, кн(а)зю Шндрѣю Дмитриевич(ю), и къ нашему брату младшому, ко кн(а)зю Костантину Дмитриевич(ю)» (ДДГ: 63. № 24). Но почему после великого князя Юрий должен был целовать крест к «своему» младшему брату Андрею, а не к «брату младшему» Василия II Андрею? Историки этого не объясняют. Между тем, указание на то, что Юрий Звенигородский имел своим младшим братом Андрея Можайского

говорит о многом. Прежде всего — о союзе этих двух удельных князей, в котором главенствующую роль играл Юрий. Почему Андрей Можайский вступил в такой союз? Да потому, что в случае смерти Юрия именно он, согласно завещанию 1389 г. Дмитрия Донского, должен был стать московским великим князем. Такого не могло допустить московское правительство тринадцатилетнего Василия II. И договор от 11 марта 1428 г. разрушал союз Звенигорода и Можайска. Князь Андрей переходил на сторону Василия II. Андрей Можайский умер 9 июля 1432 г. Поскольку военные действия между великим князем Василием II и Юрием Звенигородским начались только в августе 1432 г., необходимо признать, что Андрей Можайский до конца своих дней следовал договору от 11 марта 1428 г., то есть был союзником Василия II.

Андрей Можайский оставил двух сыновей: Ивана и Михаила. Младший Михаил родился от второй жены своего отца. На многое этот князь рассчитывать не мог и послушно следовал политике великих князей Василия II и Ивана III. Иным был старший Андреевич — Иван, сын от первого брака Андрея Дмитриевича. В княжеских договорных грамотах он впервые упоминается в январе — феврале 1433 г. как союзник Василия II (ДДГ: 69. № 27). Но в дальнейшем Иван Можайский действовал по обстоятельствам. Если одолевал соперник Василия II, то он становился его союзником, если Василий II, то он переходил на его сторону. Такие колебания обогащали князя Ивана. В своем предпоследнем договоре с Василием II от сентября 1447 г. он требовал сохранения за ним Бежецкого Верха, половины Заозерья (у оз. Кубенского) и Лисина (в Козельске) (ДДГ: 146. № 48), которыми никогда не владел его отец.

БИБЛИОГРАФИЯ

ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.

А.Ф. ЛИТВИНА, Ф.Б. УСПЕНСКИЙ

ЗАВЕЩАНИЕ СЕМЕНА ГОРДОГО В СВЕТЕ РУССКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПОЛИНОМИИ

*В работе использованы результаты проекта
«Культурные модели европейского Средневековья»
по Программе фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 г.*

Для всего русского Средневековья едва ли не самым ярким воплощением многоликисти человеческого существования стала полиномия — присутствие в жизни одного и того же лица нескольких разных имен, иногда связанных между собою, а подчас и вовсе не соотнесенных друг с другом. Наиболее ярко эта картина запечатлена в антропонимических досье правителей и окружающей их элиты, причем здесь отыщется немало общего у князя Рюриковича, боровшегося за власть в начале XI в., и его отдаленного потомка, восходящего на московский трон в конце XVI столетия. Как кажется, сын крестителя Руси Ярослав / Георгий был вполне способен оценить всю тонкость ономастических решений, которые в свое время принимал его прямой потомок Иван / Тит Грозный, назвав младшего из своих сыновей *Дмитрием / Уаром*. Вместе с тем полиномия как таковая на всем протяжении своего существования оставалась явлением гендерно, социально и политически нейтральным — по нескольку имен могло быть у законных государей и спонтанных самозванцев, у князей, купцов и беглых холопов, у знатных вдов и обездоленных полонянок...

Разумеется, система многоименности существенно эволюционировала за те шесть-семь веков, что она полноценно просуществовала на Руси. Однако здесь необходимо отделять

изменения в составе ее единиц, наборе употребимых имен, от изменений в самих принципах функционирования, протекавших куда медленнее. В этом контексте полиномия, многоименность, — термин отнюдь не случайный. В первую очередь в глаза бросается тот факт, что на протяжении всего допетровского времени у человека могло быть два имени, нехристианское и христианское или два христианских одновременно, однако этим числом дело отнюдь не ограничивалось.

Действительно, уже в XI в. вполне возможна ситуация, когда взрослый христианин на Руси обладает сразу тремя именами. Так, старший из сыновей Владимира Мономаха, одна из интереснейших фигур конца XI – первой половины XII столетия, носил три имени: для летописца он был прежде всего *Мстиславом*, для переписчика заказанного князем Евангелия *Федором*, а для составителя скандинавской саги или автора латиноязычной хроники (*X*)аральдом. В XVI или XVII в. известно не столь уж малое количество лиц, у которых в миру было по два христианских и одному нехристианскому имени, или одно крестильное и два нехристианских.

Иначе говоря, существовало несколько моделей многоименности, которые с легкостью накладывались друг на друга. В самом деле, в XI в. князю, чтобы править на Руси, необходимо было носить родовое имя, связывающее его с чередой предков и предшественников, и потому ему полагалось одно их таких имен, как *Мстислав*, *Ярополк*, *Владимир* или *Ростислав*, поначалу не имевших никакого отношения к церковной традиции, а календарно-церковное имя — *Федор*, *Василий*, *Михаил* и т. п. — у него появлялось при крещении. Кроме того, местное династическое имя, будучи наименование необходимым для демонстрации легитимности власти на этой земле, значило куда меньше для участия в перипетиях общеевропейской (а зачастую и не только европейской) политической жизни — здесь на первый план выступала не его принадлежность к отцовскому роду русских князей, но междинастические связи, приобретенные по материинской линии, а потому естественно, что Мстислав / Федор, сын Владимира Мономаха и урожденной англо-датской принцессы Гиды, обладает еще и именем *Харальд*, связывающим его с дедом по матери, королем Харальдом Годвинсоном, павшим

в битве при Гастингсе (1066 г.). Знатный человек XVI столетия мог, как и множество его современников, во вполне официальных и публичных ситуациях зваться нецерковным именем, таким, например, как *Помяс*, в крещении быть *Иваном*, а в большей части документов фигурировать под своим христианским публичным именем *Василий*.

Однако и этой сравнительно простой комбинаторикой, допускающей разные сочетания христианских и нехристианских имен, средневековая полиномия не исчерпывалась. Особый сюжет составляют имена иноческие. Местная традиция монашеского пострига относительно рано начинает следовать тем византийским образцам, согласно которым принесение обетов влекло за собой получение нового имени. При этом обыкновенно данная процедура мыслится как тотальная смена христианского имени и символизирует появление нового человека, во всем, даже в именовании, отличающегося от того мирянина, каковым он был прежде. Однако в русской практике речь, скорее, шла не об утрате первоначальных имен, а о своеобразном наращивании антропонимического досье. Старые именования отнюдь не исчезают полностью из повседневной жизни постриженника — по мирскому крестильному имени он нередко продолжает праздновать свои именины, под христианским публичным (если оно отличалось от крестильного) делать некие имущественные распоряжения, а именем нехристианским зваться в бытовом монастырском обиходе. При этом во всех сферах жизни новоприобретенное монашеское имя безусловно главенствует, остальные именования существуют как бы на его фоне.

Не будет преувеличением сказать, таким образом, что русская многоименность является собой целый континент, на котором разворачивается множество важнейших культурно-символических практик русского Средневековья, и континент этот до сих пор оставался малоисследованным. Каким образом у одного и того же человека за жизнь могло накопиться три, четыре, а то и пять личных имен, употреблялись ли они все вместе или попеременно, каков был функциональный статус каждого имени, каковы были, наконец, правила подбора имен и менялись ли эти правила со временем? Все эти и некоторые другие вопросы предполагается обсу-

дить в докладе в связи с одним из самых загадочных древнерусских документов — завещанием Семена Гордого, составленным в охваченной чумой столице. Духовная грамота старшего сына великого князя московского Ивана Калиты, написанная, судя по всему, весной 1353 г., долгое время служила предметом живейшего обсуждения историков. Одним из первых вопросов, который возникает у исследователя, да и у всякого читателя этого текста, связан с именем завещателя, ибо грамота, безусловно и несомненно принадлежащая князю Семену и снабженная его печатью, начинается формулой, в которой князь называет себя «рабъ б(о)жии Созонть» (ДДГ: 13. № 3). На примере последнего волеизъявления Семена Гордого мы попытаемся продемонстрировать, как неудобная для историка многоименность отражается в завещаниях и, с другой стороны, какую позицию завещателя она может отражать.

БИБЛИОГРАФИЯ

ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.

E.B. Литовских

РАБОТА ХАУКА ЭРЛЕНДССОНА С ИСТОЧНИКАМИ ПРИ СОЗДАНИИ ВТОРОЙ РЕДАКЦИИ «КНИГИ О ЗАНЯТИИ ЗЕМЛИ»

Вторая редакция «Книги о занятии земли» — *Hauksbók* («Книга Хаука») — была составлена Хауком Эрлендссоном около 1306–1308 гг. (обоснование датировки см.: Stefán Karlsson 1964: 114–121). От нее до нас дошли 14 листов автографа (рукопись АМ 371 4to) и список XVII в. (рукопись АМ 105 fol), сделанный Йоуном Эрлендссоном тогда, когда в рукописи Хаука еще существовали утраченные ныне листы.

Вся рукопись АМ 371 4to представляет собой обширную компиляцию: кроме редакции «Книги о занятии земли», расположенной в самом ее начале (л. 1–14 об.), в ней имеются еще несколько родовых саг и прядей, саги о древних временах, эддиеские песни, переводные «Сага о троянцах», «Сага о бриттах» и теологический трактат «Элюцидариум», математический труд «Алгоризмус», географическое обозрение, списки церковных иерархов и родословные норвежских копунгов (*Hauksbók* 1892–1896).

При создании своей версии «Книги о заселении страны» Хаук использовал *Styrmisbók* («Книга Стюрмира», несохранившаяся проторедакция «Книги», написанная, предположительно, около 1220 г. священником Стюрмиром Карасоном; о возможности реконструирования *Styrmisbók* см.: Jón Jóhannesson 1941: 174), *Sturlubók* («Книга Стурлы», первая дошедшая до нас редакция «Книги», была написана Стурлой Тордарсоном около 1275–1280 гг.) и другие исторические труды своих предшественников, в первую очередь, Ари Тор-

гильссона Мудрого и Кольскегга Асбьёрнссона, о чём сам Хаук написал в своем эпилоге «Um skipan landsins» (Hauksbók 1892–1896: 245).

Однако Хаук не просто скомпилировал имеющиеся у него исторические труды. Он работал по нескольким, четко прослеживаемым в его редакции направлениям. Первое из них было вызвано хронологическим разрывом с более ранними редакциями и заключалось в продлении нисходящих генеалогических линий до известных современников Хаука. Это проявлялось и в уточнении Хауком топографических и генеалогических сведений «Книги Стурлы» (исправлении имен, степеней родства, вставки пропущенных колен). Уточнения и исправления топографических и генеалогических данных могли быть сделаны как с опорой на устных информантов, так и на какие-либо несохранившиеся письменные источники.

Вторым был его авторский вклад в отбор и структурирование материала и привлечение дополнительных источников, не затронутых в предыдущих редакциях «Книги». Хаук добавил в свое сочинение сведения родовых саг и информацию из устных источников (подробнее см.: Sverrir Jakobsson 2007: 24, 32). Не вызывает сомнения, что из саг повторены некоторые из прядей, особенно содержащие поэтические вставки (Hauksbók 1892–1896: 68, 75), и сюжет, связанный с деятельностью на острове епископа Фридрека (Hauksbók 1892–1896: 23).

Хаук включает в свою редакцию историю разделения острова на четверти и принятия порядка сбора десятины (Hauksbók 1892–1896: 59) и описания юридических процедур, связанных с занятием новых территорий, к которым, прежде всего, следует отнести фрагменты «Книги», рассказывающие о порядке заселения новой территории женщиной, обходе собственных владений с огнем, порядке причаливания к неизвестному берегу, жертвоприношениях при поиске и освящении новых владений (Hauksbók 1892–1896: 2, 13, 14, 24, 59, 60, 64, 207, 209, 221, 255).

Кроме того, Хаук использовал известные ему более подробные сведения (как генеалогического и топографического характера, так и семейные предания и фольклорные сю-

жеты), так или иначе касающиеся его родственников, дополнительно маркируя, тем самым, свое авторство этой редакции «Книги о занятии земли».

Полное отрицание авторского вклада Хаука, начавшееся с редактора первого критического издания «Книги Хаука» Финнура Йоунссона (Finnur Jónsson 1892–96: CXXXVI–CXXXVII), было преобладающим вплоть до позиции Свена Янсона, который утверждал, что подход Хаука к компоновке текстов был результатом его «сознательного усилия» (Jansson 1944: 169–70, 261). Однако даже после этого исследователями не было предложено никаких принципов, согласно которым Хаук отбирал сведения для включения в свой труд (Gunnar Harðarson and Stefán Karlsson 1993: 271–272).

Несмотря на уверения в неосознанности и простом компилировании (Sverrir Jakobsson 2007: 22–30), на наш взгляд, Хаук вполне сознательно работал со своим текстом, стремясь придать ему энциклопедический характер. Хаук написал собственный эпилог к *Hauksbók* и вставки-связки между частями, а также полностью переписал вводные главы и поместил внутри текста авторские ремарки. В пятой части Хаук вставил рассказы об общем порядке заселения Восточных Фьордов и Островов Западных Людей, связывавшие предыдущее повествование с последующим (*Hauksbók* 1892–1896: 202, 205–206, 213). Тем самым как автор Хаук Эрлендссон стремился к более «научной» и логичной подаче информации.

Авторское начало достаточно четко прослеживается у исландских историков гораздо более раннего периода (Ари Торгильссона, Снорри Стурлусона, Стурлы Тордарсона), следовательно, нет никаких оснований отрицать осознанность вклада Хаука.

Наиболее вероятным представляется то, что основной целью Хаука было желание дополнить уже имеющиеся редакции «Книги о занятии земли» новыми сведениями. Если вся «Книга Хаука» была задумана им как сборник энциклопедического характера, то включение в его состав отдельной редакции «Книги о занятии земли», освещющей начальный этап исландской истории, выглядит уместным. Также закономерным, на наш взгляд, является составление Хауком собственной авторской версии «Книги», расширенной и дополн-

ненной, исходя из его личных знаний и полученных сведений, а не копирование в сборник предыдущей редакции «Книги».

БИБЛИОГРАФИЯ

Finnur Jónsson. Indledning // Hauksbók udgiven efter de arnamagnæanske håndskrifter no. 371, 544 og 675, 4o samt forskellige papirshåndskrifter / Ed. Eiríkur Jónsson and Finnur Jónsson. Reykjavík, 1892–1896.

Gunnar Harðarson and Stefán Karlsson. Hauksbók // Medieval Scandinavia. An Encyclopedia. London, 1993. P. 271–272.

Jansson S. Sagorna om Vinland I. Handskrifterna till Erik den rödes saga. København, 1944.

Jón Jóhannesson. Gerðir Landnámabókar. Reykjavík, 1941.

Hauksbók: udgiven efter de Arnamagnæanske hendskrifter no. 371, 544 og 675, 4°, samt forskellige papirshendskrifter af Det Kongelige Nordiske Oldskrift-Selskab / Eds. Eiríkur Jónsson and Finnur Jónsson. Copenhagen, 1892–1896.

Stefán Karlsson. Aldur Hauksbókar // Fróðskaparrit. Reykjavík, 1964. Vol. 13. Bls. 114–121.

Sverrir Jakobsson. Hauksbók and the Construction of an Icelandic World View // Saga-Book of the Viking Society. London, 2007. Vol. 31. P. 22–38.

С.А. МАСЛОВА

ЯРЛЫКИ МОНГОЛЬСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Ханские официальные акты являются важным источником изучения социально-экономической, политической, культурной истории монгольских государств и зависимых от них регионов. Особый подвид ханских официальных актов составляют ярлыки.

Ярлыки — письменные указы, приказы, повеления, предписания собственным подданным или главам зависимых стран, исходящие от хана. Документы, принадлежащие лицам не ханского происхождения, ярлыками не являются. К ярлыкам не относятся официальные письма ханов (*битики*), адресованные независимым от них правителям. Ярлыки делятся на два типа: жалованные, выданные собственным подданным (в том числе подданным зависимых стран), и ярлыки-послания, адресованные вассалам.

Изучение ярлыков монгольских правителей, прежде всего, ханов улуса Джучи в отечественной науке активно ведется с XIX в. Такие ученые, как Я.О. Ярцов, В.В. Григорьев, И.Н. Березин, В.В. Радлов, А.Н. Самойлович опубликовали тексты и переводы ярлыков золотоордынских и крымских ханов. Еще ранее в научный оборот были введены ярлыки ордынских ханов, выданные русским митрополитам. Публикации ярлыков сопровождались их анализом. Специальные работы В.В. Григорьева, И.Н. Березина, П.П. Соколова, М.Д. Приселкова, посвященные ярлыкам, заложили основу современных знаний о специфике этого вида источников. Изучение ярлыков продолжили А.К. Боровков, А.А. Зимин, М.А. Усманов, А.П. Григорьев. В результате проделанной работы современные исследователи располагают данными по истории

создания ярлыков, их датировке, атрибуции, структуре и содержанию. В научный оборот введено 68 ярлыков правителей улуса Джучи (Золотой Орды и отколовшихся от нее ханств) XIII–XVI вв., а также четыре грамоты ханши Тайдулы. Однако и в наше время изученность ярлыков нельзя считать завершенной. Основные переводы тюркоязычных актов были сделаны в середине XIX в., в период становления научной тюркологии, и с тех пор не пересматривались. Исследователи обошли вопросы археографии, палеографии, сфрагистики тюркоязычных ярлыков. Эти аспекты освещены в работе М.А. Усманова, но дальнейшего развития не получили. Требует тщательного изучения конкретное содержание ярлыков. Российские ученые, за исключением Н.Н. Поппе и А.П. Григорьева, не занимались изучением ярлыков правителей других монгольских государств — империи Юань, государства Хулагуидов, Чагатайского улуса.

В отечественной исторической науке ярлыки монгольских правителей имеют особое значение в качестве источника по истории взаимоотношений Золотой Орды и русских земель. Письменные источники по русско-монгольской проблематике немногочисленны и созданы преимущественно на территории Руси. Золотоордынские источники представлены только официальными актами и прежде всего ярлыками. Эти документы, по сравнению с другими источниками русского происхождения, содержат наибольшее количество наименований представителей монгольской власти, а также видов взимаемых податей. Некоторые термины, обозначающие монгольских должностных лиц, зафиксированы только в ярлыках.

Широко известны ярлыки XIII–XIV вв., выданные ордынскими ханами русским митрополитам. Они сохранились в виде перевода на русский язык, выполненного в конце XIV – начале XV в. в московском митрополичьем доме. В это время были переведены шесть грамот ордынских правителей Менгу-Тимура, Бердигека, Тюляка и Тайдулы. Вместе с послесловием они составляют краткое собрание ярлыков. Пространное собрание сложилось в середине XVI в. за счет интерполяций, сделанных в тексте краткого собрания и добавления подложного ярлыка хана Узбека. В составе комплекса доку-

ментов ордынских правителей середины XIV в., хранящихся в архивах Венеции, сохранилось четыре ярлыка ордынских ханов Узбека, Джанибека и Бердигека, выданных итальянским купцам Азова в 1333–1358 гг. Они доступны только в виде перевода на латинский и итальянский языки. На оригинальном языке известно всего два ярлыка ордынских ханов — Тохтамыша 1392 г. и Тимур-Кутлуга 1398 г. Ярлык Тохтамыша сохранился в виде подлинника, Тимур-Кутлуга — в виде копии. Немногочисленны известные ярлыки казанских ханов — Ибрагима 1467–1479 гг. и Сахиб-Гирая 1523 г. Наибольшее число ярлыков сохранилось от Крымского ханства — 56 документов. Они доступны в виде подлинников (29 ярлыков), копий (26 ярлыков) и одной заготовки.

Сохранность только в виде переводов, разрозненность публикаций по различным, порой труднодоступным, изданиям и несовершенство переводов тюркоязычных актов определили малое число обращений специалистов ко всему корпусу документов улуса Джучи. Сведения ярлыков привлекаются исследователями выборочно, ограничиваясь, как правило, ярлыками, выданными русскому духовенству. Для комплексного представления о системе монгольского управления русскими землями необходимо использовать весь массив доступных ярлыков правителей не только улуса Джучи, но разных частей Монгольской империи. Публикации и переводы ярлыков монгольских правителей содержатся в работах Э. Шаванна, Л. Лигети, Г. Дерфера, Ф.В. Кливса.

Сведения ярлыков незаменимы в изучении административного строя монгольских государств. В частности, сравнение адресатов ярлыков позволяет уточнить регион и время бытования той или иной монгольской должности.

Так, например, должность *даруг* в ярлыках правителей Золотой Орды фиксируется со второй половины XIV в. К этому же времени относится первое известие русских летописей о монгольских даругах. Известия русских источников о даругах, имевших непосредственное отношение к русским землям, датируются XV в. Ярлыки правителей империи Юань свидетельствуют о широком распространении этой должности уже в XIII в. В адресате ярлыка ордынского хана Менгу-Тимура 1267 г. впервые встречаются должности сокольников

и пардусников. Эти категории должностных лиц не упомянуты в ярлыках других монгольских правителей XIII в. В империи Юань и государстве Хулагуидов деятельность сокольников и пардусников в этот период фиксируется по другим источникам, однако в адресатах ярлыков их правителей они не обозначены. Только в ярлыке ильхана Абу Саида 1325 г. встречаются упоминания сокольников и пардусников. Эти должности появились в ярлыках монгольских правителей после распада единой империи. Желая подчеркнуть статус независимого государства, хан Менгу-Тимур расширил адресат своих ярлыков за счет новых должностей. Подобная тенденция наблюдается и в дальнейшем по мере развития делопроизводства улуса Джучи. Такая должность как бураложники встречается только в ярлыках, выданных русскому духовенству, и, вероятно, является вставкой переводчиков ярлыков.

Изучение частных аспектов содержания ярлыков монгольских правителей позволяет сделать выводы не только по некоторым вопросам политической истории, но также проследить эволюцию монгольских ярлыков.

Е.А. МЕЛЬНИКОВА

ТРИ ИПОСТАСИ КНЯГИНИ ОЛЬГИ

*Работа выполнена при финансовой поддержке ОГОН-РФФИ
(проект № 18-09-00433)*

Ни одна женщина Древней Руси не удостоилась такого внимания летописцев, как княгиня Ольга. Сюжеты, связанные с ней, представлены в семи погодных статьях: 6411 (903), 6453 (945), 6454 (946), 6455 (947), 6463 (955), 6476 (968), 6477 (969) гг.; кроме того, она упоминается под 6495 (987) г. Живой интерес к ней летописца, вероятно, прежде всего связан с ее крещением и последующим почитанием как предтечи христианства на Руси, но, возможно, и с богатой повествовательной традицией, героиней которой она была. Уже А.А. Шахматов и вслед за ним Д.С. Лихачев, И.П. Еремин, А.А. Гиппиус полагали, что в летописи объединены два независимых пласта преданий об Ольге: «народный» (Шахматов, Еремин), или «фольклорный» (Лихачев) и церковно-агиографический, который «вторичен по отношению к легендарно-фольклорному» (Гиппиус).

К церковной традиции принадлежат повествования о крещении Ольги в Константинополе, последующих попытках обратить в христианство Святослава под 6463 (955) г. и сообщение о ее смерти под 6477 (969) г. Она отразилась также в сказании о выборе Владимиром веры, где крещение Ольги в Константинополе упоминается как весомый аргумент в пользу принятия «греческой» веры. Эта традиция привлекала внимание исследователей прежде всего в контексте христианизации Руси и датировки поездки Ольги в Константинополь (Г.Г. Литаврин, А.В. Назаренко, А.С. Щавелев и др.). Летописная статья 6463 (955) г. объединяет рассказы о ряде событий, происходивших, вероятно, на протяжении не

одного года. Она имеет сложный состав и состоит из трех разнохарактерных сюжетов:

1. о крещении Ольги в Константинополе,

а. собственно сюжет о крещении,

б. сватовство императора;

2. о приезде византийских послов в Киев после ее возвращения;

3. о безуспешных попытках Ольги обратить в христианство Святослава и ее молении «за Русь».

Формирование сказания о крещении Ольги связывается с эпохой Владимира и сложением предания о его крещении (Шахматов, Гиппиус). В нем выделяется два пласта, фольклорный и церковный, соотношение которых оценивается по-разному. По мнению Гиппиуса, рассказ является вставкой в исходный текст и, в свою очередь, дополнен «вставками второго порядка, носящими характер агиографической редактуры» не позднее времени составления Начального свода. К ней, видимо, можно отнести и именование Ольги «блаженной» (также в сообщении о ее смерти: «презвутерь... похорони блаженую Ольгу», см.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 68), что указывает на ее почитание во время «агиографического» редактирования рассказа о ее поездке в Константинополь. В рамках церковно-агиографической традиции сложился образ новообращенной благочестивой христианки, предтечи христианской Руси, чей духовный подвиг оттенен противодействием Святослава и его окружения.

Фольклорный образ Ольги, по мнению большинства исследователей, исходящих из сказаний о расправе Ольги с древлянскими послами и о взятии ею Искорostenя, определяется мотивом мести, а Ольга видится вдовой-мстительницей. Представляется, однако, что образ Ольги восходит к совершенно иной сюжетике. Во-первых, мотив мести не характерен для русского фольклора. Во-вторых, сказание о казнях древлянских послов мотивировано отнюдь не местью Ольги за смерть мужа, а сватовством князя Мала к ней, которое и приводит сюжет в действие. Мотив сватовства доминирует и в двух других летописных статьях. В статье под 6411 (903) г. содержится крайне нетипичная для летописи формулировка ее брака с Игорем: «и приведоша ему жену от Плескова име-

нем Олгу» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 29), возможно, суммирующая некоторое повествование об обстоятельствах сватовства Игоря (при посредничестве Олега?) к ней. Наконец, повествование о крещении Ольги включает сюжет сватовства византийского императора. Таким образом, центральный мотив, лежащий в основе трех сюжетов, героиней которых является Ольга, — это мотив «героического сватовства», хорошо известный в фольклоре во множестве вариантов (в том числе, русском: былины о сватовстве Владимира, о Дунае и др.). Сюжетообразующими элементами мотива являются: сватовство к девушке/женщине (как правило высокого социального статуса), испытание женихов (в мудрости — загадки, в силе — поединки, в смекалке — невыполнимые задания), наказание неудачливых женихов, брак с прошедшим испытание претендентом (факультативно). В обоих развернутых сюжетах сватовства (Мала и императора) женихи или их послы состязаются с Ольгой в мудрости, но оказываются не способными разгадать заданные ею загадки или понять смысл ее действий. Не случайно в эпизод сватовства императора завершается прямым признанием ее «мудрости»: «переключала мя еси Ольга» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 61; ср.: «упремудри мя Олга словесы своими», см.: НПЛ. С. 114). Мудрость как отличительная характеристика Ольги звучит и в сюжете выбора веры. Таким образом, в основе фольклорной ипостаси Ольги, как представляется, лежит образ невесты, испытывающей своих женихов в мудрости. Вместе с тем, в рассказе о казнях древлянских послов он контаминирован с образом женщины-мстительницы, а в рассказе о взятии Искорostenя — девы-воительницы. При этом и в последнем случае присутствует мотив состязания в мудрости: согласно ПВЛ, жители Искорostenя не могут разгадать цель Ольги, предложившей им прислать птиц в качестве дани.

Наконец, в рассказах о государственной деятельности Ольги: «реорганизации» системы сбора податей в Древлянской и Новгородской землях под 6454 (946) и 6455 (947) гг., о приеме византийских послов под 6463 (955) г. и — в меньшей степени — об осаде Киева печенегами под 6476 (968) г. сохранилась традиция изображения Ольги правительницей Руси. Первые два — краткие сообщения летописца, ради-

кально отличные от остальных нарративов о ней по своему синтаксису и стилистике. Столь же лаконично говорится о приеме послов: летописец сводит рассказ к демонстрации мудрости Ольги, которая «переклюкала» их, отправив восвояси без обещанной помощи. Лишь в последнем, подробном повествовании об отражении набега печенегов престарелая Ольга не играет активной роли. Эта, «историческая» традиция, как и церковная, очевидно, опиралась на память о реальных событиях. Не исключено, что и для возникновения и развития традиции фольклорной импульсом послужили перипетии сватовства к ней (Игоря?).

Однако формировались и поддерживались эти традиции в разных социальных средах: церковная — в существовавшей уже при Ольге киевской христианская общине, «историческая» — в княжеском окружении, фольклорная — в друдинной и/или городской (?). На друдинное, смешанное скандинаво-славянское, происхождение фольклорного образа Ольги указывает использование в нем мотивов, глубоко укорененных в германской мифологии и словесности, но мало или совсем не известных восточнославянскому фольклору: героического сватовства (ср. викингские саги), женщины-мстительницы (Гудрун, Брюнхильд), девы-воительницы (валькирии, Хервёр). Каждая из традиций создала свой собственный образ княгини Ольги: мудрой правительницы, благочестивой христианки, героини мотива сватовства.

E.A. МЕХАМАДИЕВ

АРАБОЯЗЫЧНЫЕ ИСТОРИКИ IX ВЕКА АЛ-БАЛАЗУРИ И АЛ-ЙА'КУБИ И ПЕЧАТЬ СЕРГИЯ, СТРАТИГА И ПАТРИКИЯ ЛАЗИКИ

К ВОПРОСУ О ВОЕННОЙ ПОЛИТИКЕ ВИЗАНТИИ В ЕЕ АРМЯНСКИХ И ЗАПАДНО-КАВКАЗСКИХ ВЛАДЕНИЯХ В VII ВЕКЕ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
(проект № 20-09-00010A)*

Сведения арабоязычных историков ал-Балазури и ал-Йа'куби, живших в IX в., в сопоставлении со сведениями грекоязычных источников позволяют уточнить, как в течение VII в. Византия взаимодействовала с политическими элитами государств, располагавшихся в землях Южного Кавказа и Армянского нагорья — княжеств Армения, Алуанқ, Картли и Абхазия, а также царства Лазика. Нас интересует вопрос, как менялись взаимоотношения Византии и государств Южного Кавказа и Армянского нагорья в периоды до и после военных походов византийского императора Юстиниана II (правил в 685–695 и 705–711 гг.) против арабов, и какую роль в этих процессах играла византийская армия Армениак.

Согласно ал-Балазури, в 654 г. арабский полководец Хабиб ибн Маслама вторгся в армянские владения Византии и вступил в сражение с византийским войском, которым командовал некий *патрикий Армениака* (Шагинян 2018: 214). По мнению У.Э. Кэги-младшего и И. Прайзер-Каппелера (Kaegi 1968: 275; Preiser-Kappeler 2004: 358), армия Армениак во главе со стратигом, который обладал титулом патриция, су-

ществовала уже к середине 650-х гг. Тем не менее, какую должность занимал командующий византийским войском в битве с арабами?

Согласно Феофану Исповеднику, византийским войском командовал стратиг Мавриан (*τὸν... στρατηγόν* — De Boor 1883: 345), а армянский историк Себеос называет Мавриана «полководцем греческого войска» (Малхасянц 1939: 125). Но официальный грекоязычный источник — печать — упоминает персонажа по имени Мавриан в должности стратилата (Μαυριάνου // Στρατηλάτου) — Mordtmann 1873: 31–32, no. 6). Как проследили Р. Гийян и Ж. Дюрли, слово *στρατηλάτης* было греческим синонимом официального латинского термина *magister militum* («начальник воинов») (Guilland 1967: 385; Durliat 1979: 313–314). Следовательно, Мавриан занимал должность не стратига армии Армениак, а начальника воинов Армении. Другими словами, Мавриан командовал старой экспедиционной армией Армении, учрежденной еще императором Юстинианом I в 528 году.

Себеос сообщает, что осенью 652 г. (Шагинян 2011: 115–116) византийский император Констант II (правил в 641–668 гг.) прибыл в Карин (Феодосиополь) для борьбы с арабами, и к нему присоединились нахарапы (главы знатных родов) Четвертой Армении (Малхасянц 1939: 117). В связи с этим важно отметить, что ал-Йа'куби даже называет Мавриана наместником Четвертой Армении (Шагинян 2018: 309). Следовательно, именно дружины нахарапов Четвертой Армении пополнили армию Мавриана и увеличили ее численность, а это позволило преобразовать данную армию в новую воинскую группировку под названием Армениак.

Уже в 659 г. Армянское княжество вновь признало верховную власть византийского императора (Шагинян 2014: 89; Шагинян 2011: 131), в результате новая армия Армениак смогла показать себя в действиях. Авторы середины VII в. — Анастасий Апокризиарий и Феодор Спудей — сообщают о наличии большого количества крепостей в Лазике, во главе которых стоял специальный наместник, обладавший титулом патрикия и магистра (Neil, Allen 2002: 154 (§5)).

В каждой такой крепости размещались регулярные византийские гарнизоны — например, крепость Схимарис воз-

главлял комит (κώμης) Мистриан (Neil, Allen 2002: 162 (§9)). На основании упоминания должности комита мы можем предположить, что в Лазике размещались регулярные отряды византийской армии, и это были отряды армии Армениак, поскольку именно армия Армениак ближе всего располагалась к землям Лазики.

В результате новых походов арабов в Армению в 662 и 664/665 гг. Армения в очередной раз признала верховную власть халифа (Шагинян 2014: 90–91). В 686/687 и 687/688 гг. император Юстиниан II предпринял завоевательные походы в земли Армянского княжества (Шагинян 2014: 101–102; Шагинян 2011: 148–150), в результате которых во главе Армянского княжества был поставлен влиятельный нахарар Нарсес Камсаракан. Почему именно он? На наш взгляд, потому что к 687/688 гг. Нарсес Камсаракан занимал должность стратига армии Армениак.

Следовательно, в 687/688 гг. Юстиниан II не только назначил Нарсеса Камсаракана ишханом (великим князем) Армении, но и разместил в Армении регулярные войсковые подразделения армии Армениак, а часть подразделений этой армии вновь перевел в Лазику. Доказательством служит печать из коллекции Г. Закоса, опубликованная в 2001 г. — она упоминает Сергия, «апоипата, патриция и стратига Лазики» (Σ εργίου ἀπὸ ὑπάτων πατρικίου συνστρατηοῦ Λαζικῆς — Cheynet 2001: 78–80, no. 40a-b), то есть византийского наместника Лазики, который управлял этим регионом до 696/697 гг., когда он поднял мятеж и признал власть халифа над землями Лазики (Winkelmann, Lilie 2001: 97, no. 6543).

Итак, можно признать, что в течение всей второй половины VII в. византийская армия Армениак не только принимала прямое участие в контроле империи над ее армянскими и западно-кавказскими владениями, но и играла главную роль в этом процессе. Сама же армия Армениак возникла благодаря дружинам нахараров Четвертой Армении, которые вошли в состав более старой экспедиционной армии Армении в середине 650-х гг. Эти дружины позволили увеличить численность экспедиционной армии Армении и преобразовать ее в новую воинскую группировку. Впоследствии многие подразделения этой группировки периодически разме-

щались и в Лазике. Все это объясняет тот факт, что в период императора Юстиниана II именно армия Армениак во главе с Нарсесом Камсараканом отвоевала Армянское княжество у арабов и установила византийский контроль над данной территорией. К концу VII в. сила и эффективность этой армии были достаточно высоки, чтобы осуществлять столь сложные и крупномасштабные боевые операции.

БИБЛИОГРАФИЯ

- История епископа Себеоса / Пер. Ст. Малхасянц. Ереван, 1939.
- Шагинян А.К. Армения и страны Южного Кавказа в условиях византийско-иранской и арабской власти. СПб., 2011.
- Шагинян А.К. Раннесредневековая география Армении и стран Южного Кавказа. СПб., 2014.
- Шагинян А.К. Арабо-мусульманская историография IX в. о странах и народах Кавказа, Армянского нагорья и смежных областей. СПб., 2018.
- Cheynet J.-Cl. Sceaux de la collection Zacos (Bibliothèque nationale de France) se rapportant aux provinces orientales de l'Empire byzantine. Paris, 2001.
- Theophanis Chronographia / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1883. Vol. I.
- Durliat J. Magister militum — ΣΤΡΑΤΗΛΑΤΗΣ dans l'empire Byzantin (VIe—VIIe siècles). // BZ. 1979. Bd. 72. Hft. 2. P. 306–320.
- Guilland R. Recherches sur les institutions byzantines. Berlin, 1967. T. I.
- Kaegi W.E. Al-Balâdhuri and the Armeniak theme. // Byzantium. 1968. Vol. 38. P. 273–277.
- Mordtmann A. Sur le sceaux et plombs byzantins. Paris, 1873.
- Maximus the Confessor and His Companions. Documents from Exile / Eds. B. Neil, P. Allen. Oxford, 2002.
- Preiser-Kappeler J. MAGISTER MILITUM PER ARMENIAM (Ο ΤΩΝ ΑΡΜΕΝΙΑΚΩΝ ΣΤΡΑΤΗΓΟΣ). Überlegungen zum armenischen Kommando im 6. und 7. Jahrhundert. // Wiener Byzantinistik und Neogräzistik. Beiträge zum Symposium «Vierzig Jahre Institut für Byzantinistik und Neogräzistik der Universität Wien» / Hrsg. von W. Hörandner, J. Koder. Wien, 2004. S. 348–365.
- Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit / Hrsg. von F. Winkelmann, R.-J. Lilie. Berlin, 2001. Abt. 1 (641–867). Bd. 4 (№ 6266–8345).

Д.С. МИТЮРЁВА

О НЕКОТОРЫХ СТЕРЕОТИПАХ ОТНОСИТЕЛЬНО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛЕМИКИ В АНГЛИИ СЕРЕДИНЫ XVII ВЕКА

В ходе политических кризисов в Англии XVII в. неоднократно вспыхивали идеологические дебаты, которые, кажется, должны были привести к генерированию новых идей о государстве и обществе. Тем не менее эти сюжеты остро обсуждались на страницах политических трактатов (и не только) задолго до гражданской войны середины XVII в.

Данные тезисы являются частью более широкого исследования о рецепции теории государства Жана Бодена в Англии XVII в. Это обуславливает выборку источников, в которую вошли сочинения английских интеллектуалов, где прямо цитируется трактат Бодена «Шесть книг о государстве».

С 1640 по 1660 г. появляется огромное количество работ, авторы которых полемизируют друг с другом по политическим вопросам, актуализированным начавшимся противостоянием Карла I и его парламента. Если судить по количественным показателям цитируемости сочинения Бодена, которые в указанный период возрастают в два раза по сравнению с периодом 1581–1640 гг., то можно сделать вывод, что идеи, высказанные в «Шести книгах» в кризисный момент обрели популярность, которой не пользовались в более спокойные времена. Также может возникнуть иллюзия, что анализ идеи о суверенитете становится более осмысленным. Однако более внимательное изучение сочинений дает несколько другую картину. Приведу два наиболее показательных примера.

В 1643 г. появляется объемный труд Уильяма Принна «Суверенная власть парламентов и королевств», в котором в качестве приложения присутствует часть трактата «*Vindiciae Contra Tyrannos*», содержащая вопрос о том, имеют ли поданные право на восстание против короля (Prynn 1643: An Appendix). Причем исследователи обращают внимание на то, что этот пассаж задал тон для понимания текста «*Vindiciae Contra Tyrannos*» будущими поколениями: Принн включает ту часть, где говорится о договоре между королем и людьми, и опускает ту, где речь идет о договоре между Богом и людьми (McClure 2006: 239–241).

Еще более наглядным примером представляется сочинение «Несколько речей, рассуждающих о власти парламента, выступающего против короля за дурное правление», вышедшее в 1648 г. без указания автора (Several speeches 1648). Это было дословное переиздание под другой обложкой первой части трактата Роберта Парсонса «Рассуждение о наследовании английского престола», написанного в совершенно иных исторических условиях.

Если говорить о других сочинениях, то многие из них мало известны в истории политической мысли. Это обстоятельство, а также обилие сочинений позволяет предположить, что, во-первых, читало их ограниченное количество заинтересованных людей. Во-вторых, качественное содержание этих сочинений уступает тем, которые появились в предшествующий и последующий периоды. Конечно, есть исключения, например, популярные пропагандистские трактаты «*Eikon Basilike*» и «*Eikonoklastes*». В-третьих, более детальный анализ ссылок, в том числе на работу Бодена, показывает, что цитаты в сочинениях 1640–1660 гг. часто повторяют цитаты более раннего периода. Из этого можно сделать косвенный вывод о том, что в более спокойное время работа над политическими трактатами и идеологическая полемика была более основательной, чем в период кризиса, когда сочинения нужно было публиковать быстро. Сочинение Бодена (то же представляется возможным распространить и на другие источники) в данном случае использовалось лишь как яркий и известный пример.

С этой точки зрения распространенная в историографии мысль о том, что именно со времени революции середины XVII в. Англия решительно разошлась с европейскими образцами политического развития, выглядит спорно. Часть исследователей говорит о том, что после реставрации монархии все перемены, в том числе и произошедшие в сознании людей, были нивелированы, а попытка укрепления монархического режима по французской политической модели во все не была обречена на провал (Пинкус 2017: 671–673). Анализ политических сочинений, которые появились после 1660 г., и тех концептов, которые там были изложены, отчасти может подтвердить это утверждение.

Во-первых, вопросы на повестке дня во второй половине XVII в. остались теми же, что были до гражданской войны: происхождение государства, сравнение форм правления, поиск моделей стабильного государственного устройства, распределение полномочий между институтами власти, варианты наследования английского престола (Эрлихсон 2007: 69–70). Во-вторых, революционные потрясения не внесли существенных изменений в аргументы: граф Эдвард Кларендон защищал теорию божественного происхождения королевской власти; создатель Королевского лондонского общества Томас Спрат и роялист Роже Л'Эстрэнж описывали достоинства специфически английского концепта король-в-парламенте; апологет республиканской формы правления Олджернон Сидней брал за образец Древний Рим и Великую хартию вольностей; большинство теоретиков как и прежде апеллировали к древней английской конституции и обычному праву. Все эти аргументы неоднократно были высказаны в более ранний период.

Безусловно, потрясения, вызванные гражданской войной, ослабили радикальные настроения во всех политических группировках. Тем не менее, можно сделать вывод, что активная борьба памфлетов в кризисный период английской истории, когда в течение жизни одного поколения сменилось три формы государственного устройства, на деле не привела к появлению новых аргументов в вопросах государственного устройства, политического равенства и есте-

ственных прав. Скорее, это произошло опять же в более спокойный период, наступивший после 1688 года.

Таким образом, библиографическая работа с текстами 1640–1660 гг., обращение к их авторам не просто как к писателям, а как к читателям, переводчикам, трансляторам, позволяет построить более длинную цепочку, которая связывает тексты разных исторических эпох. В каждом случае оригинальные тексты не просто помещаются в новый политический контекст, они обретают новую интерпретацию, которую передают следующему поколению читателей.

БИБЛИОГРАФИЯ

Пинкус С. 1688 г. Первая современная революция. М., 2017.

Эрлихсон И.М. Английская общественная мысль второй половины XVII века. М., 2007.

McClure K.M. Reflections on Political Literature: History, Theory and the Printed Book // British Political Thought in History, Literature and Theory, 1500–1800 / Ed. by D. Armitage. Cambridge (UK); New York, 2006. P. 235–253.

Prynne W. The soveraigne power of parliaments and kingdomes. London, 1643. Электронный ресурс [режим доступа: <https://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=eebo;idno=A56211.0001.001>, дата обращения: 29.01.2020].

Severall speeches delivered at a conference concerning the power of Parliament, to proceed [sic] against their King for misgovernment. London, 1648. Электронный ресурс [режим доступа: <https://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=eebo;idno=A91487.0001.001>, дата обращения: 29.01.2020].

E. MITSIOU

PROSOPOGRAPHY, GIS AND NETWORKS OF THE 13TH CENTURY NEW TOOLS AND METHODS

The first half of the 13th century has attracted much attention as a transformative period for the Eastern Mediterranean. The capture of Constantinople (1204) changed the dynamics of the entire region through the formation of new states and socioeconomic changes within the former Byzantine territories. Three «Byzantine» states «in exile» emerged by members of the aristocracy, the «Empire of Trebizond», the «State of Epirus» and the most successful among them, the «Empire of Nicaea» (1204-1261).

In the historical discourse, the Nicaean Empire has been analysed in various ways. The most persistent method was the collection of the information given by written and material evidence and its presentation in a narrative. From the period we have important sources such as the History of George Akropolites as well as the chartulary of Lembos monastery, for which a new edition is about to finish with my collaboration. Despite its positive aspects, this traditional methodology does not suffice to analyse the historical developments on a social and political level.

Recently, however, the State of Nicaea experiences the benefits of the «digital turn» in the humanities. The Nicaean past began to be the focus of different interpretative frames based on modern tools and theories such as the Social Network Analysis (SNA) and the Historical Geographic Information System (HGIS). Both have been used in various studies on (medieval) social history, historical geography and archaeology in the last years, providing new insights into the actual complexity of medieval societies. Their

advantage is that they enable us to measure, visualise and evaluate webs of human relations and interactions, also on a spatial level.

Social network analysis (SNA) is a framework for the analysis and visualisation of social structures through the use of mathematical procedures, especially graph theory. A social network consists of actors (nodes) and the interactions between them (depicted as links or ties) which are the channels for transfers or «flows» of resources or information. SNA helps us to identify patterns of social action, the coherence or segmentation of a society, group formations, as well as the importance and role of each actor. Historical Geographical Information Systems (GIS) uses archival material for the extraction of geographically referenced data and «allows us to handle information about the location of features or phenomena on the Earth's surface», as well as to visualise and analyse patterns of spatial organisation and interaction.

Another promising prospect is the Prosopography. Late Antique and Byzantine studies have dealt extensively with prosopography and produced both written and/or electronic versions of prosopographical works such as the *Prosopographie chrétienne du Bas-empire*, the *Prosopography of the Late Roman Empire*, the *Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit* (641–867) and (867–1025) (PMBZ), the *Prosopography of the Byzantine World* (PBW) and the *Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit* (PLP). For the Lascarid period, though, such an essential tool for research is missing. Only biographical studies and proceedings volumes dedicated to this issue are available.

In 2018, I initiated the establishment of an online digital platform in order to create a prosopographical database for the period 1204–1258. The Prosopography of the Lascarid Period (PLAS) (<https://plas.openatlas.eu/>) fills-in an enormous gap in Byzantine Studies. It should be noted that data collected in databases enable the better exploitation of information to be used by other digital tools such as SNA and HGIS. As appropriate open source database tool has been selected OpenAtlas (<http://www.openatlas.eu/>), which was developed and tested in projects of the Austrian Academy of Sciences (OAW) and allows for the combination of prosopography and network analysis. It allows also the storage and entanglement of complex and also ambiguous historical and archaeological data. The five basic entities «Actor» (individuals, groups,

and institutions), «Event» (of any kind), «Place» (localities from single buildings up to entire regions), «Source» (of any kind) and «Reference» (scholarly literature) can be connected in any combination. At the same time, temporal as well spatial uncertainties can be represented and mapped in all possible forms. In PLAS, researchers will therefore be able to identify patterns of social interactions not immediately visible with the help of traditional narratives or prosopographical lists.

The present paper aims at presenting the developments regarding the digital approaches for the period 1204–1261. In the centre of the discussion will be the promising project of a Lascarid prosopography as a crucial step towards the digital future of the Empire of Nicaea.

BIBLIOGRAPHY

- Angelov D.* Imperial Ideology and Political Thought in Byzantium, 1204–1330. Cambridge, 2007.
- Angold M.* A Byzantine Government in Exile. Government and Society under the Laskarids of Nicaea 1204–1261. Oxford, 1975.
- Constantinides C.N.* Higher Education in Byzantium in the Thirteenth and Early Fourteenth Centuries (1204 – ca. 1310). Nicosia, 1982 (Texts and Studies of the History of Cyprus 11).
- Gardner A.* The Lascarids of Nicaea. The Story of an Empire in Exile. London, 1912 (Repr. Amsterdam 1964).
- Gastgeber Chr., Kresten O.* Das Chartular des Paulos-Klosters am Berge Latros. Kritische Edition, Übersetzung, Kommentar und Indices. Wien, 2015 (WBS 30).
- La Bithynie au Moyen Âge / Éd. par B. Geyer et J. Lefort. Paris, 2003 (Réalités Byzantines 9).
- Giarenis I.* Η συγκρότηση και η εδραίωση της αυτοκρατορίας της Νίκαιας. Ο αυτοκράτορας Θεόδωρος Α' Κομνηνός Λάσκαρις. Athens, 2008
- Gounaris P.* Pratique politique et discours politique dans l'Etat de Nicée (1204–1261) I-II (Dissertation). Paris, 1984.
- Gregory I.N., Ell P.S.* Historical GIS. Technologies, Methodologies, and Scholarship. Cambridge, 2007.
- Identities and Allegiances in the Eastern Mediterranean after 1204 / Ed. by J. Herrin and G. Saint-Guillain. Farnham, 2011.

- Karpozilos A.* The Ecclesiastical Controversy between the Kingdom of Nicaea and the Principality of Epiros 1217–1233. Thessaloniki, 1973.
- Korobeinikov D.* Byzantium and the Turks in the Thirteenth Century. Oxford, 2014 (Oxford Studies in Byzantium).
- Kyritses D.* The Byzantine Aristocracy in the Thirteenth and early Fourteenth Centuries (Thesis). Cambridge (Mass.), 1997.
- Langdon J.S.* John III Ducas Vatatzes' Byzantine Imperium in Anatolian Exile 1221–1254: the Legacy of his Diplomatic, Military and Internal Program. Dissertation. Los Angeles, 1979.
- Meliarakes A.* Ιστορία τοῦ Βασιλείου τῆς Νικαίας καὶ τοῦ Δεσποτάτου τῆς Ἡπείρου (1204–1261). Athens; Leipzig, 1898.
- Puech V.T.* L'aristocratie et le pouvoir à Byzance au XIIIe siècle (1204–1310), I-II. Thèse de doctorat. Université de Versailles-Saint-Quentin-en-Yvelines, 2000.
- Stauridou-Zaphraka A.* Νίκαια καὶ Ἡπειρος τὸν 13ο αιώνα. Thessaloniki, 1990.
- Urbs capta. The Fourth Crusade and its Consequences / Ed. by A. Laiou. Paris, 2005 (Réalités Byzantines 10).
- Van Tricht F.* The Latin Renovatio of Byzantium. The Empire of Constantinople (1204–1228). Leiden; Boston, 2011.
- Wasserman S., Faust K.* Social network analysis: Methods and applications. New York, 1999.

Д.Е. Мишин

ДОИСЛАМСКАЯ АРАБСКАЯ ПОЭЗИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Доисламская арабская поэзия представляет собой огромный массив стихов, дать полный анализ которого в рамках доклада невозможно. Поэтому будет правильно остановиться лишь на общих проблемах использования арабских стихов как исторического источника для возможного сопоставления со сведениями о других обществах.

Основная проблема состоит в том, что корпус письменных источников, в которых зафиксированы арабские стихи, значительно отстоит и по времени, и по культуре общества от эпохи, когда жили их авторы. Подавляющее большинство известных нам доисламских поэтов жили и творили в VI – начале VII века. Первым из них обычно называется киндит Имру'-ль-Кайс, который, по выражению некоторых своих поклонников, «положил начало поэзии» (Ibn Qotaiba 1904: 72), жил в первой половине VI в. Однако первые известные собрания стихов Имру'-ль-Кайса относятся к IX в. (ас-Суккарī, 'Алī ат-Тūsī).

Имея столь поздние источники, мы не можем не задаться вопросом о том, как сохранились арабские стихи до времени их записи, и не были ли они написаны заново, т.е. подделаны. Имеющиеся сведения показывают, что есть аргументы и в пользу, и против идеи о том, что доисламские стихи сохранились в неизменном виде. С одной стороны, источники сообщают о записи стихов уже в доисламское время. Широко известно сообщение о том, что в доисламское время арабские поэты читали свои стихи во время паломничества в Мекку; если стихи считались хорошими, их записывали, а списки вывешивали на одном из углов Каабы (Хизāнат 1997:

152–153). Из-за этого такие поэмы получили название *му'аллақи* (букв. «повешенные»). Известно также, что лаҳмидские правители Хиры велели записывать стихи приезжавших к их двору поэтов (Китāب 1992: 428). Одновременно существовала и устная передача. В одном источнике, созданном в 1192–1194 гг., обнаруживается стих поэта первых лет ислама Ка'ба Ибн Зухайра с указанием цепочки передатчиков, восходящей к нему самому (Мунтахā 1999: 73). В рассказах о халифе 'Умаре Ибн аль-Хаттāбе (634–644) мы читаем, что он велел своему сыну и приближенным учить лучшие стихи (Джамхарат 1963/64: 35, аль-'Умда 1981: 28). Стало быть, накануне исламской эпохи стихи и записывали, и запоминали, что, несомненно, было важнейшей предпосылкой для их попадания в дошедшие до нас источники.

Между тем, и самые известные передатчики стихов подчас ошибались, приписывая стихи одних другим; такое сообщается, например, об Абū 'Убайде (ум. в 824/25 или 828/29 г.) (Уафāйāt 1977: 241) и Ибн Хордāбхе (род. в 20-х гг. IX в., ум. в начале X в.) (Китāб 1905: 8, 144). Знаменитого знатока и передатчика стихов Ҳаммāда Сказителя (род. в 694/95 г., ум. в 771–773 гг.) обвиняли в том, что он выдавал за произведения древних свои собственные, причем делал это так искусно, что выявить подделку могли лишь очень немногие знатоки (Китāб 1905: 5, 163; Җабақāt 2001: 40). Существование таких проблем можно констатировать и по практическим наблюдениям: в отношении одних и тех же стихов имеются расхождения в передаче слов, порядке расположения строк, определении авторства. Более того, в связи с отказом от традиционных религий арабское общество изгнало из исторической памяти подавляющее большинство стихов с выражением почитания прежних божеств. Такое редактирование, несомненно, помогло стихам не считаться проявлением идолопоклонства, элементом отвергнутой культуры, но одновременно изменяло их смысл.

Главным инструментом определения достоверности фрагмента является анализ текста на предмет соответствия историческому контексту. В отдельных случаях можно определить, является ли тот или иной фрагмент поздней подделкой. Так, приписываемый поэту Ҭарафе Ибн аль-'Абду (и вхо-

дящий в его *дүйән*) фрагмент, в котором он призывает со-племенников из банū Бакр подняться против Наṣрида (т.е. Laḥmida) ан-Ну'мān (Дīyān 2000: 168), очевидно не может принадлежать ему. Ан-Ну'мān III, единственный лаҳмидский царь, о котором может идти речь, вступил на престол в 579 г., тогда как Ṭарафа был казнен по приказу другого представителя этой династии, ‘Amra III (554–569) в самом начале его правления. Напротив, есть основания считать достоверным стих знаменитого поэта Maimūna Podslipovatogo (*аль-А’шā*), в котором он, перечисляя места, где ему довелось побывать, называет среди них *Ūrasalam*, т.е. Иерусалим (Gedichte 1928: 33). Такое название могло употребляться только в доисламское время, так как позже город назывался аль-Қудс. К сожалению, эти фрагменты — единственныe, относительно которых возможно сделать такие умозаключения. По остальным у нас практически нет оснований для высказывания подобных соображений. Соответственно, мы руководствуемся общим правилом презумпции доверия к источникам, если только иное не вытекает из контекста.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Gedichte von Abū Baṣir Maimūn Ibn Qais al-Āšā / Hrsg. R. Geyer. London, 1928.
- Ibn Qotaiba. Liber poësiis et poëtarum / Ed. M. J. De Goeje. Lugduni-Batavorum, 1904.
- Джамхарат аш’ар аль-‘араб. Ta’līf Abī Zayd ... аль-Қурашī [Собрание стихов арабов. Сочинение Абӯ Зайды ... аль-Қураши]. Бейрут, 1963/64.
- Дīyān Ṭarafa bin al-‘Abd. Sharḥ al-Ālam aš-Šāntamārī [Собрание стихов Ṭarafy Ibn al-‘Abda. Obъяснение aš-Шантамарī «Человека с заячьей губой»] / Изд. D. al-Хāṭib, L. ac-Saqqāl. Бейрут, 2000.
- Kitāb al-āgāñ li ... Abī-l-Ṭabaradž al-Isfahāñī [Книга песен ... Абу-ль-Фараджа аль-Исфахани] / Изд. A. an-Shinqītī. Каир, 1905.
- Kitāb al-masālik u-aṣ-ṣālik li Abī ‘Ubaid al-Bakrī [Книга о путях и государствах Абӯ ‘Ubaida аль-Бакри] / Изд. P. Van Leeuwen, A. Ferré. Тунис, 1992.

Мунтахā ат-талаб мин аш'āр аль-'араб. Джам' ... Ибн Маймӯн [Пре-
дел исказий из стихов арабов. Собрание ... Ибн Маймӯна].
Бейрут, 1999. Т. 1.

Табақāт аш-шу'а'ра' ли Мұхаммад бин Саллāм аль-Джумаҳī [Разря-
ды поэтов Мұхаммада Ибн Саллāма аль-Джумаҳī]. Бейрут, 2001.

Уафāйāт аль-а'йān уа анбā' аbnā' az-zamān li ... Ибн Ҳалликān [Кон-
чины выдающихся людей и известия о сынах своего времени
... Ибн Ҳалликāна] / Изд. И. Әббас. Бейрут, 1977. Т. 5.

аль-'Umda fi maħāsin aš-ши'r ua adabi-xi ua naħdi-xi. Ta'līf ...
Ибн Рашик аль-Қайрауānī аль-Азdi [[Книга, подобная] опоре,
о достоинствах стихосложения, его искусстве и об отделении в
нем хорошего от дурного. Сочинение ... Ибн Рашика аль-
Қайрауāni аль-Азdi] / Изд. M.M. 'Abd al-Хamid. Бейрут, 1981.

Хизānat аль-адаб ua lubb lubāb lisān аль-'араб. Ta'līf 'Abd аль-
Қādir ... аль-Бaғdādī [Сокровищница словесности и наилуч-
шее в арабском языке. Сочинение 'Abd аль-Қādira ... аль-
Бaғdādī] / Изд. A. Xārūn. Каир, 1997. Ч. 1.

M.B. МОИСЕЕВ

МИНИАТЮРЫ ЛИЦЕВОГО ЛЕТОПИСНОГО СВОДА КАК ИСТОЧНИК ПО ДИПЛОМАТИЧЕСКОМУ ЦЕРЕМОНИАЛУ И РИТУАЛАМ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ XVI ВЕКА

Русская история бедна изобразительными источниками, касается это многих сторон жизни, и дипломатия — не исключение. Как правило, мы сталкиваемся с лапидарными описаниями, а еще чаще просто с фиксациями тех или иных церемоний и ритуалов, но не имеем представления о том, как они выглядели. Именно поэтому закономерен интерес к миниатюрам Лицевого Летописного свода. В 1944 г. на эти миниатюры как исторический источник обратил внимание А.В. Арциховский (Арциховский 1944). В первую очередь он изучал изображения памятников материальной культуры: оружия, одежды и др. (Арциховский 1944: 44–104). Для нашего исследования весьма важны наблюдения историка за царскими инсигниями (Арциховский 1944: 116–126).

События дипломатической истории изображались довольно регулярно. Это были приезды послов, сцены переговоров, заключения договоров, процедуры шертования, отправления послов. Изобразительная стратегия подразумевала различение участников следующим образом. Западноевропейские послы изображались, как правило, одетыми в короткие широкие штаны ярких цветов, покрытые полосками или, скорее, разрезами. Для них характерны также плащи и камзолы с бархатными высокими воротниками. Их изображение весьма реалистично, и А.В. Арциховский полагал, что в их основе лежали зарисовки очевидца (Арциховский 1944: 100).

Сюжетно миниатюры делятся на несколько типов, среди которых выделяются приезд послов; переговоры; шертование.

Typ 1: Приезд послов. Изображение выстраивается следующим образом. В верхнем правом углу нарисована сценка отправления послов. Как правило, там помещается фигура соответствующего правителя, перед которым стоят послы. У правителя есть атрибуты, идентифицирующие его как правителя конкретного государства. Например, консул Кафы изображен в характерном красном берете, его окружают здания, имеющие вполне атрибутирующие признаки (например, круглая крепостная башня с бойницами), а император Священной Римской империи — в короне, не схожей с пятилучевыми коронами татарских ханов. При этом интересно, что и татарские ханы, и турецкий султан иногда изображались в сходных пятилучевых венцах. Члены османского дивана могли изображаться в чалмах, а татарские послы и члены дивана — в шапках, схожих с русскими. Еще одной особенностью «этнографических» изображений можно считать то, что русские, литовские и татарские послы изображались весьма похоже друг на друга, без каких-то особых внешних признаков. Ближе к центру миниатюры изображается путешествие послов, хотя это и необязательно. Нередко вместо их пути могли быть изображены горы и/или море, которые, очевидно, символизировали границу между государствами. В нижней, большей части миниатюры помещается сцена въезда послов, а далее, в левом центральном сегменте — прием послов русским правителем. Великий князь (царь) изображался восседающим на большом пуфике, уложенном на престол. Чаще всего он встречает визитеров открытым жестом, в котором руки чуть разведены ладонями вверх. Иногда одна рука ладонью вниз лежит на колене, а другая приподнята полусогнутой ладонью вверх. В миниатюрах, связанных со временем Ивана Грозного, происходит изменение ориентировки рисунка, когда русская принимающая сторона помещалась в верхнем левом углу, а отправляющая сторона — в нижнем правом. Иногда в этом типе миниатюр мы можем заметить изображение переговоров, но все же

рассмотрим их отдельно, так как в манере изображения есть свои особенности.

Тип 2: Переговоры. Они изображаются нередко весьма экспрессивно. Участники действия используют жест, известный по иконописи, — указательный палец, направленный вверх. Иногда рука в этом жесте поднималась высоко вверх. Такой жест использовался для акцентирования слушателей и в иконописи символизировал порицание и/или указание. В нашем случае он, очевидно, указывал на сложный характер переговоров. Кроме этого, на некоторых миниатюрах изображен ритуал зачитывания и передачи грамоты. Документ миниатюрист представлял как прямоугольный лист бумаги — столбец, чаще с разлинованными строками, реже с буквами. Низ листа показывался свернутым в «трубочку», очевидно, это должно было быть указанием на то, что послания, клятвенные грамоты и другие дипломатические документы перевозились в виде свитков.

Тип 3. Шертование. Изображение этой процедуры весьма важно для историков, занимающихся отношениями Московского государства с татарскими государствами, сибирскими и кавказскими сообществами и государственными образованиями. Дело в том, что наши представления о самой процедуре шертования, в первую очередь, татар, весьма скучны. Хотя дипломатические материалы сохранили сами шерти и сведения о спорах вокруг них, сама процедура в письменных источниках отражена слишком скучно. Как правило, при описании шертования особое внимание уделяется факту участия в этом ритуале всего «политического народа» того или иного татарского государства. Так, например, Менгли-Гирей хан в 1508 г., сообщая о шертовании, перечислял сначала султанов-Чингизидов, затем представителей мусульманского духовенства, огланов и беков, а завершали список ички (внутренние слуги) беков и мирз (СИРИО 1895: 20). Представители знати оставляли на шертной грамоте оттиски своих печатей, а сама клятва происходила на Коране, использовался при этом 91 аят 16 суры «Пчелы» (Моисеев 2014: 88, Зайцев 2008: 5). Однако на миниатюрах мы не увидим Коран. На них изображен столик, на котором лежат два меча, а шертующие пьют некий напиток из сосуда. А.В. Арци-

ховский полагал, что это подлинный обряд шертования (Арциховский 1944: 130). Использование оружия и питья при принесении присяги (шерти) известно у сибирских народов (Зуев, Игнаткин, Слугина 2017: 194–209), но можем ли мы эти практики распространять и на татар-мусульман? В Густынской летописи XVII в. описывается ритуал, при котором татары Большой Орды использовали и сабли, и воду (ПСРЛ 2003: 142), а И.В. Зайцев выявил упоминания сабли при шертовании (Зайцев 2008: 6). Поэтому вполне можно полагать, что на миниатюрах и в самом деле изображен ритуал шертования татар, однако, надо признать, что эти изображения не отражали всю церемонию, так как уже в 1508 г. Коран фигурирует как священная книга, на которой приносят клятву верности (СИРИО 1895: 20).

Итак, миниатюры Лицевого летописного свода, несмотря на свою схематичность, обладают определенной познавательной ценностью. В ряде случаев они передают некоторую визуальную информацию о дипломатических ритуалах.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944.
- Зайцев И.В. Проблема удостоверения клятвенных обязательств мусульманина перед христианской властью в России в XVI–XIX вв. // Отечественная история. 2008. № 4. С. 3–9.
- Зуев А.С., Игнаткин П.С., Слугина В.А. Под сень двуглавого орда. Инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI – начале XVIII в. Новосибирск, 2017.
- Моисеев М.В. Шертные грамоты в контексте русско-ногайских отношений в XVI в. // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2014. Вып. 6. С. 84–90.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. СПб., 2003. Т. 40.
- СИРИО — Сборник императорского Русского исторического общества. СПб., 1895. Т. 95.

*Е.И. НОСОВА, Д.И. ВЕБЕР, Л.А. ПЬЯНКОВА,
Е.М. ШЕПИЛОВА, Ю.П. БАСКАКОВА*

ИССЛЕДОВАНИЕ ПЕЧАТИ ГРАФА СИГЕБЕРТА ФРАНКЕНБУРГСКОГО (1191) МЕТОДОМ РЕНТГЕНОСТРУКТУРНОГО АНАЛИЗА

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
(проект КОМФИ № 18-00-00292 (в составе 18-00-00429 (К)))*

В ходе работы с фондами Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН и планирования реставрационных работ был выявлен образец печати, окрашенный в темный бордово-коричневый оттенок, выделяющий его из общей массы средневековых печатей, имеющих более яркий красный цвет. Печать удостоверяет грамоту, составленную от имени сына графа Сигеберта Франкенбургского, который подтверждает дарения, сделанные его семьей монастырю Вадгассен, и датируется 1191 годом.

Помимо цвета, печать отличается необычной структурой: восковая масса сильно осыпается, но в меньшей степени подвержена расслоению, чем близкие по дате образцы. Рельеф изображения неглубокий (не более 1 мм). На печати изображено здание с двумя башнями, каждая из которых имеет окно и окончание в форме трех зубцов. По окружности идет легенда, имеющая значительные утраты: SIGILLV(m) COM[(itis) SIGEB(er)TI DE ...AN]CHENBVRG (восстановлено по Мажуга 2000: 287). Центральная часть изображения также немного повреждена, но можно предположить, что это произошло сразу после изготовления оттиска, так как восковая масса не отколота или осыпалась, как по краям, а сдвинута от

края к центру, и на этом фрагменте читаются папиллярные узоры. Вероятно, когда масса была еще теплой, ее неаккуратно задели рукой, повредив изображение.

Исследование под микроскопом (Dino-lite AM4515T8) в проходящем свете показало, что осыпавшиеся фрагменты печати не гомогенны: при увеличении около 650 крат в полупрозрачной массе отчетливо наблюдаются частицы, окрашенные в красно-коричневый цвет, что свидетельствует о том, что редкий оттенок обусловлен добавлением некого пигмента. Для его определения был проведен рентгено-структурный анализ (рентгеновский дифрактометр Дифрей-401, пр-во АО «Научные приборы», Россия). Условия эксперимента: рентгено-оптическая схема Брегга-Брентано, острофокусная трубка БСВ-33, напряжение на трубке 25 кВ, ток 5 мА, анод Сr_{ка} (2.29091 Å), щель коллиматора 0.4 мм, изогнутый позиционно-чувствительный детектор, диапазон одновременной регистрации 43°). Измерения проводили с вращением образца, с экспозицией 200 с, в угловом диапазоне 5-100 градусов 2θ). В результате анализа было установлено, что в образце присутствуют гематит (Fe_2O_3) и кварц (SiO_2), что может быть истолковано как примесь болюса.

Хотя нам не удалось обнаружить аналогичных примеров в коллекции НИА СПбИИ РАН, этот случай нельзя отнести к исключению. Подтверждение практике добавления болюса в восковую массу для изготовления оттисков было найдено в работах Фридриха фон Вееха (Weech 1882) и Ф. Филиппи (Philippi 1882). Оба автора приводят данные отчетов, выполненных по их просьбам, но, к сожалению, не описывают методов анализа. Эти публикации были вызваны спорами вокруг неоднозначного термина «мальтийская печать» (*Malta-Siegel*), под которым подразумевали то смесь воска с болюсом, то различные добавки (жир, смолы), внесенные непосредственно в восковую массу. Этот термин был использован И.Х. Гаттерером (Gatterer 1798: 192) и после этого стал активно обсуждаться в немецкой историографии (Grotefend 1874; Grotfend 1875: 25-26; Roth von Schreckenstein 1880: 35-37, Seyler 1894: 163-165). В конечном итоге от него было принято решение отказаться, так как в связи с его неясным проис-

хождением и отсутствием четкого определения он мог быть некорректно истолкован.

Мы не предполагаем здесь включаться в уже оконченную дискуссию по поводу «мальтийских печатей», но хотели бы предложить несколько иначе взглянуть на полученный материал. Исследования последних лет показали, что для изготовления оттисков печатей красного цвета в Западной Европе в Средние века повсеместно использовали киноварь, чистую или с добавкой свинцового сурика (Parra, Serrano 1990; Parra, Gayo, Serrano 1993; Jabłońska 1998; Cwiertnia, Dryburgh 2018; Cwiertnia, Alies, Dryburgh 2019). Рассмотренный пример фиксирует практику, которая не закрепилась в широком обиходе (отдельные образцы, судя по статьям немецких исследователей, упомянутых выше, встречаются вплоть до конца XIV в., но они единичны). Однако обнаружение болюса в печати конца XII в., когда только начинается переход к окрашенным образцам, свидетельствует о существовании альтернативы киновари и сурику, и тем самым дополняет картину зарождения традиции окрашивания печатей.

БИБЛИОГРАФИЯ

Мажуга В.И. Древнейшие грамоты епископов и князей Священной Римской империи в собрании Санкт-Петербургского филиала Института российской истории // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 2000. Т. XXVII. С. 273–293.

Cwiertnia E., Alies A., Dryburgh P. Analysis of the Materiality of Royal and Governmental Seals of England with a Focus on the Great Seals (1100–1300): Methodology and Findings // A companion to Seals in the Middle Ages / Ed. by L.J. Whatley. Leyden, 2019. P. 19–56.

Cwiertnia E., Dryburgh P. Studies in the Materiality of English Royal and Governmental Seals, 1100–1301 // Seals and Status: The Power of Objects/ Ed. by J. Cherry, J. Berenbeim and L. de Beer. London, 2018. P. 35–44.

Gatterer J.Ch. Abriss der Diplomatik. Göttingen, 1798.

Grotewold H. Über Maltha // Der deutsche Herold. 1874. N 9–10. S. 114–115.

Grotewold H. Über Sphragistik. Breslau, 1875.

Jabłońska E. Metody wykonywania pieczęci woskowych // Ochrona Zabytków. 1998. 51/2 (201). S. 147–155.

Parra E., Gayo M.D., Serrano A. The Creation of a Database for Wax Seals from Parchment Documents using the Results of Chemical Analysis // ICOM Committee for conservation. 10th Triennial Meeting, Washington, DC, USA, 22–27 August 1993. Preprints. Paris, 1993. P. 37–41.

Parra E., Serrano A. Chemical Analysis of Wax Seals and Dyed Textile Attachments from Parchment Documents: Preliminary Investigations // ICOM Committee for conservation. 9th Triennial Meeting, Dresden, German Democratic Republic, 26–51 August 1990. Preprints. Los Angeles, 1990. Vol. I. P. 62–67.

Philippi F. Ueber Maltha-Siegel. Zusatz // Archivalische Zeitschrift. 1882. Bd. 7. S. 284–285.

Roth von Schreckenstein K.H. Frhr. Die Beschreibung von Wappensiegeln // Archivalische Zeitschrift. 1880. Bd. 5. S. 1–39.

Seyler G.A. Geschichte der Siegel. Leipzig, 1894.

Weech Fr. v. Ueber Maltha-Siegel // Archivalische Zeitschrift. 1882. Bd. 7. S. 280–283.

З.Е. ОБОРНЕВА

ГРЕЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ РГАДА 1613–1645 ГОДОВ И ИХ ПЕРЕВОДЫ

При работе с греческими документами РГАДА неизбежно возникают две проблемы — поиск самих документов, которые рассредоточены в разных фондах, и поиск современных им переводов Посольского приказа, которые могут быть обнаружены в других столбцах.

Греческие документы РГАДА в основном дошли до нас в фонде 52 («Сношения России с Грецией»). Подлинные греческие грамоты отложились в описи 2 фонда 52. Сохранились 234 грамоты, написанные на греческом языке в 1613–1645 гг, перевод имеется лишь у 101 документа. Наиболее важные грамоты содержат информацию о политической обстановке в Константинополе, на Балканах, Ближнем Востоке и в Европе, но большая часть документов на греческом языке представляет собой типовые рекомендательные письма патриархов, архиереев и настоятелей монастырей для греческих иерархов, духовных и светских лиц, нуждавшихся в материальной помощи. Эти рекомендательные письма шаблонны: наррация (повествование) занимает в них меньшую часть по сравнению с протоколом и эсхатоколом и представляет собой описание ущерба, причиненного турками грекам — притеснения и поборы иноверных, заклад церковных сосудов, удержание турками членов семей до выплаты долга. Некоторые грамоты отражают дипломатические контакты России с Османской империей (например, письма Фомы Кантакузина), две грамоты — взаимоотношение России с Грузией. Переводы грамот, сделанные в Посольском приказе, могут быть найдены в столбцах ф. 52, 68, 89 и 110.

Иногда в делах встречаются указания на то, где хранились греческие подлинники: «А подлинной лист греческой в ящик взял Ефим к себе», «А подлинной в ящике у Ефима». Несомненно, здесь имеется в виду Ефим Телепнев, думный дьяк Посольского приказа. Имя думного дьяка могло быть обозначено полностью: «Подлинной лист в ящике думного диака Ивана Грязева». Подлинники грамот могли также лежать у дьяков: «А подлинная грамота в ящике у дьяков», «И те подлинные все три листа в ящике дьяков». Сохранились указания от 1644 г. на то, что подлинные документы могли также быть у переводчиков: «Переводил греческой переводчик Дементей Чернцов, а подлинная грамота у него Дементья»; «Переводил Федор Черкасов, подлинная грамота у него Федора». Также греческие документы могли храниться у патриарха Филарета.

Опись 1 фонда 52 в основном содержит документы о приездах в Россию духовных и светских лиц: их пропуск в Москву, выдача «корма», аудиенции у царя и патриарха, просьбы о дополнительном жаловании и о выдаче жалованной грамоты, черновики жалованных грамот, документы о выезде иностранцев из России. Помимо этого, в столбцах фонда 52 обнаруживаются челобитные и расписки на греческом языке от греков, находившихся в Москве, обычно с переводом. Греческие челобитные написаны самими просителями. Особенное внимание занимают расписки и челобитные, написанные во время пребывания посольства Семена Яковлева – Петра Евдокимова в Константинополе. Это оригинальные документы на греческом языке с соответствующими им переводами. Еще три челобитные с переводами были выявлены в столбцах 138 фонда («Дела о Посольском приказе и служивших в нем»).

Материалы, относящиеся к дипломатическим контактам России с Османской империей и отправке русских посольств в Константинополь в первой половине XVII в., в основном отложились в фонде 89 («Сношения России с Турцией»). В этом фонде был найден греческий документ с переводом — письмо доверенного лица патриарха Кирилла Лукариса Ивана Петрова.

Документы русско-грузинских взаимоотношений первой половины XVII в. в основном содержатся в фонде 110 («Сношения России с Грузией»). В этом фонде за указанный период до нас дошло 10 оригинальных документов от грузинских властей и послов, написанных на греческом языке, из которых один текст не имеет перевода. Среди этих документов особое внимание привлекает пространное письмо царя Теймураза.

Материалы русско-венгерских дипломатических связей находятся в фонде 40 («Сношения России с Венгрией»). Оригинальные латинские документы 1628–1629 гг. были переведены константинопольским патриархом Кириллом Лукарисом по просьбе русского посольства на греческий язык во время пребывания дипломатической миссии С.Д. Яковлева и П. Евдокимова в Стамбуле. Русский перевод был сделан посольским переводчиком Анастасом Селунским.

Некоторые греческие документы с переводами отложились в фонде 210 («Дела Разрядного приказа»). Это — рекомендательное письмо патриарха Кирилла Лукариса греку Дмитрию Токмакову, а также документы об освобождении плененного татарами священника Луки — «отпускной лист» греческого иерея Ивана, выкупившего его с галер.

Дела фонда 150 («Дела о выездах иностранцев за границу») дали уникальные материалы письменного экзамена на переводчика с греческого языка иностранца Анастаса Селунского. Это два греческих документа с переводами на русский язык, выполненными экзаменуемым.

По всей вероятности, в этих же фондах могут быть обнаружены греческие документы с переводами Посольского приказа второй половины XVII – начала XVIII века.

O.B. ОКУНЕВА

ЭКСПЕДИЦИЯ КАПИТАНА ГОННВИЛЯ 1503–1505 ГОДОВ

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ VS ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Экспедиция Бино По(ль)мье де Гоннвиля (существует несколько вариантов произношения его имени) — путешествие, совершенное нормандским капитаном в 1503–1505 гг. «в Южные Индии» в поисках пряностей и колониальных товаров и описанное в отчете для представителей адмиралтейства в приморском городе Онфлёр; долгое время оно считалось первым документальным свидетельством высадки француза в Бразилии. Отчет был введен в научный оборот французскими эрудитами второй половины XIX в. и с этого времени занял свое место в корпусе французских источников по истории освоения европейцами Нового Света в целом и Южной Америки, в частности.

Фабула путешествия Гоннвиля не отличалась от историй десятков подобных плаваний: поиск богатств как побудительный мотив, штурм в открытом море, сбивший корабль с пути, несколько сценариев контакта с населением новых земель — от враждебности до установления дружественных отношений и даже отправки одного из индейцев вместе с экипажем обратно в Европу. Все эти элементы как вместе, так и по отдельности встречались во многих других донесениях о путешествиях в Новый Свет и встраивали экспедицию Гоннвиля в ряд ей подобных. В терминах современной текстологии можно определить отчет Гоннвиля как содержащий повторяющуюся информацию.

Кроме того, в отчете капитана утверждалось, что нормандцы и бретонцы и ранее (то есть до 1503 г.) посещали атлантическое побережье Бразилии и вывозили оттуда местные товары. Из других источников XVI в. известно, как с помощью такого аргумента оправдывалось нарушение запрета на посещение Бразилии, так что в этом отношении отчет Гоннивиля не выбивался из общего ряда, а для историков всего лишь занял свое место в хронологической последовательности похожих фактов.

Методы внешней и внутренней критики источника стали применяться по отношению к отчету Гоннивиля с момента ввода документа в научный оборот усилиями французского историка и географа А. д'Аvezака в 1857 г. Именно он окончательно отождествил место высадки Гоннивиля в «Южных Индиях» с Бразилией (сведения о том, ограбил ли Гоннивиль мыс Доброй Надежды, были изложены в источнике так, что допускали два противоположных толкования, поэтому еще в XVII–XVIII вв. «землю Гоннивиля» искали по берегам не Атлантического, а Тихого океана).

Ни д'Аvezак, ни следующие поколения исследователей не усмотрели ничего подозрительного в том, что отчет об экспедиции 1503–1505 гг. сохранился не в подлиннике, а в копии XVII в., с помощью которой потомок капитана аббат Польмье стремился подтвердить свой социальный статус, дабы избежать уплаты определенного налога.

Сомнения относительно подлинности отчета Гоннивиля возникли в конце XX в. у историка-любителя, и это обстоятельство не позволило профессиональному сообществу беспристрастно оценить его аргументы. Кроме того, будучи любителем, он изложил свои доводы в полемической манере, хотя по сути они относились к внешней и внутренней критике источника. Отправной точкой послужило сравнение двух сохранившихся копий отчета: та, с которой работал д'Аvezак (из библиотеки Арсенала в Париже), существовала обособленно, в то время как другая (из отдела рукописей Национальной библиотеки Франции) представляла собой часть своеобразного досье, посвященного так называемым «Южным землям» — массиву земель или даже континенту, который будто бы располагался южнее Огненной Земли, мыса

Доброй Надежды и Молуккских островов. Потомок капитана, как и его современники, был уверен в существовании «Южных земель» и предлагал направить туда миссионеров; с этим проектом он даже обратился к папе римскому. Плавание своего предка аббат По(ль)мье представлял как первый пример высадки в тех краях, а прочие свои литературные произведения и даже переписку на ту же тему насыщал перекрестными ссылками на копию отчета Гоннивиля.

Наблюдение историка-любителя вызвало бурную дискуссию — от яростного неприятия такого покушения на историографическую традицию до неохотного допущения сомнительности некоторых действий аббата По(ль)мье. Возник парадокс: отчет капитана Гоннивиля, изучаемый в историческом контексте начала XVI в., не противоречит ни тем данным, которыми располагал д'Аvezак, ни современным сведениям об экспедициях французов в Новый Свет; тот же отчет, рассматриваемый через призму деятельности аббата По(ль)мье, приобретает все признаки мистификации. Даже «архетипичность» многих эпизодов экспедиции 1503–1505 гг. может трактоваться в двух противоположных смыслах: как отражение общих ситуаций, известных и по другим источникам, или же как намеренная стилизация.

В этой связи критики обратились к анализу языка отчета на предмет поиска несоответствий и анахронизмов, однако тот факт, что отчет существует в копии XVII в., вновь позволяет двойное толкование: если тот или иной оборот или орфография слова отличаются от зафиксированных образцов начала XVI в., это может быть и частью нормы XVI в., и добросовестным искажением аббата По(ль)мье в XVII в. ради удобопонятности, и его же умелой (или не слишком) стилизацией — все зависит от установки исследователя.

Отдельным направлением дискуссии вокруг плавания Гоннивиля стали генеалогические изыскания: согласно отчету, капитан привез с собой во Францию индейца, который был крещен и в дальнейшем введен в его семью, получив его имя; аббат По(ль)мье утверждал, что как раз и происходит от этого индейца. Проведенные с 1990-х гг. поиски в нормандских архивах выявили упоминания и семьи Гоннивиля, и персонажа по имени Бино По(ль)мье де Гоннивиль, но не позво-

или судить, идет ли речь о капитане или же об уже ассирированном индейце с его именем.

Таким образом, отчет капитана Гонвиля представляет собой интересный пример того, как методы внутренней и внешней критики источника способны дать диаметрально противоположные результаты в зависимости от контекста, в котором рассматривается документ, и в тесной связи с изначальной установкой исследователя. Даже если принять гипотезу о позднейшей мистификации аббата По(ль)мье, нельзя не признать, что ставка мистификатора на повторяющуюся, а не на уникальную информацию источника весьма усложняет задачу исследователя. Тем интереснее следить за разворачивающейся уже в наши дни дискуссией в той ее части, которая относится к применению различных инструментов источниковедческого анализа: такая полемика успела если не поколебать устоявшуюся историографическую традицию, то, по меньшей мере, заронить сомнение в некоторых ее элементах.

А.Д. ПАСКАЛЬ

ОСОБЕННОСТИ КИРИЛЛИЧЕСКИХ ГЛОСС НА РУМЫНСКОМ ЯЗЫКЕ В АРАДСКОЙ КОРМЧЕЙ

Арадская кормчая 1470–1480-е гг. (Румыния. Библиотека Арадского монастыря. № 21), введенная в научный оборот сравнительно недавно (Смокина 1969: 68–69), как известно, является одним из двух старших списков несохранившейся Волынской Кормчей 1286 года.

Этот список включает, «наряду с традиционным составом, древнерусский устав князя Владимира о десятинах, церковных судах и церковных людях в галицкой обработке начала XIV в.» (Щапов 1976: 128–129). Рукопись написана достаточно хорошим каллиграфическим молдавским полууставом и сохранила на полях более поздние кириллические гlossen, как на славянском, так и на румынском языках (двух почерков).

На румынском языке кириллицей выделяются 18 гlossen первого почерка (л. 34, 68, 87, 88об., 89, 90, 91 об., 93 об., 94, 97, 102 об., 104–104 об., 111 об., 126 об., 127, 127 об., 129 об., 132 об.) и 9 гlossen второго почерка (л. 178, 181 об., 182, 182 об., 183, 183 об., 184 об., 185, 185 об.). По палеографическим особенностям оба почерка, на наш взгляд, могут быть датированы как скоропись первой половины XIX века.

Первой особенностью указанных гlossen является то, что оба писца иногда заменяют при написании кириллические буквы на латинские, например: **трити(к)**, **д⁸тиникъ**, **Рым⁸(л) Но⁸**, и периодически употребляют славянские слова, например: **к^р(м)чта**, **Б(л)говѣцъ**, **правила**.

Сporadическое употребление некоторых латинских букв в кириллице встречаем еще в XVII в., например, в славянской записи 1642 г. Ореста Настурела, оставленной им в рукописи «Поучения огласительные Феодора Студита» (РГБ. Ф. 98. № 949, л. 216 об.): *тногѡг҃ешныи, имене(м) тъ(к)тш, ти, ѿ тѡна(с)тырен* (Анисимова 2018: 353, ил. 2). Румынскими исследователями даже выделяется впоследствии особый этап в истории письменности Румынии, когда в 1829–1862 гг. применялся так называемый alfabetul mixt româno-chirilic, включающий наряду с кириллическими буквами и латинские, в том числе в церковных и светских печатных изданиях, начиная с первой печатной газеты Curierul Romînesc 1829 года (Boerescu 2014: 89).

Второй особенностью является выбор статей для комментариев на полях — вероятнее всего, автора глосс интересовали именно те статьи Кормчей, применение которых было актуально в его время, то есть соответствующие им известные автору случаи из приходской практики.

Это, например, такие статьи из правил церковной жизни, как запрет на вынос Св. Даров из церкви (*Гдко не поѹщати сты(х) въ слово бл(с)венїа въ инж обитель въ праз(д)ник пасхи*): *вє(z) пе(n)трѹ пащи съ нѣ съ трити(к) ди(n) бесѣре(к)* — Ve(z)i pe(n)tru pašti să nu trimi(c) di(n) beserec — Обратите внимание на Пасху не посыпают из церкви (л. 87); запрет без пострижения петь и читать на амвоне (*Гдко не по(д)баєть паче каноныны(х) пѣвець на амвонѣ възлекаци(х) и пожши(х) и нѣмъкимъ пѣти въ цркви*): *фсе(m)нире пе(n)трѹ съ нѣ фактъ драџе че(i) нетѹ(n)ши ¶ бесѣректъ* — Înse(m)nire pe(n)tru să nu fac orație ce(i) netunși în beserec — Отметьте, что не поют те, которые не пострижены в церкви (л. 87); запрет садиться диакону перед священником и церковному притчу перед диаконом без разрешения (*Гдко не по(д)баєть дїакноу прѣ(д) попш(м) сѣдати но с повелѣніемъ поповш(м) сѣдати тако же и дїаконш(м) ч(с)тъ прїимати ѿ слѹгъ и всѣ(х) клирикъ*): *дїаконий съ нѣ ма(i) фъръ бл(с)венія де(л) преод(ци)e ши клиричиї Ѡнаи(n)тъ дїаконѹлѹ(i)* — Diaconii să nu ma(i) fără blagoslovenii de(l) preo(tii) și clilicii înai(n)te diaconulu(i) — Диаконы больше без благословения священника [не садятся]

и клирики перед диаконами (л. 88 об.); запрет церковному причту посещать корчму (*Не пш(д)баєть сіженикѡ(м)* ѿ по-
повоъ до дїакѡ(н) и до прочаго црквнаго чину до слугъ или
четырьемъ и пѣвцє(м) или дверникѡ(м) или чиновъ ѿ постникъ
въ кръчемницѣ въходити): *тѹтѹрð(р)* клиричило(р) съ
допрѣще кр(м)чта — Tuturo(r) cliricilo(r) să oprește cr(v)cima
— Всем клирикам запрещена корчма (л. 89); запрет праздно-
вания субботы как еврейского праздника (*Не пш(д)баєть*
хр(с)тїанѡ(м) жи́довски творити в сѫ(в)тѣ праз(д)новати нї
дѣлати въ тъ днъ недѣлл же прѣж(д)е чѣтѧши(м) аще
можетъ праз(д)новати яко хр(с)тїане аще ли обрашѧтса жи-
довствоѹщие да вѣ(д)ть проклати ѿ Ха): *пє(н)тѹрѹ* къ нѹ съ
каде а съ(р)ба съ(в)ѣтта ка жи́довїн че дѹминека каре ми्रѹ
съ фїе анаѳема дѣ съ(р)ба чинева — Pe(n)tru că nu să cade a
să(r)ba să(b)băta ca jidovii ce duminica care miru să fie anafema
de să(r)ba cineva — Потому что не подобает праздновать
субботы как евреи, а воскресенье [подобает праздновать,
община] будет предана анафеме, если кто-то будет праздно-
вать субботы (л. 90).

Отдельное внимание автора гlossen привлекла статья Кормчей об иерархическом отношении Константинопольской Церкви к католической Римской Церкви (*Костантинина же града еп(с)пѹ имѣти старѣшинство ч(с)ти съ римскы(м)* еп(с)кпѡ(м) зане бытии емѹ Новомѹ Римѹ): *Патріа(р)хѹ(л)* Цариградѹлѹ съ съ чи(н)стїескъ ка ши а(л) Роме(и) къ(ч) съ
зи(ч) Царегра Рымѹ(л) Ноу — Patria(r)hu(l) Tarigradulu să să
ci(n)stesc ca și a(l) Rome(i) că(c) zi(ci) Taregra Rîmu(l) Nou —
Патриарх Цареграда почитается как и Римский, как говорили
Цареград Новый Рим (л. 97).

Особо следует отметить две гlossen, связанные с языческими обычаями, помещенными рядом со статьями Кормчей о запрете занятий колдовством (*Влъшествоѹщий швычаю*
лѣзычны(х) въслѣ(д)твоѹщие и въводающи нѣкыя въромъ на испытанїе потворъ или на потренїе канонѡ(м) зан-
прѣшенїе прїимжть є лѣ(т) по заповѣданыемъ рядомъ три
лѣта вънлатрь прѣбыванїа вънѣ црквѣ двѣ лѣтѣ мѣтвы безъ
просфоры): *ка8(т)* де ве(з) пє(н)тѹрѹ че(и) че чи(н)стїес(с)къ пре-

връжито(р) са(в) ти ци(н) ꙗ каса лò(р) — Caută de ve(z)и pentru cei ce cinsctesc pre vrăjuto(r) sau îi ți(n) în casa lo(r) — Обратите внимание на тех которые привечают волхвующих или держат в своих домах (л. 68); (**І**лко не подоваеть сїенникѡ(м) или клирикѡ(м) влѣвѡ(м) бытни или пагоѹбникѡ(м) или навы-
кающи(м) или ѿвѣздочетց(м) или творигти г емаа съхранг я
также сж(т) оѹжница дша и(х) носающ же ѿврѣчи повелѣхомъ
ѡ цркве): **ve(z)и pe(n)trу** преодїи ши клиричии чен амъцето(р) кв
меющеся(..) **де дескж(н)тече** — Ve(z)i) pe(n)tru preoїii și cliricii
сеi amjetu(r) cu meștešu(..) de descî(n)tece — Обратите внимание на священников и клириков которые... учили ремеслу
расколдования (л. 91).

Публикация текста всех гlossen Арадской кормчей позволит получить более полное представление о бытovanии некоторых народных обычаяев и неканонических церковных практик в Румынии первой половины XIX века.

БИБЛИОГРАФИЯ

Кормчая (Арадская), 1470–1480-е гг. Румыния. Библиотека Арадского епископства. Фонд монастыря Hodoš-Bodrog. ms. 19.

Анисимова Т.В. Неизвестная запись Ореста Настурела в «Поучениях огласительных» Феодора Студита // Обсерватория Культуры. 2018. Т. 15. № 3. С. 350–357.

Смокина Н.П., Смокина Н.Н. Вновь найденный фрагмент древнего Евангелия // Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969. С. 68–79.

Щапов Я.Н. Рецепция сборников византийского права в средневековых балканских государствах // Византийский Временник. Т. 37. М., 1976. С. 123–129.

Boerescu P. Din istoria scrierii românești. București, 2014.

М.С. ПЕТРОВА

К ВОПРОСУ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОЧНИКА ПРИ РЕКОНСТРУКЦИИ БИОГРАФИИ ПРЕТЕКСТАТА

*Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ
(проект № 20-18-00286)*

В докладе обсуждаются источники, посредством которых возможно реконструировать биографию Веттия Авготрия Претекстата (конец IV в.). Среди них не только письменные (нarrативные, эпистолярные, законодательные, литературные и др.), но и эпиграфические. Одни (письменные) лежат в основе существующей реконструкции, предоставляя общие сведения о жизни Претекстата, другие (эпиграфические) — уточняют имеющиеся данные и дополняют их.

В частности, показано, что о характере Претекстата, его нравах, личных качествах и делах имеются данные в «Римской истории» (XX, 7, 6; XXVII, 9, 8–9; XXVIII, 1, 24) Аммиана Марцеллина (около 330 — около 390), двух письмах (XXIII; XXXIX) Иеронима (347–420) и его же полемическом сочинении «*Contra Ioannem Hierosolymitanum*» (397 г.), анонимной поэме «*Carmen contra paganos*» (365–395 / 401 гг.) (ed. Boxus, Poucet 2010; Cracco Ruggini 1979: 3–141; Cracco Ruggini 1989: 274, n. 55; Ведешкин 2016: 63–89; Ведешкин, Сочилин 2016: 23–32), речи (Rel. X: 288) Квинта Аврелия Симмаха (конец IV в.), адресованной Претекстату (как префекту Города и префекту претория [MGH: Auct. Ant. 6 / 1: 288]) и законодательных актах, собранных в «*Codex Theodosianus*» (IX. 16. 1–3; 7; XVI. 10. 1; 5; 7). Помимо указанных документов, датированных периодом активной деятельности Претекстата, анализируются сведения из сочинений более поздних авторов. В их числе Макро-

биевы (V в.) «Сатурналии» (I, 17, 1; I, 7, 17; I, 24, 1; I, 7, 2; I, 5, 4; I, 7–10; I, 12–16; III, 4–12; I, 17–23; Davies 1969: 4–5; Уколова 1988; Лосев 1992; Петрова 2013: ix–xv), «Historia nova» (IV, 3, 3) Зосима (первая половина VI в.) и «De mensibus» (IV, 2, 24–25) Иоанна Лида (середина VI в.).

Обсуждается ряд римских надписей (CIL VI, 1779; CIL VI, 1779a; VI, 1778; VI, 2145; VI, 1777), содержащих информацию о Претекстате. Особое внимание уделяется CIL VI, 1779, посвященной не только Претекстату, но и его жене — Аконии Фабии Паулине. На основании анализа упомянутой надписи (CIL 1779) и ее возможной интерпретации приводятся сведения о личной жизни и досуге Претекстата, решаются вопросы, связанные с датой его смерти и неоднозначным отношением к нему его современников. В заключение предложен новый вариант биографии Претекстата.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ambrosii Theodosii Macrobius Saturnalia / Ed. I. Willis. Leipzig, 1963.
- Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri qui supersunt / Rec. V. Gardthausen. Lipsiae, 1874–1875. Vol. 1–2.
- Anthologia Latina: Carmina epigraphica, fasc. 1, 2: Carmina latina epigraphica. Lipsiae, 1897.
- Carmen contra paganos / Texte et traduction par A.-M. Boxus et J. Poucet // Folia Electronica Classica (Louvain-la-Neuve) 19 (janvier-juin 2010). Электронный ресурс [режим доступа: <http://bcs.fltr.ucl.ac.be/FE/19/CCP/02Text.htm>, дата обращения: февраль 2020].
- Codex Theodosianus / Ed. T. Mommsen, P.M. Meyer. Berlin, 1954.
- Corpus Inscriptionum Latinarum. Электронный ресурс [режим доступа: http://cil.bbaw.de/cil_en/index_en.html, дата обращения: февраль 2020].
- Hieronymus. Epistolae // Patrologiae Cursus Completus. Series Latina / Ed. J.-P. Migne. Paris, 1844–1865. T. 26.
- Saint Jérôme. Lettres / Ed. J. Labourt. Paris, 1951. T. II.
- Symmachus. Epistolae // Q. Aurelii Symmachi quae supersunt / Hrsg. O. Seeck // Monumenta Germaniae Historica: Auctores antiquissimi 6/1. Berolini, 1883 (далее — MGH: Auct. ant.).
- Symmachus. Relationes // MGH: Auct. ant.

- Symmaque. Correspondance*. T. 1: Livres I-II; T. 2: Livres III-V; Lettres. T. 3: Livres VI-VIII; T. 4: Livres IX-X / Texte établi, traduit et commenté par J.-P. Callu. Paris, 1972.
- Zosimus. Historia nova* / Ed. F. Paschoud // *Zosime. Histoire nouvelle*. Vols. 1 – 3.2. Paris, 1971–1989.
- Аммиан Марцеллин. Римская история / Пер. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни; ред. Л.Ю. Лукомский. СПб., 1994.
- Иероним. Письмо XXIII / Пер. И.П. Стрельниковой // Памятники средневековой латинской литературы IV–IX веков. М., 1970.
- Макробий Феодосий. Сатурналии / Пер. с лат. и древнегреч. В.Т. Звиревича; общ. ред., составл., вступит. ст. М.С. Петровой; примеч. и указат. В.Т. Звиревича и М.С. Петровой; приложения М.С. Петровой. М., 2013.
- Симмах. Письмо об алтаре Победы / Пер. А.Б. Рановича // Ранович А.Б. Античные критики христианства. М., 1990.
- Ведешкин М.А. К вопросу идентификации героя «*Carmen contra paganos*» // Аристей 13. 2016. С. 63–89.
- Ведешкин М.А., Сочилин А.А. *Carmen contra paganos* («Поэма против язычников») // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 8/222. 2016. С. 23–32.
- Лосев А.Ф. Претекстат // История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. М., 1992. Т. VIII. Ч. 2.
- Петрова М.С. Претекстат и Паулина: к вопросу о частной жизни и поведенческих традициях Поздней Античности // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. 2. 2014. С. 192–215.
- Петрова М.С. Макробий Феодосий и его «Сатурналии» // Макробий Феодосий. Сатурналии / Пер. с лат. и древнегреч. В.Т. Звиревича, общ. ред., составл., вступит. ст. М.С. Петровой, примеч. и указат. В.Т. Звиревича и М.С. Петровой, приложения М.С. Петровой. М., 2013.
- Уколова В.И. Макробий и его Сатурналии // Культура и общественная мысль: Античность. Средние века. Эпоха Возрождения. М., 1988.
- Cracco Ruggini L. Il paganesimo romano tra religione e politica (384–394): per una reinterpretazione del Carmen contra paganos. Roma, 1979. (Rendiconti della classe di scienze morali, storiche e filologiche dell'Accademia dei Lincei 8.23)
- Cracco Ruggini L. La Donna e il sacro, tra paganesimo e cristianesimo // Atti del II convegno nazionale di studi su la donna nel mondo antico, Torino 18–19–20 aprile 1988. Torino, 1989.
- Davies P.V. [Introduction] // *Macrobius. The Saturnalia*. New York; London, 1969.

A.B. Подосинов

АНТИЧНЫЕ ИСТОКИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КАРТОГРАФИИ

ПРОБЛЕМА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Одной из сложнейших и до сих пор остро дискутируемых проблем истории европейской картографии является проблема континуитета античной картографической теории и практики в средние века. Одни исследователи отрицают всякую связь средневековых карт с античными артефактами, другие пытаются во всех типах средневековой картографии обнаружить античные источники.

Причина проблемности этого вопроса заключается в практическом отсутствии античных карт, с которыми мы могли бы сравнить средневековые карты, дошедшие до нас в большом количестве, но только после VIII века.

Единственная аутентичная карта, сохранившаяся от античности, — это карта части черноморского побережья, нарисованная краской на кожаной обшивке щита римского легионера из сирийской крепости Дура Европос середины III в. н.э. Еще один картографический артефакт, возможно, I в. до н.э., запечатлен на знаменитом «папирусе Артемидора», хранящемся в Египетском музее в Турине. Папирус среди прочих материалов содержит незаконченную карту, вероятно, Пиренейского полуострова, но, возможно, является фальшивкой XIX в. Карты Клавдия Птолемея (середина II в. н.э.), написавшего руководство по их составлению, дошли до нас в копиях начиная с XII в. Лишь в копии XII в. известна латиноязычная так называемая Певтингерова карта, создание которой относят то к периоду эллинизма, то к эпохе Августа, то к 300 г. н.э. Это все сохранившиеся от античности карты.

В то же время от средних веков до нас дошло несравненно большее количество карт начиная с VIII в. Среди этих карт выделяется несколько типов картографической продукции: 1) так называемые *tappae mundi*, которые могли быть как примитивной схемой, содержащей контуры трех материков, обрамленные окружающим их океаном (так называемые Т-О карты), так и довольно подробными картами мира (например, Херефордская и Эбсторфская карты XIII в.); 2) портоланы (компасные карты), возникшие без всякой видимой предшествовавшей традиции в XIII в. и удивительно точно передававшие конфигурацию побережья Средиземного, Черного и Азовского морей; 3) так называемые Макробиевые карты, на которых изображалось восточное полушарие Земного шара с делением на пять зон.

Говоря об античных истоках средневековых карт, можно сразу признать, что Макробиевые карты, построенные на «Комментарии на Сон Сципиона» Макробия (около 395–436 гг.), вполне соответствуют античным представлениям о зональности Земли, понимаемой как шар, и могут рассматриваться как продолжение античной традиции, хотя от самой античности такие карты до нас не дошли. Дополнительным аргументом в пользу такого континуитета может служить тот факт, что Макробиевые карты ориентированы, как правило, на север, что свойственно античной картографической традиции (все упомянутые выше античные карты имеют наверху север) и противоречит средневековой практике ориентирования (они в большинстве своем ориентированы на восток).

Что касается портоланов, то феномен их «внезапного» появления в Италии и Каталонии в XIII в. пытались объяснить по-разному — непрерывной традицией, идущей от древнегреческих морских карт, которые, однако, не сохранились, или от морской карты Марина Тирского, о которой у нас нет никаких данных, или от римских карт, которые якобы были результатом глобального измерения Римской империи, или от несохранившейся карты мира Марка Випсания Агрrippы, или от карт финикийцев и египтян, или от арабских портоланов, возникших будто бы раньше европейских и передавших последним античное картографическое наследие.

Поскольку почти ничего из перечисленного не сохранилось, представляется, что все эти спекуляции не имеют под собой серьезной почвы и более правы те исследователи, которые считают, что этот тип карт не имел за собой традиции и представляет собой не зависимый от нее акт создания новой картографической продукции уже в средние века.

На мой взгляд, объяснить феномен «внезапного» появления портоланов следует «переводом» готовых ментальных карт, которые, конечно же, существовали в сознании многих поколений мореплавателей в Средиземноморье, в графические, что происходит, очевидно, с легкостью тогда, когда в этом возникает потребность. Графическая карта и потребовалась тогда, когда в XI в. был открыт компас (он появился в Средиземноморье в XII в.), который в сочетании с песочными часами и тригонометрическими таблицами способствовал разработке системы румбов (или «розы ветров»), позволявшей ориентироваться в открытом море в любое время суток и при любой погоде. Главной особенностью портоланов как раз и была своеобразная сеть румбов, состоявшая из нескольких «роз ветров» и расходившихся от них «ветровых лучей», или румбов, которые помогали морякам ориентироваться в открытом морском пространстве.

Сложнее обстоит дело со средневековыми *tappaе mundi*, для которых тоже подозревают античные прототипы. Вопрос этот непростой, поскольку, повторюсь, их не с чем сравнить. Иногда делают вывод об античных источках некоторых карт, потому что они дошли в средневековых рукописях как иллюстрации к произведениям античных авторов («Югуртинская война» Саллюстия и «Фарсалия» Лукана). Тем не менее время изготовления этих карт (начиная с X в.), иллюстрирующих античные тексты, обычно совпадает со временем изготовления самих рукописей и, как правило, принадлежит руке того же самого копииста, так что едва ли можно возводить трехчастные Т-О карты непосредственно к Саллюстию или Лукану.

Привязка других карт (особенно больших и подробных типа Херефордской или Эbstорфской) к возможным античным прототипам встречается нередко и выглядит весьма умозрительной и слабо аргументированной.

Трехчастный мир, присущий средневековым *mappae mundi*, включающий три континента — Европу, Азию и Африку, — столь часто присутствующий на Т-О картах, также часто выводят из позднеантичных карт. Конечно, это членение ойкумены на три материка было общим местом всей античной географии и стало таким же общим местом средневековой географии и картографии. Но опять же — отсутствие античных картографических артефактов не позволяет выводить напрямую Т-О карты из античных образцов.

Напомню к тому же, что большинство *mappae mundi* имеет, тоже в согласии с общехристианской ориентационной практикой, восточную ориентацию, которая пока никак не обнаруживается в античной картографии, имеющей северную ориентацию.

Сохранившиеся античные карты не оказали, как кажется, никакого влияния на средневековую картографию.

Все это, как представляется, не позволяет говорить о прямой преемственности и непрерывном развитии картографической теории и практики двух исторических периодов. Особенно это касается истории возникновения и характера использования портоланов, не имевших античных аналогов. Если *mappae mundi* и наследовали какие-то черты из античности, то *interpretatio Christiana* наложила столь мощный отпечаток на их форму и содержание, что можно говорить о самостоятельном развитии средневековой картографии. Уникальным, выпадающим из общей картины средневековой картографии представляется существование в средние века карт-схем Макробия, отражающих античные идеи зональности Земного шара.

С.В. ПОЛЕХОВ

СВЕДЕНИЯ О РУСИ В ПЕРЕПИСКЕ САНОВНИКОВ ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XV ВЕКА

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
(проект № 18-09-00057а)*

Резкому росту объема переписки внутри Тевтонского ордена на рубеже XIV–XV вв. способствовали такие факторы, как распространение бумаги, дешевого и относительно прочного материала для письма, и заключение польско-литовской унии, вызвавшее серию войн с Великим княжеством Литовским и Польским королевством; в этих условиях в Ордене были заинтересованы в том, чтобы как можно скорее получать информацию о положении дел у соседей. Об интенсификации переписки свидетельствует появление почтовых отметок на обороте каждого письма, где отмечался день и час, когда оно прошло ту или иную почтовую станцию. Орденские сановники поддерживали контакты с информаторами из соседних государств, иногда отправляли туда шпионов, а любые полученные сведения, включая слухи, старались как можно скорее переслать руководству, чем пользовались власти соседних государств, целенаправленно дезинформируя их (Józwiaк 2004). В 1454 г. разразилась Тринадцатилетняя война Ордена с прусскими сословиями, поддержанными Польшей. В результате великий магистр стал вассалом польского короля, подвластная Ордену территория сократилась, и все это повлекло за собой изменения в информационном кругозоре орденских властей.

Большая часть переписки сохранилась в подлинниках и современных им списках в составе исторического Кениг-

сбергского архива. Сейчас он хранится в Берлине, в Секретном государственном архиве Прусского культурного наследия (GStAPK). Письма, в которых не указан год, иногда удается датировать благодаря комплексному подходу, с учетом не только их содержания, но и почерка писца, почтовых отмечток, филиграны и печати. С недавнего времени вводится в научный оборот инвентарь документов и посланий из архива великих магистров, предположительно начала XVI в., ныне хранящийся в Библиотеке им. Врублевских Академии наук Литвы в Вильнюсе (F 15–73). Сравнительно небольшой комплекс посланий орденских сановников властям г. Ревеля сохранился в Таллинском городском архиве.

Эти материалы опубликованы очень неравномерно: относительно полная публикация материалов по истории Великого княжества Литовского и его соседей имеется лишь до 1430 г. (CEV), впрочем, и она требует поправок и дополнений. Автор этих строк готовит публикацию материалов о деятельности великого князя литовского Свидригайла, где будут представлены источники не только об эпохе его великого княжения (1430–1432) и последующей войны с Сигизмундом Кейстутовичем (1432–1438), но и более ранние, и более поздние — с конца XIV в. по 1452 г. Слабо введена в научный оборот и переписка начиная с 40-х гг. XV в. (ср.: Polechow 2018).

Ближайшими соседями, откуда руководство Тевтонского ордена получало информацию о Руси до установления прямых дипломатических контактов с Москвой (конец XV – начало XVI в.), были Великое княжество Литовское, Королевство Польское и Мазовия. Конечно, значительную ее часть составляли сведения о подвластных им русских землях, но здесь я сосредоточу внимание на их соседях, более отдаленных от Пруссии. Помимо Москвы, Твери, Рязани, а также Новосильско-Одоевского княжества, к их числу также относились Новгород и Псков, сведения о которых поступали в Пруссию в основном из Ливонии (благодаря этому именно в орденском архиве сохранились договоры с ними 1417 и 1420 гг.). При этом имеет смысл учитывать не только переписку орденских сановников между собой, но и послания правителей Польши и Литвы.

Чаще всего в орденской переписке упоминаются Великое княжество Московское и Новгород, реже — Псков, совсем редко — Рязанское и Тверское княжества. Это объясняется как их географической удаленностью от Литвы, так и взаимоотношениями с нею и местом на международной сцене. Московские князья занимали ведущее положение в Северо-Восточной Руси, сохраняли формальное верховенство над Русью Северо-Западной, определенное влияние в черниговских землях и соперничали с великими князьями литовскими. В Ордене прекрасно знали, что Василий I — зять Витовта и вместе с тем его соперник, о чем побывавший в Литве комтур Рагнита писал уже в 1398 г. В дальнейшем упоминаний в орденской корреспонденции удостоились война Витовта с Василием I 1406–1408 гг. (в которой участвовали и войска Тевтонского ордена — тогдашнего союзника Витовта) и последующая судьба князя Свидригайла Ольгердовича, отъехавшего к Василию (GStAPK. OBA 1191), набег Едигея на Северо-Восточную Русь в конце 1408 г. (CEV. № 391); из мирных контактов — встречи правителей и их родственников, обмен посольствами, а также контакты Москвы с Новгородом и Пskовом. Лишь по орденской переписке известны такие эпизоды московско-литовских отношений, не отразившиеся в русских источниках (летописях, княжеских духовных и договорных грамотах и т. д.), как участие московского войска в польско-литовской войне 1414 г. или дипломатическая борьба Литвы, Москвы и Ордена за Псков в первые два десятилетия XV в. Широко освещались походы Витовта на Псков 1426 г. и Новгород 1428 г. В 1434 г. Свидригайло, добивавшийся помощи Ордена в войне за литовский престол, сообщил великому магистру о победе Юрия Дмитриевича над Василием II и его намерении прислать войско (GStAPK. OBA 6795, 6809). От 40-х гг. XV в. имеются данные о сотрудничестве Василия II и Казимира Ягеллона, воевавшего с Михаилом Сигизмундовичем, которое увенчалось заключением московско-литовского договора 1449 года (Polechow 2018).

В области церковной политики можно отметить упоминания о планах Витовта, связанных с митр. Григорием Цамблаком, о путешествии митр. Исидора на Запад и о пастырской поездке митр. Фотия по русским землям ВКЛ (GStAPK.

ОВА 3679; СЕВ. № 375 — письмо верховного маршала Ордена, изданное ошибочно под 1408 г., в действительности по упоминаемым реалиям, в частности недавнему договору Ордена с Новгородом, и почерку писца датируется 18 февраля 1421 г.).

Значительно меньше сведений в орденской переписке о Тверском, Рязанском и Новосильско-Одоевском княжествах. Можно отметить лишь сведения о встречах этих князей с Витовтом (1411, 1427, 1430), совместной борьбе с татарами и внешнеполитических мероприятиях тверского великого князя Бориса Александровича — помохи Свидригайлу (GStAPK. ОВА 6809, 6835) или разорении новгородских владений в 1449 году.

БИБЛИОГРАФИЯ

- СЕВ — Codex epistolaris Vitoldi magni ducis Lithuaniae, 1376–1430 / Ed. A. Prochaska. Cracoviae, 1882.
- GStAPK. ОВА — Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, XX. Hauptabteilung (Königsberger Archiv).
- Jóźwiak S. Wywiad i kontrwywiad w państwie zakonu krzyżackiego w Prusach. Malbork, 2004.
- Polechow S. Książę Michał Zygmunowicz — walka o spadek po ojcu // Ojcowie i synowie. O tron, władzę, dziedzictwo. W 700 rocznicę narodzin Karola IV Luksemburskiego króla czeskiego i cesarza (1316–1378). Gdańsk, 2018. S. 199–243.

E.M. ПОПОВА

ОТПИСКА ВОЕВОДЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

АНАЛИЗ СУДЕБНОГО ДОКУМЕНТА НАЧАЛА XVII ВЕКА
В ИСТОРИИ ШВЕДСКО-НОВГОРОДСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В начале XVII в. Великий Новгород и новгородская земля оказались оккупированными шведским военным корпусом, возглавляемым шведским военачальником Якобом Делагарди. На указанной территории было сформировано шведско-новгородское правительство, которое просуществовало вплоть до передачи Новгорода под власть Михаила Романова. Данный административный аппарат можно считать компромиссным. В делопроизводстве Новгорода 1611–1617 гг. не удается обнаружить иностранных заимствований (Рыбалко 2011: 306), исключением может являться лишь регулярность делопроизводственной практики, которая более характерна для западноевропейской традиции.

На протяжении всего «шведского режима» город жил, активно работали общественные заведения, велось делопроизводство и т. д. (Nordlander, Sundberg 1995: 139). Однако ситуация отличалась крайней нестабильностью, в частности происходили такие негативные явления как грабежи. Одним из самых нашумевших эпизодов являлось дело об ограблении судна английского посла на реке Луге. Было заведено дело об ограблении, тем более что инцидент мог привести к международному скандалу.

Ввиду того, что зачастую документы терялись или попросту не хранились, не всегда удается восстановить ход событий полностью, особенно, если это касается судебного дела. Поэтому нам хотелось бы выяснить, насколько полную

информацию может дать отписка воеводы, и можно ли считать подобный документ самостоятельным историческим источником. В данном случае, мы располагаем документом, хранящемся в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории РАН — «Отписка ивангородского воеводы Федора Аминева Якубу Делагарди по делу об ограблении на реке Луге судов английского посла» (Архив СПБИИ РАН. Кол. 124. Оп. 1. Карт. 1. № 659. Л. 1–2).

Документ находится в так называемой коллекции Соловьева (Коваленко 1988: 179–183), представляет собой подлинник, написанный русской скорописью XVII в., качество сохранности бумаги и чернил отличное. Дело состоит из двух листов, один из них исписан полностью, с оборотом, а на втором информация представлена на полулисте. Оба листа написаны хорошо читаемым канцелярским почерком. Дата на документе отсутствует. Условно документ можно разделить на четыре части: 1) обращение к адресату и изложение уже имеющихся данных по судебному делу; 2) конкретные предпринятые меры, расспросные речи; 3) ближайшие перспективы по делу; 4) итоговая часть — промежуточные выводы и констатация дальнейших действий.

Из документа становится понятно, что воевода Новгорода Якоб Делагарди, поручил ивангородскому воеводе Федору Аминеву расследовать дело, связанное с ограблением судна английского посла Джона Мерика, которое произошло в 1615 г. Федор Аминев в своей отписке сообщает Делагарди о проделанной работе. Документ начинается с обращения воеводы Аминева к Делагарди: «Королевского величества и ноугородского государства боярину и большому ратному воеводе государю Якову Пунтусовичю Делегарде графу на лехкою волному господину в Екхолме, в Колке и в Рунсе, Федор Аминев челом бьет» (Архив СПБИИ РАН. Кол. 124. Оп. 1. Карт. 1. № 659. Л. 1). Далее ивангородский воевода описывает Делагарди свои обязанности, то есть что ему поручено делать. Из данной части документа мы можем почерпнуть краткое описание происшествия, а также выявить, что необходимо найти награбленное имущество английского посла, из которого наибольший интерес представляют посольская книга и письмо. Также в данной части документа содержится ин-

формация о том, кто подозревается и кого необходимо найти и допросить.

Следующая часть документа повествует о том, что 29 мая 1616 г. в Ивангороде были найдены три фигуранта по делу об ограблении, которых привлекли к расспросу у пытки. В расспросных речах все три крестьянина дали показания. Далее документ по смыслу делится на три подблока: приводятся речи каждого из пойманных крестьян поочередно. В общем у всех троих показания сходятся: все пойманные крестьяне непосредственно грабить судно не ходили, главным ответственным лицом они называют псковских шарпальников (грабителей. — Е.П.) во главе с Прошкой Хромым. Все трое пришли «добирать» потерянное или не заинтересовавшее шарпальников имущество, а именно: немецкие юбки, чулки, рубахи, попоны лошадиные и т. д. Один из крестьян награбленное спрятал в лесу, у другого все отняли другие разбойники, а третий отдал всю «посольскую рухлядь» шведским приставам, за что получил отпускную грамоту. Все три крестьянина сообщают, что книга и письмо не у них, и указывают тех, у кого могут быть документы.

Далее текст документа повествует о том, что ивангородский воевода Федор Аминев начал поиски по «скаскам» подозреваемых. С этой целью он отправил отписку старосте Фектисту Муравьеву, чтоб он приступил к сыску. Тут же воевода Федор Аминев упоминает о том, что староста сыскал еще не всех причастных, и поиск продолжается. Однако книгу и письмо среди награбленного имущества обнаружить так и не удалось, ввиду того, что один из подозреваемых бежал в Шелонскую пятину.

В конце документа Федор Аминев говорит о том, что все найденное имущество будет держать при себе до указа Делагарди. Всех причастных к делу будут держать в тюрьме также до указа Делагарди. Поиск продолжится до тех пор, пока преступление не будет раскрыто полностью. Обо всем воевода обещает сообщать Делагарди в Новгород незамедлительно.

Таким образом, отписка воеводы может считаться полноценным самостоятельным источником в рамках судебного дела. Безусловно, он не дает полной информации о завершении судебного разбирательства, о мерах наказания и т. д., так

как является лишь промежуточным звеном в сложной цепи следственного процесса. Однако, ввиду особенностей московского делопроизводства, каждый отдельный документ позволяет получить все больше информации, поскольку накопленные данные передаются из документа в документ «снежным комом», и позволяют историкам делать промежуточные выводы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Отписка ивангородского воеводы Федора Аминева Якубу Делагарди по делу об ограблении на реке Луге судов английского посла // Архив СПБИИ РАН. Кол. 124. Оп. 1. Карт. 1. № 659. Л. 1–2.
Коваленко Г.М. Архивные изыскания С.В. Соловьева в Швеции // Скандинавский сборник. 1988. Т. 32. С. 179–183.
Рыббалко Н.В. Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII в. М., 2011.
Nordlander I, Sundberg H. The Novgorod taverns during the Swedish occupation // Stockholm Slavic Studies. 1995. Vol. 24. P. 139–156.

В.Л. ПОРТНЫХ

ХРОНИКА ПЕРВОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА «ИЕРУСАЛИМСКАЯ ИСТОРИЯ», НАПИСАННАЯ РОБЕРТОМ РЕЙМССКИМ: С ЧЕМ СВЯЗАНА МНОГОЧИСЛЕННОСТЬ ЕЕ СПИСКОВ В XV ВЕКЕ?

В 2013 г. вышло издание хроники первого крестового похода Роберта Реймсского под названием «Иерусалимская история», которое подготовили Дамиен Кемпф и Маркус Булл. Эта хроника была написана неким монахом Робертом по заказу анонимного аббата предположительно в конце первого десятилетия XII в. В основном, она базируется на анонимной хронике под названием *Gesta Francorum*, хотя содержит параллели и с другими текстами, а также ряд уникальных сведений. Последний раз она издавалась в составе знаменитого *Recueil des historiens des croisades* — коллекции источников по истории крестовых походов, опубликованной в XIX в. Приведенный Кемпфом и Буллом список рукописей хроники, известных на сегодняшний день, очень внушителен, и насчитывает 84 наименования. И именно этот список и послужил отправной точкой для исследования, которое представлено в докладе.

Три важных наблюдения можно сделать, изучая перечень манускриптов.

1) 84 рукописи — это абсолютный рекорд по сравнению с любой другой хроникой первого крестового похода, причем с большим отрывом. Второе и третье места — это Бальдрик Дольский и Фульхерий Шартрский с 24 и 15 сохранившимися списками соответственно. Может ли столь активное «тиражирование» Роберта Реймсского объясняться тем, что

другие хроники по каким-то причинам стали копироваться, в основном, позднее, и именно хроника Роберта Реймсского чаще была доступна, если кто-либо нуждался в экземпляре текста по истории первого крестового похода? Не обязательно, поскольку практически все хроники первого крестового похода имеют списки XII в., а упомянутые выше хроники Бальдрика Дольского и Фульхерия Шартрского сохранились как раз в первую очередь в списках XII–XIII вв. Безусловно, тот факт, что до нас дошло целых 32 копии текста Роберта Реймсского, относящиеся к XII в., нельзя списывать со счетов. Однако, скорее всего, дело здесь далеко не только в том, что он, судя по количеству рукописей, был самым известным уже в XII-м столетии, но скорее в том, что он был доступен в нужное время в нужном месте. И с этим связаны второе и третье наблюдения.

2) Бросается в глаза неравномерность распределения списков по векам: XII в. — 32 ед., XIII в. — 10 ед., XII или XIII вв. — 4 ед., XIV в. — 5 ед., а затем XV в. — 28 ед.! Текст постепенно уходит в небытие, а затем внезапно воскресает на закате средневековья. Нет ни одной другой хроники первого крестового похода, хронология сохранившихся рукописей которой имела бы сходные характеристики. Хроники с наиболее внушительным числом дошедших до нас списков сохранились, в основном, в относительно ранних рукописях XII–XIII вв. В XV столетии копировали, в основном, только текст Роберта, хотя могли в теории им и не ограничиваться. Ситуацию, наконец, проясняет третье наблюдение, сделанное при изучении списка.

3) Подавляющее большинство рукописей хроник Роберта Реймсского, относящихся к XV в., хранится сейчас в Германии, причем такое распределение характерно исключительно для рукописей этого столетия. Мы знаем, что очень многие ранние рукописи XII в. имеют французское происхождение, и в германские земли «мода» на текст Роберта Реймсского придет значительно позднее. Хотя при этом мы знаем из того же списка Кемпфа и Булла, что уже среди 32 манускриптов, созданных в XII в., целых восемь имеют германское происхождение. В то же время, критические издания других хроник первого крестового похода, не дают информации о

том, чтобы какие-либо их списки имели германское происхождение, что естественно, ибо сами хроники также не были написаны где-либо в землях империи. Исключение здесь — хроника Альберта Ахенского. До нас дошли три манускрипта этой хроники, созданные в XII в. в германских землях. Однако ее копирование, вероятно, представлялось сложным ввиду весьма значительного объема текста.

В итоге получается, что внушительное число копий хроники Роберта Реймсского в XV в. объясняется повышенным спросом на хронику именно в германских землях. При этом нет оснований предполагать, что выбор именно этого текста был сознательным. Скорее он был просто единственным доступным для копирования. Подобного рода спрос вполне мог объясняться тем, что именно германские земли были в то время близки к ареалу боевых действий против наступавших с Востока турок-османов.

Подтвердить эти предположения нам позволяет манускрипт XV в. из 130 листов, содержащий один из списков хроники Роберта Реймсского, который ныне хранится в монастыре святого Петра в Зальцбурге (*Salzburg. St. Peter Stiftsbibliothek. MS b. IX. 28*). Судя по всему, ранее он хранился в аббатстве Михаэльбойерн недалеко от Зальцбурга, ибо в кодексе присутствуют пометы аббата Георга, управлявшего монастырем в середине XV в. В этом кодексе непосредственно после текста Роберта (л. 84–124) следует целый ряд текстов, связанных с борьбой против турок-османов (л. 125–130). Хроника написана одной рукой, а указанные антитурецкие тексты — другой. Вместе с тем, структура тетрадей говорит о том, что хроника и документы были единым целым уже в XV в.: переход от хроники к антитурецким текстам не совпадает с началом новой тетради. Можно дать и более точные хронологические ориентиры. Датированные тексты из антитурецкой подборки относятся к 1456 г. Вместе с тем, в ней имеется и ритуал отпущения грехов тем, кто выступает против богемских еретиков (*Forma absolutionis pro euntibus contra hussitas seu hereticos bohemales*). Не нужно считать этот текст выходящим из ряда вон: это нормальная ситуация, когда ритуалы отпущения грехов или принятия креста от одного крестового похода используются в другом крестовом

походе. Как правило, эти тексты универсальны по содержанию, и могут использоваться в контексте священной войны против любого противника. Вместе с тем, текст дает понять, что речь идет о крестовом походе, объявленном папой Павлом II против чешского короля-гусита Георгия Подебрада, а он проповедовался в 1467–1468 гг. В то же время, как в тексте Роберта Реймсского, так и в антитурецких текстах имеются пометы аббата Георга, который прожил до 1472 г. Таким образом, сегмент кодекса с антитурецкими текстами, вероятно, датируется интервалом с 1467 по 1472 гг., если допустить, что все они были переписаны примерно в одно время. Это все говорит о том, что текст Роберта Реймсского был уже в XV в. умышленно помещен в кодекс вместе с текстами, связанными с борьбой с турками-османами, и именно эта борьба могла быть причиной актуальности текста хроники Роберта Реймсского в германских землях в XV веке.

А.Г. ПРАЗДНИКОВ

ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ПРОСОПОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ВОЙН РОЗ

Так как участники сражений Войн Роз (1455–1487 гг.) до сих не были объектом просопографических исследований, нами была поставлена задача создать базу персональных данных для их изучения.

По характеру источники по социальной истории Войн Роз следует разделить на несколько групп. Первую составляют официальные источники. К ним относятся документы английского парламента (*Rotuli Parliamentorum*), содержащие списки лиц, объявленных в государственной измене. Ряд социальных законов содержат «Статуты королевства» (*The Statutes*). Также к этой группе относятся документы канцелярии и казначейства (*Close Rolls, Patent Rolls, Fine Rolls*). К официальным документам из государственных архивов примыкают опубликованные материалы муниципальных архивов Бристоля, Беверли, Саутгемптона, Шрусбери, Ковентри, Рая и Херефорда, Лестера, Нортхэмптона, Ноттингема, Нориджа, Экзетера, Йорка и Лондона.

К группе опубликованных документов канцелярии также примыкают «неопубликованные открытые свитки» (*The National Archive. Supplementary Patent Rolls*), содержащие списки лиц, получивших королевское прощение (они находятся в Национальном архиве в Кью). В работе был использован свиток со списком прощенных за 1452–1453 гг., в том числе участники мятежа герцога Йорка 1452 г. Получение прощения в 1452 или 1453 гг. лицом, в дальнейшем участво-

вавшем в сражениях Войн Роз, служит косвенным доказательством его социально-политической активности на предшествующем войнам этапе.

Одной из наиболее значимых групп источников являются **хроники и истории** периода Войн Роз. Они не только проливают свет на фактическую сторону войн, но и содержат большой объем информации о персональном участии в них представителей различных сословий, особенно лордов и дворянства. Хроники периода Войн Роз можно разделить на три группы: церковно-монастырские, светско-феодальные и городские.

Следующую группу составляют **эпистолярные источники**. По интересующему нас периоду имеется три собрания писем дворянских семей (Paston Letters, Plumpton correspondence, Stonor Letters & Papers). Помимо этих комплексов существует несколько изданий сборников писем, относящихся к английским королям и королевам и лицам из их окружения. Кроме того, были привлечены издания государственных бумаг из архивов крупных городов Северной Италии. Они включают письма посланников и папского легата, затрагивающие политическую ситуацию в Англии.

Четвертая группа источников — это **художественные произведения**, в которых также нашли отражение события Войн Роз. Так, анонимная поэма «Роза Руана» (The Rose of the Rouen), описывающая битву при Таутоне, называет 15 лордов, чьи люди участвовали в ней, причем восемь имен не встречаются в других источниках. В «Балладе о Босвортском поле» (The Ballad of Bosworth Field) названо 99 имен участников, и 79 из них не встречаются в других текстах.

Был предпринят перекрестный анализ совершенно различных по характеру документов и материалов. Редкость или повторяемость в них людей служит показателем их активности в происходившем конфликте. В результате созданная база данных хотя и не может считаться абсолютно завершенной, однако обладает высокой степенью репрезентативности и охватывает большую часть тех лиц, которые были активными участниками Войн Роз.

БИБЛИОГРАФИЯ

Официальные источники

- Calendar of Fine Rolls. London, 1939–1961. Vol. 18–21.
- Calendar of the Close Rolls. Henry VI. London, 1971. Vol. 5; London, 1947. Vol. 6; Edward IV. London, 1949. Vol. 1; London, 1953. Vol. 2; Edward IV, Edward V, Richard III. London, 1954; Henry VII. London, 1955. Vol. 1.
- Calendar of the Patent Rolls. Henry VI. London, 1971. Vol. 5; London, 1971. Vol. 6; Edward IV. London, 1897; Edward IV. London, 1971; Edward IV, Edward V, Richard III. London, 1901; Henry VII. London, 1970. Pt. 1.

Rotuli Parliamentorum. London, 1832. Vol. 5–6.

The National Archive. Supplementary Patent Rolls. C 67/40.

The Statutes: Revised Edition. London, 1870. Vol. 1.

Материалы муниципальных архивов

- Coventry Leet Book or Mayor's Register, 1420–1555. London, 1907. Pt. 1.
- Extracts from the Municipal Records of the City of York, During the Reigns of Edward IV, Edward V, and Richard III. London, 1843.
- Records of the Borough of Leicester. London, 1901. Vol. 2.
- Records of the Borough of Nottingham. London, Nottingham, 1883–1885. Vol. 2, 3.
- Report of the Manuscripts of the Corporation of Beverley. London, 1900.
- Report on the records of the City of Exeter. London, 1916.
- The Black Book of Southampton. Southampton, 1912. Vol. 1.
- The Great Red Book of Bristol. Bristol, 1931. Vol. 1.
- The Historical Collections of a Citizen of London in the Fifteenth Century. London, 1876.
- The Little Red Book of Bristol. Bristol; London, 1900. Vol. 2.
- The Manuscripts of Rye and Hereford corporations. London, 1892.
- The Manuscripts of Shrewsbury and Coventry corporations. London, 1899.
- The Manuscripts of the Corporation of Southampton and King's Lynn. London, 1887.
- The Records of the Borough of Northampton. Northampton, 1898. Vol. 1.
- The Records of the City of Norwich. Norwich, 1906–1910. Vol. 1–2.

Хроники и истории

Коммин Ф. др. Мемуары. М., 1986.

An English Chronicle of the reigns of Richard II, Henry IV, Henry V and Henry VI written before the year 1471. London, 1856.

Chronicle of Rebellion in Lincolnshire, 1470. London, 1847.

Chronicles of London. Oxford, 1905.

Fabyan R. The New Chronicles of England and France. London, 1811.

Ingulph's Chronicle of the Abbey of Croyland. London, 1854.

John Benets chronicle for the years 1400 to 1462. London, 1972.

Registra quorundam abbatum monasterii S. Albani. Vol. 1. London, 1872.

Six Town Chronicles of England. Oxford, 1911.

The Chronicle of John Hardyng and Continuation by Richard Grafton. London, 1812.

The Chronicles of the White Rose of York. London, 1845.

The Great Chronicle of London. London, 1938.

Three Fifteenth century Chronicles. London, 1880.

Warkworth J. Chronicle of the First thirteen Years of King Edward the Fourth. London, 1839.

Wavrin Jehan de. Recueil des chroniques et anciennes istories de la Grant Bretaigne, à present nommé Engleterre. London, 1891. Vol. 5.

Worcester W. Annales rerum anglicanum // The Letters and Papers illustrative of the Wars of English in France during the Reign of Henry the Sixth. London, 1864. Vol. 2. Part 2. P. 743–793.

Эпистолярные источники

Calendar of State Papers and Manuscripts in the Archives and Collections of Milan 1385–1618. London, 1912.

Letters of the Kings of England. London, 1848. Vol. 1.

Paston Letters. Vol. 1–6. London, Exeter, 1904.

Plumpton correspondence: a series of letters, chiefly domestic, written in the reigns of Edward IV, Richard III, Henry VII and Henry VIII. London, 1839.

Stonor Letters & Papers 1290–1483. London, 1919. Vol. 1–2.

Художественные произведения

The Ballad of Bosworth Field // Richard III Society — American Branch.
Электронный ресурс [режим доступа:
<http://www.r3.org/richard-iii/the-battle-of-bosworth/the-ballad-of-bosworth-field/>].

The Rose of the Rouen // Blood Red Roses / Ed. V. Fiorato, A. Boylston and Ch. Knüsel. Oxford, 2000. P. 198.

А.Ю. ПРОКОПЬЕВ

ВОЗМОЖНОСТЬ РЕКОНСТРУКЦИИ? ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА В ЗЕРКАЛЕ ВОЕННЫХ ДОНЕСЕНИЙ

«Мемория» войны принадлежит к числу важнейших составляющих исторического мифа. Источники, освещавшие битвы прошлого сегодня остаются под прицелом многообразных трактовок, щедро замешанных на национально-политических, общественных и духовных идентичностях. Причем их контрастное «освещение» долгое время исключало консенсус даже по самым общим, казалось, аспектам: структуры и оценки события. Стоит ли, впрочем, возлагать ответственность лишь на пристрастность последующих поколений? Парадокс здесь кроется в первичном мифе состоявшегося факта: под пером непосредственных очевидцев само событие подчас лишалось не только более или менее «согласованного» изложения, но и утрачивало опорные точки времени и пространства. Итогом становилась произвольная селекция источников историками и как следствие — моделирование «убедительной» и «правдивой картины» на любой вкус. Достаточно вспомнить здесь истинно эпические споры и дискуссии вокруг ключевых точек военно-исторического мифа нашей страны: Ледовое побоище, Куликовская битва или Бородинский бой.

Казалось бы, чем ближе к Новому времени, тем больше возможностей пролить свет на частности. Грозовая атмосфера XVI–XVII вв. и цепь почти непрерывных больших и малых войн породили новый, особый тип документального материала: военную корреспонденцию. Она выросла из двух корней, став своего рода симбиозом канцелярского

делопроизводства и частной переписки. Тридцатилетняя война венчала собой этот первый в истории невиданный по объему поток информации. До сих пор впечатляет её обилие в ключевых архивохранилищах Германии и Австрии (Дрезден, Мюнхен, Штутгарт, или Вена).

Однако и теперь спустя четыре века историки подчас не могут договориться даже вокруг базовых предметов. Причем речь идет о решающих схватках. Знаменитая битва под Лютценом 1632 г. — одна из них. Воистину она стала битвой «в тумане» — в буквальном и переносном смысле: туман, скрывавший противников на рассвете 16 ноября, и туман в глазах именитых и не очень историков, тщившихся два последних столетия разобраться с тем, что, собственно, тогда произошло.

Национально-религиозные симпатии упрощали картину, и до конца XIX в. «проблемы Лютцена» не существовало. День 6(16) ноября 1632 г. объявлялся священной датой протестантской Германии и Скандинавии. Две традиции, «малогерманская» и «великогерманская», сошлись тогда в жестком лобовом противостоянии. Очевидной была и селекция источников, на вкус каждой партии. Лишь чисто позитivistское осмысление их Густавом Дройзеном Младшим, целиком и полностью вытекавшее из философии классического историзма, радикально изменило картину. Опыт систематизации громадного материала побудил прославленного историка усомниться не столько в значении события, сколько в его структуре и координатах. Дройзен поставил неутешительный диагноз: нам неизвестно ни время начала и конца сражения, ни его фазы, ни даже дислокация враждебных армий. Бесспорными остаются лишь два факта: гибель шведского короля и приход на помощь Валленштейну конницы генерала Паппенгейма.

«Провокация» Дройзена, целиком основанная на принципах «источникovedческого агностицизма» и «недоверия», вызвала бурную реакцию, итогом которой стали многочисленные попытки перетолковать уже известный блок источников с тем или иным перевесом «проимперской» или «прошведской» точки зрения. Однако, итоговая картина так или иначе тяготела к прежним клише: мифо-

логемы XIX в. вполне ощущались и в первой половине века XX. Новую попытку прояснить проблему Лютцена предпринял в середине минувшего столетия Йозеф Зайдлер, введя в оборот до сих пор не привлекавшиеся акты судебного процесса над дезертирами, устроенного Валленштейном в Праге в январе 1633 г. Опыт Зайдлера оказался, пожалуй, самым успешным из числа кабинетных разработок. Но в дело вмешалась военная археология: недавние раскопки на поле сражения побудили не столь оптимистично смотреть на монографические выводы.

Научная дешифровка «мифа Лютцена» представляется весьма показательной не только своей «историей после истории». Она дополнительно высвечивает исключительную важность комбинации смелой гипотезы, неординарной методы работы со свидетельствами очевидцев при поддержке археологической составляющей.

Убеждает ли это историков смелее вводить результаты в ткань собственных повествований? Скорее напротив. Юбилей начала Тридцатилетней войны, отмеченный в 2018 г. множеством обстоятельных компендиумов, здесь иллюстрирует новый парадокс: профессиональный исследователь все больше становится фактической реконструкции. Зато более уверенно на событийном поле начинают ощущать себя представители иных дисциплин, в частности политологи. И по причине чисто функциональной: использовать пласт «проверенной» фактической информации для инструментализации военного прошлого на потребу современным дебатам. Внушительный труд Херфрида Мюнклера (2017) показывает актуальность подобной перспективы. Уступает ли историк часть своего поля вполне сознательно? Предпочитает ли он сосредоточиться на смежных аспектах (военный быт, военная антропология и прочие аспекты так называемой «новой военной истории»)? И может ли это «новая военная история» сдружиться с историей событийной? Во всяком случае, бегство от классической фактуры на примере 1618–1648 гг. становится очевидным.

E.B. ПЧЕЛОВ

ГЕРБЫ МОСКОВИИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ КАРТОГРАФИИ XVI–XVII ВЕКОВ

Географические карты служат важным источником по символической топографии, семантике графических или цветовых обозначений, а также различных изображений на самих картах, включая эмблемы и гербы.

Визуальная символизация территорий на картах могла осуществляться несколькими способами: изображениями (реальными или условными) правителей, изображениями местных жителей и/или животных, сценками, иллюстрирующими определенные обряды разных, преимущественно отдаленных и экзотических народов, наконец, эмблемами и гербами. При этом в последнем случае историческая картография тесно соприкасалась с воображаемой геральдикой, то есть с символическим обозначением тех явлений и лиц, которые в реальности этих символов не имели, но должны были иметь, согласно представлениям того времени, в том числе составителей и «пользователей» карт.

Символико-эмблематическая презентация пространства на географических картах применительно к картографической «Россике» практически не становилась предметом специального интереса (Булатов 2005), а если и затрагивалась, то вне общего геральдико-эмблематического контекста, что приводило, порой, к не вполне верным выводам (см., к примеру, Фоменко 2008: 722–723). Источниками исследования служили карты, планы и атласы, изданные в Западной Европе в период с 1516 г. (карта М. Вальдзееемюллера) до конца XVII в. С начала XVII в. основной корпус карт был создан голландскими путешественниками и картографами. Разумеется, далеко не на всех картах были представлены ге-

ральдические эмблемы, относящиеся к России, но в целом их присутствие было весьма распространено.

Анализ геральдической эмблематики географических карт Русского государства XVI–XVII вв. позволяет выделить несколько типов геральдических изображений, служивших для обозначения Московского царства.

Первый тип — изображение всадника-змееборца, известного как эмблема московских князей, по крайней мере, с начала XV в. (хотя использовалась она не только князьями московской династии). Всадник, убивающий копьем дракона, несмотря на иконографическое сходство с образом Георгия Победоносца, воспринимался как символ государя, царя, побеждающего врагов. Он помещался на печатях великих князей с конца XV в. и на монетах Московского государства (после реформы 1530-х гг. в двух изобразительных вариантах). Эта эмблема была хорошо известна иностранцам, посещавшим Москвию, и потому неудивительно, что именно она воспринималась ее символом. Однако всадник известен только на нескольких картах, относящихся ко времени между 1526 г. и концом 1560-х годов.

При этом на карте Олауса Магнуса всадник изображен со стрелой и луком, что не находит аналогов в русском изобразительном материале. На мой взгляд, на это изображение могло повлиять сопоставление России со Скифией и Сарматией, обычное для географической литературы Средневековья и Ренессанса. На картах, приложенных к разным изданиям «Записок» С. Герберштейна, щит со всадником сопровождает изображение великого князя, сидящего на троне. Таким образом, принадлежность этого герба именно государю, а не государству, находит отражение и в картографических источниках. Один из вариантов герба со всадником на гравюрах, связанных с «Записками» Герберштейна, имеет главу щита. Ее появление пока не находит удовлетворительных объяснений. На карте братьев Я. и Л. ван Дётеком изображение всадника-драконоборца в гербовом щите представлено вне всякой связи с фигурой государя (эта карта вообще лишена изображений правителей).

Второй тип — изображение двуглавого орла, который с конца XV в. символизировал собственно Русское государство.

Это изображение впервые встречается, по-видимому, на карте Я. ван Салингена 1601 г. и уже совершенно определенно на Сигизмундовом плане Москвы 1610 г. Позднее, во многом благодаря популярности голландской карты Гесселя Герритса 1613 г., именно двуглавый орел со всадником на груди стал общераспространенным геральдическим обозначением Московского царства в XVII в. Его изображения особенно чисты в голландской картографии, включая карты И. Массы. Всего выявлено около десяти видов изображений этого типа. Иконографически они примерно соответствуют изображениям двуглавого орла, известным в официальной русской геральдике на протяжении XVII в., допуская, впрочем, некоторые модернизации, связанные с влиянием европейской геральдики (например, поднятые крылья орла). Существенно, что в большинстве случаев на европейских картах короны над головами орла (как и корона, увенчивающая сам гербовый щит) изображались в виде императорских, что позволяет раскрыть понимание царского титула европейцами.

Третий тип представляет собой оригинальное изображение, встречающееся на карте М. Вальдзееемюллера 1516 г. и на следующей за ней карте Г. Целля. У Вальдзееемюллера герб помещен рядом с условным изображением сидящего на троне «великого князя и императора России и Московии» и представляет собой противостоящих друг другу льва и дракона. Он находит аналоги в южнонемецком гербовнике первой половины XVI в. Такое же геральдическое изображение в щите, наряду с двумя другими, flankирует проездную арку Боровицкой башни Московского кремля. Оно датируется временем создания башни, то есть 1490 г. (Петров, Яковлев 2014). Семантика этого изображения неясна, возможно, оно восходит к одному из типов личных печатей Ивана III с изображением льва, терзающего змею. Как бы то ни было, именно эта композиция стала известна и в Европе, вероятно, благодаря иностранцам, посещавшим кремль на рубеже XV–XVI вв. Она не нашла продолжения в официальной эмблематике Московского царства, но отразилась в европейском геральдическом и картографическом материале.

С этой эмблемой в гербовнике связана и другая, представляющая собой одноглавого орла. Она была атрибутиро-

вана Московии также в «Космографии» С. Мюнстера 1550 г. и зафиксирована на карте К. Вопелиуса (1555/66 гг.).

Пятый тип эмблем зафиксирован на нескольких картах. На карте К. Вопелиуса у этого герба помещено изображение фигуры «Васильевича», «короля Сарматии». На карте братьев Ван Дётеком (между 1562–1569 гг.) этот герб расположен на пространстве северной России. В современном издании карты ван Дётеком этот герб, как и некоторые другие, атрибутирован неверно и приписан Великому Новгороду (Фоменко 2010: 28). Встречается он и на картах второй половины XVII в. (в частности, наследников К. Виссера).

Герб представляет собой изображение раскрытых ворот (серебряных или золотых) на черном поле. Он обнаруживает многочисленные аналоги в преимущественно немецких гербовниках XV–XVII вв. Эта геральдическая традиция восходит к «Хронике Констанцского собора» Ульриха фон Рихенталя, где имеется такой же герб, но без атрибуции. В последующих гербовниках он обозначался как герб Московии (или России). В качестве такового он описывался и в геральдических трактатах, в том числе польских. Эта информация благодаря переводчикам Посольского приказа в конце XVII в. попала в Россию и нашла отражение в одном из геральдических сочинений. Распространению этого герба на геральдических картах, по-видимому, способствовала его атрибуция России в «Космографии» С. Мюнстера.

На мой взгляд, семантика этого вымышленного герба связана с древними представлениями о северных народах Гог и Magog, запертых воротами или стеной Александром Македонским; эти народы соотносились со многими реальными народами древности, в том числе скифами, сарматами, мусагетами (Westrem 1998). Сопряженность этих народов с князем (царем) Рош из текста Библии позволяла сопоставить и сами эти народы (и территориально, и символически, и этиологически) с Россией. Открытые врата в таком случае означали, что эти народы вышли из своего вынужденного «заточения». Подтверждением этого предположения могут служить идентификация русского государя как «короля Сарматии» на карте К. Вопелиуса и изображение ворот в горах северного Кавказа на карте Азиатской Сарматии С. Мюнстера.

БИБЛИОГРАФИЯ

Булатов А.М. Картографическая Rossica с точки зрения геральдики // Семинар по геральдике и вспомогательным историческим дисциплинам. М., 2005. С. 105–111.

Петров Д.А., Яковлев Д.Е. Белокаменные гербы на Боровицкой башне Московского Кремля. Результаты предварительного осмотра // Российская археология. 2014. № 3. С. 147–155.

Фоменко И.К. Скифия — Тартария — Московия — Россия: Взгляд из Европы. Россия на старинных картах. М., 2008.

Фоменко И.К. Итоговая карта Московии XVI века из собрания ГИМ. М., 2010.

Westrem S.D. Against Gog and Magog // Text and Territory: Geographical Imagination in the European Middle Ages / Ed. by S. Tomasch and S. Gilles. Philadelphia, 1998. P. 54–77.

Б.Е. РАШКОВСКИЙ

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЕВРЕЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: ИСЧЕРПАН ЛИ ИХ ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ?

Вначале о хронологических рамках темы доклада. В нем пойдет речь о раннесредневековом этапе еврейской истории в Восточной Европе. В качестве его важнейших хронологических рубежей следует назвать, во-первых, прекращение существования античной диаспоры в городах Северного Причерноморья в ходе Великого переселения народов (о ней см., например: *Inscriptiones Judaicae Orientis* 2004: 254–324), а во-вторых — события XIII–XIV вв. — монгольское нашествие и начало массовой ашkenазской миграции на Восток вследствие погромов времен Великой чумы в середине XIV века.

Значение и роль еврейских источников по истории Восточной Европы возрастает к концу средневекового периода пропорционально увеличению численности иудейской диаспоры на территории Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. Именно с этого времени впервые появляются по-настоящему массовые виды источников: эпитафии (наиболее ранние из сохранившихся относятся к началу XVI в., а в Крыму даже к XIV в.), массовые юридические документы (レスпонсы) и актовые источники, а также различные раввинистические сочинения и труды по различным отраслям иудейского религиозного права — галахи.

Таким образом, в период между Великим переселением народов и эпохой монгольских завоеваний Восточная Европа находилась на периферии известной иудейской диаспоре

ойкумены. Взгляд раннесредневековых еврейских авторов на ее территорию и население чаще всего представляет собой (кроме нескольких исключений) восприятие сторонних наблюдателей. Тем не менее, ряд сообщаемых в этих источниках сведений является для данного региона и данного периода времени уникальным. К текстам такого рода с полным правом можно отнести Еврейско-хазарскую переписку и Кембриджский документ, дискуссия о подлинности, которых вновь возобновились в историографии (Stampfer 2013). В этой связи вновь актуальным становится вопрос об использовании и интерпретации этнической и географической терминологии этих источников, до недавнего времени (ср. Мудрак 2016) не подвергавшейся пересмотру, по сравнению с более ранними изданиями под редакцией П.К. Коковцова (Л., 1932) и Н. Голба и О. Прицака (Ithaca, 1982).

Другой важный пласт сведений о Восточной Европе сохранили данные библейской экзегетики. Свидетельства библейских комментариев, написанных на иврите и иудео-арабском языке в X–XII вв., содержат ряд отсылок к этническим или политическим реалиям Восточной Европы. Жанровые особенности библейского комментария, ориентированного на массовую аудиторию, заставляют предполагать, что упоминания таких народов Восточной Европы как *русы*, *хазары* или *славяне* для объяснения тех или иных реалий в библейских текстах было понятным широкому кругу ближневосточного читателей.

Обращение к этой группе источников позволяет решить некоторые раннее считавшиеся весьма спорными историографические проблемы. Так, например, благодаря комментариям иерусалимского караима X в. Йефета бен Эли становится возможным понимание особенностей восприятия хазар и хазарского «обращения» ближневосточной диаспорой с религиозно-правовой (галахической) точки зрения (Рашковский 2014: 266–270).

Кроме того, с большой долей уверенности можно говорить и о том, что корпус восточно-европейских известий, связанный с иудейской библейской экзегетикой Средневековья, будет в дальнейшем расширяться, поскольку на данный момент очень немногие издания этих текстов опубли-

кованы и введены в научный оборот (Margoliouth 1889; Ra-
zabi 1998; Ankori 1957: 67–79).

Достаточно много проблем остается вокруг интерпретации свидетельств средневековых еврейских путешественников о Восточной Европе. Так, например, новые вопросы перед исследователями ставит обнаружение и публикация хранящейся в библиотеке Варшавского университета рукописи «Кругосветного путешествия» р. Петахии из Регенсбурга на Ближний Восток через Киев в 1175 г. «Варшавская» версия, является, возможно, древнейшей (David 1996: 238) и не содержит в себе следов последующей цензурной правки, представленной в более поздних рукописях и старопечатных изданиях книги. Эта рукопись содержит целый ряд новых данных, относящихся к описанию восточноевропейского этапа путешествия Петахии, географическому положению страны, названной в его сочинении *Хазарий* (вероятно, имеются в виду восточный Крым и Керченский полуостров), распространению в регионе иудейских общин. Данные варшавской рукописи Петахии фактически до сих пор не введены в оборот ни в западной, ни в российской медиевистике. При этом российским исследователям-негебраистам текст «Путешествия» Петахии по-прежнему доступен только в устаревшем переводе Марголина (СПб., 1881), основанном на публикации очень поздней рукописи, переписанной издателем французского перевода в первой половине XIX в. (David 2013: 22) и воспроизведявшемся в позднейших русскоязычных изданиях (Древняя Русь в свете зарубежных источников 2009: 208–210) без учета последнего критического издания (Grünhut 1905).

Подводя итог, следует отметить, что информационный потенциал средневековых еврейских источников по истории Восточной Европы задействован пока не в полной мере, и возможным выходом из этой ситуации стала бы подготовка их полного печатного свода.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. М., 2009. Т. 3.
- Мудрак О.А.* Заметки по иноязычной лексике хазаро-еврейских документов // Хазарский альманах. М., 2016. Т. 14. С. 349–379.
- Рашковский Б.Е.* Хазары и иудаизм в библейских комментариях Йефета бен Эли. Новый средневековый еврейский источник по истории Восточной Европы // *Judaica Ukrainica* 2014. Vol. 3. P. 256–271.
- Ankori Zv.* Karaites in Byzantium. The Formative Years, 970–1110. New York; Jerusalem, 1957. (Repr.: New York, 1968).
- A Commentary on the Book of Daniel by Jepheth ibn Ali the Karaite / Ed. and transl. D.S. Margoliouth. Oxford, 1889.
- David A.* Jewish Travelers from Europe to the East. 12th–15th centuries // *Miscelánea de estudios árabes y hebraicos*. 2013. Vol. 62. P. 11–39.
- Inscriptiones Judaicae Orientis*. Vol. 1. Eastern Europe / Ed. by D. Noy, A. Panayotov and H. Bloedhorn. Tübingen, 2004.
- Stampfer Sh.* Did the Khazars Convert to Judaism? // *Jewish Social Studies: History, Culture, Society*. 2013. Vol. 19, №3. P. 1–72.
- David A.* Новая версия путешествия р. Петахии (иврит) // Kovets al-Yad. 1996. Т. 13. Р. 237–269.
- Кругосветное путешествие р. Петахии из Регенсбурга (иврит) / Ed. E.H. Grünhut. Frankfurt, 1905.
- Razabi Y.* Комментарии р. Саадьи Гаона на книгу Шемот. Источник и перевод (иврит) // Jerusalem: Mosad ha-Rav Kuk, 1998.

K.C. PEVA

ШОТЛАНДСКИЕ ПАРЛАМЕНТСКИЕ АКТЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI ВЕКА

ОСОБЕННОСТИ ИСТОЧНИКА И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В докладе рассматриваются подходы к изучению и концептуальное содержание актов шотландской сословной ассамблеи — одного из ключевых источников по истории шотландской монархии Средних веков и раннего Нового времени.

Дж. Вормалд на ревизионистской волне в историографии 80-х гг. XX в. отметила, что парламент состоял из лидеров властных, церковных и городских обществ, а значит тезис о слабости этого органа влечет за собой маловероятную идею о том, что наиболее могущественные люди королевства превращались «из орлов в голубей», когда прибывали в парламент (Wormald 1991: 21). Современная наука остается солидарной с такой позицией: «Во многих отношениях хорошо посещаемый парламент не представлял всю страну, он и был страной. Всякий человек со значительной властью присутствовал там, ни один современный институт не приблизился к такой концентрации значительности и власти в одной комнате» (MacIntosh, Tanner 2010: 8).

Статуты парламента первой половины XVI в. значительно отличаются в количественном и содержательном отношении от актов ассамблей предыдущего столетия, ввиду чего возникает необходимость осветить причины таких перемен. 1496 год маркирует сдвиг в истории института, после которого тот перестал регулярно созываться до смерти Якова IV (1488–1513) и в период правления Якова V (1513–1542). Яков IV добился сокращения числа парламентских со-

браний от почти ежегодных до трех в промежутке между 1496 г. и до его смерти в 1513 г., обратившись к новому методу управления, который уменьшал необходимость созывать полные парламенты. Король сделал это путем переключения функций парламента на другие институты: большой совет и собрание лордов совета, чье присутствие могло бы равняться или превышать маленькие парламентские заседания, имевшие место во времена правления Якова IV и Якова V (Hannay 1923: 101). Эти быстрее собираемые и неформальные собрания, возможно, без представления третьего сословия и с большим контролем со стороны короны также выполняли большинство функций парламента без риска превращения собрания магнатов в «политическую трясину» (Macdougall 2004: 159). К концу правления Якова IV совет короля являл наиболее широкую территориальную презентацию, по сравнению с советами его предшественников (Chalmers 1982: 310–323). Многие семьи вовлекались в дела королевского управления и администрации (MacDougall 1984: 32). Некоторые авторы также отмечают сильный персональный фактор, повлиявший на процесс сокращения числа крупных заседаний: оба короля, судя по всему, стремились избежать сопротивления, на которое наталкивались их предшественники на престоле, в своих интересах принимая законодательство (Tanner 2000: 208).

В контексте прекращения регулярных парламентских собраний, имевшего место в Шотландии позднего Средневековья, ставится вопрос о функциях этого органа как административного института, что в значительной степени влияло на содержательное наполнение статутов. В этом отношении М. Годфри заключил, что в XVI в. изначальная судебная функция парламента уступила место его законодательной роли (Godfrey 2009: 12). Единственным исключением по-прежнему оставалось право обвинения в измене и остаточные апелляционные полномочия. Процесс, начавшийся с периода самостоятельного правления Якова IV, к концу столетия в достаточной степени утвердил представление о парламенте как законодательном институте, в то время как юрисдикция перешла в ведение сначала королевского совета, а затем созданной в 1532 г. Коллегии юстиции (Godfrey 2009: 67).

Важным вопросом, поднимаемом в докладе, является обсуждение методологии, в рамках которой возможно подходить к исследованию такого источника, как парламентские акты. Метод, разработанный Кембриджской школой истории, позволяет рассматривать тексты в современном дискурсивном и социальном контексте, отдавая преференции первому (Skinner 1969). Акты парламента, правовой источник, могут быть рассмотрены с позиции определения дискурсов на фоне политических событий, которым были посвящены решения сословий, но неизбежно будут накладывать свои коррективы на методологию такого рода. Следуя этому подходу, автор доклада выделяет основные концепты и языковые формулы, которыми сопровождалось описание и выражение королевской власти в контексте конфликтов королей и отдельных представителей знати, как наиболее яркого примера реагирования и изменения концептуального наполнения актов.

В качестве второго подхода, рассматриваемого в докладе, привлекается методология, в настоящее время разрабатываемая и применяемая к исследованиям городского шотландского законодательства Средних веков и Раннего Нового времени. Профессором Университета Глазго Дж. Копачук был проведен анализ корпуса указанных источников и сделаны важные выводы о стандартизации правового языка через повторяющиеся формулы (Kopaczuk 2013). В рамках доклада делаются предположения, которые можно вывести из рассмотрения актов парламента в подобном ключе.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Chalmers T.M. The King's Council, Patronage, and the Governance of Scotland, 1460–1513. Ph.D. thesis. Aberdeen, 1982.*
- Godfrey M. Civil Justice in Renaissance Scotland. The Origins of a Central Court. Leiden, 2009.*
- Hannay R.K. General Council and Convention of Estates // The Scottish Historical Review. 1923. Vol. 20, No. 78. P. 98–115.*
- Kopaczuk J. The Legal Language of Scottish Burghs: Standardization and Lexical Bundles (1380–1560). Oxford, 2013.*

- MacDougall N.* «The Glory of All Princely Governing»: The Kingship of James IV // *History Today*. 1984. Vol. 11, No. 34. P. 30–36.
- MacDougall N.* The Estates in Eclipse? Politics and Parliaments in the Reign of James IV // *The History of the Scottish Parliament: Parliament and Politics in Scotland, 1235–1560* / Ed. by K.M. Brown, R.J. Tanner. Edinburgh, 2004. P. 145–159.
- MacIntosh G.H., Tanner R.J.* Balancing Acts: The Crown and Parliament // *History of the Scottish Parliament: Parliament in Context, 1235–1707* / Ed. by K.M. Brown, A.R. MacDonald. Edinburgh, 2010. P. 1–30.
- Skinner Q.* Meaning and Understanding in the History of Ideas // *History and Theory*. 1969. Vol. 8, No. 1. P. 3–53.
- Tanner R.* The Lords of Articles before 1540: A Reassessment // *The Scottish Historical Review*. 2000. Vol. 79, No. 208. P. 189–212.
- Wormald J.* Court, Kirk and Community: Scotland, 1470–1625. Edinburgh, 1991.

М.Ф. РУМЯНЦЕВА

КОМПАРАТИВНОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ КАК МЕТОД СРАВНИТЕЛЬНО- ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В КОЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОМ И ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВАХ КУЛЬТУРЫ

Идея компаративного источниковедения была разработана Научно-педагогической школой источниковедения Историко-архивного института (*Источниковедение.ru*) в 1990-х гг., первоначально в связи с компаративистской концепцией историко-филологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, получила концептуальное оформление в учебном пособии «Источниковедение», изданном НИУ «Высшая школа экономики» в 2015 г. (*Источниковедение 2019*). Это понятие зафиксировано как «метод сравнительно-исторического исследования, базирующийся на теоретическом осмыслении положения, что основная классификационная единица источниковедения — вид исторических источников — репрезентирует объединенные единством целеполагания определенные формы социальной активности человека, совокупность которых составляет историю общества», в терминологическом словаре, изданном Институтом всеобщей истории в 2014 г. (*Теория и методология 2016: 226*).

Новизна настоящего доклада в рассмотрении проблемы (1) с точки зрения подходов к реализации проекта глобальной истории и (2) на базе разработанного О.М. Медушевской (1922–2007) в 2000-е гг. концепта «эмпирическая реальность исторического мира» (Медушевская 2, 2008). На мой взгляд,

именно универсальное понятие «эмпирическая реальность исторического мира» позволяет подступиться к проекту глобальной истории не как к европоориентированному нарративу, а с позиции строгой науки в рамках неоклассической ее модели, что принципиально важно в условиях ренарративизации и нарастающей «войны нарративов».

С. Конрад, сопоставляя различные подходы к построению глобальной истории, выделяет и компаративный подход, но отмечает, что «сравнения обычно гомогенизируют обсуждаемые предметы и сглаживают их внутренние различия» (Конрад 2018: 62). На мой взгляд, такая опасность сохраняется и при применении метода компаративного источниковедения. О.М. Медушевская, акцентируя внимание на «универсалии создания продукта» и подчеркивая, что «именно это является «основанием единого подхода к изучению заложенного в продукте информационного содержания», констатирует: «Данный подход позволяет утверждать, что набор структур и функций, исторически изменяясь, создает однотипные множества продуктов, имеющие общие видовые свойства. Определяя вид как класс интеллектуального продукта, имеющего общую эталонную структуру, можно далее рассматривать возникновение, исчезновение и распространение тех или иных видов интеллектуального продукта: вид — индикатор происходящих изменений и основная единица для видовой историко-источниковедческой компаративистики» (Медушевская 1, 2008: 226). Но что в рассматриваемом методе позволяет преодолеть эту опасность? Если С. Конрад обнаруживает выход из опасности гомогенизации в нарративах уникальности / исключительности (Конрад 2018: 63), то компаративное источниковедение предполагает обращение не к отдельным видам исторических источников (и тем более не сопоставление отдельных памятников, принадлежащих разным культурам), а соотнесение видовых систем исторических источников, презентирующих культуру как целое. Можно, — хотя и с натяжкой, — сказать, что мы модифицируем морфологический метод О. Шпенглера, но на строгой эмпирической основе.

Метод компаративного источниковедения позволяет реализовывать сравнительно историческое исследование не

только в коэкзистенциальном пространстве разных культур, но и — через смену видовых систем исторических источников — проводить хронологическую границу между историческими эпохами. Применительно к проблематике настоящей конференции целесообразно — для апробации метода — рассмотреть давний, но весьма показательный пример. Во второй половине 1960-х гг. выходит книга J.J. Bagley «Historical Interpretation» (Bagley 1965–1971), представляющая собой обзор источников английской истории. Книга разделена на два тома в соответствии с представлениями автора о периодизации истории Англии: источники английской средневековой истории (1066–1540) и источники английской истории с 1540 г. Но если обратиться даже не к тексту книги Джона Бэгли, а к ее оглавлению, то мы увидим, что первая глава второго тома — период 1540–1660 гг. — охватывает виды источников, возникшие в предшествующую эпоху, а с учетом того, что автор избрал принцип — описывать каждый вид источников один раз, при их появлении, то этот раздел получился чрезвычайно скучным по содержанию; новые виды источников, характерные для Нового времени, — дневники, мемуары, публицистика, периодическая печать, — появляются во второй главе второго тома, посвященной периоду 1660–1760 гг. Если мы для сравнения вспомним, как в это же время делился курс источниковедения российской истории: до конца XVIII в. — учебник М.Н. Тихомирова (1962) и XIX – начало XX века — учебник под ред. И.А. Федосова (1970), — то увидим прямо противоположную, но столь же не отвечающую структуре источниковой базы картину. Применив подход компаративного источниковедения, мы обнаружим границу эпох на рубеже XVII–XVIII вв., что и было продемонстрировано в учебном пособии, изданном в 1998 г. Российским государственным гуманитарным университетом и в уже упомянутом пособии ВШЭ 2015 года.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источниковедение: учебное пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков, С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева, О.И. Хоруженко, Е.Н. Швейковская; отв. ред. М.Ф. Румянцева. М., 2019. 1-е изд.: М., 2015.

Источниковедение.ru [Электронный ресурс]: страница Научно-педагогической школы источниковедения / А.А. Бондаренко и др. [М.: Б. и.], 2010–2020. Электронный ресурс [режим доступа: <http://ivid.ucoz.ru/>].

Конрад С. Что такое глобальная история? М., 2018.

Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. (Медушевская 1).

Медушевская О.М. Эмпирическая реальность исторического мира // Вспомогательные исторические дисциплины — источникование — методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX международной научной конференции Москва, 31 января – 2 февраля 2008 г.: в 2 ч. М., 2008. С. 24–34. (Медушевская 2).

Теория и методология исторической науки: терминологический словарь / Отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. 2-е изд., испр. и доп. М., 2016. 1-е изд.: М., 2014.

Bagley J.J. Historical Interpretation. 2 Vol. London, 1965–1971. Vol. I: Sources of English Medieval History, 1066–1540; Vol. II: Sources of English History, 1540 to the Present Day.

И.А. РУСЕЦКАЯ

СОЧИНЕНИЯ Л.Б. АЛЬБЕРТИ, ДЖ.Б. ПОРТЫ И И. ТРИТЕМИЯ

КАК ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ КРИПТОГРАФИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Целью данной работы является изучение сочинений Л.Б. Альберти, И. Тритемия, Дж.Б. Порты, созданных в XV–XVI вв., в которых авторы обращаются к теоретическим проблемам шифрования, а также описывают сделанные ими собственные открытия.

Обоснование выбора рассматриваемых сочинений при изучении данной темы связано, с одной стороны, с тем, что в них приводятся описания новых криптографических изобретений, а, с другой стороны, тем, что их анализ помогает определить исторический контекст использования криптографических методов и средств, цели и области их применения.

Авторы этих трактатов относятся к ярким представителям образованных интеллектуалов того времени. Итальянский мыслитель Л.Б. Альберти являлся видной фигурой эпохи итальянского Ренессанса. Иоганн Тритемий — крупный ученый, теолог и мистик XV–XVI вв. Дж.Б. Порта относится к итальянским ученым раннего Нового времени, внесшим вклад в различные области современной науки, в частности, в математику и физику. Сочинения этих авторов могут позволить сегодняшним исследователям составить представление об уровне развития криптографии того времени, а также о ее месте в научной, культурной и политической сферах. Субъективность взглядов авторов этих работ на криптогра-

фию позволяет отразить отношение к предмету, свойственное этим мыслителям и времени в целом.

В контексте исследования истории криптографии изучение данных источников, а также их сопоставление может дать достоверную картину восприятия проблем рассматриваемой предметной области интеллектуальной элитой той эпохи (Русецкая 2014).

Работы Л.Б. Альберти, Дж.Б. Порты и сочинение «Полиграфия» Иоганна Тритемия являются трактатами, цель которых — раскрытие вопросов криптографии. Жанр «Стеганографии» Тритемия обладает своими особенностями, поскольку она содержит описание магических операций, необходимых автору для связи с духами; при этом автор использует шифрование.

Работа Л.Б. Альберти «О принципах составления шифров» («De componendis cifris»), манускрипт которой хранится в архивах Ватикана, была написана в 1465 г. и является одним из наиболее ранних содержательных источников по истории западноевропейской криптографии. Издание полного текста сочинения содержится в работе Алоиза Майстера (Meister 1910: 125–141).

Это сочинение было создано после ухода Альберти с должности в канцелярии папы, на которой он проработал несколько десятков лет, с целью удовлетворения практических интересов римской курии в освоении методов криптографии и криптоанализа для написания и прочтения шифрованных депеш. Кроме описания принципов и задач криптологии и классификации известных шифров, Альберти предлагает для использования собственное изобретение, описывая работу шифровального диска. Это устройство положило начало использованию нового типа шифров, которые стали впоследствии известными как шифры многоалфавитной замены.

Труд Джованни Баттисты Порты «О секретных знаках письма» полностью посвящен проблемам криптологии и включает главы, включающие описание истории криптографии, в которых основное внимание уделено шифрам эпохи античности, а кроме того, разделы, содержащие попытку систематизации принципов шифрования и дешифрования, а

также описание известных Порте шифров. Особое внимание при этом уделяется рассмотрению криптографических методов, созданных самим автором. Эта работа была впервые издана в Неаполе в 1563 г. и отражает повышение внимание к криптографии в этот период, проявившееся в интересе к ней такого разностороннего энциклопедиста, как Порта.

Иоганн Тритемий уделил внимание проблемам шифрования в двух своих работах: «Стеганографии» и «Полиграфии». Первой из них по времени создания является незаконченная работа «Стеганография», оригинал которой был уничтожен по приказу влиятельного покровителя Тритемия, в связи с подозрением, что текст может показаться еретическим. К счастью, была сделана копия текста, которая выдержала значительное количество переизданий. Первым можно считать франкфуртское издание 1606 г. (Trithemius 1606). Тритемий объясняет, как использовать ангелов и духов для передачи секретных посланий и мыслей на большие расстояния, при этом приводя описание разных способов шифрования и дешифрования текстов.

Другим сочинением Тритемия, которое можно назвать первой в Западной Европе значительной по объему работой, полностью посвященной шифрованию, является «Полиграфия». Оригинальная рукопись «Полиграфии», созданная Тритемием, хранится в Национальной библиотеке Австрии в Вене. Этот труд был впервые издан в 1518 г. и только до середины XVII в. выдержал в Германии девять переизданий. «Полиграфия», по всей вероятности, должна была, по замыслу автора, представлять собой толкование и пояснение к шифрам, используемым в «Стеганографии».

Названные работы могут рассматриваться как важные источники, позволяющие восстановить этапы и тенденции развития криптологии в Европе в данный период в контексте проявления новых веяний политического, экономического, социального, культурного характера, влияющих на западноевропейское общество.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Alberti L.B.* Der Chiffrentractat des Leo Baptista Alberti // *Meister A.*
Die päpstliche Geheimschrift im Mittelalter. Paderborn, 1910.
S. 125–141.
- Della Porta J.B.* De furtivis literarum notis. Neapoli: G.M. Scoto, 1563.
- Trithemius J.* Libri poligraphiae VI. [Strassburg], 1613.
- Trithemius J.* Steganographia. Franconfurti: Matthias Becker, 1606.
- Русецкая И.А.* История криптографии в Западной Европе в раннее Новое время. СПб., 2014.

М.А. РЯБОВА

ТИПОЛОГИЯ БУХГАЛТЕРСКИХ ДОКУМЕНТОВ В ВЕНЕЦИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XV ВЕКА

ПО МАТЕРИАЛАМ СЧЕТНЫХ КНИГ ФИРМЫ СОРАНЦО

Как известно, в эволюции финансовых документов поворотным моментом стало возникновение двойной бухгалтерии — наиболее распространенного метода бухгалтерского учета, применяемого на протяжении последних пятисот лет. Ее ключевые принципы сформировались в городах Северной и Средней Италии в XIII–XV вв. (Besta 1922: 273–349; Melis 1950: 401–539) и были впервые изложены в печатном виде в трактате фра Луки Пачоли «О счетах и записях», изданном в Венеции в 1494 г. (Pacioli 1494; Pачоли 2001; 2009). Помимо всего прочего, в трактовке Пачоли этот метод предполагал ведение трех основных бухгалтерских регистров: мемориала, журнала и главной книги, — хотя в дополнение к перечисленным нередко использовались также другие, вспомогательные книги, а деловой человек, совершивший небольшие по объему операции, мог обходиться без первой из них (Pacioli 1494: 200г–202г; Pачоли 2001: 34–50; 2009: 33–51; Кутер и др. 2013: 57–59). События хозяйственной жизни должны были ежедневно заноситься в мемориал, где они отображались в свободной форме и с максимальным количеством деталей (в частности, фиксировались все разнообразные денежные единицы, задействованные при совершении расчетов) (Pacioli 1494: 200г–201г). Данные мемориала служили основой для записей журнала, которые также располагались в хронологическом порядке, но составлялись по единому формуляру, с обязательным

указанием дебитора и кредитора и переводом денежных сумм в условные счетные деньги (*Ibid.*: 201г–201v). На следующем этапе статьи журнала переносились в главную книгу, причем в соответствии с принципом двойной записи каждая из них дублировалась по дебету одного счета и по кредиту другого, а факт переноса отмечался в исходном регистре зачеркиванием (*Ibid.*: 201v–202r).

Лука Пачоли, по его собственному признанию, не был изобретателем двойной бухгалтерии и лишь воспроизвел ее в том виде, в каком она существовала в Венеции его эпохи (*Ibid.*: 198v). Однако проследить формирование этого метода и, более конкретно, системы «мемориал — журнал — главная книга» на венецианском материале не представляется возможным из-за недостаточного количества и фрагментарного характера бухгалтерских источников, дошедших от периода до начала XV в. Наиболее ранней из главных книг частного происхождения, имеющих сколь-нибудь значительный объем, считается *libro real vechio* фратерны Соранцо — один из двух уцелевших регистров этой торговой фирмы, созданный в 1410–1416 гг. (ASV. *Miscellanea Gregolin*. B. 14; Besta 1922: 302–303). Старейший известный журнал, который принадлежал купцу Андреа Барбариго, охватывает промежуток между январем 1431 г. и августом 1440 г., то есть имеет еще более позднюю датировку (ASV. *Archivio Grimani e Barbarigo*. B. 41).

Пробел в современных представлениях об эволюции бухгалтерских документов, связанный с неудовлетворительным состоянием источников базы, может быть отчасти восполнен благодаря анализу второй из сохранившихся книг фратерны Соранцо, традиционно обозначаемой как *libro real nuovo* (ASV. *Miscellanea Gregolin*. B. 14). Она содержит записи за 1406–1434 гг., а потому начиная с конца XIX в. за ней закрепилась репутация первой в Венеции главной книги, которая велась по методу двойной бухгалтерии (Alfieri 1891: 42; Besta 1922: 303–304). Однако в середине XX в. исследования Томмазо Дзерби и Сальваторе Сасси показали, что *libro real nuovo* может быть отнесена к этому типу регистров лишь по формальной структуре, но никак не по обстоятельствам ее создания. В отличие от *libro real vechio*, она не возникла в ходе

нормальной хозяйственной деятельности, а была подготовлена специально для целей судебного процесса в магистратуре *giudici di petizion* (Zerbi 1952: 372–377; Sassi [1956]: 17–19). Эксперт, составивший эту компиляцию, опирался на множество разнообразных счетов и регистров и тщательно фиксировал происхождение данных, поэтому большинство статей в *libro real nuovo* снабжено не только ссылками на корреспондирующий счет внутри той же самой книги, но и дополнительными указаниями на источник информации.

Тщательный анализ ссылочного аппарата рукописи позволяет реконструировать комплекс бухгалтерских документов, созданных торговой фирмой братьев Соранцо в первой половине XV в. Судя по статьям *libro real nuovo*, фратерна имела регистры всех трех типов, описанных более 60 лет спустя в трактате Пачоли, в том числе несколько журналов и мемориалов. Функции главной книги до 1416 г. выполняла *libro real vechio*, а после этого — так называемая «книга, которую вели в Венеции господа Донадо и Джакомо [Соранцо]». Однако в *libro real nuovo* также фигурируют регистры других типов, не упомянутых у Пачоли: книги расходов, книги поступлений от сдачи в аренду недвижимости и проч. Датировка и содержание статей, снабженных ссылками на эти книги, дают определенное представление о сроках их ведения и об их назначении.

В результате базовая типология бухгалтерских регистров, сформулированная Лукой Пачоли, оказывается дополнена теми их разновидностями, которые либо вышли из употребления ко времени написания трактата, либо остались за рамками изложения как вспомогательные. В перспективе это должно сделать более эффективным ее использование для работы по идентификации бухгалтерских источников, дошедших в виде фрагментов, и дальнейшего уточнения путей эволюции венецианских финансовых документов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Archivio di Stato di Venezia (ASV). Archivio Grimani e Barbarigo. Busta 41. Reg. 1. Giornale A.
- ASV. Miscellanea Gregolin. Busta 14. Libro real vechio. Libro real nuovo.
- Pacioli L. Summa de arithmerica, geometria, proportioni et proportionalità. Venezia, 1494.
- Пачоли Л. Трактат о счетах и записях / Под ред. Я.В. Соколова. М., 2001.
- Пачоли Л. Трактат о счетах и записях / Под ред. М.И. Кутера. М.; Краснодар, 2009.
- Кутер М.И., Гурская М.М., Мусаэлян А.М. Сколько бухгалтерских книг описал Лука Пачоли, и какие книги применяла компания Франческо Датини за 130 лет до трактата // Международный бухгалтерский учет. 2013. № 24 (270). С. 56–64.
- Alfieri V. La partita doppia applicata alle scritture delle antiche aziende mercantili veneziane. Torino, 1891.
- Besta F. La Ragioneria. 2 ed. riveduta ed ampliata col concorso dei proff. Vittorio Alfieri, Carlo Ghidiglia, Pietro Rigobon. Milano, 1922. Vol. III.
- Melis F. Storia della ragioneria: contributo alla conoscenza e interpretazione delle fonti più significative della storia economica. Bologna, 1950.
- Sassi S. Sulle scritture di due aziende mercantili veneziane del Quattrocento. Napoli, [1956].
- Zerbi T. Le origini della partita doppia: Gestioni aziendali e situazioni di mercato nei secoli XIV e XV. Milano, 1952.

O.B. САВЕЛЬЕР

КАК УСЛЫШАТЬ ГОРОЖАН? СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПРОПОВЕДИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

С 70-х гг. XX в. западноевропейская проповедь начинает осмысляться как жанр исторического источника. Объектом внимания становятся структура и особенности проповеди, ее трансформация во времени; предпринимаются попытки классификации. Научные труды имели тенденцию к сужению исследовательского поля: от средневековой проповеди вообще в широких хронологических рамках с поздней античности по XVI вв. (Longère 1983) до проповеди определенного века, ордена, проповедника, на определенном языке, по определенному случаю, из определенного собрания (например, D'Avray 1985; Bériou 1987; Martin 1988; Bataillon 1993). Тем не менее, на рубеже тысячелетий появлялись и некоторые крупные работы, такие как монография Н. Бериу о появлении мастеров слова (Bériou 1998) или сборник статей под редакцией Б.М. Кинзл (Kienzle 2000), изданный в серии «Типология западноевропейских средневековых источников».

В отечественной медиевистике гомилиями интересовались, прежде всего, в рамках историко-антропологического направления. В них видели возможность выйти на более широкий круг вопросов, связанных с народной культурой и повседневностью (Гуревич 1988; 1991), с особенностями восприятия социальной действительности проповедником (Филиппов 2000; 2016).

Труды, посвященные непосредственно методам изучения западноевропейских проповедей, по-прежнему редки. Здесь можно выделить сборник «Современные вопросы о

средневековых проповедях» под редакцией Н. Бериу и Д.Л. д'Аврэ (Bériou, d'Avray 1994), вступительная статья которого очерчивает наиболее важные, но все же вполне традиционные вопросы методологии (D'Avray 1994: 3–29).

Исследование текстов проповедников, в том числе и «второго эшелона», добротная внутренняя критика источника, смещение акцента на *акт коммуникации* между проповедником и его паствой сами по себе заметно усложнили видение этого источника. Стало понятно, что возможности исследователя ограничены намного больше, чем это предполагалось ранее.

Тем не менее, мечта М. Зенка, А.Я. Гуревича и других медиевистов услышать посредством проповеди «безмолвствующее большинство» напрямую, возможно, даже найти в «лице» гомилии наиболее подходящий источник для изучения широких народных масс, не угасла и требует поиска новых методов работы с этим типом источника.

Какие подходы представляются в этом смысле наиболее продуктивными? Во-первых, анализ проповеди не как назидательного монолога, а как диалога, где реплики прихожан остались за кадром. Такое видение, с моей точки зрения, позволяет лучше объяснить происходящее. В некоторых случаях исследователь может попытаться мысленно реконструировать скрытую часть диалога: на что отвечает священник, зачем нужны конкретные уточнения и подобная расстановка акцентов.

Во-вторых, в рамках той же установки «диалога» можно обратиться к проблеме стыка христианских идеалов и реальной жизни горожан. Понятно, что проповедник обязан донести до прихожан идеи о том, как подобает вести себя праведному христианину. Вместе с тем, он наблюдает реальную жизнь города, принимает исповеди, другими словами, выслушивает оправдания, почему конкретный горожанин преступил то или иное наставление Церкви. Иначе говоря, выходя к пастве, проповедник несет свои контраргументы тем же горожанам. Такой подход можно сравнить с тем, как историки права, в поисках свидетельств о существующих обычаях обращают внимание на ситуации конфликта с письменной нормой, то есть используют практически един-

ственную возможность уловить реалии устного мира. Как известно, всякий конфликт ведет к большей или меньшей трансформации нормы, и Церковь здесь не исключение.

«Набор» вопросов, требующих компромиссов или дополнительных разъяснений, интересен сам по себе. Так, например, в парижских проповедях XIII в. мы не встречаем аргументов в пользу целибата духовенства – к этому периоду вопрос был решен и не вызывал серьезных возражений. Не увидим мы и активного развития тем разводов или гомосексуальных связей, столь актуальных в наши дни. Зато проблема ростовщичества, очевидно, вызывала бурную реакцию в широких слоях городского населения, это отражено во многих парижских проповедях того времени. Глядя на средневековый мир из «будущего», мы можем констатировать, что эту «битву», скорее, выиграли горожане. Церковь была вынуждена постепенно уступать позиции, смягчать свое отношение к греху, который на первых порах осуждала весьма радикально.

Таким образом, столкновение интересов в области идеалов, конфликт, отраженный в проповедях, показывает границы подвижного пласта духовных норм, актуальных на определенный момент времени.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гуревич А.Я. Семья, секс, женщина, ребенок в проповеди XIII века (Франция и Германия) // Историческая демография докапиталистических обществ Западной Европы: проблемы исследования. М., 1988. С. 154–155.
- Гуревич А.Я. Средневековая проповедь как исторический источник (Бертольд Регенсбургский) // Мировая культура: Традиции и современность. М., 1991.
- Филиппов И.С. Паства и общество: кому проповедовал Цезарий Арапатский // Universitas historiae. Сборник статей в честь Павла Юрьевича Уварова. М., 2016. С. 185–194.
- Филиппов И.С. Средиземноморская Франция в раннее средневековье. Проблема становления феодализма. М., 2000.
- Bataillon L.-J. La prédication au XIIIe siècle en France et Italie. Aldershot, 1993.

- Bériou N.* L'avènement des maîtres de la Parole. La prédication à Paris au XIIIe siècle. 2 vol. Paris, 1998.
- Bériou N.* La prédication de Ranulphe de la Houbillonnière. Sermons aux clercs et aux simples gens à Paris au XIIIe siècle. 2 vol. Paris, 1987.
- D'Avray D.L.* Method in the Study of Medieval Sermons // Modern Questions about Medieval Sermons: Essays on Marriage, Death, History, and Sexuality / Éd. N. Bériou, D.L. d'Avray. Spoleto, 1994. P. 3–29.
- D'Avray D.L.* The Preaching of the Friars. Sermons Diffused from Paris before 1300. Oxford, 1985.
- Longère J.* La prédication médiévale. Paris, 1983.
- Martin H.* Le métier de prédicateur en France septentrionale à la fin du Moyen Âge (1350–1520). Paris, 1988.
- The sermon / Ed. B.M. Kienzle (Typologie des Sources du Moyen Âge Occidental, fasc. 81–83). Turnhout, 2000.

В.А. САНЖАРОВ, Е.С. ГРИШИН

КОРОЛЕВСКИЕ ИТИНЕРАРИИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

НА ПРИМЕРЕ ПОСТОЯННЫХ РЕЗИДЕНЦИЙ И МАРШРУТОВ ПЕРЕДВИЖЕНИЙ ЛЮДОВИКА XI (1461–1483)

Итинерарии в последнее время становятся предметом все более пристального исследовательского интереса (Lalou 2007; Shenton 2007; Del Estal Gutierrez 2009). Развитое средневековье дает качественный прирост сведений о местах пребывания монархов: для сопоставимых по продолжительности правлений Людовика Святого и Карла VI соответственно 750 и 3900. Местонахождение короля известно для более чем 100 дней в году в XIV в. и более 200 дней в XV в. Имеющиеся в нашем распоряжении данные (5 томов ордонансов, 10 томов писем, 3 тома актов по Дофине, грамоты помилований по Пуату и т.д.) позволяют определить изменения в пребывании и маршруты перемещений королевского двора для двух третей времени правления Людовика XI (1461–1483).

До недавнего времени преобладала практика перечисления дат, мест и источников, теперь королевский итинерарий не просто календарный перечень посещенных мест, а источник, характеризующий реализацию управлеченческих стратегий — «манеру править». Интерес к проблемам власти, механизмам ее осуществления, формирования и реализации управлеченческих и репрезентационных стратегий, личностного и инстититуционального факторов, определения пространств реальной власти итинерарий позволяет удовлетворить пошагово, с учетом привходящих факторов, внешних вызовов, их восприятия и ответной реакции конкретного

монарха. То есть можно говорить об анализе повседневности правления.

Проблемы, на которые обращает наше внимание находящийся в постоянном движении королевский двор Людовика XI в условиях, когда непосредственное физическое присутствие короля является релевантным и определяющим в реализации управления королевством:

– проблема столицы (как места сосредоточения органов власти или как места проживания короля и пребывания двора; очевидная потеря королевского присутствия Парижем при сохранении административных институтов; связь политического центра с удлинением пребывания монарха и активным использованием близлежащих пространств), проблема седентаризации: «оседания» (например, сезонного) королевского двора и постоянных королевских резиденций как возможных новых столиц (критерии выбора; маркеры столичности — например, прием послов, нахождение казны, переориентацияластной вертикали регионы-центр; переустройство обычного города под новые функции);

– проблема соотношения оседлости и мобильности властных институтов, взаимоотношений с существующими, устоявшимися, имеющими собственную динамику развития институтами власти (парламент, палата счетов, курия эд); дублирование королевским двором функций существующих институтов власти (например, затребование дел из парламента в королевский совет по превентации или создание для конкретных дел специальных трибуналов; Н.А. Хачатурян, С.К. Цатурова);

– центральная власть и региональные проблемы: 1) льготы, привилегии и освобождения для отдельных провинций и городов; 2) аноблирования и помилования; 3) протекционизм; 4) монетарная политика (Ж. Фавье, Лассалмони); 5) соотношение покровительства городам и «урбанизации» королевских перемещений по стране; 6) границы досягаемости центральной власти: где в королевстве никогда не был/и не побывает король, но куда приходят его приказы, распоряжения;

– проблема символически-церемониальной составляющей власти, существование репрезентационных стратегий,

королевские въезды: сколько крупных городов посещает/не посещает король, причина преобладания «рабочих» поездок над репрезентационными, роль малых городов для пребывания королевского двора и значение посещения королем малых городов; паломничества; наложение церковных праздников на места пребывания Людовика дает дополнительный материал к вопросу о демонстрации королевской набожности;

– проблема механизмов личного влияния на ключевые процессы управления страной вне прежней поведенческой парадигмы — личном неучастии в военных сражениях, в заседаниях парламента, заседаниях штатов, ассамблеях отдельных сословий; выбор королем «точек контроля» за ситуацией, характер оперативного вмешательства и корректиды собственных решений;

– проблема организации работы и значимость отдельных служб двора, влияние «движущегося двора» на весомость тех или иных придворных должностей, положение отдельных лиц из королевского окружения;

– проблема влияния королевской мобильности на военные реформы, места расположения и передвижения ордонаансных рот, их участие/неучастие в обеспечении безопасности королевских поездок по стране.

Изучение королевского итinerария требует междисциплинарного подхода. Необходимо не терять из виду целый комплекс проблем: маршруты, расстояния, дороги, средства связи, транспорт, скорости передвижения, топографию местности: горы (горные перевалы) и реки (судоходность, мосты, броды), места размещения (замки, дворцы, аббатства, дома, конюшни), структуру и типологию поселений, источники поставок продовольствия. Одной из важнейших задач в области изучения средневековых итinerариев является преодоление «картографической пустыни» (Martin, Lainé 2009).

ГИС картографирование открывает новые возможности анализа материала. Наложение на современную дорожную сеть даст возможность заполнить пустоты в маршрутах перемещений: для Людовика XI это треть времени правления. Наглядной становится организация пространства правления: основные векторы дипломатической, военно-политической,

административной, церемониальной активности Людовика XI. Маршруты дипломатических вояжей французского короля для личных встреч с кастильским, арагонским (1462, 1463 гг.), английским (1475 г.) монархами дают возможность сопоставить их с перемещениями других участников переговоров (Ladero Quesada 1991: 265–266; Documentos 2016; Ashdown-Hill 2016: 218–226).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ashdown-Hill J.* The Full Itinerary of Edward IV // *Ashdown-Hill J.* The Private Life of Edward IV. Stroud, 2016.
- Del Estal Gutierrez J.M.* Itinerario de Jaime II de Aragón (1291–1327). Zaragoza, 2009.
- Documentos sobre Enrique IV de Castilla y su tiempo / Red. C. Olivera Serrano et al. Madrid, 2016.
- L’itinérance des cours (fin XIIe siècle – milieu XVe siècle): un «modèle» ibérique? / Dir. G. Martin, F. Lainé. Электронный ресурс [режим доступа: <http://journals.openedition.org/e-spania/18558>, дата обращения: 26.03.2020].
- Ladero Quesada M.Á.* 1462: Una año en la vida de Enrique IV, rey de Castilla // En la España medieval. 1991. № 14. P. 237–274.
- Lalou E.* Itinéraire de Philippe IV le Bel (1285–1314). 2 Vol. Paris, 2007.
- Shenton C.* The itinerary of Edward III and his household, 1327–1345. Kew, Surrey, 2007.

A.B. САФРОНОВ

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ГИС-МОДЕЛИРОВАНИЯ В ИЗУЧЕНИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДРЕВНИХ МАЙЯ ПОЗДНЕГО КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА (VII–IX ВЕКА)

В конце XX в. в работах зарубежных специалистов по культуре древних майя была поднята проблема исследования их территориально-политической организации в классический период (III–IX вв. н.э.). Основой стали результаты первых региональных исследований в низменностях майя в 1950-е–1970-е годы. Американский археолог Уильям Буллард в 1960 г. впервые предложил использовать метод «полигонов Тиссена» для определения приблизительных границ владений крупнейших городов майя I тыс. н.э. Метод предполагал маркировку территории вокруг городов путем построения неправильных многоугольников (Bullard 1960). Эту идею в дальнейшем поддержал другой американский археолог Норманн Хэммонд, который на материале своих исследований в юго-восточных низменностях майя обосновал существование в классический период мелких политических образований типа «городов-государств» и также использовал метод «полигонов Тиссена» для их фиксации на карте (Hammond 1972).

В 1970-е гг. появилась альтернативная точка зрения на территориально-политическое устройство древних майя в I тыс. н.э., которую предложила американская исследовательница Джойс Маркус. Она предположила, что основой по-

литического устройства майя было крупное региональное государство, включавшее несколько городских центров разного уровня (Marcus 1973). Свою точку зрения Маркус строила на изучении эпиграфического материала, показавшего признаки политического подчинения одних городов другим. Всего для классического периода Маркус выделила семь региональных государств.

Более точное понимание проблемы дало изучение иероглифических текстов майя. Канадский эпиграфист Питер Мэттьюз, основываясь на данных эпиграфики, в частности, на выделении разновидностей особого царского титула — «эмблемного иероглифа», — определил существование у майя почти 70 небольших самостоятельных политических образований, к которым также применил термин «город–государство», а их границы маркировал с помощью многоугольников в соответствии с методом «полигонов Тиссена» (Mathews 1991). Более того, Мэттьюз впервые показал процесс изменения границ у выделенных им «городов-государств» и построил динамическую схему территориально-политической организации в западных низменностях майя (бассейн Усумасинты). Его схема стала основой для нашего понимания политической организации древних майя классического периода, в которой базовой единицей было небольшое царство, обозначаемое в соответствии с современной типологией как «номовое государство». Однако схему Мэттьюза отличает предельная условность — набор многоугольников на карте без какой-либо привязки к физической географии. И уже в начале 2000-х гг. тщательная реконструкция событийной истории региона показала необходимость качественного пересмотра данной модели.

В начале XXI в. на волне развития цифровых методов в исторических исследованиях, мексиканский специалист Армандо Анайя предложил использовать один из новейших на тот момент подходов с использованием геоинформационных систем (ГИС) для более точного моделирования территориально-политической организации майя. Он предложил применить так называемый метод «гравитационной модели»: используя формализованные данные письменных источников попытался рассчитать условную величину политического

влияния того или иного городского центра в области Верхней Усумасинты и смоделировать в программном комплексе ГИС границы исследуемых политических образований (Anaya 2001). Однако его подход, по сути дела, представлял собой математический метод, направленный на расчет вероятных радиусов влияния этих политических центров по заданной формуле, и слабо сочетался с особенностями физической географии региона. То есть ГИС-подход А. Анайи не использовал в полной мере возможности геоинформационных систем.

В 2000-е гг. российскими исследователями было проведено всеобъемлющее изучение истории царств западных низменностей майя (более 30 политий) в поздний классический период на основании анализа содержания письменных и локализации археологических памятников (Беляев, Сафонов 2004; Сафонов 2005). В результате было составлено общее представление о возможной локализации территории царств в бассейне Усумасинты и выявлена зависимость процесса изменения структуры территориально-политической географии Западного региона от особенностей его топографии. Это стало отправной точкой в разработке более надежных и точных алгоритмов моделирования территорий номовых государств майя с применением ГИС.

Особенность нашего подхода заключается в возможности комплексного анализа разнотипных исторических источников — письменных (датированные данные об исторических событиях) и археологических (типология и локализации археологических объектов) в сочетании с данными топографии области исследования (данные дистанционного зондирования поверхности). Весь массив исследуемой информации объединяется в рамках структурированной и пространственного-координированной базы данных, приспособленной к анализу в ГИС-среде (Сафонов 2012). Анализ данных направлен на моделирование потенциальной экономической зоны отдельного царства майя, начиная с определения его внутренней структуры — локализации столицы и административных центров, расчета потенциальной зоны контроля вокруг них, с учетом удобства их расположения на местности. Таким образом, последовательное моделирование территорий отдельных царств майя даст полную карти-

ну развития политической географии отдельных областей или региона майя в целом.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Беляев Д.Д., Сафонов А.В. Ак'е и Шукальнах: история и политическая география государств майя бассейна Верхней Усумасинты // Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ. 2004. Вып. 6. С. 119–141.*
- Сафонов А.В. Царство Сакц'и: опыт реконструкции исторической географии древних майя по эпиграфическим памятникам // Нумизматика и эпиграфика. М., 2005. Вып. XVII. С. 83–102.*
- Сафонов А.В. Методы пространственного анализа ГИС в исследовании структуры раннего государства древних майя // Археология и геоинформатика. М., 2012. Вып. 7.*
- Anaya Hernandez A. Site Interaction and Political Geography in the Upper Usumasinta Region during the Late Classic: A GIS Approach. Oxford, 2001 (BAR International Series 994).*
- Bullard W.R. Jr. Maya settlement patterns in Northeastern Peten, Guatemala // American Antiquity. 1960. Vol. 25. No. 3. P. 355–372.*
- Hammond N. Location Models and the Site of Lubaantun: A Classic Maya Center // Models in Archaeology / Ed. by D.L. Clarke. London, 1972. P. 757–800.*
- Marcus J. Territorial organization of the Lowland Classic Maya // Science. 1973. Vol. 180. P. 911–916.*
- Mathews P. Classic Maya Emblem Glyphs // Classic Maya Political History: Hieroglyphic and archaeological evidence / Ed. by T. Patrick Culbert. New York, 1991. P. 19–29.*

Д.С. СЕКАЧЕВА

PROBANZA DE VOTÁN: КОНСТРУИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В РАННЕКОЛОНИАЛЬНОЙ НОВОЙ ИСПАНИИ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ
(проект 18-18-00454)*

В раннее колониальное время в Испанской Америке широкое распространение получили документы, именуемые “*Probanza de méritos y servicios*”. Данные источники создавались конкистадорами в соответствии с установленными нормами права с целью подтвердить свои заслуги во время военных походов в Новый Свет. Написанные самим участником завоевания или его потомками, *probanzas* использовались для получения материальных благ и привилегий от испанской короны (Jurado 2014: 388).

Местное индейское население адаптировало этот вид документа для своих нужд. Лидеры знатных родов использовали *пробансы* для доказательства высокого происхождения и легитимности своего владения той или иной областью. В документах подчеркивалось происхождение рода от знаменитого предка и рассказывалось о его великих деяниях, среди которых в том числе могли упоминать основание поселений (De Vos 1996: 34).

Известно несколько подобных индейских «*пробанс*», две из которых происходят из западного региона области майя: *Пробанса Пашболона* и *Пробанса Вотана*. *Пробанса Пашболона* была написана в 1612 г. Пабло Пашболоном, писцом селения

Тишчель в Кампече на испанском и чонтальском языках. Документ был обнаружен в 1933 г. в Архиве Индий в Севилье и опубликован в 1948 г. (Scholes, Roys 1948).

Текст *Пробансы Вотана* был создан, чтобы доказать происхождение главной знатной династии Чьяпаса от героического персонажа постклассического периода Вотана. В отличие от *Пробансы Пашиболона*, оригинальный текст *Пробансы Вотана* не был опубликован и считается утраченным. Первым, кто упомянул о Вотане, был Франсиско Ну涅с де ла Вега, епископ, возглавлявший диоцезы Чьяпы и Соконуско с 1685 по 1706 гг. считается, что рукопись была в его распоряжении до 1700 г. вместе с другими подобными источниками индейского происхождения. В 1702 г. в Риме была опубликована его рукопись *Constituciones diocesanas del Obispado de Chiapa*, в которой он упоминает Вотана как «Третьего язычника, о котором говорит-ся в Календаре». По словам де ла Веги, «Календарь» был напи-сан на индейском языке и в нем перечислялись все места, где побывал Вотан до прихода в Чьяпас (Núñez de la Vega 1702: 9). Епископ также упоминает, что Вотан был потомком Ноя и видел Вавилонскую башню, очевидно смешивая индейскую тра-дицию с библейскими мотивами. Примечательно, что Ну涅с де ла Вега ни разу не называет этот текст *Пробансой Вотана*, а только календарем с содержащимися в нем «историческими книжками» (*Quadernillos Historicos*). Более того, он говорит о других подобных документах, в которых упомянуты «герои» Ламбат, Беен и Чинаш. По их именам ведется счет дней и меся-цев в «Календарях», потому что, по мнению де ла Веги, это са-мые почитаемые святые в этой местности.

Имена «героев» — это дни 260-дневного календаря, на ко-торые приходится начало года. Таким образом, епископ де ла Вега описывает не исторические сочинения, а календарные альманахи и так называемых «носителей года».

После Ну涅са де ла Веги Вотан фигурирует в работе Ра-мона Ордоньеса де Агийяра 1796 г., который употребляет на-звание *Пробанса Вотана*. По его словам, так называлась одна из книг, которые ему предстояло проинтерпретировать (Ordóñez y Aguiar 1907: 8). Однако в своем тексте Ордоньес де Агийяр лишь цитирует то, что уже было написано де ла Вегой.

Так же, как и де ла Вега, он приписывает индейцам происхождение от Хама, сына Ноя. Имя Хам он идентифицирует с майским патронимом Чан («Змей»). Так возникает «исторический факт» происхождения Вотана из рода Чан. Ордоньес первым из авторов приписывает Вотану основание города Паленке.

Важно отметить, что *Пробанса Вотана* никогда не была опубликована как отдельный документ. Ее упоминания есть лишь в различных колониальных источниках. Современник Агийяра Феликс Кабрера в своей работе описывает документ якобы со слов первого, а не пользуется оригинальным текстом (Cabrera 1822). Еще одна важная деталь — все авторы после де ла Веги, по сути, пересказывают и приукрашивают его текст.

Сложная история формирования *Пробансы Вотана* показывает, как неверная интерпретация индейского источника, сделанная епископом Ну涅сом де ла Вегой, положила начало целой череде заблуждений и конструктов исторической памяти, которых изначально не существовало у местного населения.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Cabrera P.F. Description of the ruins of an Ancient city discovered near Palenque, in the kingdom of Guatemala... London, 1822.*
- De Vos J. La Paz de Dios y del Rey. La conquista de la selva lacandona 1525–1821. México, 1996.*
- Jurado M.C. «Descendientes de los primeros». Las probanzas de méritos y servicios y la genealogía cacical. Audiencia de Charcas, 1574–1719 // Revista de Indias. 2014. Vol. LXXIV, núm. 261. P. 387–422.*
- Núñez de la Vega F., Obispo de Chiapas. Constituciones diocesanas del obispado de Chiappa hechas y ordenadas por... Fr. Francisco Nuñez, del Orden de Predicadores, obispo de Ciudad Real de Chiapa..., año de MDCXII. Roma, 1702.*
- Ordóñez y Aguiar R. Historia de la creacion del cielo y de la tierra, conforme al sistema de la gentilidad americana... México, 1907.*
- Scholes F.V., Roys R.L. Appendix A: The Chontal Text (Introducción, fascímile del texto chontal, la versión española, una traducción inglesa) // The Maya Chontal Indians of Acalan-Tixchel. Washington, 1948. P. 359–405.*

А.И. Сидоров

МАЛЫЕ КАРОЛИНГСКИЕ АННАЛЫ И ИХ КОДИКОЛОГИЧЕСКОЕ ОКРУЖЕНИЕ

Рождение и становление жанра средневековой анналистики обычно относят к каролингскому периоду. В историографии принято различать пасхальные, малые и большие анналы, которые последовательно сменяли друг друга, развиваясь от простых форм к более сложным. Эта концепция остается практически неизменной на протяжении последних двухсот лет. Однако анализ рукописной традиции заставляет, как минимум, отнести к ней критически. Источниковый материал указывает, прежде всего, на то, что три разновидности анналов возникают одновременно — во второй половине или даже последней четверти VIII в., и дальше сосуществуют до конца Средневековья. Причем пасхальные анналы не только не вытесняются со временем более «зрелыми» формами, но продолжают активно создаваться.

С проблемой возникновения средневековой анналистики связаны два ключевых вопроса, которые практически не фигурируют в современной историографии: 1) почему возникли анналы; 2) какова природа анналов. В поисках ответов на эти вопросы следует обратиться к анализу кодикологического окружения данного типа текстов.

Каролингские анналы сохранились в кодексах совершенно разного содержания. Большие анналы («Анналы королевства франков», «Фульдские анналы», «Сен-Бертинские анналы» и др.) с самого начала соседствовали исключительно с историческими сочинениями. Так, в кодексе первой половины IX в. из

северо-западной Франции (Paris. BNF. Lat. 10911) «Анналы королевства франков» предшествуют «Продолжатели хроники Фредегара» и «Книга истории франков». Ту же картину мы наблюдаем в сент-амандском кодексе 870-х гг. (Wien. ÖNB. Lat. 437) и обширном историческом компендиуме первой половины X в. из Суассона, который, очевидно, был скопирован с кодекса из библиотеки Карла Лысого (Санкт-Петербург. РНБ. Lat. F.v.IV.4). В первом случае к указанному корпусу текстов добавлены фрагмент «Жизнеописания Карла Великого» Эйнхарда, генеалогии и «Книга пап». А во втором — сочинение Эйнхарда, «Жизнеописание Людовика Благочестивого» Астронома и генеалогии франкских правителей.

Пасхальные анналы, напротив, встречаются в кодексах с текстами по компиляции и литургии, а также разного рода календарями и хронологическими таблицами. Так, в кодексе из Райхенау (Paris. BNF. Lat. 4860) они соседствуют с трактатом Рабана Мавра «Об исчислении», компилятивскими поэмами Валафрида Страбона и календарем. В Санкт-Галлене анналы стали частью обширной астрономико-компьютической энциклопедии с фрагментами сочинений Беды («О природе вещей», «О временах», «Об исчислении времен»), трудами Августина и Иеронима о вычислении Пасхи, астрономическим трактатом Гая Юлия Гигина, фрагментом из грамматики Присциана, доработанной версией Апата, computus с календарем и таблицами, а также «Мартирологием» Вандальберта Прюмского (St. Gallen. Stiftsbibliothek. Codex 250).

Кодикологическое окружение малых анналов отчасти напоминает то, что можно наблюдать в отношении больших и пасхальных анналов, но отнюдь этим не ограничивается. Так, «Вольфенбюттельские анналы» (741–826 гг.) в рукописи из Мурбаха (Wolfenbüttel. Herzog August Bibliothek. Cod. Guelf. 67. 5. Aug. 8°) предварены текстом, который описывает хронологию земной истории от сотворения мира до конца света. Однако начинается он с сообщения о продолжительности земной жизни Христа, а заканчивается сообщением о смерти Карла Мартелла. В кодексе из Санкт-Галлена (St. Gallen. Stiftsbibliothek. Codex 124) краткие анналы соседствуют с описанием Св. Земли, рассказом о вознесении Богоматери, «Шестью возрастами мира», коммен-

тированным Символом веры и Алеманнской Правдой, а примыкают непосредственно к пасхальной таблице, доведенной до 999 г. В кодексе из Сент-Аманда (St. Gallen. Stiftsbibliothek. Codex 732) анналы дополняют различные молитвы, комментарий Псевдо-Иеронима на Евангелия, Чин крещения Йессе Амьенского, рассуждения Августина об исходе души, письма Алкуина к Карлу Великому, описание смертных грехов и рассуждение о том, что неправедный судья подобен антихристу.

Таким образом, можно вполне определенно утверждать, что кодикологический контекст малых анналов — главного типа каролингской анналистики — был в значительной степени эсхатологическим.

Малые анналы представляют собой краткие записи вперемежку с «пустыми» годами, которых может быть очень много. Очевидно, что для составителей главным был именно список лет, наглядно воплощавший линейное христианское время, стремящееся к своему концу. Роль кратких и редких сообщений заключалась в том, чтобы фиксировать это время едва ли не единственным возможным способом — при помощи неповторяющихся и вместе с тем знаковых для конкретных микрогрупп событий. К таковым относились смерти правителей, «своих» епископов и аббатов, региональные войны, стихийные бедствия, строительство «своих церквей» и т. д.

Острое внимание к линейному (конечному) времени следует прямо увязать с бурным ростом количества монастырей в каролингскую эпоху, а также с церковными реформами, практикой публичного покаяния государей, расширением каролингского господства при помощи войны и христианизации, формированием имперской идеологии с опорой на ветхозаветную традицию (с апелляцией к образам Давида и Соломона, использованием практики двойного помазания государей и др.), ростом интереса к компиляции и т. д. Все это свидетельствовало о стремительном нарастании эсхатологических настроений, по крайней мере, в сердце каролингского мира.

Записи на полях пасхальных таблиц (так называемые пасхальные анналы), утверждавшие превитат линейного (эсхатологического) над циклическим (в том числе, литургическим, за-

фиксированным в самой природе таблиц) временем, были явлениями того же порядка.

Это заставляет иначе взглянуть на большую анналистику, которую, в отличие от пасхальной и малой, можно с полным основанием отнести к историописанию. Организация масштабного исторического нарратива в форме погодных записей была впервые взята на вооружение около 780-х гг. и нашла свое воплощение прежде всего в «Анналах королевства франков». Это выглядело абсолютным новаторством — каролингские, да и вообще раннесредневековые историки до второй половины IX в. использовали другие хронологические модели (генеалогии, годы правления государей, литургический календарь и т. д.). Можно предполагать, что выбор формы был концептуальным решением: составители «Анналов королевства франков» писали историю последнего царства на излете его земного времени.

Н.Б. СРЕДИНСКАЯ

ЛАТИНСКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В АТРИБУЦИИ НОТАРИАЛЬНЫХ АКТОВ СЕВЕРНОЙ ИТАЛИИ XIII–XIV ВЕКОВ

Тема, подобная предлагаемой, уже рассматривалась на заседании Круглого стола по такому значительному и редко затрагиваемому вопросу, как «От оригинала к опубликованному тексту: проблемы издания западноевропейских исторических источников» в СПБИИ РАН 19.02.16 г., организованном Е.И. Носовой и Д.И. Вебером. Теперь эта тема, касающаяся итоговой части работы исследователя над подготовленным к публикации текстом — составления аннотации (заголовка, описания, легенды), или краткого определения сути документа для дальнейшего исследования и использования опубликованного источника, рассматривается в другом аспекте — с точки зрения латинской юридической терминологии.

Язык нотариальных актов Северной Италии XIII–XIV вв. — латинский, римское право оказало несомненное и значительное влияние на состав их формуляра; именно поэтому латинская юридическая терминология этих документов имеет ключевое значение для определения их содержания, сути, того, что в римском праве называлось *causa*, то есть причина, основание заключения договора. Часто помочь в определении содержания публикуемого акта, его научного названия, принятого в историографии, оказывает так называемое «самоназвание» документа. Например, “*instrumentum venditionis*” — «акт продажи». Зачастую, при отсутствии самоназвания, акт купли-продажи определяется исходя из наличия в его тексте формул

лы “*dedit, vendidit et tradidit*” — «дал, продал и передал», фиксирующей действия продавца, что составляет предмет договора. Следует, однако, принимать во внимание, что самоназвание может стать как опорой в атрибуции документа, так и явиться «ложным другом», ввести в заблуждение того, кто готовит его описание. Яркий пример представляют собой три кремонских акта 1340–1369 гг., самоназвание которых: “*emphyteosis*” — «эмфитеэзис» вошло в состав аннотаций к ним, тогда как по своему содержанию они соответствуют договорам краткосрочной аренды (Срединская 2017: 191–194). Утвердиться в соответствии самоназвания содержанию документа, или дать свое определение его сути помогает только обращение к латинской юридической терминологии его текста.

Значительное число разнообразных примеров в этом плане предоставляет один из самых распространенных договоров — договор купли-продажи. Первое, что требует уточнения от составителя описания к таким актам, даже при наличии самоназвания “*instrumentum venditionis*” или формулы “*dedit, vendidit et tradidit*” — приобретается ли имущество в собственность, или речь идет о передаче или продаже иного, ограниченного права на вещь. Передача права собственности фиксируется в актах формулой “*iure proprio in perpetuum*” — «[имущество передается] по праву собственности навечно». Иногда эта формула дополнена указанием на то, что покупатель приобретает на вещь “*proprietatem et dominium*” — «право собственности и господство». Напротив, договоры, даже названные составителями-нотариями “*venditio*”, но не устанавливающие права собственности, лишены этой формулы. Например, актом от 4 апреля 1294 г. сухая часть русла, поросшая ивняком в Ферраре передается “*hoc instrumento venditionis iure pacti in sexaginta annos advenientibus ad renovandum*” — «посредством этого акта продажи по праву, [установленному] пактом, который должен возобновляться каждые 60 лет» (ЗЕС. К. 4, карт. 133. № 14). Несмотря на самоназвание, акт 1294 г. представляет собой договор долгосрочной аренды, условия которого напоминают эмфитеэзис. Подобный пример дает акт от 21 ноября 1298 г., предоставлявший покупателю дом в Ферраре не в собственность, а в держание по праву *usus* (на тех же основаниях, кото-

рыми обладал продавец) от феррарского Епископата (ASM. Busta II. Liber 1. № 56).

Существует вторая разновидность актов, имеющих само-название “instrumentum venditionis”, устанавливавших передачу имущества в собственность, однако отнести их к договорам купли-продажи было бы неверно. Это контракты, фиксировавшие замену исполнения обязательства несостоимого должника (*datio in solutum*) с целью компенсировать убытки кредитора. Должник, неспособный вернуть сумму долга, по соглашению с кредитором передавал ему часть своего имущества. (ЗЕС. К. 4, карт. 133. № 16; ASM. Busta II. Liber 2. № 4, 5, 7, 53 etc.).

На этих немногочисленных примерах, взятых только из числа договоров купли-продажи (*emptio-venditio*), можно видеть, что формуляр и иногда даже название этих договоров использовались при составлении других контрактов, как устанавливавших право собственности для приобретателя (*datio in solutum*), так и фиксировавших передачу недвижимости в пользование (эмфитеус, узус). Таким образом, поскольку атрибуция актов Северной Италии XIII–XIV вв. требует наиболее точного обозначения их основных особенностей для дальнейшего исследования и использования опубликованного документа специалистами самого различного профиля, следует отметить, что в решении этой задачи существенную опору представляет латинская юридическая терминология.

БИБЛИОГРАФИЯ

ЗЕС. К. 4, карт. ... №... — Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории, Западноевропейская секция. Коллекция 4 (Материалы по истории отдельных городов и областей Италии), картоны 133–135.

ASM. Busta ... Liber ... №... — Archivio di Stato di Modena, Archivio privato Fiaschi. Buste I–VI.

Акты Кремоны X–XIII веков в собрании Академии Наук СССР / Подг. к изд. С.А. Аннинского; под ред. О.А. Добиаш-Рождественской. М.; Л., 1937.

Акты Кремоны XIII–XVI веков в собрании Академии Наук СССР / Под ред. В.И. Рутенбурга, Е.Ч. Скржинской. М.; Л., 1961.

Акты Падуи конца XIII–XIV в. в собрании Академии наук СССР / Сост.
Е.Ч. Скржинская, А.М. Кононенко, В.И. Мажуга. Л., 1987.

Итальянские коммуны XIV–XV вв. Сборник документов из Архива
ЛОИИ АН СССР / Под ред. В.И. Рутенбурга. М.-Л., 1965.

Срединская Н.Б. Проблемы составления заголовков при издании ита-
льянских документов XIV в. // Вспомогательные исторические
дисциплины. Т. XXXVI (2017). СПб., 2017. С. 189–198.

Д.С. СТАРОСКОЛЬСКАЯ

НАРРАТИВНЫЕ ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Основным типом источников для геральдического исследования являются, бесспорно, источники визуальные. Это неудивительно, ведь геральдики представляет собой именно визуальный способ презентации. Изображениями гербов на разных носителях — печатях, страницах манускриптов, предметах быта, в архитектуре — представлен основной массив геральдических памятников. На протяжении четырех столетий существования гербоведения исследование этих изображений сформировало наше представление о средневековой геральдике, которое, тем не менее, видится современному исследователю неоправданно узким: оно на протяжении веков сводилось к атрибуции — определению соотношения герба и имени, выявлению генеалогических связей, изучению формальных особенностей гербов, а часто и просто к «научному коллекционированию» — собиранию и описанию без должного анализа.

Тем не менее, несмотря на то, что исследование визуального было и остается для геральдики основным, одного его оказывается недостаточно. Современные исследования характерны обращением геральдики «самой к себе». Вопрос теперь ставится иным образом: не «что могут сказать геральдические источники об общих исторических процессах, фактах, событиях или персонах», но «что эти процессы, события и персоны могут сказать о геральдике». На эти вопросы изображения часто не могут дать ответов, а это приводит к поиску других типов источников — в первую очередь нарративных.

Проблема происхождения геральдики и ее развития в XII–XIII вв. — вопрос хоть и не новый, но по-прежнему актуальный.

Первые два века существования средневековых гербов характеризуются ограниченным и сравнительно небольшим количеством геральдических источников в принципе, при этом нарратива, содержащего какие-либо сведения о бытования геральдики, кажется, что нет вовсе.

Первые геральдические трактаты, способные хоть как-то представить видение средневековой геральдики ее современниками, начали появляться лишь в середине XIV в. (Черных 2016: 186–206), обозначив тем самым начало периода геральдической рефлексии. XIII век представлен, помимо «немого» изобразительного материала, первыми появившимися после 1250 г. гербовниками (Черных 2007: 90–110). Многие из этих источников хорошо изучены и неоднократно подвергались критическому анализу. Однако они не способны ответить на целый ряд вопросов. С первым веком существования геральдики до 1250 г. дела обстоят еще сложнее, ведь там нет даже гербовников.

Однако сложно предположить, что такое явление как геральдика не нашло своего отражения в нарративе XII–XIII вв. Попытки найти эти упоминания уже предпринимались, однако, работ, посвященных гербам в литературных произведениях, в геральдической историографии относительно немного. Одним из первых внимание к этой теме привлек Л. Були де Ледэн (Bouly de Lesdain 1907), предпринявший попытку собрать самые ранние имеющиеся описания геральдических щитов, начиная с XI в. Работу с текстами французских рыцарских романов предпринимали П. Адан-Эвен (Adam 1963), М. Пастиуро (Pastoureau 1993), М. Принэ (Prinet 1922), Дж. Бролт (Brault 1972). Однако общим недостатком всех вышеперечисленных работ является то, что созданное еще в старой парадигме взглядов на геральдику, они представляют собой выписывание и пересчитывание гербов, призванное ответить на вопрос «есть ли они в этом произведении или нет» но не более, всем этим работам не хватает *контекстного* анализа.

Тем не менее, именно контекстный анализ способен сказать многое о том, какова была роль и положение геральдики в XII–XIII вв. Задаваясь вопросом об авторстве и аудитории этих текстов, можно сделать выводы касательно широты распро-

странения геральдического специального знания в среде грамотных (а, может, и неграмотных) людей. Подробное исследование персон, включенныхных в состав гербовника, поможет определению цели его создания (Рыжова 2017) и т. д.

Помимо литературных источников, необходимо подвергнуть тщательному анализу и другие источники этого периода. Геральдические упоминания встречаются в хрониках начиная с самого известного примера упоминания дарования Жоффруа Плантагенету картуши с изображением леопардов Жаном Мармутье в 1170 г. (Pastoureau 1997: 245) или использования гербов и даже их словесных описаний в тексте Хроник Матвея Парижского. Помимо этих очевидных примеров, тщательный анализ других хроник не проводился.

Документальные и юридические источники также могут содержать необходимую геральдическую информацию. Так, например, при Генрихе III начался процесс документирования держания фьефов, так как со времен Вильгельма Завоевателя большинство земельных наделов держалось на основании устной договоренности. Специально созданные комиссии путешествовали по стране и проводили расследования прав держания земли, фиксируя их в соответствующих документах (Powicke 1998: 38). Нельзя не заметить, насколько это процедура схожа с геральдическими визитациями, учрежденными в XV в. Ричардом III. Документы подобного рода требуют внимания и такого же контекстного анализа со стороны гербоведов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Adam P. Les usages héraudiques au milieu du XIIe siècle d'après le Roman de Troie de Benoit de Sainte Maure et la littérature contemporaine // Archivum heraldicum.* 1963. P. 18–29.
- Bouly de Lesdain L. Études héraudiques sur le XIIe siècle // Annuaire du Conseil héraudique de France.* Paris, 1907. P. 185–244.
- Brault G.J. Early Blazon: heraldic terminology in the twelfth and thirteenth centuries with special reference to Arthurian literature.* Oxford, 1972.
- Pastoureau M. Heraldry: Its Origins and Meaning.* London, 1997.
- Pastoureau M. Les armoiries arthuriennes // The Manuscripts of Chrétien de Troyes.* Vol. 2. Amsterdam, 1993. P. 245–262.

Powicke M. The Thirteenth Century: 1216–1307. 2nd ed. Oxford, 1998.

Prinet M. Le language héraudique dans le Tournoiement Antéchrist // Bibliothèque de l'École des Chartes. T. 83. 1922. P. 43–55.

Рыжова Д.С. Гербовник как инструмент политического влияния в эпоху Эдуарда I // *Signum* / Отв. ред. А.П. Черных. Вып. 9. М., 2017.

Черных А.П. Гербовники XIII века // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени / Ин-т всеобщей истории РАН. Вып. 68 (2). М., 2007. С. 90–110.

Черных А.П. Идея геральдики в геральдических трактатах Средневековья и Нового времени // Люди и тексты. Исторический альманах. 2015. Идея истории. К 100-летию со дня рождения М.А. Барга. М., 2016. С. 186–206.

О.В. Субботина, О.Э. Фролова

ДВА РЕДКИХ ЧАСОСЛОВА ГИЙОМА ГОДАРА ИЗ ФОНДОВ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ И БИБЛИОТЕКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**К ПРОБЛЕМЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ
И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА
ФРАНЦУЗСКИХ БОГОСЛУЖЕБНЫХ ИЗДАНИЙ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI ВЕКА**

Французские печатные часословы первой половины XVI в. давно обратили на себя внимание исследователей. Это связано, прежде всего, с красотой и редкостью этих книг, ведущих свою историю от аналогичных рукописных изданий. Изучение часословов велось и ведется по нескольким направлениям: рассматривается их состав как с точки зрения содержания, так и иллюстративного материала, а также практика их чтения и использования. Результаты таких исследований чрезвычайно важны для изучения богослужебных текстов Средневековья и раннего Нового времени. Наконец, часословы нередко представляют собой важный источник по семейной истории и связанной с ней истории книговладения и библиофильства: они содержат в себе богатый рукописный материал, автографы, владельческие и иные записи, суперэкслибрисы, экслибрисы, печати, штампы, наклейки и другие знаки владения.

При работе с конкретными экземплярами чрезвычайно важна их идентификация, то есть выявление сохранившихся в мире аналогичных изданий или констатация их отсутствия.

Среди часословов, хранящихся в иностранном книжном фонде Российской национальной библиотеки и Библиотеке Российской академии наук некоторые издания, по-видимому, являются чрезвычайно редкими или уникальными, так как аналогичных им не удалось найти среди ученых в мире. Это неудивительно, поскольку еще в XIX в. было отмечено, что типографы и книготорговцы нередко в один и тот же год выпускали несколько тиражей часословов, отличающихся друг от друга пагинацией, альманахами, материалом (пергамен или бумага), шрифтом (готика или антиква), расположением и количеством гравюр, содержанием, что затрудняет их идентификацию (Alès 1878: 307). Встречаются также вариации и в названиях, и в данных колофонах. Таким образом, в течение года печатник по заказу одного и того же книгопродавца мог издать несколько разных вариантов часослова с похожими названиями.

В связи с вышеизложенным, большой интерес представляют два часослова, входящие в собрание РНБ и БАН и изданные по заказу Гийома Годара, книготорговца, работавшего в Париже с 1510 по 1539 гг. Сведения о нем чрезвычайно скучны. Так, Ф. Ренуар отмечает только, что «лавка Годара размещалась у Моста Менял под вывеской дикаря», и что «мы знаем его имя только благодаря часословам и альманахам» (Renouard 1965: 174). Экземпляр, хранящийся в РНБ, согласно колофону, был напечатан в 1523 г. ([*Hore beate Marie Virginis Secundum usum Romanum*] *Parisiis, Impresse et...impendio honesti viri Guillelmi Godardi, M.CCCCC XXIII. 8°*). Несмотря на отсутствие титульного листа, его удалось найти по году издания в фундаментальной библиографии литургических изданий, составленной австрийским библиографом Гансом Бохаттой на основе знаменитой коллекции герцогов Пармских (Bohatta 1909: 387–388). Этот же часослов мы находим и в более раннем описании уже упомянутого книжного собрания (Alès 1878: 305–308), а также, еще раньше, в библиографическом очерке Брюне (Brunet 1843: 798). Однако, при детальном изучении описаний выяснилось, что в тот год было издано два тиража одного и того же часослова: один на бумаге, а другой — на пергамене. При этом в обоих случаях они имели по 92 листа (часослов РНБ — 114 л., в наличии 112), были напечатаны антиквой (экземпляр РНБ —

готическим шрифтом), имели 35 строк на странице (в часослове РНБ — 23 строки). Экземпляр РНБ отличается и текстом в колофоне, и расположением гравюр.

В результате поисков выяснилось, что традиционных, описанных Бохаттой, часословов в мире сохранилось 11, но для экземпляра РНБ не было найдено аналога среди учтенных в мире изданий. Таким образом, можно сделать предварительный вывод, что этот часослов уникален. Причем уникален он еще и потому, что в начале и в конце экземпляра, на изначально пустых листах, имеются многочисленные рукописные пометы. Их изучение показало, что часослов РНБ в течение более двух веков принадлежал семье де Бартелеми из Лангра. Первым владельцем был адвокат Клод де Бартелеми (Ducas 1843: 9), сделавший первую запись в 1605 г. В Императорскую Публичную библиотеку (в настоящее время РНБ) экземпляр поступил в составе библиотеки братьев Залуских в конце XVIII века.

Другой часослов (*Les presentes heures (...) imprimees a Paris pour Guillaume Godard*) из собрания БАН датирован по альманаху (1520–1530 гг.), приплетенному в конец книги, вероятней всего, после реставрации. Данное издание формата квarta напечатано на бумаге без филиграней, что достаточно часто встречается в первой половине XVI в. Экземпляр является примером самого распространенного римского узуса, чем обусловлены особенности состава календаря, а также списка молитв святым в конце книги. В справочниках Ж.-Ш. Брюне (Brunet 1843) и П. Лакомба (Lacombe 1907) данный часослов не упоминается. У Х. Бохатты (Bohatta 1909: 35) имеется краткое описание, которое соответствуют экземпляру, хранящемуся в Библиотеке Брауновского университета (США). При сравнении цифровой версии этого часослова с экземпляром БАН выяснилось следующее: они совпадают по формату (4°), по годам альманаха (1520–1530), по количеству листов в 11 основных тетрадях, по шрифту и количеству строк на странице (30), тексту в колофоне, но они разнятся по общему количеству листов (в экземпляре БАН 88 fol., в другом — 96 fol.). Более того, они отличаются по тексту на титульном листе, бордюрами и составу гравюр. Таким образом, скорее всего, и в случае с часо-

словом из БАН мы имеем дело с отдельным уникальным изданием, не учтенным ни в справочниках, ни в европейских электронных базах.

В заключение следует подчеркнуть, что часословы Годара из собраний РНБ и БАН впервые вводятся в научный оборот. Поиск, идентификация, описание и изучение таких неучтенных изданий необходимы, так как заключенные в них тексты, иллюстрации и рукописные материалы тем самым становятся новыми источниками для исследователей, занимающихся различными аспектами истории и бытования старопечатной книги.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Alès A. Description des livres de liturgie imprimés aux XVe et XVIe siècles faisant partie de la bibliothèque de Charles-Louis de Bourbon (comte de Villafranca). Paris, 1878.*
- Bohatta H. Bibliographie der Livres d'Heures des XV. und XVI. Jahrhunderts. Wien, 1909.*
- Bohatta H. Katalog der liturgischen Drucke des XV. und XVI. Jahrhunderts in der Herzogl. Parma'schen Bibliothek in Schwarza am Steinfeld, N.-Ö. Teil 1. Wien, 1909.*
- Brunet J-Ch. Manuel du libraire et de l'amateur de livres. T. 4. Paris, 1843.*
- Ducas Nobiliaire universel de France: ou recueil général des généalogies historiques des maisons nobles de ce royaume. T. 21. Paris, 1843.*
- Lacombe P. Livres d'Heures imprimés au XV et au XVI siècle conservés dans les Bibliothèques publiques de Paris. Catalogue. Paris, 1907.*
- Renouard Ph. Répertoire des imprimeurs parisiens, libraries, fondeurs de caractères et correcteurs d'imprimerie depuis l'introduction de l'Imprimerie à Paris (1470) jusqu'à la fin du seizième siècle. Paris, 1965.*

Л.Б. Сукина

ИЛЛЮСТРАЦИИ ПОМИНАЛЬНОЙ ЧАСТИ РУССКИХ СИНОДИКОВ XVII ВЕКА

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ

Некоторые вопросы культурной истории русского Средневековья трудны для исследования в связи с тем, что находящиеся в распоряжении историков источники не содержат необходимой для этого информации. Существующая и неоднократно отрефлексированная в научной и педагогической практике типологическая конструкция корпуса источников российской истории XI–XVII вв. (Источниковедение 2015: 126–215) в целом хорошо описывает его видовую структуру. Однако за ее рамками остались некоторые группы источников, которые последнее время все чаще привлекают к себе внимание исследователей, занимающихся изучением особенностей русской средневековой культуры. К числу таких источников относятся синодики, широко использовавшиеся в церковной коммеморации второй половины XVI–XVII вв. (хотя известны и отдельные рукописи синодичного типа более раннего времени). Источниковоедческий интерес представляют не только тексты синодиков, но и иллюстрации к ним.

По наблюдениям И.В. Дергачевой (совпадающих с нашими), третья часть русских средневековых синодиков — лицевые рукописи (Дергачева 2011: 89). Все они датируются XVII – началом XVIII в. Основная часть иллюстраций, как верно отмечал один из первых исследователей лицевых синодиков Е.В. Петухов, приходится на догматическую и нравственно-учительную части литературного предисловия (Петухов 1895: 265–275). Они насыщены разнообразными и актуальными для позднего Средневековья сюжетами.

Но объектом данного исследования являются иллюстрации синодичных помянников, точнее, их официальной части, включавшей поминания архиереев, великих князей и царей и особо чтимых в данной местности или монастыре святых. Как показывают наблюдения Е.В. Петухова и И.В. Дергачевой, иллюстрирование помянника было крайне редким, даже исключительным явлением, которое в целом до сих пор еще не изучено. Мы попытаемся свести воедино известные нам случаи украшения этой части синодика миниатюрами и сделать на основе этого обобщения некоторые предварительные выводы.

Пока нам удалось выявить пять рукописных синодиков с иллюминированными помянниками. Некоторые из них давно известны исследователям, другие введены в научный оборот лишь недавно. Эти малочисленные образцы отчетливо подразделяются на две группы: 1) с иллюстрированным помянником святых; 2) с иллюстрированным помянником великих князей и царей.

Наиболее ранним из относящихся к первой группе является синодик неизвестного происхождения с овальными миниатюрами с пояснными изображениями почитаемых русских святых: Антония Печерского, Иосифа Волоцкого, Игнатия (Прилуцкого (?)) или Ломского (?), Варлаама Хутынского, Пафнутия Боровского, Филиппа Митрополита Московского, Александра Свирского, Сергия Радонежского, Никиты, архиепископа Новгородского (Синодик I, Дергачева 2011: 92). Этих святых в середине – второй половине XVII в. чтили во многих монастырях Замосковья.

Второй пример более индивидуален — это изображение Даниила Переславского в Синодике переславского Троицкого Данилова монастыря. Оно помещено в картуше заставки на странице поминания преподобного Даниила и «учеников его» (Синодик II, Сукина 2019: 193).

Только поминальная часть иллюминирована в Синодике Троице-Сергиевого монастыря, «построенном» боярином Б.М. Хитрово (Синодик III, Олсуфьев 1921: 81–82). Книга написана на пергамене (для синодиков этого времени случай уникальный). Помянник открывается изображением в лист Сергия Радонежского и Никона Радонежского. Оно выполнено в

иконописной манере, несомненно, кем-то из мастеров Оружейной палаты.

Эти примеры иллюстрирования помянников святых показывают, что их почитание в монастырях было тесно связано с практикой монастырской коммеморации, включено в ее систему, и добавляют новый нюанс в понимание места и роли феномена святыни в русской средневековой культуре.

Больший интерес представляют два синодика второй группы с иллюстрированными помянниками великих князей и царей. Старший из них — Синодик ярославского Спасского монастыря (Синодик IV). В нем поминание царей открывается миниатюрой с изображением «древа царского родословия», в которое включены основатели династии православных государей Руси князь Владимир и княгиня Ольга, а также древнерусские князья, удостоившиеся почитания в качестве святых. Иконография этой композиции достаточно сложна для интерпретации, так как ее создание было обусловлено специфическими идеологическими задачами (Сукина 2018: 34–36). Миниатюра, открывающая царский синодик Воскресенского Новоиерусалимского монастыря (Синодик V) в основных чертах воспроизводит иконографию аналогичной иллюстрации одной из редакций Степенной книги, включающую как светских правителей, так и их «святых сродников» (Сукина 2018: 36). Обе миниатюры ценны тем, что дополняют ряд памятников визуальной генеалогии династии Романовых, представленной также иконами и фресками.

Синодики с иллюминированными помянниками представляют нам новую информацию, позволяющую осмыслить почитание святых и развитие концепции династической монархии в Русском государстве XVII в. в контексте традиционной церковной коммеморации и формирующейся исторической памяти.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Синодик I — Синодик после 1652 г. // РГАДА. Ф. 196 (Мазур.). № 1470.
- Синодик II — Синодик переславского Троицкого Данилова монастыря 1672 г. // Переславль-Залесский музей-заповедник. ПМЗ-4288.
- Синодик III — Синодик Троице-Сергиева монастыря 1679/80 г. // Сергиево-Посадский музей-заповедник. Инв. 322.
- Синодик IV — Синодик ярославского Спасского монастыря 1656 г. // Ярославский музей-заповедник. Инв. 15585.
- Синодик V — Синодик Воскресенского Новоиерусалимского монастыря // ГИМ. Воскресенское собр. 66.
- Дергачева И.В.* Древнерусский Синодик: исследования и тексты. М., 2011.
- Источниковедение: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др.; отв. ред. М.Ф. Румянцева; Нац. исслед. университет «Высшая школа экономики». М., 2015.
- Олсуфьев Ю.А.* Опись лицевых изображений и орнамента книг ризницы Троице-Сергиевой лавры. Сергиев, 1921.
- Петухов Е.В.* Очерки из литературной истории Синодика. СПб., 1895.
- Сукина Л.Б.* Родословные древа великих князей и царей в русской художественной культуре XVII столетия // Родословные древа русских царей XVII–XVIII веков / Сост. А.В. Сиренов. М., 2018. С. 28–39.
- Сукина Л.Б.* Даниил Переяславский и «ученики его» в коммеморационной практике Троицкого Данилова монастыря // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сб. материалов X Международной научной конференции (9–13 сентября 2019 г., Москва, Россия). Приложение к журналу «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». М., 2019. С. 192–193.

Л.З. ТАНЕЕВА-САЛОМАТШАЕВА

**РУКОПИСЬ
«ИСТОРИИ ФИРУЗ-ШАХА»
КАК ОБРАЗЦОВАЯ ХРОНИКА
ДЕЛИЙСКОГО СУЛТАНАТА**

На рубеже XIII–XIV вв. в Индии появляются исторические сочинения на фарси и среди них «История Фируз-шаха» (*Ta'rikh-i Firuz-shahi*) Зийауддина Барани (1286–1356), являющаяся ценнейшим источником исследования политической, экономической и социокультурной жизни. Поэтому выдержки из хроники Барани широко использовались и используются многими исследователями, изучающими один из важнейших периодов в истории мусульманской Индии.

Хронист был современником нескольких султанов Дели, поэтому сведения, сообщаемые им о войнах, народных восстаниях, мерах, принимаемых делийскими султанами внутри страны, большей частью были свидетельствами очевидца, наблюдавшего и расправы над повстанцами, и борьбу за власть, и последствия пагубной экономической политики.

Тесная связь хрониста Барани с шайхом Низамуддином Аулия, высшим иерархом суфийского братства *Чиштийа*, а также продолжительная служба при дворе делийского султана, в угоду и по заказу которого он писал свое сочинение, сказались на подходе к выбору исторических фактов и их интерпретации. Идейный замысел иногда вступал в противоречие со взглядами автора, ибо как личность он сложился в среде, где формировалась интеллектуальная и духовная элита общества, умонастроения которой транслировались дальше, давая ощущимый импульс рождению гуманистических идей.

Это определяло соотношение, с одной стороны, между тем образом султана, который рисует историк, и описанным им же конкретным историческим фактом, с другой — между образом и формулируемой на его основе идеей. Образ, как правило, служил для Зийауддина Барани иллюстрацией той или иной заданной идеи, что зачастую подводило рассуждения автора к неожиданным результатам. Так, факты политической деятельности говорили о воинских успехах султана, стоящего на страже государственных интересов, а личностные характеристики рисовали того же правителя как человека жестокого, мелочно мстительного и скорого на расправу. Положительно характеризуя того или иного делийского султана, то есть вызывая одобрительное отношение к нему, Барани мог, иногда невольно, одним штрихом или примером, показать всю уязвимость предложенных рассуждений.

Его политические воззрения основывались на идее единого государства и сильной власти султана, сплачивающей все разрозненные земли Индии. Положительную оценку хрониста вызывали действия делийских султанов, направленные на консолидацию власти путем создания в ее верхних эшелонах новой служилой прослойки (зачастую незнатного происхождения), обязанной своим продвижением султану и готовой поддержать все его начинания, в отличие от могущественных *амиров* — землевладельцев, стремившихся к личной независимости и обособленности. Главное же, по мнению Барани, в качествах султана — это сочетание гнева (*кахр*) и милости (*лютф*), что соответствует двум атрибутам Аллаха: Божественному величию (*джалал*) и Божественной красоте (*джамал*), ибо Аллах обращен к миру двумя ипостасями: ипостасью могущества и ипостасью красоты и сострадания. Такая теория оправдывала жестокость султана, вызванную той или иной политической необходимостью.

Автор «Истории Фируз-шаха» происходил из состоятельной и влиятельной мусульманской семьи. Его дед, отец и особенно дядя пользовались огромным авторитетом при дворе султана Алауддина Хилджи (1296–1316). Сам Зийаддин долгое время служил при дворе султана Мухаммада Туглака (1325–1351), но при султане Фируз-шахе Туглаке (1351–1388) впал в

немилость и кончил жизнь в лишениях.

Хронологические рамки сочинения охватывают исторические события с начала правления Гийасуддина Балбана (1265) до шестого года правления самого Фируз-шаха Туглака (1356), представляя последовательную династическую хронику, по ходу повествования затрагивающую культурные, экономические и социальные вопросы. Это новшество Барани увязывает с тем, что уже существует фундаментальный труд Минхаджуддина Джузджани, написанный по принципу всеобщей истории, и нет необходимости повторяться. Объясняя свой подход к выборке фактов, хронист подчеркивает, что в историю должны быть вписаны великие люди и их деяния. А посему попасть в нее достойны лишь те, кто сведущ в религии или государственном управлении, а не «люди базара».

Следуя фактам, которые стали ему известны от очевидцев, и исходя из собственного опыта, Барани особенно высоко ценил несколько делийских султанов — Гийасуддина Балбана (1265–1287), Джалуддина Фируз-шаха Хилджи (1290–1296), Алауддина Хилджи (1296–1316), Гийасуддна Туглака (1320–1325), Мухаммад-шаха Туглака (1325–1351) и, меньше, Фируз-шаха Туглака (1351–1388), которому, как ни парадоксально, он посвятил свое сочинение и при котором в прошлом успешный историограф впал в немилость и кончил свои дни вдали от Дели, в одиночестве и нужде.

Парадигму идеального султана автор видел в сочетании нескольких основных качеств: мудрости, совестливости, терпения, умеренности в запросах и, разумеется, благочестия, следования нормам шариата, заботе о подданных. Дед рассказывал Зийауддину, что в узком кругу приближенных Гийасуддин Балбен вспоминал о наставлениях Шамсуддина Илтутмыша, поучавшего: «...очень важно, как ведут себя правители на людях; как они едят и пьют, одеваются, садятся и встают, держатся в седле, как принимают приветствия и приветствуют сами, насколько ревностно исполняют повеления Всевышнего и его Пророка, как общаются с подданными, не впадают ли в ширк [ересь] ибо ширк — злейший враг истинно верующего. Одно из важных условий — сохранение и распространение веры, а также соблюдение подобающей справедливости, ибо если даже па-

дишах совершает тысячу ракатов намаза и постоянно постится, но при этом тратит казну на себя, не заботясь о подданных и не следя законам шариата, то его место в аду».

Подводя итог своей жизни, Зийауддин Барани с горечью повествует: «Сейчас, когда я пребываю в одиночестве, беспомощный и всеми покинутый, меня обуревает ностальгия по умершему, ибо я знаю больше об умерших, нежели о живущих, и хотя я крайне нуждаюсь, я ни у кого ничего не прошу и не жду вознаграждения за свой труд. И все же я решил поведать о том, что узнал от отца и деда, и о том, чему был свидетелем сам. На маджлисах [собраниях] отца я слышал от достойнейших людей, что народ из-за волнений и нестабильности в стране живет тяжело, то есть они предпочитали думать и говорить о простых людях, а не критиковать действия султана. Поэтому, описывая эти маджлисы, я хотел вспомнить всех тех, кто был их украшением, всех тех, кого я знал лично. Сейчас, будучи бедным, забытым и согбенным стариком, я не испытываю ничего, кроме горечи и сожаления, и мне на ум приходят следующие строки: «Ни каир я и ни мусульманин, ни покоя, ни веры, Господь знает о моей судьбе и ведает, почему я такой».

Т.Н. ТАЦЕНКО

**ГРАМОТЫ И ПИСЬМА ИМПЕРАТОРОВ
СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ XVI в.
В НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКОМ АРХИВЕ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ИНСТИТУТА
ИСТОРИИ РАН**
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

В архиве СПБИИ РАН хранятся около ста подлинных грамот и писем императоров Священной Римской империи XVI в. из династии Габсбургов: Максимилиана I (1486–1519), Карла V (1520–1556), Фердинанда I (1556–1564), Максимилиана II (1564–1576) и Рудольфа II (1576–1612). Приобретенные Н.П. Лихачевым до 1914 г. на заграничных аукционах по случаю, они не составляют единого комплекса, а совершенно разрознены по хронологии, внешним характеристикам и содержанию.

Более двух третей документов написаны на ранненововерхненемецком языке, 17 единиц — на латинском, четыре — на чешском и три — на испанском языках. В качестве писчего материала использовалась бумага, иногда, например, для актов длительного хранения, — пергамен. Служебные письма — самый распространенный тип документации — обычно занимают 1–2 листа бумаги *in folio*. Указы и грамоты исполняли на одном листе, причем текст размещался по ширине листа бумаги или пергамена (*Querformat*). Тексты на немецком и чешском языках исполняли готическим курсивом, для документов на латинском и испанском языке применялся округлый гуманистический курсив.

Разнообразные правовые документы и письма от имени императора составлялись и оформлялись в Имперской придворной канцелярии (*Reichshofkanzlei*) в Вене или Праге. Этот административный орган в XVI в. в наибольшей степени обладал чертами института управления Нового времени. В отличие, например, от Имперского придворного совета, состоявшего почти исключительно из представителей титулованной знати, служащие канцелярии подбирались по профессиональным умениям и навыкам, в большинстве своем происходили из бургерства, обладали дипломами юристов и работали на регулярной основе. Просопографические исследования штата канцелярии имеют большое значение не только для идентификации подписей канцлера и секретарей на императорских актах. Ведущие служащие, вице-канцлеры и секретари, оказывали существенное влияние на подготовку документов и таким образом приобретали имя и вес в политике имперского масштаба (*Georg Sigismund Seld, Johann Ulrich Zasius, Sigmund Vieheuser*).

Документы составлялись по определенным формулярам. Секретари обязаны были использовать набор традиционных языковых формул и оборотов в соответствии с номенклатурой документа, придерживаться профессионального «стиля имперской канцелярии (... den stilum unser römischen canzlei geprauchen und haltn ...)». Без освоения этого инструментария чтение и анализ императорских актов крайне затруднительны. Императорские документы архива СПБИИ РАН по своим формальным признакам делятся на грамоты и письма. Грамота содержит объявление и регистрацию публично-правового акта от имени императора, которое выражено ключевым элементом формуляра — *Publicatio*, и всегда вводится глаголом „*bekennen*“. Например: «Мы, Рудольф II ...публично объявляем всем и каждому (*Wir Rudolff der Ander Bekennen öffentlich mit disem Brief / vnd thuen kundt Allermenigelich...*)» — можно прощать в пожаловании привилегии 1597 г. лейпцигским издателям, братьям *Vögelin*, на исключительное право печатать определенные книги (СПБИИ РАН 10/404). По форме грамот составлены привилегии, пожалования дворянских гербов, долговые обязательства и удостоверения выплат имперских налогов.

В отличие от грамот, обращенных ко всем и каждому, письма, в данном случае служебные письма — распоряжения Габсбургов, всегда имеют адресатов, это — сословия, чиновники, органы местного управления. К формальной категории писем относятся и императорские указы (*Mandate*, *Ausschreiben*), составленные по формуляру письма и размноженные печатным способом для определенного круга лиц, либо для всеобщего распространения в империи. В этом случае имя адресата либо вписывалось в печатный текст от руки, либо обозначалось в тексте указа собирательно, например, как определенное сословие или все поданные императора. Ключевым в формуляре императорского письма является обоснование распоряжения (*Narratio*) и его объявление (*Dispositio*). Большое значение имеет приветствие (*Salutatio*), которое всегда отражает словесное положение адресата. Император неизменно обращается к поданным словами: «Любезные верные (*lieben getrewen*)». Лишь к адресатам княжеского сословия употребляется обращение «Высокородный дражайший» с добавлением интимного «дядюшка»: *Hochgeborner lieber Öhaim vnnd Churfurst* (9/404). Подтверждением подлинности волеизъявления монарха в грамотах и письмах (*Corroboration*) служили его подпись, подлинная или часто факсимальная, а также накладная или вислая печать. Вместе с тем в императорских документах всегда ставились подписи секретарей и канцлера.

Изучение писем Позднего Средневековья – начала Нового времени в настоящий момент переживает подъем в зарубежном источниковедении (Holzapfl 2007: 299–328; Rückert, Bickhof, Mersiowsky 2015). В рамках приобретших актуальность исследований по истории межличностных связей и средств информации (*Kommunikations- und mediengeschichtliche Forschung*) эпистолярные источники стали объектом пристального рассмотрения «как важнейшее средство прямых межличностных контактов в эпоху Средневековья и последующего периода» (M. Mersiowsky). Особое внимание уделяется, например, анализу изменений формуляра и стиля письма в переписке соперничающих государей. В эмоционально окрашенной родственной переписке членов княжеских династий открываются новые материалы по политической и гендерной истории, исто-

рии повседневности. В условиях отсутствия массовых западноевропейских эпистолярных источников подобные новые подходы кажутся мало применимыми. Тем не менее они обращают внимание исследователей на возможные новые акценты при анализе даже наших разрозненных подлинных материалов.

Тематически императорские грамоты и письма XVI в. из собрания СПБИИ РАН представляют собой как бы мелкие и мельчайшие, но порой весьма выразительные осколки, случайно выпавшие из громадной мозаичной картины истории Германских земель. Назовем только некоторые из них:

Мандат 1516 г. Максимилиана I с запрещением подданным под угрозой уголовного преследования наниматься на военную службу к французскому королю, противнику в итальянских войнах (10/448); Приказ 1517 г. Максимилиана I князьям держать наготове военные силы для подавления мятежа Франца фон Зиккингена (12/448); Запрет 1546 г. Карла V городам Ульму, Страсбургу, Нюрнбергу и Аугсбургу оказывать поддержку евангелическим сословиям в Шмалькальденской войне (5/603); Разрешение Максимилиана II испанцам производить вербовку наемников для войны против восставших Нидерландов в 1567 г. (2/404); Объявление 1594 г. налоговых льгот сословиям за снабжение войск в войне с турками (16/603).

Главной проблемой для исследователя, занимающегося анализом и научной интерпретацией источников в подобного рода собраниях является их разрозненность и пестрота, которые требуют в каждом отдельном случае трудоемкого исследования с учетом каждый раз нового событийного, географического, хронологического, биографического контекста.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Holzapfl J. Fürstenkorrespondenz // Höfe und Residenzen im spätmittelalterlichen Reich. Hof und Schrift / Hrsg. v. W. Paravicini. (Residenzenforschung. Bd. 15. III). Ostfildern, 2007. S. 299–328.
- Rückert P., Bickhof N., Mersiowsky M. (Hrsg.) Briefe aus dem Spätmittelalter: Herrschaftliche Korrespondenz im deutschen Südwesten. Stuttgart, 2015.

О.И. ТОГОЕВА

«КУТЮМА АЖЕНА» 1271–1279 ГОДОВ

ОСОБЕННОСТИ И ЗАГАДКИ ИКОНОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ

Мое сообщение будет посвящено новому, с моей точки зрения, направлению в изучении истории права и судопроизводства эпохи Средних веков – правовой иконографии.

Несмотря на то, что иконографический поворот еще со времен Я. Буркхардта и А. Варбурга оказывается задействован в различных областях современной медиевистики, наиболее активно подобные исследования начали вестись относительно недавно. До самого последнего времени анализ изображений правового характера с целью уточнить наши знания о юридических идеях и представлениях минувших эпох крайне мало интересовал собственно историков. В первую очередь, речь шла преимущественно о работах искусствоведов (Bilotta 2014; Denis-Morel 2015). Кроме того, посвящены они были обычно или единичным изображениям, или изображениям, иллюстрирующим некую, выбранную на усмотрение самого исследователя правовую норму, и объединенным лишь по этому принципу (Le Bail 1999; L'Engle 2002).

На мой взгляд, такой подход к анализу средневековых изображений правового характера можно условно назвать «правовой имагологией», вне всякого сомнения, берущей свое начало в «потестарной имагологии» (Бойцов 2010). Не желая преуменьшать важность данного исследовательского направления, я, тем не менее, предлагаю различать правовую *имагологию* и правовую *иконографию*.

В моем понимании, речь должна вестись о целостных иконографических программах, то есть об изучении того или ино-

го кодекса в единстве представленных к нем текста и изображений. Стремительная дигитализация рукописей позволяет сегодня историку права работать с огромным корпусом источников. Она же дает возможность обращаться ко всей рукописи целиком или к комплексу рукописей, содержащих один и тот же текст, или же к рукописям, принадлежащим к одной и той же художественной школе.

Актуальность данного направления исследований, конечно, не означает, что подобный анализ отдельных кодексов или их «семей» не проводился ранее. Достаточно вспомнить выдающиеся работы немецких историков права, посвященные рукописям «Саксонского зерцала» XIII в., где циклы миниатюр не просто иллюстрируют содержание, но являются глоссами, поясняющими различные правовые коллизии (Eike von Repgow 1993).

Тем не менее, применительно к французским правовым источникам работа в области правовой иконографии, на мой взгляд, только начинается. Достаточно сказать, что первая более или менее обобщающая монография по данной проблематике вышла только в 2007 г. Это была монография Барбары Морель, посвященная изображению различных типов наказаний, принятых в средневековом суде (Morel 2007). С одной стороны, данная работа стала настоящим прорывом для французской истории права: в ней в большей или меньшей степени были проанализированы 700 с лишним миниатюр и рисунков. С другой стороны, такой огромный объем материала не мог не привести к некоторой поверхностности анализа и выборочности самих изображений. Иными словами, французская исследовательница, скорее, следовала по пути правовой имагологии, нежели иконографии, оставляя в стороне проблему соотнесения полной иконографической программы того или иного кодекса с его текстовым содержанием.

Именно этот последний вопрос и будет интересовать меня прежде всего в моем сообщении, посвященном одному из сборников южнофранцузских кутюм. Бытование и фиксация обычного права в данном регионе в XIII в. представляет для историков совершенно особый интерес, поскольку местное законотворчество находилось под перекрестным «огнем» сразу не-

скольких правовых традиций: собственно французской (королевской), континентальной английской, пиренейской и итальянской (Carbasse 1974). Этот эффект взаимопроникновения правовых норм уже был мной проанализирован на материале «Кутюм Тулузы» (BNF. Ms. lat. 9187), рассмотренных в единстве текста и иконографии (Тогоева 2019).

В качестве нового объекта исследования был избран хорошо известный специалистам кодекс «Кутюмы Ажена», который был изготовлен в 1271–1279 гг. (BM d’Agen. Ms. 42), его академическое издание вышло в 2010 г. (The Costuma d’Agen 2010). Рукопись знаменита своей исключительно интересной иконографической программой, которая, тем не менее, до сих пор не становилась предметом специального рассмотрения. Таким образом, в мои задачи будет входить краткий анализ самого манускрипта; определение его возможного авторства (как в плане текста, так и в плане изображений); определение возможного влияния известных художественных школ на изготовителей рукописи и на ее иллюминаторов (прежде всего, Болоньи и Тулузы); анализ иконографической программы «Кутюмы» с точки зрения ее соотносимости с записанным текстом; прояснение вопроса о возможном взаимовлиянии составителей южнофранцузских сборников кутюм.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Bilotta M.A. Coesistenza e cooperazione nel Sud della Francia fra XIII e XIV secolo: il caso di alcuni manoscritti giuridici miniati ad Avignone // Coexistence et cooperation in the Middle Ages / A cura di A. Musco e G. Musotto. Palermo, 2014. P. 213–247.
- Carbasse J.-M. Consulats méridionaux et justice criminelle. Montpellier, 1974.
- The Costuma d’Agen: A thirteenth-century customary compilation in old Occitan transcribed from the Livre juratoire / Ed. by A. Stones. Turnhout, 2010.
- Denis-Morel B. Passing sentence: variations on the figure of the judge in French political, legal, and historical texts from the 13th to the 15th century // Textual and Visual Representations of Power and Justice in

Medieval France / Ed. by R. Brown-Grant, A.D. Hedeman, B. Ribémont. Burlington, 2015. P. 151–170.

Eike von Repgow. SachsenSpiegel: Die Wolfenbütteler Bilderhandschrift Cod. Guelf 3. 1. Aug 2° / Hrsg. von R. Schmidt-Wiegand. Berlin, 1993. Bd. 1–2.

Le Bail M.-L. Images de la mort physique et rituelle: le châtiment du parricide // Le pardon / Textes réunis par J. Hoareau-Dodineau, X. Rousseaux, P. Texier. Limoges, 1999. P. 143–154.

L'Engle S. Justice in the Margins: Punishment in Medieval Toulouse // Victor. 2002. T. 33. P. 133–165.

Morel B. Une iconographie de la répression judiciaire. Le châtiment dans l'enluminure en France du XIIIe au XVe siècle. P., 2007.

Бойцов М.А. Что такое потестарная имагология? // Власть и образ. Очерки потестарной имагологии / Под ред. М.А. Бойцова и Ф.Б. Успенского. М., 2010. С. 5–37.

Тогоева О.И. Римское уголовное право в «Кутюмах Тулузы» (BNF. Ms. lat. 9187): воспоминание о прошлом или попытка кодификации? // Феномен унификации в истории / Отв. ред. Е.Н. Кириллова. М., 2019. С. 106–124.

И.С. Филиппов

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИЗУЧЕНИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ

**СООТНОШЕНИЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ И КУЛЬТУРНО-
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ (ТЕЗИСЫ)**

В последние десятилетия XX вв. историческая наука, в целом, и медиевистика, в частности, столкнулась с вызовом со стороны математики. Растущее количество исследований того времени опиралось на математические методы. В самых разных сферах исторического знания, в том числе истории культуры, но, прежде всего, в социально-экономической истории и истории народонаселения. Многим тогда казалось, что будущее исторической науки несомненно связано с использованием количественных методов. В наши дни это совсем не очевидно, по крайней мере, в медиевистике. Несмотря на привлекательность идеи *digital humanities* и новые возможности, открываемые массовой оцифровкой текстов и самих рукописей, а также карт и изображений, сегодня, безусловно, преобладают культурно-антропологические подходы и повествовательный стиль, вполне совместимые с традиционными статистическими подсчетами, но игнорирующие более сложные методы, которые может предложить математика. Как объяснить эту перемену?

Такое положение вещей отчасти связано с банальным нежеланием историков осваивать математическую премудрость и с ограниченным предложением, а нередко и с отсутствием адекватных форм обучения этой премудрости в научных, образовательных и иных учреждениях, где они работают.

Не менее важно, что, как и прежде, большинство историков работает в жанрах, не предполагающих применение количественных методов, или, во всяком случае таких, где оно может дать заведомо ограниченные результаты. Таковы биография, история дипломатии, «чисто» политическая и «чисто» военная история, необремененная экономикой, демографией и историей государственных учреждений, или история идей, религии, художественных стилей. Опора на цифирь возможна и здесь, но здесь это не самый очевидный залог успеха, а главное — здесь можно обойтись достаточно неложной традиционной статистикой. В том же ряду надо упомянуть опасение распугать потенциальных читателей формулами и диковинными терминами, вообще отступлением от привычного для нынешних читателей нарратива.

Для отторжения многими современными историками количественных методов есть, конечно, и более сущностные причины, связанные с неодинаковой степенью адекватности применения математических методов к тем или иным источникам. Эта адекватность наиболее очевидна и доказана качественными исследованиями, построенными на обработке больших массивов информации, когда перед исследователем стоит задача получения репрезентативной выборки. Если же массив данных невелик, каждый текст на вес золота, и вопрос о том, чтобы какие-то тексты оставить без внимания, просто не возникает, на первый план выходит выяснение репрезентативности этого массива, рассматриваемого как естественная выборка, сделанная самой историей. К сожалению, математические методы математического изучения таких выборок еще не разработаны, и оценить их репрезентативность можно (весьма приблизительно) только традиционными источникопедическими методами, например, изучая историю соответствующих архивов и обстоятельства появления на свет тех или иных документов. Ясно, что первая ситуация наиболее характерна для близких к нам эпох, а вторая — для эпох удаленных.

Применительно к Западной Европе о действительно больших массивах документации можно говорить — в зависимости от региона — лишь с XIV–XVI вв., и история этого времени, в отличие от более раннего, пишется все чаще с опорой на

статистику, хотя и необязательно на более изощренные количественные методы. Совсем другая ситуация в археологии, в том числе в нумизматике, но речь сейчас не о них.

Медиевисты последних 30–40 лет с заметно большим вниманием, чем большинство их предшественников, относятся к своим источникам. Источниковедение переживает сегодня настоящий бум, и при всем уважении к исследованиям предыдущих поколений историков, мы явно лучше понимаем, как много ловушек подстерегает нас при изучении источников. Помимо сложнейшей проблемы репрезентативности источников (репрезентативности в самых разных смыслах, в том числе географическом и социальном), упомяну проблему соответствия копии оригиналу (медиевисты часто работают с более поздними копиями своих источников); проблему объединения копий разных материалов в один кодекс типа картулярия (какая цель при этом преследовалась?), проблему передачи на латыни реалий и представлений людей, говоривших и думавших на других языках; проблему адекватности формуляра описываемому объекту (какие факты он фиксирует, а какие не замечает?); проблему использования создателями текста всевозможных топосов, клише и скрытых цитат, затрудняющих атрибуцию текста по формальным языковым признакам. Список, конечно, неполный. В принципе, лишь разобравшись во всех этих проблемах и изучив каждый сохранившийся документ в отдельности, можно приступать к количественной обработке содержащихся в них данных. Как правило, это еще музыка будущего. Сегодня же, оценивая огромный объем предварительной работы, многие исследователи задают себе вопрос, стоит ли овчинка выделки и не лучше ли опереться на более привычные культурно-антропологические методы.

Сказанное никак не означает, что автор скептически относится к перспективам применения количественных методов к средневековым источникам. Но приступая к ним, надо принять во внимание их специфику и задавать им лишь те вопросы, на которые реально получить вразумительные и заслуживающие доверия ответы. Прежде всего, это касается источниковедения: определения подлинности текста, его атрибуции, также типичности в сравнении с аналогичными текстами того же времени

и региона и т. д. Математика наверняка поможет извлечь из документов значимую информацию и по таким вопросам, как способы их датировки, частотность личных имен и особенности имянаречения и самоидентификации, сравнительная популярность в данной местности той или иной системы мер или монеты или терминов или способов локализации и даже сравнительная известность разных книг Библии, откуда писцы заимствовали подобающие цитаты. Иногда перспективны поиски скрытой структурной информации. К количественной обработке данных об уровне и изменчивости цен, размерах сельскохозяйственных платежей или количестве детей в семье, нужноходить с большей осторожностью, поскольку на них в большей мере влияют привходящие факторы источниковедческого характера. Ясно, что в одних случаях оптимальны количественные методы, в других — культурно-антропологические. Конечно, желательно их сочетание.

Б.Л. Фонкич

ФРАГМЕНТ ПОРФИРИЯ УСПЕНСКОГО – В. ГАРДТХАУЗЕНА

**«ИЕРУСАЛИМСКИЙ МИНУСКУЛ»
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ VIII ВЕКА**

«Фрагментом Порфирия Успенского — В. Гардтхаузена» мы в данной работе называем лист 349 рукописи РНБ. Греч. 216, содержащей Псалтирь и принадлежащей к одной из самых знаменитых рукописей Порфириевской коллекции. Этот кодекс имеет на л. 350 колофон писца, указывающий его имя и, надо думать, место написания манускрипта (Θεόδωρος ἐλάχιστος διάκονος τῆς ἀγίας Χριστοῦ τοῦ θεοῦ ἡμῶν ἀναστάσεως), а также время его создания (ἔτους κόσμου στό' [6370] ἵνδικτιῶνος ια' [XI]). Какой бы точки зрения относительно датировки Порфириевской Псалтири ни придерживаться (862/3 или 877/78 г.), ясно, что мы имеем дело с кодексом, увидевшим свет в Иерусалиме во второй половине (в третьей или начале четвертой четверти) IX в.

Когда Псалтирь попала в руки Порфирия, в ее составе не было четырех пергаменных листов, имеющих сейчас номера 346–349. Эти четыре листа представляют собой два бифолия (1. Л. 346+349; 2. Л. 347+348), происходящих из разных (скорее всего, не дошедших до нас) рукописей конца VIII – IX в. и приобретенных Порфирием, возможно, тогда же и там же, где и Псалтирь 878 г., то есть в Лавре св. Саввы.

Лист 349 содержит прозаический текст парофразы гимна Христу (расположенного на л. 346 об.), а вслед за ней — четверостишие и, наконец, эпиграмму (трехстишие) о художественном изделии из стекла, изготовленном для храма Гроба Гос-

подня мастером монахом Фомой из Дамаска. Текст на лицевой стороне л. 349 и на верхней половине его оборота писан греческим курсивом (В. Гардтхаузен) последнего, переходного периода его истории (В.К. Ернштедт), или — тем типом греческого минускульного курсива, который в результате его последующей регуляризации приведет к созданию византийского минускула (E. Follieri, L. Perria).

Среди редчайших примеров письма, способствовавших появлению палестинского варианта минускула, наиболее известны, кроме РНБ. Греч. 216. Л. 349, два других манускрипта: Vat. gr. 2200 и Sin. gr. 591. Относительно датировки этих рукописей в специальной литературе существует общее представление об их изготовлении на рубеже VIII–IX вв.: более точных датирующих указаний их писцов манускрипты не содержат. Что же касается локализации этих рукописей, то начиная с конца XIX в., с работ В.К. Ернштедта, а затем в исследованиях Э. Фольери, Л. Политиса и Л. Перрии, было установлено их палестинское (в широком смысле — восточно-средиземноморское) происхождение. Э. Фольери нашла удачное определение минускульного письма рукописей Vat. gr. 2200 и РНБ. Греч. 216. Л. 349–349 об. — “*minuscola agiopolita*”, что в славянской культуре было бы, как нам представляется, удобно передавать как «минускул иерусалимского происхождения» или — «иерусалимский минускул».

Этим курсивом написаны целые книги (Vat. gr. 2200; Sin. gr. 591), хорошо, правильно для того времени, которым мы здесь занимаемся, организованные как с кодикологической и палеографической, так и с текстологической точек зрения, то есть создававшие их писцы относились к письму, которым пользовались, как к письму *книжному*.

Важнейшим является то обстоятельство, что все писцы рассматриваемых здесь курсивных текстов употребляют в том или ином объеме надстрочные знаки, которых в таком виде и таком количестве в раннем маюске (до второй половины VIII в.) в практике писцов не существовало. Это означает, что мы, как и в случае с протостудийским минускульным письмом, имеем дело с вариантом начальной истории минускула, но другого, не-студийского, типа, причем этот другой вариант представлен и письмом с резким наклоном вправо (Vat. gr. 2200;

РНБ. Греч. 216. Л. 349–349 об.), и вертикальным минускулом (Sin. gr. 591; РНБ. Греч. 216. Л. 349 об., нижняя часть листа). Как только рассматриваемый нами протоминускул начал активно употребляться в книгописании, для его использования на письме и при чтении стали появляться надстрочные знаки, иногда — совсем немногочисленные, но порой — практически все знаки системы диакритики, во всяком случае — то одни, то другие, по выбору переписчика текста.

Исследователи последних десятилетий, которым, кроме почерка л. 349 рукописи РНБ. Греч. 216, был в полной мере доступен кодекс Vat. gr. 2200, при сопоставлении минускульного письма этих двух манускриптов делали замечания такого рода: «[основной почерк л. 349–349 об. является] минускулом, подобным почерку Vat. gr. 2200, но [он выполнен] другой рукой». Между тем, палеографический анализ письма л. 349–349 об. (верхней половины листа) свидетельствует о том, что текст этого пространства писан не только письмом того же стиля, что и минускульные части Vat. gr. 2200, но и *той же рукой*: мы не найдем никаких противоречий в почерках той и другой рукописей, в их наклоне вправо, в *частичном* использовании диакритики. Разница впечатления от того и другого почерка объясняется тем, что в первом случае перед нами — написанные без какого-либо старания полторы страницы нужного писцу текста на остававшемся свободным пространстве в конце пергаменной рукописи, дошедшей до нас лишь в виде бифolia л. 346+349 Порфириевской Псалтири, тогда как во втором случае мы имеем полностью сохранившийся шедевр — сборник *Doctrina patrum*, написанный с максимальной тщательностью тем же книжником, настоящим мастером своего дела, каллиграфическим вариантом маюскульного письма палестинского дукта и протоминускулом «иерусалимского дукта». Значительно большее количество надстрочных знаков в Ватиканской рукописи объясняется тем, что данный экземпляр книги, несомненно, предполагалось постоянно использовать в идеологических спорах конца VIII – начала IX вв., в то время как второй лист первого бифolia Порфириевского собрания представляет собой лишь заготовку материала, интересующего только самого писца, сделанную, как это обычно бывало на протяжении сто-

летий истории древней и средневековой книги, на свободном пространстве любой находившейся в распоряжении книжника рукописи; отсюда — и скучное количество надстрочных знаков, достаточных для переписчика, к тому же в эпоху первоначального употребления диакритики в книжном деле.

Идентификация почерка л. 349–349 об. (верхняя половина листа) Греч. 216 и минускула Vat. gr. 2200 позволяет сделать ряд наблюдений.

1. Первое относится к *датировке* этих двух рукописей. Поскольку в самих манускриптах нет указаний на время их создания, необходимо прежде всего обратить внимание на минимальное количество надстрочных знаков в основном тексте л. 349–349 об. И хотя выше мы уже объяснили эту особенность тем, что данный текст представляет собой своего рода вариант толкования гимна Христу, написанного унциалом на л. 346 об., и легко читается, несмотря на протоминускул, владельцем (писцом) этого прозаического материала, нельзя не отметить отсутствие привычки написания значительного объема письма с регулярным употреблением диакритики. Эта особенность указывает на раннее время появления такого письма, на первый период его существования, который относится *примерно* к середине второй половины VIII столетия (770-е – 780-е гг.). Такова датировка протоминускула л. 349 с наклоном письма около 120°.

Так же, по-видимому, следует датировать и Vat. gr. 2200, где диакритика тоже относится к начальному периоду существования этого явления, когда основные усилия переписчика направлены на облегчение чтения текста и поэтому ограничиваются, главным образом, употреблением тех знаков, которые помогают делить слова при чтении.

2. Второе наблюдение касается *локализации* рассматриваемого материала. Определение Э. Фольери минускула Петербургской и Ватиканской рукописей как *minuscola agiopolita* убедительно суживает границы появления такого рода книг пределами Палестины (в отличие от прежних представлений о возможности создания таких манускриптов не только в Палестине, но также в Египте или Сирии). Подтверждением этому служит 3-строчная эпиграмма в нижней части л. 349 об., гово-

пращая о монахе Фоме из Дамаска, создателе украшения из стекла для храма Гроба Господня. Эпиграмма писана уже после того, как в верхней половине л. 349 об. появился прозаический текст парофразы гимна Христу, она исполнена не наклонным, а вертикальным письмом, но писана тоже протоминускулом почти без диакритики и отражает непосредственный интерес ее писца к Иерусалимскому храму. Можно предположить, что тот кодекс, частью которого является первый бифолий Порфирьевской Псалтири (л. 346+349), был создан и еще, по-видимому, долго находился близ этого великого места.

Так определяется локализация как интересующего нас фрагмента рукописи Греч. 216, так и Vat. gr. 2200.

3. Книгописный центр, из которого вышли эти рукописи, судя по палеографии и кодикологии Vat. gr. 2200, являлся важным, хорошо организованным иерусалимским скрипторием, опиравшимся на традиции изготовления книг в период преобладания в местной культуре палестинского дукта маюскула и уже переходившим на использование нового книжного письма — протоминускула, варианты которого были изобретены, скорее всего, здесь же.

4. Активное творчество иерусалимского скриптория, результатами которого явились Vat. gr. 2200 и значительная группа манускриптов "*scrittura mista*", а также изобретение и использование одного из вариантов протоминускула, судя по палеографическим исследованиям последних десятилетий, несколько опережает начало такого же рода деятельности будущего студийского скриптория, книгописание которого восходит к вифинскому периоду, а достигает расцвета с конца VIII в. в Константинополе. Можно предположить, что возрождением древней, существовавшей со времен Александрийской библиотеки, системы диакритики мы обязаны палестинскому книгописанию периода изобретения минускула, системы, вероятно, вскоре перешедшей по своим «каналам» книжно-литературной работы на север, вплоть до столицы Византийской империи.

А.А. ФРОЛОВ

ОПЫТ ОПРЕДЕЛЕНИЯ БЛИЗОСТИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПИСЦОВЫХ КНИГ СРЕДСТВАМИ КОДИКОЛОГИИ

**НА ПРИМЕРЕ НОВГОРОДСКИХ
ПИСЦОВЫХ КНИГ 1550/51 ГОДА**

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ
(проект № 18-09-00189а)*

Заверение документов Московского царства скрепой было предписано впервые Судебником 1550 г. (Памятники 1956: 239), и первая генерация писцовых книг, снабженных полистной скрепой, — книги 1550/51 г. Лицо, уполномоченное скреплять писцовую книгу, обычно идентифицируется по годам службы и учреждению. Тем самым первичная скрепа характеризует обстоятельства создания рукописи, ее подлинность или копийность.

В Новгородской земле в рамках кампании по созданию книг 1550/51 г. в каждой пятине работало от двух до четырех писцовых комиссий. В разного размера фрагментах сохранились материалы девяти книг, которые считаются подлинниками или списками, современными подлиннику. В основном опубликованы и используются историками:

Бежецкая пятина: 1) книга И. Чиркина (ПКНЗ 2001: 22–45); 2) книга Ф.И. Нелединского (НПК 1910: 565–842); 3) книга Ф. Кушелева (Фролов 2020: в печати);

Водская пятина: 1) книга А.И. Лопухина (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. № 17141. Л. 480; № 17150. Л. 230–247);

Деревская пятина: 1) книга Ш.В. Благово (ПКНЗ 2004: 261–328); 2) книга В.И. Калитина (ПКНЗ 2004: 95–258); 3) книга Б.М. Ансимова (ПКНЗ 2004: 1–193);

Шелонская пятина: 1) книга И.Г. Белеутова (ПКНЗ 2009: 8–122); 2) книга А.Г. Жеребцова (НПК 1886: 529–584).

Для характеристики несохранившихся подлинных дворцовых книг Шелонской и Обонежской пятин полезны списки XVIII в. (книги А. Жеребцова (НПК 1905: 315–332) и Ф. Терпигорева (ПКНЗ 1999: 14–20)).

Некоторые аспекты работ 1550/51 г. были исследованы прежде (Фролов 2017: 349–365)). Письмо 1550/51 г. играло вспомогательную роль: созданные в результате писцовые книги полностью воспроизводят структуру предшествующей генерации книг, которая сохранилась в виде набора описаний почти исключительно по поместным землям. Книги 1550/51 г. в части, касающейся поместий, — это конспект книг 1540-х гг., в который внесены корректировки, связанные с переменами в землевладении. Единственная группа сведений, которых не было в книгах предыдущей генерации, — оценка качества земли по примитивной шкале. Писцами выступали новгородские служилые люди.

В целом же комплекс документации 1550/51 г. изучен недостаточно. Архивная судьба большинства рассматриваемых книг в общем известна для XVII–XXI вв. (Фролов 2017: 73–125). Книги Ф. Нелединского, А. Жеребцова, Ш. Благово и И. Чиркина прибыли в московский приказ Новгородской четверти из Новгорода в 1688 г. вместе с коллекцией древнейших писцовых книг (сейчас Ф. 137 РГАДА). Книги А. Лопухина, И. Белеутова, Б. Ансимова и В. Калитина уже к 1688 г. оказались настолько дефектны, что не были опознаны новгородскими подьячими как писцовые книги древнее 7090 г., а потому хранились среди неидентифицируемых книг и тетрадей, пока не были переданы в Санкт-Петербургскую вотчинную контору в 1738 г. (сейчас Оп. 3 Ф. 1209 РГАДА). Происхождение семи листов книги Ф. Кузелева из коллекции Е.В. Барсова (ОПИ ГИМ) неизвестно.

В докладе рассматривается вопрос о том, как формировался комплекс книг 1550/51 г. Первый шаг на этом пути — анализ полистных скреп всех рукописей. Логика участия в про-

ставлении скрепы различных лиц не всегда ясна — вероятно, в связи с неустоявшейся еще практикой. Простейший случай — нахождение на листах рукописи скрепы писца, проводившего описание: Ф. Кушелева, А. Лопухина, А. Жеребцова, В. Калитина, Ш. Благово. В списках с дворцовых книг А. Жеребцова и Ф. Терпигорева, кроме писца, руку приложили сытник с подьячим. Но на книгах Ф. Нелединского и И. Белеутова скрепа сытника и подьячего есть при отсутствии руки писца, что едва ли является достаточным основанием считать их списками.

Книга И. Чиркина по скрепе Путилы Нечаева определяется как список, изготовленный в Москве в годы его дьячества (с 1549/50 г. до мая 1568 г., с середины 1550-х гг. более определенно — в Поместной избе (Веселовский 1975: 333–334)). Книга Б. Ансимова по скрепе дьяка Ильи Осеева атрибутируется как список, изготовленный, возможно, как приправочный для письма начала 1580-х гг.

По результатам изучения скреп из девяти рукописей пять могут считаться подлинниками определенно, поскольку содержат скрепу писца. По всей видимости, они новгородского происхождения, поскольку все писцы этой кампании принадлежат к корпорации новгородских служилых людей. Определенно Новгород являлся местом изготовления книг А. Жеребцова, Ф. Нелединского и И. Белеутова. Книга И. Чиркина — определенно московский список, но насколько близок он по времени к подлиннику, сказать трудно, поскольку дьячество Путилы Нечаева было весьма продолжительным. Наконец, книга Б. Ансимова — определенно новгородская, но список, не менее чем на четверть века отстоящий от даты письма. Таким образом, палитра сочетания признаков «подлинность», «место» и «время» для девяти изучаемых рукописей весьма разнообразна.

Внести большую определенность в атрибуцию книг этого комплекса могли бы почерки, которыми написаны рукописи, если бы они повторялись в нескольких книгах. Пока что детальное кодикологическое исследование коснулось лишь двух из девяти книг — И. Чиркина и Ф. Кушелева, однако почерки всех книг сравнивались целенаправленно. Тем не менее мне не удалось найти достоверных случаев нахождения одного по-

черка в двух рукописях этого комплекса. Косвенно данный результат указывает на то, что книги либо переписывались в разных местах, либо это происходило практически одновременно, и подьячие, занятые в работе с одной рукописью, не могли поэтому быть подключены к созданию другой.

Дополнительным средством для выяснения близости рукописей по процессу изготовления служит ассортимент бумаги. Без полноценного изучения листовых формул и нумерации тетрадей остается пока открытым вопрос о заменах и добавлениях листов, но этот недостаток при изучении связей между рукописями комплекса компенсируется спецификой данной генерации книг: они написаны на большом количестве разных сортов бумаги. Всего выявлена 21 филигрань: рука — 14 вариантов, литеры — 2 варианта, кувшин — 4 варианта и змея — 1 вариант. При этом некоторые сорта присутствуют одновременно в нескольких рукописях.

Это позволяет охарактеризовать близость рукописей по бумаге средствами сетевого анализа, учитывавшего частоту использования одного сорта бумаги в нескольких рукописях. Полученный граф связей между рукописями свидетельствует, что комплекс подлинных книг, созданных в Новгороде в 1550/51 г., представлен книгами А. Жеребцова, Ф. Нелединского, И. Белеутова, А. Лопухина и В. Калитина. Не связана с ним по бумаге книга Ш. Благово, хотя скрепа писца не позволяет сомневаться в ее подлинности. Книга Ф. Кушелева не может быть связана с другими из-за отсутствия филиграней. Несмотря на московское происхождение, в книге И. Чиркина один из сортов бумаги все же совпадает с бумагой из книги А. Жеребцова, и это заставляет не торопиться с констатацией географической близости места изготовления рукописей, если совпадения сортов единичны.

Анализ близости рукописей писцовых книг одной генерации по сортам бумаги, как представляется, способен уточнить представления об истории государственных архивов. В дальнейшем планируется апробировать этот подход на материалах и других генераций писцовых книг.

БИБЛИОГРАФИЯ

Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975.

Памятники русского права. Вып. 4. М., 1956.

НПК. Т. IV. СПб., 1886.

НПК. Т. VI. СПб., 1910.

ПКНЗ. Т. 2. М., 1999.

ПКНЗ. Т. 3. М., 2001.

ПКНЗ. Т. 5. М., 2004.

ПКНЗ. Т. 6. М., 2009.

Фролов А.А. Новгородские писцовые книги: источники и методы исследования. М; СПб., 2017.

Фролов А.А. Новгородские писцовые материалы конца XV–XVII в. в сокращении Е.В. Барсова в ОПИ ГИМ // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2020 (в печати).

Сокращения

НПК — Новгородские писцовые книги

ПКНЗ — Писцовые книги Новгородской земли

C.A. Хохрякова (Висканта)

РИТУАЛЬНЫЕ ПЕЩЕРНЫЕ ТЕКСТЫ МАЙЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЮГО-ВОСТОЧНОГО РЕГИОНА ПОЗДНЕГО КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ
(проект № 18-18-00454)*

Корпус иероглифических текстов пещерного комплекса Нах-Тунич, расположенного на юго-востоке департамента Петен в Гватемале, сильно выделяется на общем фоне дошедших до нас письменных источников древних майя классического периода. Комплекс представляет собой обширную сеть пещер и просторных туннелей, переплетенных между собой, общей протяженностью около 3 км. Многочисленные артефакты, археологические свидетельства, монументальные постройки, а также 94 задокументированные настенные росписи, включающие в себя иероглифические тексты, указывают на то, что пещера Нах-Тунич была ритуальным центром паломничества начиная с позднего доклассического периода (на что указывают находки керамики типа Ixobel Orange, временными рамками распространения которой в регионе был период 75 г. до н.э. – 150 г. н.э. (Brady et all. 2003)) и активно использовалась вплоть до терминального классического периода (X в.) (Brady 1989).

Несмотря на точность календарной системы майя, датировка текстов Нах-Туница усложняется тем, что в пещере нет дат по долгому счету, а присутствуют только циклические даты. Стилистически все тексты и изображения относят к

позднеклассическому периоду. Согласно А. Стоун и Б. МакЛеод, самая ранняя надпись (Роспись 88) датируется 692 г., а самая поздняя — 771 г. (Роспись 29) (Stone, MacLeod 1995). Из краски трех надписей также были взяты пробы для радиоуглеродного анализа, который подтвердил, что их можно отнести к VII–VIII вв. (Armitage 2001).

Большая часть иероглифических текстов Нах-Туница (за исключением текстов, значение которых остается не до конца ясно, или прочтение которых затруднительно из-за плохой сохранности) сообщают имена и титулы людей, посетивших это место.

Ценность текстов этого памятника заключается не только в том, что они дают представления о паломничестве майя классического периода (прослеживаются паломнические пути, существует ритуальная риторика, есть сведения о ритуальной деятельности), но также позволяют проследить политические связи очень широкого региона в поздний классический период. В Нах-Туниче присутствует 13 эмблемных иероглифов, которые использовались для обозначения титулов правящих династий политий. Среди них есть две, которые больше нигде в корпусе текстов майя не встречаются. Однако историю и местоположение одной из этих политий частично можно реконструировать.

Целый ряд текстов пещеры содержит информацию об именах и титулатуре паломников, дате их прибытия и именах сопровождающих их лиц, которые всегда находятся в менее статусном положении по отношению к первому, что позволяет выстроить иерархическую связь между царскими династиями. Помимо этого, тексты сообщают о родственных связях между правящими династиями политических центров региона, что позволяет реконструировать династические браки, заключенные задолго до создания текстов, а также реконструировать историческую память правящей элиты майя позднеклассического периода.

В докладе будет сделана попытка выстроить политическую картину, что позволит расширить представления о политических контактах между городскими центрами древних майя в позднеклассический период.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Brady J., Ball J., Bishop R., Pring D., Hammond N., Housley R.* The Lowland Maya Protoclassic: A Reconsideration of its Nature and Significance // Ancient Mesoamerica. Vol. 9, № 1. 1998. P. 17–38.
- Brady J.E.* An Investigation of Maya Ritual Cave Use with Special Reference to Naj Tunich. Peten, Guatemala. Diss. Los Angeles: University of California, 1989.
- Stone A., MacLeod B.* Images from the Underworld: Naj Tunich and the Tradition of Maya Cave Painting. Austin, 1995.
- Armitage R.A., Brady J.E., Cobb A., Sounthon J.R., Rowe M.W.* Mass Spectrometric Radiocarbon Dates from Three Rock Paintings of Known Age // American Antiquity. Vol. 66, No. 3. 2001. P. 471–480.

К.С. Худин

МЕДИЦИНСКИЕ РЕЦЕПТЫ АПТЕКАРСКОГО ПРИКАЗА XVII ВЕКА КАК МАССОВЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Медицинские рецепты (далее — МР) сохранились в делопроизводстве Аптекарского приказа (далее — АП) с середины XVII в. и наиболее массово дошли до нас с 1670–80 гг. Этот источник представляет собой датированный список лекарственных препаратов для конкретного пациента, составленный доктором АП на латыни, а затем переведенный на русский язык. Ранее мы уже обращались к этому источнику, обозначив его информационные возможности для исторической науки (Худин 2018: 44–49). В данной статье мы рассмотрим ряд тем, которые не получили в предшествующей статье достаточного освещения. Настоящая статья предваряет большое исследование по статистической обработке МР АП.

Сам массовый характер этого источника располагает к использованию количественных методов, позволяющих обобщить большой массив данных и на их основе реконструировать социальный портрет пациента XVII в.: его пол, возраст, социальный статус и социальные связи. Указание итоговой стоимости МР (в ситуации, когда он отпускался за деньги) позволяет оценить объем доходов АП от продажи лекарств. Приходо-расходные книги АП сохранились за отдельные годы и не могут сообщить такой информации. Следующий уровень обобщения этой информации позволил бы сделать косвенные выводы в рамках социальной истории России XVII в.

Этот источник незаслуженно обойден вниманием историков. Филологи обращались нему в первую очередь с точки зрения истории языка: их интересовала медицинская лексика и номенклатура лекарственных препаратов. Эти исследования могут дать ряд ценных наблюдений в отношении структуры текста, особенностей перевода и пр. (см., например: Олехнович 2016: 174–181).

В качестве материала для начального этапа исследования по нескольким причинам нами выбран корпус МР за 1671 г.:

1) среди всего корпуса АП это наиболее ранние МР, представленные массово, что обеспечивает большую выборку и позволяет получить статистически корректные результаты (впоследствии в хронологические рамки исследования будут включены и МР 1660-х гг.);

2) корпус МР за 1671 г. хронологически приходится на период, предшествующий разделению АП на два новых учреждения: Старый АП и Приказ Новой аптеки. Процесс реорганизации обозначился с конца 1660-х гг. и завершился к 1673 г. Изучение МР этого времени позволяет проследить особенности этой трансформации;

3) и, наконец, что немаловажно, этот корпус ранее не привлекался никем из исследователей и не вводился в научный оборот.

МР АП почти всегда сохранились в виде латинского оригинала и его русского перевода, сделанного в приказе. Сопоставление двух этих текстов способно дать дополнительную информацию исследователю, поскольку они не тождественны: переводчик дополнял исходный текст или же, напротив, опускал детали. Система в этих изменениях, а также их возможные причины могут быть выявлены на статистически значимом количестве данных. Пример такого рода мы находим в латинском оригинале МР, где указано, что лекарства выданы жене дьяка Афанасия Зыкова (в подлиннике: *ixore* (лат. *ixor* «жена»), без указания имени), в то время как в русском переводе в качестве пациента указан сам Афанасий Тихонович (РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 956. Л. 28–29). Поэтому важно внимательное палеографическое изучение и латинского, и русского источника.

Тем не менее оба текста имеют сходный формуляр, который непременно включает в себя: 1) дату; 2) список препаратов и 3) имя и статус пациента; а также 4) имя доктора, составившего рецепт, и 5) имя человека, забравшего лекарства. Последнее позволяет установить круг социальных связей пациента. Что касается имени самого пациента, то часто в латинском или русском варианте фигурирует его отчество, что может оказаться полезным в идентификации по справочникам.

Также могут быть указаны замечания врача о назывании болезни и рекомендации по употреблению препаратов. Последнее встречается крайне редко, к тому же само наименование болезни носит очень общий характер (например, очная, нутряная и др.) и не позволяет соотносить с современными названиями. По составу препаратов установить характер заболевания представляется также весьма затруднительным и ненадежным.

Тем не менее точная датировка, а также указание имени и статуса пациента делают каждый такой документ уникальным в своем роде. Все это позволяет в ряде случаев реконструировать возраст пациента, его социальные связи и другие элементы биографии.

На данном этапе нам удалось сделать ряд предварительных наблюдений, которые требуют подтверждений на большем массиве данных:

1) Доступ к придворной медицине АП во второй половине XVII в. становился все более демократичным: среди пациентов помимо аристократов высокого статуса оказываются стольники, дворяне, дьяки и подьячие, а также ремесленники и представители Церкви;

2) Вопреки первоначальной гипотезе о том, что за лекарствами обращались немолодые пациенты, мы зачастую обнаруживаем среди пациентов весьма молодых людей 20–25 лет.

Более подробно результаты исследования будут представлены в рамках доклада, так как предварительные наблюдения требуют проверки на массовом материале.

Привлекая в дальнейшем все больший круг источников (МР АП за 1660–1680 гг.), мы планируем провести анализ изменений социального состава пациентов, а также динамики доходов АП от продажи лекарств.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Худин К.С.* Рецепты Аптекарского приказа XVII в. как исторический источник: источниковедческий потенциал // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды Сб. ст. М., 2018. С. 44–49.
- Олехнович О.Г.* Медицинский рецепт в России XVII в. // Методические и лингвистические аспекты греко-латинской медицинской терминологии: материалы Всероссийской научно-учебно-методической конференции (Санкт-Петербург, 18–20 октября 2016 г.). [Электронное издание]. Гл. ред. С.Ф. Багненко. 2016. Спб., 2016. С. 174–181.

Л.С. ЧЕКИН

СВЯТЫЕ РУССКИЕ ОСТРОВА, ВАРЯЖСКИЕ СТОЛПЫ И ДРУГИЕ КОГНИТИВНЫЕ ИСКАЖЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРКТИЧЕСКОЙ ТОПОНИМИИ

На картах Средневековья и начала Нового времени сохранилось немало географических названий, происхождение которых пока не выяснено. Особенно их много в Арктике, контакт с которой был сложен и ограничен, при том что интерес к ней был высок. Современные исследователи, в том числе советские и российские, пытались использовать средневековую арктическую топонимию для подтверждения тех или иных историографических построений. Но эти попытки редко оказывались удачными именно из-за большого количества топонимического «шума», который при сопоставлении с современной картой или дорогами сердцу исследователя гипотезами подсказывает ложно-позитивные идентификации, основанные на случайных созвучиях.

Почему мы попадаем в ловушку ложно-позитивных идентификаций и стремимся найти связи там, где их нет? Румынский лексикограф Дан Унгуряну опубликовал в соавторстве со специалистом по искусственным нейронным сетям Александру Шишу критический разбор палеолингвистических реконструкций различных дописменных прайзыков, знакомство с которым было бы полезно всем, кто пытается заниматься этимологизированием и сопоставлением любых массивов лингвистических данных, включая и топонимы на старинных картах. Авторы обратили внимание на специфические когнитивные

аберрации, стоящие в основе многих таких реконструкций, где преобладают случайные совпадения неродственных слов. Игнорирование базового процента случайных совпадений приводит к химерическим построениям, в том числе силами вполне эрудированных специалистов (Ungureanu, Şişu 2014).

В данном докладе я ограничусь подробным разбором двух ложно-позитивных идентификаций в арктическом регионе, которые до сих пор некритично используются в историографии — «Святые русские» острова на карте Герарда Меркатора 1569 г. и «Варяжские столпы» на Санкт-Эммерамской карте середины XII века. Обе основаны на случайныхозвучиях, но обе соответствовали ожиданиям и идеологии определенных исследовательских сообществ, благодаря чему и оказались встроены в те или иные исторические конструкции.

Как и многие другие известные карты эпохи Великих географических открытий, карта мира Меркатора содержит большое количество топонимов, собранных из разных источников. Топонимы переходили из уст в уста, из текстов на карту, через разные языки в разное время и давали большое количество топонимического «шума». При этом теория обнаружения сигнала показывает, что именно высокая плотность стимулов, особенная интенсивность «шума» способствует большей уверенности исследователя, распознавшего кажущийся значимым сигнал (Baldassi, Megna, Burr 2006).

Таким «сигналом» оказались надписи *Santi* и *Rustene*, относящиеся на карте к архипелагу из семи маленьких островов к северу от Северного Калотта. Эти надписи были впервые переведены как две части одного названия, «Святые русские [острова]», в работе М.И. Белова (Белов 1954: 6). Благодаря такому переводу карта Меркатора стала одним из источников, якобы свидетельствовавшим об открытии Шпицбергена русскими (поморами) задолго до Виллема Баренца. Этот перевод без малейшего сомнения повторяется в историографии, художественных произведениях, кинодокументалистике. Ни в одной из статей и монографий, где дается такой перевод, нет даже попытки его обосновать или хотя бы предположить, на каком языке написаны легенды.

Однако разбор источников Меркатора показывает, что об этих островах он узнал из приключений венецианца Пьетро Кверини 1431–1432 гг., который после кораблекрушения добрался на шлюпке до островка *Santi*, а потом поправлял свои дела на *Rustene*. Достаточно ознакомиться с текстом Кверини, чтобы понять, что эти острова не имеют отношения ни к поморам, ни к Шпицбергену. Имеется в виду Рёст — южная оконечность Лофотенских островов. Рёст состоит из главного острова Рёстландет и более 300 мелких островков и шхер, среди которых «Песчаный остров», Сандёйя (ср. Rogatchevski 2020: note 34).

Данный пример характерен для тех историков картографии, которые игнорируют лингвистические особенности карт и ставят эти карты на службу той или иной национальной идеи. Но и внимание к языку не спасает от маниящих исследователя «сиренозвучия», о которых предупреждал основатель современной этимологии Август Фридрих Потт. Об этом свидетельствует второй пример из практики самого докладчика, некогда пустившего в научный оборот «Варяжские столпы» — перевод *Cades Varacis*, самого северного топонима Санкт-Эммерамской карты XII в. (Чекин 1999: 42–45, 195–196). В то время мне казалось, что я смог дать палеографическое, лингвистическое и историческое обоснование своему переводу данного топонима.

В отечественной историографии Варяжские столпы зажили своей жизнью, подобной жизни Святых русских островов, и настолько вдохновили одного автора, что он даже включил их в название своей книги. В этой книге он подверг меня критике за норманизм, но в переводе топонима, к сожалению, не усомнился (Серяков 2015). Столпы появились и в роскошном коммерческом издании «Туран на старинных картах», украшенном именем известного профессора МГУ и эпиграфом из Нурсултана Назарбаева. Создатели атласа, позаимствовав у меня описания нескольких карт, сославшись на основной источник своих сведений нужным не посчитали. В результате Варяжские столпы присутствуют в атласе в качестве то ли похищенного товарного знака, то ли странствующей мифологемы (Туран 2008: 30).

В отличие от Святых русских островов, более правдоподобное толкование легенды *Cades Varacis* было предложено

еще за год до того, как я впервые опубликовал свой перевод (Reichert 1998: 32), но оно долгое время оставалось незамеченным — возможно потому, что основывалось на чисто библейских источниках и не вписывалось ни в одну из концепций ни одной национальной истории.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Белов М.И.* Введение // Географический сборник III. История географических знаний и географических открытий. М.; Л., 1954. С. 5–12.
- Серяков М.Л.* Битва у Варяжских столпов. М., 2015.
- Туран на старинных картах: Образ пространства — пространство образов. Атлас. Алматы; М., 2008.
- Чекин Л.С.* Картография христианского средневековья VIII–XIII вв.: Тексты, перевод, комментарий. М., 1999 (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).
- Baldassi S., Megna N., Burr D.C.* Visual Clutter Causes High-Magnitude Errors. PLoS Biol. 2006. 4(3): e56. — Электронный ресурс [режим доступа: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/16494527>, дата обращения — 26.03.2020].
- Gautier Dalché P.* Quatre Notes sur Alexandre // Les voyages d'Alexandre au paradis Orient et Occident, regards croisés / Éd. C. Gaullier-Bougassas, M. Bridges. Turnhout, 2013. P. 213–238. Alexander Redivivus. Vol. 3.
- Reichert F.* Grenzen in der Kartographie des Mittelalters // Migration und Grenze / Hrsg. von A. Gestrich, M. Krauss. Stuttgart, 1998. S. 15–39. (Stuttgarter Beiträge zur Historischen Migrationsforschung. Bd. 4).
- Rogatchevski A.* Svalbard on the (Post-) Soviet Screen // Nordlit. 2020. Nr. 45. P. 150–174. — Электронный ресурс [режим доступа: <https://septentrio.uit.no/index.php/nordlit/article/view/4993/475> 3 дата обращения — 26.03.2020].
- Ungureanu D., Șișu A.* Reconstructing Languages: A Cognitive Assessment of Historical and Comparative Linguistics. București, 2014.

А.П. ЧЕРНЫХ

ПАМЯТНИКИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ИСТОЧНИКОВЕДЕНИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГЕРАЛЬДИКИ

Привлечение предметов материальной культуры в качестве источников для изучения геральдики требует классификации материальных носителей гербов. Относительно изученные сигиллографические и нумизматические ее источники представляют собой огромные массивы источников (миллионы матриц, оттисков и монет). Среди средневековых фалеристических памятников есть знаки пилигримов, политических партий и им подобные. «Вторичные» гербовники подчас тоже являются предметами материальной культуры (см: Черных 2016). В целом корпус материальных источников должен быть систематизирован согласно классической структуре истории материальной культуры.

Архитектурные сооружения содержат воплощения герба и его элементов на стенах, в оформлении окон и порталов; изобилуют гербами фасады памятников гражданской архитектуры, подобных Палаццо подестá в Ареццо. В храмовом интерьере геральдизированы надгробия; это сотни и сотни памятников, среди которых есть повторяющиеся (надгробия) и уникальные («Гроб Господень» XV в. из монастыря Винхаузен в Нижней Саксонии). Позднесредневековое кладбище однозначно оказывалось собранием памятников геральдики, и потому кладбища фигурировали в геральдических визитациях XVI–XVII вв. — проверках заявляемого социального статуса.

Гербовые фризы, гербовые оформления потолков и стенные росписи в замках и домах городского патрициата, насчитывающие по нескольку десятков гербов, сохранились с начала

XIII в. Не следует трактовать их гербы лишь как «украшение» — это сразу закрывает исследовательскую перспективу. Попытки обобщить представления о сохранности и функциях герба в общественном и частном интерьере были сделаны сравнительно недавно (Meier 2007). Во Франции с 2016 г. действует программа по выявлению средневековых памятников «монументальной» геральдики Пуату (ARMMA — *Armorial monumental du Moyen Âge*), по которой обследовано 75% территории и в 150 местах выявлено 400 гербов (Hablot 2016). Необходимость такой «инвентаризации» источников очевидна.

Герб в частном интерьере обычен на оконных переплётах, над дверными проёмами, на камине или каминном колпаке. Пол нередко покрывался геральдизированной плиткой. В музеиных собраниях сохранились ковры и прочие тканые изделия, в которых герб является не только дополнением, но и самостоятельным сюжетом.

Из мебели одним из наиболее репрезентативных предметов был стол, и столешницы с гербами известны. Много сундуков для приданого с гербами на крышке снаружи и внутри, боковых и торцевых стенках, на замочной накладке. Начиная с XIII в. сохранились несколько десятков ларцов (Людовика Святого, Жана де Монмайя). Накладные гербы на них изготавливались в тех же мастерских, что и собачьи медальоны, знаки ловчих птиц и гербовые накладки конской сбруи. Накладки и медальоны исчисляются тысячами. Основная масса этих найденных в земле археологических объектов относится к XIV–XV вв.; ареал распространения соотносим с территорией классической геральдики (Черных 2017).

Такой раздел материальной культуры, как посуда и утварь, также не остается в стороне. Стеклянные изделия с гербами встречаются с XIV в. С XV в. развернулось производство геральдизированных блюд декоративного и прямого назначения. На металлической посуде и утвари есть гербовые клейма изготовителя. Сохранились металлические кружки с гравированными и накладными гербовыми щитами. Среди отдельных примеров — кухонная бронзовая ступка 1180–1220 гг., подставка для вертела XIV века.

Литургическая и церемониальная утварь (жемельоны, пиксиды, подсвечники, литургические сосуды и реликварии) снабжены владельческими или общеизвестными гербами. Есть гербовые фибулы и броши. К ювелирным изделиям в принципе относятся и многочисленные перстни с матрицами гербовых печатей.

Вооружение и доспех, кажущиеся логичными местами воплощения гербов, в действительности не превышают «гражданское» их месторасположение. Тем не менее, сохранилось несколько десятков подлинных щитов XII–XIII вв., щит Чёрного принца XIV в. в Вестминстерском аббатстве. Многие из мечей имеют герб на рукояти, с инкрустацией герба в сталь клинка. В Португалии в XV в. при изъятии оружия в письменный протокол полагалось внести «знаки» (*sinaaes*), имевшиеся на этом оружии (*Ordenações*, 1984. L. I. Tit. XXXI. Cap. 8–9). Гербы на орудийных стволах появились уже в XV веке.

До нас дошли гербовые котты — светские геральдические памятники в области костюма. Полное геральдическое облачение XIII в. показывает захоронение инфанта Фернандо де Ла Серда. Церковные облачения (касульи, маниплы) сохранились с начала XIV века.

Среди аксессуаров есть уникальные, как поясной крюк для ключей или шёлковая сетка для дамской причёски XIV в. с 38 гербами, а есть обыденные — разного рода плетёные сумочки с гербами, подушечки, кошельки для раздачи милостыни.

Книги как предметы материальной культуры нередко исполнены в «геральдическом» виде — с накладками в виде щитов, исполнением всей крышки переплёта в цветах и фигурах герба. Гербом как знаком собственности маркировались кожаные футляры для хранения молитвенника или часовника.

Герб на вещах — некое сопровождение, а не основная задача. При этом наряду с безупречной достоверностью герба с функцией знака принадлежности, в ряде предметов у герба может быть функция чисто декоративная (например, в лиможских брачных подсвечниках). Обзор корпуса материальных источников подразумевает, что каждый из его разделов нуждается в детализации и самостоятельном освещении, и каждый способен служить полем самостоятельных источниковедче-

ских и гербоведческих исследований. Ж.-Кл. Лутш, обратившись в 1985 г. к проблемам источниковедения геральдики, отметил, что предметы материальной культуры с гербами должны быть «сосчитаны» все (Loutsch 1985: 91). Так что первое, что потребуется при обращении к каждому из видов и типов геральдизированных предметов материальной культуры — это количественные характеристики.

Памятники материальной культуры — необследованный в целом пласт геральдических вполне представительных источников. С точки зрения общей истории геральдики предметы материальной культуры представляют *массовый* геральдический источник и позволяют констатировать исключительно широкое распространение геральдики в повседневной общественной и частной жизни.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Черных А.П. «Вторичные» гербовники с точки зрения источниковедения геральдики // Signum. Вып. 9. М., 2016. С. 5–30.
- Hablot L. Le bris des armes: L'iconoclasme héraudique dans la société médiéval // La pensée du regard. Études d'histoire de l'art du Moyen Âge offertes à Christian Heck. Turnhout, 2016. P. 181–191.
- Meier H.-R. Funktion und Fiktion von Raumdekorationen. Zur Raumsymbolik im mittelalterlichen Profanbau // Außen und Innen. Räume und ihre Symbolik im Mittelalter. Frankfurt a.M., 2007. S. 251–264.
- Черных А.П. Гербовые подвески и собачьи медальоны // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXIX Международной научной конференции (Москва, 13–15 апреля 2017 г.). М., 2017. С. 333–335.
- Ordenações Afonsinas. Lisboa, 1984. Livro I. Tit. XXXI. Cap. 8–9.
- Loutsch J.-Cl. Essai de classification des sources de l'héraudique // Sources de l'héraudique en Europe Occidentale. Actes du 4e colloque international d'héraudique. Bruxelles, 6–10 mai 1985. Bruxelles, 1985. P. 81–91.

Н.П. ЧЕСНОКОВА

ГАЗСКИЙ МИТРОПОЛИТ ПАИСИЙ ЛИГАРИД В РОССИИ: ЗАМЕТКИ К БИОГРАФИИ

*Работа выполнена при финансовом содействии РФФИ
(проект № 20-09-41007)*

Греческий дидаскал, церковный писатель и полемист, Паисий Лигарид (около 1610–1678) родился на о. Хиос и получил образование в Риме. Сохраняя связи со знакомыми по школе и по Конгрегации пропаганды веры, Паисий большую часть жизни провел среди православных, принял постриг и хиротонию по православному обряду, а затем стал активным участником в церковных, политических и культурных событиях в Пайдусайских княжествах и в России. Его последние годы были тесно связаны с Российским государством, и, казалось бы, их обстоятельства хорошо известны исследователям (основную литературу по теме см.: Чеснокова 2019: 240–243). Вместе с тем, некоторые факты биографии Паисия Лигарида до сих пор остаются малоизученными и требуют дополнительных изысканий. Например, принято считать, что в 50-е гг. XVII в. деятельность Паисия протекала в молдовашских пределах, хотя по свидетельству Павла Алеппского, записанному со слов самого Газского митрополита в 1656 г., тот приезжал из Иерусалима в Алеппо и даже проповедовал в тамошней церкви, а кроме того ездил «во все франкские страны» и долгое время пробыл в Риме. Впрочем, свидетельство Лигарида о пребывании в Риме следует, по-видимому, отнести к годам его молодости.

Участие Паисия Лигарида в Большом Московском соборе 1666/1667 гг. оценивается в научной литературе преимуще-

ственно негативно. Как сторонники, так и противники Московского патриарха Никона характеризуют Паисия Лигарида либо как инициатора принятых на Соборе решений, либо видят в нем олицетворение сервилизма. Однако не стоит забывать, что Паисий прибыл в Москву в 1662 г., когда конфликт между царем и патриархом был в самом разгаре, а в 1660 г. уже состоялся Московский собор, принявший решение (хотя и не вступившее в силу) о лишении Никона патриаршего сана. Да и первая личная встреча Московского патриарха и митрополита Газы сразу вылилась во взаимные упреки и оскорблении. Кроме того, важнейший вопрос, решавшийся на Соборе, о соотношении власти царя и власти патриарха по-прежнему изучается без привлечения не переведенных на русский язык глав сочинения Паисия. Анализ греческих и русских текстов всего комплекса документов мог бы существенно расширить источниковую базу данной проблемы.

После Большого Московского собора митрополит Паисий занимался в Москве литературной деятельностью. В марте 1673 г. Паисия отпустили в Палестину. Несмотря на расхожее мнение о том, что к этому времени царь Алексей Михайлович охладел к Лигариду, митрополит был допущен к государю для прощения. Как правило, прощальные церемонии имели место при отъезде православных иноземцев высокого духовного звания, да и то не всегда.

Прибыв в мае 1673 г. в Киев, Паисий не собирался сразу же покидать город. Очевидно, Лигарида задерживало состояние здоровья, что не позволяло ему выехать ни в Константинополь, ни в Палестину. Еще при отъезде из Москвы он запасся внушительным набором лекарств (см.: РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1673 г. № 1. Л. 37–38), да и в письмах митрополит жаловался на самочувствие. Другой причиной нежелания ехать на Восток было отсутствие прощения и разрешения от Константинопольского и Иерусалимского патриархов. В первый раз Газский митрополит был лишен сана Иерусалимским патриархом Нектарием за оставление своей кафедры на долгий срок, но по ходатайству царя Алексея Михайловича он был восстановлен в правах. Во второй раз, как предполагается, его низложили за некое сочинение о вселенских патриархах (не сохранилось), в котором

Нектарий Иерусалимский и Мефодий III Константинопольский усмотрели нападки на православие и защиту власти папы. Из Киева Паисий Лигарид писал Алексею Михайловичу, что Иерусалимский и Константинопольский патриархи готовы дать ему прощение, но первый ждет подарка, а второй требует от него стать преподавателем богословия в патриаршей школе в Константинополе, чего митрополит не может сделать по состоянию здоровья. Позиция преемника патриарха Нектария, Иерусалимского патриарха Досифея, в отношении Лигарида объясняется скорее всего личной неприязнью, хотя они и не были знакомы. Находясь формально в юрисдикции Иерусалимского предстоятеля, Газский митрополит все время был вне его подчинения.

В августе 1675 г. Паисия Лигарида вызвали из Киева в Москву. Причины вызова пока не установлены, хотя при отъезде из русской столицы Паисий обещал Алексею Михайловичу вернуться назад по первому требованию государя. Это обещание позволяет предположить, что сама возможность возвращения Лигарида ко двору предусматривалась заранее. От второго пребывания Паисия в Москве сохранился неизвестный прежде перевод с греческого языка на латынь богословского сочинения Георгия Корессия, выполненный им для Московского патриарха Иоакима. После настоятельных просьб в сентябре 1676 г. Паисию позволили наконец отправиться в свою епархию. Он вновь доехал до Киева и остался там уже навсегда. 24 августа 1678 г. Паисий Лигарид скончался и по указу царя Федора Алексеевича был погребен в Киевском Братском монастыре. По распоряжению государя все вещи Паисия были переданы монастырю на помин его души. Опись имущества покойного митрополита свидетельствует о его достаточно скромном быте, что не согласуется с мнением Н.Ф. Каптерева об особой предприимчивости митрополита и его небескорыстном покровительстве в Москве греческим купцам (Каптерев 2008: 186–187). Дошедшее до нас упоминание о греческих и латинских рукописях, оставшихся после Паисия Лигарида, до обидного лаконично, мы можем только догадываться, какие книжные сокровища хранились в двух сундуках, указанных в перечне его вещей.

БИБЛИОГРАФИЯ

Каптерев Н.Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и в XVII столетиях // *Каптерев Н.Ф.* Собрание сочинений. М., 2008. Т. 1. С. 186–187.

Чеснокова Н.П. Паисий Лигарид // Православная энциклопедия. М., 2019. Т. 54. С. 240–243.

А.В. ЧИРКОВА

ДРЕВНЕЙШИЕ РЕГИСТРЫ ДОЖЕСКИХ ПОСЛАНИЙ КАК ИСТОЧНИК ПО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВУ ВЕНЕЦИАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ XIV ВЕКА

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
(проект № 19-09-00326)*

Венецианские регистры с записями решений высших государственных органов, ведшиеся с XIII в. (Pozza 1997: 362), привлекали историков Республики еще до того, как историческое знание стало наукой. Однако критическое издание и кодикологическое исследование этого рода памятников началось сравнительно недавно. Под эгидой Венецианского Института наук и искусств (*Istituto Veneto di scienze, lettere ed arti*), начиная с 2004 г. публикуются регистры решений Сената (“Senato. Deliberazione, Misti”), и были изданы древнейшие сохранившиеся тома этой серии с 15 по 33, за 1332–1371 гг.

Архив Венецианской республики серьезно пострадал во время пожаров Дворца дожей в 1479, 1483 и 1577 гг. И если от регистров с записями Большого совета и Сената, были утрачены лишь отдельные тома, относящиеся к начальному периоду регистрации, то регистры дожеских посланий XIV–XV вв. дошли до нас более чем фрагментарно. От всего XIV в. в составе Государственного архива Венеции известно лишь семь разрозненных книг, относящихся к разным сериям.

Первое упоминание регистров посланий относится к 4 июля 1308 г. (Cecchetti, Toderini 1873: 33). Решением Большого совета писцам дожеской канцелярии (*scribani Curie Maioris*) было предписано самостоятельно регистрировать послания

(*registrare omnes literas registrandas*), прежде чем передавать их дожу для скрепления вислой свинцовой печатью.

Древнейший регистр посланий, сохранившийся в фонде “Collegio” (сейчас — в серии “Minor consiglio”), содержит на 98 листах послания Пьетро Градениго с сентября 1308 г. по июль 1310 г. — всего 672 записи, согласно архивной нумерации XX в. Из названия (“*Liber nonus decimus litterarum*”) ясно, что практика регистрации посланий к 1308 году уже была не новой. Подсчитать число рук из-за особенностей размещения оцифрованной рукописи на сайте архива довольно затруднительно, но писцов явно было несколько — с разной манерой оформления записей. Дата (число, месяц и год индикта) может отличаться от текста послания другим цветом чернил. Напротив каждой записи на левом поле стоит помета в виде креста, вероятно, отмечающая факт отправления документа.

Три тома с дожескими посланиями в том же фонде “Collegio” в серии “*Collegio. Secreti*” (*con vario titolo, parti, commisioni, lettere*), содержат документы 1354–1363, 1363–1366 и 1382–1385 гг., и, судя по их переплетам, мыслились архивистами XVI–XVII в. как фрагменты одной серии регистров. Однако сами тома имеют совершенно разные названия и составлялись для разных целей.

Регистр 1354–1363 гг. (“*scripture secrete Consilii Sapientium*”) содержит в действительности записи решений Большого совета, в состав которых входят и утверждавшиеся на заседаниях тексты дожеских посланий, но регистром посланий такие записи считаться не могут. Лишь на лл. 150r–153r сохранились копии трех посланий Микеле Морозини 14–15 августа 1382 г., неизвестно, с какой целью в этот том записанные.

Регистр 1382–1385 гг. (“*Liber secretorum Collegii. 1383. F*”, 95 лл.) содержит послания (*littere*) и поручения (*commissiones*), адресованные послам Республики. Первые записаны вместе с хронологическими датами, без интитуляций и салютаций — с сокращенными адресами, вынесенными на середину строки в качестве заголовков. К ним другими чернилами добавлены на полях пометы о дате полученного ответа (например: “*Replicate nono martii*” к посланию 1383.III.5). Поручения же записывались без даты с началом ее формулы (“*data etc.*”), но в заголовке вме-

сто адреса стоит дата принятия текста (“*capta in Collegio*”). Кроме этого, есть чистые листы, для поручений составлено отдельно оглавление.

Регистр 1363–1366 гг. (“*Liber secretorum sub illustri et exelso domino domino Laurentio Celsi inclito Venetiarum duce*”, 188 лл.) содержит тексты посланий без интитуляций: последнее послание Лоренцо Чельси 1365.VII.15 (л. 161r) и первое послание Марко Корнаро 1365.VII.22 (л. 161v) никак не отличаются друг от друга. Сокращенные адреса, подчас без имен, выполняют роль заголовков. У одних записей даты написаны другими чернилами, и этими же чернилами проставлены пометы в виде креста на полях слева. Некоторые записи имеют в качестве заголовка дату (возможно, это дата принятия текста послания, и тогда перед нами — протографы). У некоторых записей есть пометы на полях с датой отправления ответа или о задержке отправки (“*suspe(n)sa fuit missio isti(us) l(itte)re*” – л. 114v). Есть исправления в текстах документов, добавления, внесенные уже после даты. Не вполне ясно, на каком этапе делались эти исправления, но в самих закрытых посланиях была оставлена возможность внесения добавлений уже после проставления даты, которая всегда отстояла от текста на расстояние в несколько пустых строк. Среди оригиналов закрытых посланий, попавших в состав Архива Венеции, вероятнее всего, в составе семейных архивов и хранящихся в фонде “*Miscellanea ducali e atti diplomatici*”, есть примеры со вставками между текстом и датой.

Еще три тетради регистров, хранящиеся фонде “*Cancelleria inferiore, Doge*” в серии “*Lettere ducali ai rettori*” (pezzo 1, fasc. A, A-bis, A-ter), содержат тексты посланий Лоренцо Чельси, Марко Корнаро и Андреа Контарини за 1364–1376 гг. (38 лл.), 1366–1372 гг. (28 лл.) и 1374–1380 гг. (62 лл.). Две последних тетради были помещены в этот фонд недавно и не нашли упоминания ни в описи 1979 г., ни в Путеводителе по Архиву 1994 г. Каждая из тетрадей отражает работу одного регистратора — каждого со своей манерой оформления записей, несмотря на то, что зарегистрированные документы адресованы одним и тем же чиновникам по сходным вопросам. Все документы с датами, помет об отправке или о получении ответа нет, но в текстах имеются исправления. В двух случаях между страницами тетрадей

лежат оригиналы входящих посланий, на которые составлялся ответ. На обороте одного из них сохранилось повеление составить ответ по форме другого послания.

Таким образом, работа над документом в ряде случаев не прекращалась даже после составления белового отпуска и внесения его текста в регистр. А сами регистры активно использовались при последующей переписке как в отношении их содержания при подготовке ответов и последующих посланий, так и самими канцеляристами в качестве формуляриев.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Pozza M. La cancelleria // Storia di Venezia. Vol. III: La formazione dello stato patrizio / A cura di G. Arnaldi, G. Gracco, A. Tenenti. Roma, 1997. P. 349–369.*
- Cecchetti B., Toderini T. Il R. Archivio generale di Venezia. Venezia, 1873.*
Archivio di Stato di Venezia // Guida generale degli Archivi di Stato italiani. Vol. IV: S–Z. Roma, 1994. P. 857–1148.

Е.К. ШАДУНЦ

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДОКУМЕНТОВ XVII–XVIII ВЕКОВ ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ТОПОГРАФИИ ПЕРЕСЛАВЛЯ-ЗАЛЕССКОГО РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Впервые ретроспективную реконструкцию планов Переславля-Залесского XII–XVIII вв. выполнила Л.Д. Мазур (Мазур 2006). На основе картографических материалов 1756–1771 гг. и сведений письменных источников XVII в. ею была опубликована уточненная реконструкция планов города (примерный масштаб 1:5000) и города с окружной (1:10000) на последнюю четверть XVII в. (Мазур 2012: 91–92; Мазур 2016).

Публикация географических чертежей XVII в. (Кусов 2007; Кузнецова, Новохатко, Шахова 2014) ввела в научный оборот графические сведения о крепости и монастырях Переславля первой половины — середины XVII в. Используя иллюминированный план-вид с «Чертежа Переславским соляным заводам» 1618 г. (Кусов 2007: 353), Л.Д. Мазур реконструировала план городских укреплений первой половины XVII в. (Мазур 2017: 30).

Уточнение плана Переславля с окрестностями XVII в. предлагается сделать на основе документов из фондов местных учреждений и монастырей Переславля-Залесского, описи монастырей 1701–1702 гг., географических чертежей Переславля XVII в. и фиксационных планов города 1756–1772 гг. (ГАЯО, РГАДА). Реконструкция плана более раннего времени основана на неизменности системы трактов, дорог и улиц, так называемого «каркаса территории», до перепланировки города

конца XVIII в. Географическая привязка текстовых сведений представляет наибольшую трудность из-за схематичности исторических планов. Местоположение объектов уточняют археологические спасательные работы (Вишневский, 2005; Янишевский, Зейфер 2014; Зейфер, Мазурок 2014, 2015, 2016, 2019). Точность реконструкции плана зависит от полноты источников, круг которых постоянно расширяется.

Вопрос о достоверности графических сведений русских географических чертежей XVII в. был подробно рассмотрен В.С. Кусовым, особо отметившим максимальное внимание таких документов к содержательной полноте изображения (Кусов 2007: 73). Сравнение описания двухшатровой церкви Борисоглебского на горе монастыря 1629 г. (Шереметев 1901: 50) с изображением на «Чертеже Переславским соляным заводам» подтверждает, что этот рисунок можно использовать в целях реконструкции плана города первой половины XVII века.

«Чертеж г. Переславля-Залесского и окружающей местности» 1660 г. (Кузнецов, Новохатко, Шахова 2014: 161–173) взаимосвязан со сведениями из документов в изображениях абриса оград Троице-Данилова, Федоровского, Горицкого и Никитского монастырей. На чертеже показана фортификация Никитского монастыря с шестью башнями и надвратной церковью, выстроенная из кирпича в 1560-х гг. Стены остальных монастырей показаны тонкой линией, четырехугольными, с расположением Святых ворот. В подобных документах важное значение имели ориентиры и дороги, поэтому расположение входов в монастыри и форму плана стен можно считать достоверными для масштаба 1:10000. Описи и писцовые книги 1629–1650-х гг. фиксируют деревянные ограды в указанных монастырях. Сопоставление копии плана Федоровского монастыря 1694 г. (Свирелин 1886) с топосъемкой 2009 г., выполненное с учетом длины деревянных стен по описи монастыря 1701 г. (Шадунц 2012), подтверждает возможность использования «Чертежа...» 1660 г. в графической реконструкции плана Переславля с окрестностями первой половины XVII века.

Отметим, что оба указанных чертежа изображают посадскую застройку только на правом берегу р. Трубеж, и только двое проездных ворот в крепости — северные и южные.

В пользу достоверности графических сведений о посаде свидетельствует название «Новая купеческая слобода» на планах Переславля 1756–1760 гг. в южной части города. Перестройка крепости с изменением количества проездных ворот произошла в 1666 г. (Мазур 2017: 27).

Граница по улицам между Дворцовой Рыбной слободой и посадом, зафиксированная на спорном плане 1772 г. (РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Ч. 1. Д. 286), подтверждается выписями из грамот 1628 г. и писцовых книг 1675–1676 гг. в делах 1758–1777 гг. Переславского городового магистрата и Переславской городской думы (Шадунц 2010). Там же приведена мера дворцовой садовой земли по выписи из писцовых книг 1675–1676 гг.: «от потока что у церкви Ивана Богослова да церкви Настасьи Мученицы в длину 215 саж., поперек от Богословского потока от дороги до реки Трубеж 38 саж., в другом конце... от улицы Площадной десятни до реки Трубеж 20 1/2 саж.» (РсФ ГАЯО. Ф. 258. Оп. 1. Д. 158: 34–34об.) Наличие Переславской садовой слободы отмечено в делах Переславской духовной консистории (ГАЯО. Ф. 1200. Оп. 1. Д. 375: 1).

Общая территория подмонастырной Даниловой слободы делилась на Святоврацкую и Силинскую слободки, о чем свидетельствуют членобитные их жителей (РсФ ГАЯО. Ф. 268. Оп. 2. Д. 10: 156, 241). Согласно плану Переславского уезда 1900 г., Силинская слободка находилась на месте современных Селитровских улиц (НА ПМЗ. Инв. № ПЗМ-3065).

По сведениям из описей 1701 г. (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Д. 60: 216об., 690–691, 937об., 985–986) можно показать на плане придорожные часовни Никитского, Горицкого, Федоровского, Борисоглебского на Песках и Никольского монастырей. Документы Федоровского монастыря (РсФ ГАЯО. Ф. 326. Оп. 1. Д. 188: 289, 289об.) и описи Горицкого монастыря 1754 г. из фонда Переславской духовной консистории (ГАЯО. Ф. 1200. Оп. 2. Д. 94: 4об.) позволяют разобраться с мифом о Федоровской часовне «Крест». Построенная в середине XVII в. на пустоши Собиловской шатровая часовня принадлежала Успенскому Горицкому монастырю и была передана на попечение Федоровскому монастырю только в 1889 г., после реставрации.

Опись Борисоглебского на Горе монастыря не вошла в подшивку (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Д. 60), но его часовня на ручье Галев Поток, известная по Житию Никиты Столпника (Федотова 2005: 309–331), существовала еще в 1925 г. (Труды 1927). Часовня на колодце у старой дороги из Переславля в Клещин свидетельствует об устойчивой связи между поселениями.

Расположение и наименование приходских церквей уточняют сведения дел Переславской духовной консистории (Шадунц 2014) и описей (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Д. 60). Важным источником для географической привязки элементов плана являются описания межевых границ (Шереметев 1901: 49–63). Наиболее сложной задачей остается реконструкция парцеляции участков и местоположения дворов внутри крепости.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Кусов В.С. Московское государство XVI — начала XVII века. Сводный каталог русских географических чертежей». М., 2007.
- Кузнецов И.Н., Новохатко О.В., Шахова А.Д. Светское устройство и архитектурное благоустройство Переславля-Залесского в XVII веке. М., 2014.
- Мазур Л.Д. Русский город XI–XVIII вв. Владимирская земля. М., 2006.
- Мазур Л.Д. Переславль-Залесский в XVII столетии: опыт историко-градостроительного анализа (с приложением переписной книги 1677 года Степана Тимофеевича Салтыкова и подьячего Якима Шарапова. М., 2012.
- Мазур Л.Д. Осадные дворы Владимира, Суздаля, Шуи и Переславля Залесского в XVII столетии. Археология Владимира-Суздаляской земли. Материалы научного семинара. М., 2016. Вып. 6.
- Мазур Л.Д. Укрепления Переславля-Залесского в XVII веке // Архитектурное наследство. М.; СПб., 2017. Вып. 66.
- Свиридин А.И. Переславский Федоровский женский монастырь. Переславль, 1886.
- Труды Переславль-Залесского Историко-Художественного и Краеведческого Музея. Переславль-Залесский, 1927. Вып. 2: Плещеево озеро.
- Федотова М.А. Житие Никиты Столпника Переяславского (рукописная традиция Жития) // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005.

Шадунц Е.К. К истории земельного спора Переславской Рыбной слободы и города Переславля-Залесского (XVI–XIX вв.) // История и культура Ростовской земли. 2009. Ростов, 2010.

Шадунц Е.К. К истории формирования комплекса Федоровского женского монастыря // Материалы XVI межрегиональной краеведческой конференции (28 апреля 2011 г.). Владимир, 2012.

Шадунц Е.К. Новые данные к описанию церквей и приходов г. Переславля-Залесского в XVIII веке (по материалам ГКУ ЯО ГАЯО) // XIV Тихомировские краеведческие чтения: Материалы научной конференции (Ярославль, 22–23 октября 2013 г.). Ярославль, 2014.

Шереметев С.Д. Два упраздненных монастыря над Переславским озером. М., 1901.

Сокращения

ГАЯО — ГУ ЯО «ГАЯО» Государственный архив Ярославской области

РсФ ГАЯО — Ростовский филиал ГАЯО

НА ПМЗ — научный архив Переславского музея-заповедника

И.Н. ШАМИНА

ПЕРЕПИСНАЯ КНИГА ВОЛОГОДСКОГО СПАСО-НУРОМСКОГО МОНАСТЫРЯ И ЕГО ВОТЧИНЫ 1701–1702 ГОДОВ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Спасо-Преображенский Нуромский монастырь был основан в конце XIV в. прп. Сергием Нуромским, учеником прп. Сергия Радонежского, на реке Нурме в 60 верстах от Вологды. История этой небольшой обители остается малоизученной в первую очередь в силу плохой сохранности источников. Переписная книга монастыря и его вотчины 1701–1702 гг. позволяет увидеть, что представлял собой монастырь в начале XVIII в. Этот сюжет пока не освещен в историографии.

Перепись монастырей Российского государства в 1701–1705 гг. проводилась по инициативе правительства Петра I в связи с передачей дел воссозданному в 1701 г. Монастырскому приказу. Это была попытка петровского правительства провести частичную секуляризацию церковно-монастырского землевладения и хозяйства. Дошедшие до наших дней переписные книги этого времени хранятся преимущественно в фонде Монастырского приказа (РГАДА. Ф. 237). Лишь небольшая их часть введена в научный оборот.

Описание Спасо-Нуромского монастыря вошло в состав кн. 43 (л. 27–56). Эта рукопись осталась неизвестна И.А. Булыгину, составившему обширный перечень дел, содержащих описание монастырей 1701–1705 гг. (Булыгин 1977: 311–318). Рукопись обнаружил и описал Н.В. Башнин. Он же опубликовал содержащуюся в ней переписную книгу Дионисиева Глушицкого монастыря (Башнин 2013). Переписная книга Спасо-Нуромского мо-

настыря открывается преамбулой, где содержится дата начала составления документа — 1701 год. Как и другие монастыри Вологодского уезда, Нуромский монастырь описывал стольник В.И. Кошелев.

Начинается описание с краткого рассказа о географическом местоположении монастыря. Затем последовательно описываются храмы, в которых основное внимание уделяется характеристике икон, церковной утвари и одежды — вещей, представлявших значительную материальную ценность. Источник сообщает, что во время недавнего пожара 1700 г. были уничтожены многие монастырские документы, пострадала ризница и библиотека: «А осталось самое малое число».

Описанию монастырской библиотеки составитель переписной книги уделил большое внимание. На момент переписи она включала в себя 59 экземпляров. К сожалению, описание книг не столь подробно, как, например, в переписных книгах монастырей Коломенской епархии (Шамина 2017). Здесь отмечены только наименования, размер книг («в десь», «в полдесь», «в четверть») и то, печатные они или рукописные. Сравнение описаний библиотеки Спасо-Нуромского монастыря 1615, 1678 (Переписные книги 2011: 262–270) и 1702 г. показывает, что на протяжении XVII в. количество книг увеличивалось. Лишь к 1701 г. их оказалось меньше, чем в 1678 г., что вполне логично: далеко не все книги монахи смогли спасти во время пожара. Большинство составляли печатные издания (55 экз.), по тематике — богослужебные. Набор богослужебных книг на протяжении XVII — начала XVIII в. оставался примерно одинаковым: Евангелие, Псалтыри, Октоихи, Триоди, Минеи, Служебники и др.

Одно из значительных мест в переписной книге занимает описание монастырского архива. Перечислены «великих государей жалованные грамоты и всякие крепости»: 27 документов и «связка отписей в розных платежах». Грамоты описаны весьма подробно: указаны их типы (жалованные, данные, меновые грамоты, сотные и выписи из писцовых книг и др.), приведены конкретные географические ориентиры (уезд, волость), указаны контрагенты. Документы датированы, из описаний можно узнать об их кратком содержании. Самый ранний доку-

мент — Жалованная грамота царя Федора Ивановича на деревню Мартаково з деревнями 1584 г. Большая же часть монастырских документов (18) относится ко второй половине XVII в.; к первой половине XVII в. — шесть; от XVI в. в архиве монастыря сохранилось лишь три источника. Как уже упоминалось, часть монастырской документации погибла во время пожара: «переписные книги», «прежняя вкладная книга», а также «жалованные великих государей грамоты, и вкладные, и всякие зделошные писма старинные».

М.С. Черкасова попыталась реконструировать архив Спасо-Нуромского монастыря на основе сохранившихся документов и упоминаниях о них, однако информацию переписной книги 1701–1702 гг. она не учла (Черкасова 2012: 279–283). Список Черкасовой и перечень источников в переписной книге дополняют друг друга. В первом не отмечены 17 грамот из переписной книги 1701–1702 гг., в то же время архив начала XVIII в. можно дополнить 13 источниками из списка, составленного исследовательницей. Таким образом, можно предположить, что до пожара в монастыре могли храниться около 50 документов.

Представляет интерес раздел, посвященный монастырским насельникам. Информация о монахах включает в себя сведения о их социальном происхождении и месте жительства до пострижения, а также о размерах «зажилого», которое им выплачивалось. На момент переписи в монастыре жили игумен и 13 монахов. 12 из них до пострига были крестьянами Спасо-Нуромского монастыря, большинство здесь же приняли и постриг. Поскольку среди братии в начале XVIII в. не было иеромонаха и иеродиакона, в церкви служили белые священники, которые жили в монастырской деревне Выпуск, игравшей роль подмонастырной слободки.

В источнике перечислены также шестеро монастырских слуг, двое наемных работников и монастырские детеныши. Отмечены и имена некоторых монастырских вкладчиков: стольник Иван Васильевич и Гаврила Васильевич Борняковы, боярыня Екатерина Федоровна Милославская, посадский человек из Вологды Андрей Пушников, ямщик Обнорского яма Михаил Васильев.

В ряде переписных книг монастырей 1701–1705 гг. содержится пересказ указов Петра I о преобразованиях монашеской жизни. В переписной же книге Спасо-Нуромского монастыря об этих указах не говорится, однако обращается внимание на то, что данные распоряжения известны и выполняются. Очевидно, монастырская администрация знала о содержании указов еще до начала описания и старалась им следовать.

В переписной книге Спасо-Нуромского монастыря есть сведения и о монастырском хозяйстве. При монастыре функционировала ярмарка, были развиты скотоводство и коневодство. Основу материального обеспечения монастыря составляли его земельные угодья — 17 жилых деревень, в которых насчитывалось 144 крестьянских и бобыльских двора.

Таким образом, переписная книга Спасо-Нуромского монастыря 1701–1702 гг. отражает не только состояние обители в начале XVIII в., но и содержит данные о ее деятельности в XVII в. Мы видим, что этот небольшой монастырь представлял собой отдельный замкнутый мир. Монастырский храм служил приходской церковью для жителей близлежащих деревень, крестьяне принимали активное участие в восстановлении монастырской церкви, подавляющее большинство монахов были выходцам и из вотчинных крестьян. Источник отражает изменения в укладе монастырской жизни, которые повлекла за собой начавшаяся церковная реформа Петра I.

БИБЛИОГРАФИЯ

Башнин Н.В. Опись имущества и строений Дионисиева Глушицкого монастыря 1701 г. и переписные книги вотчины Дионисиева Глушицкого монастыря 1702 г. // Вестник церковной истории. 2013. № 3/4 (31/32). С. 138–177.

Булыгин И.А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII в. М., 1977.

Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв.: Исследование и тексты / Изд. подг. О.Н. Адаменко, Н.В. Башнин, М.С. Черкасова при участии А.П. Анишиной, Н.А. Бараевой, Е.А. Виноградовой, А.Н. Красикова, С.Н. Смольникова, И.Н. Шаминой. Вологда, 2011.

Черкасова М.С. Архивы вологодских монастырей и церквей XV–XVII вв.: исследование и опыт реконструкции. Вологда, 2012.

Шамина И.Н. Переписные книги коломенских Спасо-Преображенского, Голутвина, Бобренева и Брусянского монастырей 1701 г. // Вестник церковной истории. 2017. № 3/4 (47/48). С. 96–226.

Ю.Э. ШУСТОВА

ОБРАЗ ШКОЛЫ В ЭМБЛЕМАТИЧЕСКОЙ КНИГЕ «ИФИКА ИЕРОПОЛИТИКА»

Книга «Ифика иерополитика, или философия нравоучительная символами и приуподоблении изясненна к наставлению и полze юным» получила широкое распространение в XVIII в. как в России, так и среди православного населения за ее пределами. Она представляет собой собрание эмблематических тестов, включающих гравюру, четверостишие и прозаический текст, носящих дидактический характер. Книга стала, по словам П.Н. Жолтовского, «излюбленной книгой в славянском мире» и «основным источником аллегорической иконографии» (Жолтовский 1983: 24).

Книга часто рассматривается как первое опубликованное русское философское произведение. Но это в первую очередь педагогический труд, задуманный как сборник нравоучительных текстов для воспитания юношества. Изучали издания «Ифики иерополитики» библиографы и книговеды, отдельные аспекты рассматривали историки философии, отдельные тексты изучались в контексте вспомогательных исторических дисциплин (символики и эмблематики) (Шустова 2013: 611–616). Комплексных источниковедческих исследований книги до сих пор нет. В данной работе анализируются два эмблематических текста, посвященных обучению в школе и чтению книг.

Авторство «Ифики иерополитики» до сих пор точно не установлено. Впервые она была издана в типографии Киево-Печерской лавры в 1712 г. В четверостишии «Къ читателю», завершающим предисловие, сказано:

Не совершив книжици, авторъ престависа,
вначатцѣ токмо еа не въ конци трудиса.

Мы по нем навершихом кошть, дѣло и труды,
Б(о)гу ч(е)сть ю нась всегда, нам любовъ в вѣсѣ буди.

На титульном листе издания говорится, что книга «составлена бл(а)г(о)с(ло)веніем» архимандрита Киево-Печерской лавры Афанасием Миславским и «трудами братії». Поэтому иногда Миславскому приписывают авторство этого сочинения. Книга состоит из 67 эмблем, гравюры были выполнены Никодимом Зубрицким.

Вскоре книга была напечатана в Санкт-Петербурге. На титульном листе указана дата выхода в свет — 16 мая 1718 г., но Т.А. Быкова считала, что фактически она была напечатана в 1724 г. (Быкова 1971: 26–27, № 10). Для издания было изготовлено две серии гравюр по рисункам Никодима Зубрицкого, первоначально выполненных в мастерской Питера Пикарта с его подписями и монограммами его учеников А.И. Ростовцева и Ивана Мякишева и перегравированные с них в зеркальном отображении с подписями Ивана Мякишева. На титульном листе этого издания нет упоминания о Афанасии Миславском, говорится, что напечатана «повелѣніемъ благочестивѣйшаго великаго г(о)с(у)д(а)ра нашего ц(а)ра и великаго кн(я)за Петра Алѣѣвича».

Последующие издания «Ифики иерополитики» в XVIII в. в России были осуществлены без гравюр и стихов (то есть фактически перестали быть эмблематическими) и вышли в Санкт-Петербурге в 1724, 1764 гг. и в Москве — в 1796 году.

В 1760 г. «Ифика иерополитика» была издана в типографии Львовского братства, как отмечается на титульном листе, «иногда въ иностранной, нынѣ же в тупографіи Ставропѣгіальной львовской». Гравюры для этого издания были выполнены Иваном Филипповичем: «Со шесдесдесать и седьмь іконъ символичныхъ изасненна, рукодѣлиемъ Іоанна Фѣлѣповича» (Шустова 2017: 200–229). К иконографии Никодима Зубрицкого Филиппович подошел весьма творчески, ряд гравюр представляют собой оригинальные авторские рисунки. Еще одно переиздание этой книги было осуществлено в венской типографии Иосифа Курцбека в 1774 г., также с 67 гравюрами. Известно довольно большое число рукописных списков с разных изданий, в том числе с миниатюрами, выполненными с гравюр.

В числе 67 поучительных текстов, адресованных юношеству, имеются два, посвященных важности учения и чтения книг — «Академія или оучилище» и «Книгъ чтенїе». На гравюре — изображение сидящего на возвышении учителя, которого слушают ученики. В правой руке учителя — закрытая книга, а левая указующим жестом направлена к ученикам. Перед ним сидят 12 учеников, у двоих из которых — открытые книги. Такая иконография не случайна, она сопряжена с библейской, изображающей Иисуса Христа и апостолов. Закрытая книга учителя подчеркивает его опыт, знания и мудрость, которыми он делится с учениками, внемлющими его слову, открытые книги у отроков символизируют их открытость к учению. Под гравюрой — стихи (здесь и далее цитаты по киевскому изданию. — Ю.Ш.):

Хотащим в бл(а)го нрав свой премѣнити,
и порочныя примѣти избыти,
Академія и позорно мѣсто,
подаст житїе и чинно, и чисто.

В поучении говорится о том, что мало кому не известно, насколько необходимо учение юным. Учение необходимо не только человеку, но и птицам, и зверям, которые без него не сумеют добыть себе пропитание. Человек без учения — «твар словеснаа суши; скоту подобен, и бываетъ паче кота горшый». Обучение может осуществляться как в дома, так и в школе. Однако автор подчеркивает, что лучше образование получать «в народных оучилищахъ». Публичность и зрелищность играют важное значение при получении образования, «пр(е)столъ и позорищное мѣсто есть Оучилище народное». В коллективе даже самый строптивый отрок становится кротким, «аще же и тигръ нравом кто будет, агнчу и тамо воспрїмет кротост на са», самолюбивый, гордый, напыщенный «или иною кою безмѣстною страстю поврежденъ есть» в коллективе «обращетъ врчевство болѣзнем симъ, смиритса бо», сможет укротить свои страсти. В школе ученик в лице учителей и наставников имеет «искусныхъ Вождовъ». При домашнем обучении дети часто прибегают к всевозможным ухищрениям и вынуждают родителей идти им на уступки, «не м(о)ленїем ли, то слезами, в полезной ли вещи, или неполезной, ко своему прекланаютъ

хотънїю». Однако безмерная родительская любовь может быть губительной для детей: «Ничтоже бо тако погубляет юных, якоже ласканїе, и слѣпаа Родитетей любов ко чадом», поэтому лучше получать образование в школе, где можно избежать «бѣдъ таковыхъ». Автор поучения подчеркивает, что школы появились еще в древности у разных народов — в Персии, Спарте, Афинах, Крите, а «н(ы)нѣ по всѣм западѣ», их число «растет и множится» также и в Российском государстве.

Развитие системы школьного обучения в начале XVIII в. стало для России первостепенной задачей. На украинских землях школы получили распространение с конца XVI в. во многом благодаря братствам, которые занимались их организацией и финансированием. Важность развития системы школьного образования поддерживалась педагогами Киево-Могилянской академии. Именно эти воззрения нашли отражение в поучении «Академия или училище», вошедшем в книгу «Ифи-ка иерополитика».

Продолжает тему образования следующее поучение — «Книгъ чтенїе». Его предваряет гравюра с изображением сидящего за столом и читающего книги монаха. В венском издании гравюра дополнена дополнительными деталями: изображены книжный шкаф с двумя полками книг, а у ног читающего — заяц и собака. Под гравюрой — стихи:

Море ест жизнь та: грозни имат волни
Не вси же добрѣ плавати доволни.
Присѣдай книгам, сей добрѣ плаваетъ,
Знаеть бо вѣтры, и волны он знаетъ.

Начинается статья, также как и предыдущая, об училище, с сравнения читающего человека с птицами. Птенцы водопла-вающих птиц даже на самом быстром течении не утонут, но столетний ворон, и другие подобные ему птицы, «никогда же во водах без бѣды пребудутъ». Так и читающий человек всегда будет уверенно чувствовать себя в жизни: «Присидающій книгъ чтенїю, всегда безбѣдное, тихое, и нематежное, посредѣ волнъ, посредѣ вихров міра сегѡ, безбѣднѣ, аки не во міре сый, житіе ведетъ». А не читающий человек, даже прожив много лет, будет «всегда бѣдствовати». Основной тезис состоит в том, что для хорошей, полноценной жизни, необходимо чтение книг, причем

читать книги следует как юным, так и старым. Под чтением книг автор прежде всего имеет ввиду чтение Библии: «стажите Книги, сиръч Біблю», всех книг Ветхого и Нового Заветов. В конце статьи дается список всех библейских книг, рекомендованных для чтения юношеству. Опыт чтения и изучения Библии с середины XVII в. становится важным в обучении в Киево-Могилянском коллегиуме, а с XVIII в. получает распространение и в России, что приведет к огромному интересу к Библии к середине века.

Наряду с разными нравоучительными статьями книги «Ифика иерополитика», главы о необходимости получения образования в школах, в коллективе, с опытным наставником, и о важности чтения Библии носили не только поучительное и воспитательное значение, но и выступали программными произведениями, актуальными в новых общественных условиях XVIII в. В форме барочного эмблематического текста звучат идеи просвещения в области воспитания и образования.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Быкова Т.А. Каталог русской книги кирилловской печати петербургских типографий XVIII века (1715–1800). Л., 1971.
- Жолтовський П.М. Художне життя на Українні в XVI–XVIII ст. Київ, 1983.
- Шустова Ю. Діяльність львівського друкаря і гравера Івана Филиповича // Львівська Ставропігія: історія, персоналії, взаємини. Львів, 2017. С. 200–229.
- Шустова Ю.Э. Символика сердца в книге «Ифика иерополитика» в контексте эстетики барокко XVIII в. // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXV Международной научной конференции (Москва, 31 янв. – 2 февр. 2013 г.). М., 2013. Ч. II. С. 611–616.

A.C. ЩАВЕЛЕВ

НЕВЫЯВЛЕННЫЙ АСПЕКТ ВЛИЯНИЯ «ТАКТИКИ» ЛЬВА VI НА ТРАКТАТ «ОБ УПРАВЛЕНИИ ИМПЕРИЕЙ» КОНСТАНТИНА VII

Издателями текста трактата «Об управлении империей» (952–959 гг.) Р.Дж.Х. Дженкинсом и Д. Моравчиком были отмечены три случая цитирования «Тактики» (904–912 гг.) Льва VI (Constantine Porphyrogenitus 1967: 340). Совпадение предметов описаний во всех трех случаях несомненно, но вопрос о том, цитируются ли фрагменты «Тактики» в «Об управлении империей» непосредственно или же соотношение текстов сложнее, требует специального текстологического изучения. Гораздо более отчетливо нами прослежено влияние 5 параграфа 19 главы «О морской войне» из «Тактики» на 9 главу из «Об управлении империей» (Щавелев 2019: 127).

Сейчас вполне очевидно, что «Тактика» Льва VI была не только практическим руководством, но и политico-идеологическим манифестом с пропедевтическим уклоном (Riedel 2018: 31–94). Трактаты «Тактика» и «Об управлении империей» исключительно близки по своему целеполаганию и заложенным в них идеям (Magdalino 2016). Текст Льва VI, несомненно, повлиял на выбор тем и расстановку идеологических акцентов в тексте Константина VII.

Закономерно, что именно в «Тактике» мы находим ответ на вопрос, почему в трактате «Об управлении империей» нет отдельной специальной главы о Болгарии. Такое невнимание в трактате Константина VII к соседней политии, которая становилась то опасным противником, то полезным союзником, ис-

следователям давно казалось странным (Moravcsik 1983: 363–364). Высказывались догадки о том, что император Константин VII по каким-то причинам боялся сформулировать свое отношение к Болгарии, не исключался даже вариант намеренно «изъятия» главы о Болгарии из трактата (Литаврин 1994).

Нам представляется, что ответ на этот вопрос о причинах отсутствия главы о Болгарии в «Об управлении империей» можно найти в 42 параграфе 18 главы «Тактики», где сказано: «Однако булгары миром во Христе объяты и разделяют в Него единую веру с ромеями, после того, как они за клятвопреступление были наказаны, мы не направляем против них вооруженную руку, теперь Богу войну против них предоставляем, поскольку, теперь они, будучи по единой вере братьями с нами, подчинены нам и снова обещания соблюдают, поэтому ни их против нашего боевой порядок или же наш против их {боевого порядка}, мы описывать пока что не желаем» (перевод мой. — A. Щ.) (The Taktika of Leo VI 2014: 452–454). До этого, в параграфе 40 император Лев VI подчеркивает, что «христиане-ромеи» не проливали кровь христиан-болгар, а спровоцированное им истребление болгар «турками» (мадьярами) было результатом божественного провидения (The Taktika of Leo VI 2014: 452). Характерно, что эта история о том, как Лев VI направил мадьяр против болгар дважды рассказывается в «Об управлении империей» (Constantine Porphyrogenitus 1967: 250–251, 174–176).

Очевидно, что Лев VI считал вполне приемлемым использовать мадьяр против единоверцев-болгар, но давать советы, как нужно воевать с болгарами, объявил для себя предосудительным. Не удивительно, что и его сын Константин VII в главе 5 «О пацинаках и булгарах» советует лишь как использовать печенегов в принуждении болгар к миру (Constantine Porphyrogenitus 1967: 52). Константин VII, явно следя процитированной сентенции своего отца Льва VI, нигде специально не формулирует какие-либо иные военные или дипломатические приемы, которые могли бы быть направлены против Болгарии. Налицо прямое совпадение идеи допустимости стратегии только косвенного противодействия болгарам. В «Тактике» необходимость избегать войны ромеев с болгарами-христианами сформулирована эксплицитно, а в «Об управлении имperi-

ей» эта идея присутствует имплицитно. Эта доктрина косвенного воздействия на Болгарию также изложена в письме константинопольского патриарха Николая I Мистика болгарскому царю Симеону I Великому, написанному между 921 и 924 г.: «...Откуда же причина того, что сейчас нас поражает сильное жало {боли}, послушай меня, возлюбленный друг (царь Болгарии Симеон. — А. Щ.), общее движение мощное, насколько мне понятно, по царскому решению против твоей области и твоего народа было или будет организовано: росы вместе с теми же пачинаками (печенегами. — А. Щ.) и еще же аланы и с запада турки (мадьяры-венгры. — А. Щ.), все с одной целью против тебя войной поднимутся...» (перевод мой. — А. Щ.). Далее в письме патриарх Николай еще раз угрожает болгарам нападением этих же «скифских» народов (Nicholas I 1973: 158, 160, 536–537).

Константин VII описал для своего сына Романа II Багрянородного только ту меру воздействия на болгар (инициирование нападения печенегов), которую считал эффективной и допустимой в отношении «братьев во Христе» его отец Лев VI, в свое время спровоцировавший нападение на них мадьяр. Установка Льва VI на особое отношение к болгарам была еще более актуальна во время написания «Об управлении империей» в 950-е гг., когда Болгария была своего рода специфической периферийно-лимитрофной частью Ромейской империи (ср.: Magdalino 2013). Ведь в это время в ней правили «vasilevs болгар» Петр, чья власть была санкционирована «vasilevсом ромеев», и его жена Мария-Ирина Лакапина — племянница жены Константина VII Елены Лакапины, сохранявшая контакты с родственниками в Константинополе (Brzozowska, Leszka 2017).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Литаврин Г.Г. Константин Багрянородный о Болгарии и болгарах // Сборник в честь на академик Д. Ангелов / Глав. ред. В. Велков. София, 1994. С. 30–37.
- Щавелев А.С. Корабли и военно-морское дело народа русь IX – середины X в. (по основным синхронным письменным источникам) // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2019. № 5. Огнем и мечом. С. 125–132.

Brzozowska Z.A., Leszka M.J. Maria Lekapene, Empress of the Bulgarians.
Neither a Saint nor a Malefactress. Łódź; Kraków; New York, 2017
(*Byzantina Lodziensia XXXVI*).

Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio. Vol. I. Greek Text
and English Transl. / Ed. by R.G.H. Jenkins & Gy. Moravcsik. Washington
D.C., 1967.

Magdalino P. Constantine VII and the Historical Geography of Empire //
Imperial Geographies in Byzantine and Ottoman Space / Ed. by
S. Bazzar, Y. Batsaki, D. Angelov // Cambridge (Mass.); London, 2013
(Hellenic Studies 56). P. 23–42.

Magdalino P. Knowledge in Authority and Authorised History: The Imperial
Intellectual Programme of Leo VI and Constantine VII // Authority in
Byzantium / Ed. by P. Armstrong. London; New York, 2016. P. 187–
209.

Nicholas I Patriarch of Constantinople. Letters / Greek Text & Transl. by
R.J.H. Jenkins & L.G. Westerink. Washington D.C., 1973 (Corpus Fontium
Historiae Byzantinae. Vol. VI / Dumbarton Oaks Texts).

Riedel M.L.D. Leo VI and the Transformation of Byzantine Christian Identity.
Writings of an Unexpected Emperor. Cambridge, 2018.

The Taktika of Leo VI. Text, Translation, and Commentary / Ed. by G. Dennis.
Washington D.C., 2014.

А.Д. ЩЕГЛОВ

ШВЕДСКИЕ РУКОПИСНЫЕ КНИГИ XV–XVI ВЕКОВ В СОБРАНИЯХ МОСКВЫ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

В российских собраниях хранятся шведские кодексы XV–XVII вв., которые малоизвестны и в некоторых случаях лишь недавно введены в научный оборот (Zjeltuchin 1995; Щеглов 2007). К ним относятся рукописные книги XV в., содержащие списки средневековых шведских законов. Одна из них хранится в РНБ (Санкт-Петербург), куда перешла из собрания П.К. Сухтелена. Вторая находится в РГАДА, куда поступила в числе рукописей МГАМИД.

В XIX в. в издании шведских законов К.Ю. Шлютер описал санкт-петербургскую и московскую рукописи. Моя работа (Scheglov 2015) показала, что это описание уместно дополнить. Так, Шлютер отметил, что два первых листа петербургской рукописи содержат позднейшие заметки, но не указал, какие. Речь идет о списке письма короля Густава Васы к жителям Швеции. Король предписывает собственникам земли окружлять владения. Шлютером не указаны некоторые тексты, дополняющие законы. К ним относятся постановления государственного совета, содержащих различные запреты: не дозволяются поединки, убийцы и изменники не должны получать убежище в церквях. В отношении московской рукописи Шлютер констатирует, что первые листы содержат различные заметки. В действительности это формуляры клятв: судебной присяги, клятвы верности рыцаря, и др. В рукописи содержится и так называемый «Закон о пономарях», что не отмечено шведским исследователем.

Для исследования Ландлага в санкт-петербургской и московской рукописях я выбрал «Королевский раздел». Метод заключался в том, чтобы сравнить списки с текстом манускрипта АМ 51 (рукопись *A*) и с вариантами из других списков. По Шлютеру, варианты санкт-петербургской рукописи близки рукописи *R* — манускрипту В 7 (Королевская библиотека, Стокгольм). Моя работа подтвердила указанный вывод. В отношении московского списка Шлютер констатирует, что он близок к списку *G* (Королевская библиотека). Список *G* имеет много общего со списком *H* (Уппсальская университетская библиотека). Я же пришел к заключению, что московский список Ландлага имеет немало общего со списками *G* и *H*. В некоторых случаях присутствуют соответствия с рукописью *M* (Государственный архив Швеции).

Если выводы Шлютера относительно списков Ландлага в московской и петербургской рукописях в основном справедливы, то наблюдения относительно так называемого «Церковного раздела» законов области Уппланд нуждаются в поправках (Scheglov 2018). Касательно «Церковного раздела» в петербургской рукописи Шлютер утверждает, что он часто совпадает со списком в кодексе *P*. Сведений относительно совпадений с другими рукописями Шлютер не приводит. Мой же вывод состоит в том, что совпадения с *P* незначительны, зато обращают на себя внимание соответствия с другими рукописями XIV–XV вв.: *X*, *K*, *T* и др. В отношении московского списка «Церковного раздела» наблюдения Шлютера нуждаются в уточнении. Шлютер констатирует, что текст часто совпадает с текстом рукописей *O* и *Q*. Мое исследование выявило множество совпадений с *P* и *R*, что не отмечено предшественником.

Из шведских рукописей XVI–XVII вв. представляют особую ценность списки «Шведской хроники» реформатора и историка Олауса Петри, хранящиеся в РНБ. Знакомство с рукописями позволило мне дать характеристику списков. Рукопись Швед. F.IV.1 содержит краткую исправленную версию «Шведской хроники» (редакция II), дополненную с использованием пространного списка (редакция IV). В манускриптах Швед. F.IV.2, F.IV.3, F.IV.4. налицо признаки редакции IV, но имеются и черты других редакций.

В двух рукописях присутствуют уникальные записи. Одна содержится в F.IV.2: "Medh min egen Hånd skreffven och til tryckit förfärdigat. O.P.P.S." (Мною собственноручно написано и подготовлено к печати. О.П.П.С.). Другая — перед текстом «Шведской хроники» в Швед. F.IV.3: "Mag. Olai Petri Phases, fordom Kyrkjoherde wed Stockholms stads stora Kyrckja Swenska Chrönica, sammanskrifwen åhr efter Christi Börd 1534" (Шведская хроника магистра Олауса Петри Фасе, в прошлом — настоятеля Большой церкви города Стокгольма, написанная в год от Рождества Христова 1534). В начале XVIII в. Й.Г. Халльман утверждал, что «Шведская хроника» была завершена в 1534 г., но не привел аргументов. Между тем, в Швед. F.IV.2 указан именно 1534 год.

Ознакомившись с записями, можно констатировать: они имеют спорный характер. Запись в Швед. F.IV.2, судя по письму, создана в середине XVII века. Аббревиатура *O.P.P.S.*, скорее всего, означает: "Olaus Petri, predikant i Stockholm" (Олаус Петри, стокгольмский проповедник). На титульном листе Швед. F.IV.3 часть букв выглядят как более поздние (конец XVII – середина XVIII в.).

Уместно обратить внимание на деталь, не отмеченную предшественниками. В стокгольмской рукописи D 407 присутствует зашифрованная дата: стихотворение, где прописные буквы одновременно являются римскими цифрами, которые (в зависимости от способа прочтения) в сумме дают 1533 или 1535. Возможно, дата была принята за дату завершения работы: затем ошибка была воспроизведена в петербургской рукописи.

Представляют интерес и списки документов, присутствующие в кодексах. Так, проект договора Дании, Швеции и Норвегии (около 1436 г.), является вехой в истории Кальмарской унии (1397–1523). Документ сохранился в списках. До недавнего времени не было известно, что один из списков хранится в РНБ. Мной осуществлена и опубликована его транскрипция с переводом и комментариями (Щеглов 2019). Анализ показал: текст близок ряду списков, хранящихся в Швеции (рукописи B1, B7, B8 в Государственном архиве Швеции, E 131 в Уппсальской университетской библиотеке). Интересным вариантом текста является дополнение к перечню прав верховного судьи: согласно данной рукописи, он уполномочен делать предупре-

ждения монарху, если тот не выполняет обязательства перед подданными.

В России имеются и другие древние шведские рукописные книги — например, списки хроник Педера Сварта и Лаврентиуса Петри (XVI в.). Они также представляют интерес и могут быть использованы в исследованиях и публикациях.

БИБЛИОГРАФИЯ

Щеглов А.Д. Шведское средневековье и XVI век в отделе рукописей Российской национальной библиотеки // Средние века: Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. 2007. Вып. 68 (2). С. 111–142.

Щеглов А.Д. Проект договора об унионии Швеции, Дании и Норвегии от 1436 года (по рукописи из Российской национальной библиотеки) // Средние века: Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. 2019. Вып. 80 (2). С. 116–137.

Scheglov A. Magnus Erikssons landslag. Handskrifterna i Sankt Petersburg och Moskva // Språk och stil: Tidskrift för svensk språkforskning. 2015. Bd. 25. S. 160–180.

Scheglov A. Upplandslagens kyrkobalk: Handskrifterna i Ryssland // Arkiv för nordisk filologi. 2018. Bd. 133. S. 85–104.

Zjeltuchin A. Svenska handskrifter i Sankt Petersburg // Arkiv hemma och ute. Årsbok för Riksarkivet och Landsarkiven. 1995. S. 173–189.

Л.И. ЩЕГОЛЕВА

**ГРАМОТА ОХРИДСКОГО
АРХИЕПИСКОПА ГРИГОРИЯ
ИЗ СОБРАНИЯ В.И. ГРИГОРОВИЧА**
НОВЫЕ ДАННЫЕ

В Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (далее — РНБ) хранится уникальный и чрезвычайно ценный документальный источник по истории Охридской архиепископии XVI в. Это датированная грамота на пергамене РГБ. Ф. 87. № 63.3 (Греч. 163.3; Ин. 820.3) с подписью Григория, «архиепископа всей Болгарии и 1-й Юстинианы Охрида» (Γρηγόριος ἐλέω θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος πάστης Βουλγαρίας τῆς ας Τουστινιανῆς Ἀχρίδοῦ). Грамота поступила в Московский Публичный и Румянцевский музеи в конце 1877 г. в составе собрания рукописных книг Виктора Ивановича Григоровича (Тихомиров 1983: 172) и была кратко описана хранителем Отделения рукописей и славянских старопечатных книг А.Е. Викторовым, который прочитал дату на ней как «1537 г.» под вопросом (Викторов 1879: 47).

В 1917 г. выдающийся болгарский историк и филолог академик Йордан Иванов изучил тест грамоты по фотографии и предложил иное прочтение даты: «1590 г.», также под вопросом: «Но было, че се спремъ на датата 1537 или на 1590, и въ двата случая имаме паметникъ отъ XVI в., защото хилядната и стоциата личать добре» (Иванов 1970: 41). Таким образом, с учетом того, что до XVI в. Охридскую кафедру занимали три предстоятеля с именем Григорий, в научной литературе появился «Григорий IV, архиепископ Охридский», известный только по данному документу (Снегаров 1932: 188; ПЭ 2006: 556).

При подготовке Каталога греческих рукописей РГБ под руководством Б.Л. Фонкича нам удалось уточнить датировку грамоты и снять вопросы предшественников: можно с уверенностью утверждать, что документ датируется 1533 годом. Эта дата хорошо укладывается в историческую канву. Как известно по другим источникам, в 1530-х гг. разгорелась борьба между Смедеревским митрополитом Павлом и Охридским архиепископом Прохором по вопросу церковного подчинения приходов бывшего Печского патриархата, которые после упразднения патриархата в 1459 г. были переданы в юрисдикцию Охридской архиепископии. В начале 1530 г. митрополит Павел, заручившись поддержкой турок, провозгласил независимость Печского патриархата от Охридской архиепископии (*Δημήτροπόλου* 2019: 94). Архиепископ Прохор обратился за помощью к вселенскому патриарху Иеремии I, и в сентябре 1530 г. тот вынес решение о том, что Печский патриархат находится в церковной юрисдикции Охридской архиепископии (Пападопуло-Керамевс 1896: 118–120). 13 марта 1532 г. архиепископ Прохор созвал в Охриде поместный собор, на котором митрополит Павел был осужден. Однако Павел не признал решений собора и с помощью своих влиятельных друзей среди соотечественников и при поддержке оттоманских властей добился заключения Прохора в тюрьму (*Λόης* 2015: 375; *Δημήτροπόλου* 2019: 94–95). Очевидно, в период тюремного заключения Прохора Охридскую кафедру занимал архиепископ Григорий, написавший грамоту 1533 г. В помяннике Слепченского монастыря имя этого архиепископа помещено сразу после Прохора (Отчет РАИК 1899: 143; Снегаров 1932: 188). К сожалению, номер индикта — «4» не согласуется с 1533 г. и поэтому не может служить дополнительным свидетельством в пользу этой даты.

Новая датировка подтверждается содержанием грамоты. В документе провозглашается вечная анафема жителям окрестов (χώρα) Вранцирова (Βρανίζοβα), Печ (Πεῖς), Ложане (Λωζιανῆς), Неаниц (Νεανίσκου), Морозвизд (Μοροβητζη) и других земель, относящихся к Печскому патриархату, за то, что они вышли из подчинения, присвоили себе доходы от зерна, ячменя и оливкового масла, оклеветали архиепископа Григория и причинили ему ущерб (Τοὺς ἀπειθῆ<σαν>τας ... ταῦτα καθ' ἡμῶν

ἀγιοτάτῃ ταύτῃ ἀρχιεπισκοπῇ Ἀχριδῶν, τουτέστι, φημί, ἡμῶν ἐκκλησίᾳ νοσφισαμένους τάς τε προσόδους σίτων, κριθῶν καὶ ἔλαιου, συντελούντων οἴκειοποιησαμένους... μετὰ τῶν συκοφαντησάντων τε ἡμᾶς καὶ ζημιωσάντων). Таким образом, грамота проливает дополнительный свет на начальный период борьбы за независимость Сербской церкви от Охридской архиепископии в XVI в. В свете новой датировки, «сдвигающей» дату «1590 г.» на 57 лет назад, может быть корректно поставлен вопрос о личности архиепископа Григория.

Грамота представляет важный материал для исторической географии Охридской архиепископии, особенно в связи с тем, что некоторые топонимы, упомянутые в тексте, в настоящее время утрачены. Очень небрежный и неразборчивый почерк писца и множество сокращений вкупе с особенностями передачи славянских топонимов средствами греческой графики делает составление полного списка населенных пунктов в грамоте 1533 г. непростой, но увлекательной задачей на будущее.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Викторов А.Е. Собрание рукописей В.И. Григоровича. М., 1879.
- Отчет РАИК — Отчет о деятельности РАИК в 1898-м году // Известия РАИК (Русского археологического института в Константинополе). 1899. Т. 4. Вып. 3.
- Пападопуло-Керамевс А.И. Из истории Охридской и Ипекской патриархии // Византийский временник. 1896. Т. III. Вып. 1. С. 118–120.
- ПЭ 2006 — Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 12.
- [Тихомиров Н.Б.] Собрание В.И. Григоровича. Ф 87 // Рукописные сокращения Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Указатель / Отв. ред. Ю.Д. Рыков. М., 1983. Т. 1. Вып. 1 (1862–1917).
- Иванов Й. Български старини из Македония / Под ред. на проф. Боню Ангелов и проф. Димитър Ангелов. Фототипно издание. [София], 1970.
- [Снегаров И.] История на Охридската архиепископия-патриаршия от падането ѝ подъ турците до нейното унищожение (1394–1767 г.). София, 1932.

Δημητροπούλου Α. Η Ιστορία του Πατριαρχείου Πεκίου (1252–1766). Έδρα της Σερβικής Ορθόδοξης Εκκλησίας. Διπλωματική εργασία. Πάτρα, 2019.

Λόης Γ.-Ν. Αθ. Η σημασία της ανασυστάσεως του Πατριαρχείου Πεκίου (1557) στην διατήρηση της πίστεως και της εθνικής ταυτότητας των Σέρβων την περίοδο της Οθωμανοκρατίας // Crkvene Studije. 2015. Nis. 12. P. 373–381.

M.A. ЮСИМ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

«Исторический источник» как специальный термин

В истории существует ряд основополагающих понятий, которые сами являются исторически выработанными и потому условными (конструктами). Обычно это слова из повседневного языка, которые приобретали особенный смысл в соответствии с теми целями, которые приписывались занятиям историей, и в ходе осознания истории как науки. Понятие «источник» стало одним из основополагающих, оно вводит обозначаемый им предмет в сферу интересов научного исторического исследования.

Во всякой квалификационной работе требуется наличие двух разделов — по источникам и историографии. Предполагается, что источники — это тот материал, на котором автор строит свои гипотезы и выводы, а историография — мнения, выработанные ранее на сходном материале.

Историография, тем не менее, также может являться источником для исследования, если его предмет состоит в изучении определенного автора или авторов. Источник, таким образом, это наиболее универсальное базовое понятие исторической науки, но его специфика такова, что источником может быть любая вещь или феномен, взятая во временной динамике, и вместе с тем никакая вещь собственно источником, вне исторического исследования не является.

Источник и эволюция исторического знания

К словам и научным понятиям можно относиться как к данности, а можно подвергать их рефлексивному анализу. Во втором случае мы всегда сталкиваемся с ограниченностью и

противоречивостью содержания понятий, с их эволюцией. В дописьменные времена исторические знания передавались в устной и мифологизированной форме, затем появилась история как особый литературный жанр, в понимании греков и римлян отличающийся от других жанров тем, что он не должен содержать вымысла, быть правдивым и беспристрастным. Специальное исследование или критика источников в собственном смысле тогда не требовалось, было достаточно намерения автора поведать истину, отделив ее от искажений.

Исторические источники вчера

Понятие источника привязано к определенному историческому периоду, укоренено в истории. Оно возникает фактически в эпоху Возрождения, когда появляется лозунг *ad fontes*. Его затем заимствует Реформация для восстановления истин, данных в откровении. В культурно-историческом смысле он связан с глобальным осознанием дистанции между разными культурами, то есть идеей о прерывности и повторяемости исторического процесса.

Возрождение унаследовало от Средних веков веру в авторитеты, но в историографии появились элементы критического отношения к источникам, их отбора и анализа. В дальнейшем критика источников и изучение существующей литературы (две дополняющие друг друга вещи) стали краеугольными камнями исторической науки, и одновременно от истории стали требовать не поучений, не рассказов о правителях и войнах, а материала для построения представлений об обществе в целом, о законах его развития, наконец, о «ментальностях» разных эпох, о риторических стратегиях нарративов и т.п.

Исторические источники сегодня

Для нас сегодня работа историка связана с неким образом средневекового монаха или кабинетного ученого, архивной крысы, Сильвестра Боннара, в них для многих есть своя притягательность. Понятие исторического источника остается незыблемым и базовым, оно и должно оставаться таким, пока существует идея науки и добываемого с ее помощью патентованного знания.

Тем не менее, если подвергнуть понятие источника упомянутому выше рефлексивному анализу, можно увидеть некоторые заложенные в нем противоречия.

Существует мнение, что некоторые тексты создаются специально в качестве источников для будущих изысканий и во всяком случае для закрепления событий в памяти, но в действительности такое назначение текстов или предметов само по себе девальвирует их источниковедческую ценность — намеренная заданность снижает степень объективности фиксации событий и фактов или суждений о них. Исторические произведения, летописи, хроники, повествования могут служить в качестве источников, но они изначально субъективны.

Главное противоречие здесь заключается в том, что источником должно быть то, что не имеет цели быть источником, — если такая цель изначально заложена, допустим, в мемуарах, она заставляет относиться к ним особенно критически. *Источник — это то, что не предназначено быть историческим источником.*

Ключевой вопрос — что мы хотим получить от данного текста или артефакта, это, как всегда, вопрос о целях — он должен включать и вопрос о целях их создателей. Он не исчерпывается ссылкой на то, что, изучая источник, допустим, старинный текст, мы должны извлечь из него все, что возможно. Наши вопросы всегда чем-то обусловлены.

Источники и информация

Одно из распространенных заблуждений заключается в том, что понятие исторического источника отождествляется с понятием источника информации. Если использовать слово «информация» в его обыденном значении, как синоним «сведений», то здесь большого противоречия не возникает. Противоречия возникают, если пытаться применить «научное» определение информации — для разных наук такие определения разные, и окончательной ясности в том, что же такое «информация», нет. В теории управления информация — это субстанция, увеличивающая вероятность наступления события. Существует и такая наука как «историческая информатика», которая, по всей видимости, ставит задачей сбор и обработку исто-

рической информации. Почему же тогда нельзя считать задачей истории получение информации вообще?

Дело в том, что понятие информации как научной категории было введено в XX в. и уже в силу этого неприменимо к предшествующим эпохам, поскольку для истории важно понимать и сохранять содержание понятий изучаемых эпох.. Речь идет о том, что язык, содержание понятий, контексты для истории, как и для всех гуманитарных наук, существенны, потому что все эти науки имеют дело с субъективностью, с определенным набором ценностей и оценок, отчасти заданных, отчасти выработанных. Поэтому если мы хотим исследовать предмет истории путем «неразрушающего воздействия» (как в физике), нам следует учитывать субъективность этого предмета (человека прошлого). Процессы обмена информацией в живой природе существовали всегда, и в этом смысле их описание с помощью информатики вполне оправданно, но для истории этот способ ограничен в силу того, что гуманитарные науки изучают культурные процессы, рукотворные, являющиеся продуктом человеческой субъективности. Это и есть главный предмет истории, а информатика и получение «информации», с этой точки зрения, являются вспомогательными сущностями. Для истории важен «носитель», а не только сообщение.

Исторические источники завтра

Эти соображения, вероятно, следует учитывать при анализе изменений, вносимых в науки современной информационной революцией. Книги и рукописи отходят на второй план, главным источником знаний становится Интернет с постоянным обновлением и совершенствованием баз. Поиски «информации» упрощаются, многие рутинные процессы, например, поиски цитат, отнимавшие раньше массу времени при просмотре библиотечных каталогов и заказе книг, ускоряются в десятки и сотни раз. Это влияет и на содержание работы исследователя, и на пользователей его трудов.

В дальнейшем вероятно появление «операторов» исторических исследований, которые смогут руководить рутинной работой поиска, сличения, перевода материалов. Гадать о будущем сложно, но, будем надеяться, что традиционные способы

занятий историей и работы с источниками не уйдут в прошлое, ведь они дарят нам физическое ощущение исторического времени.

А.Ю. ЯКОВЕНКО

ВОСТОЧНО-ХРИСТИАНСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ИРЛАНДСКОЙ АГИОГРАФИИ КАК ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

НА МАТЕРИАЛЕ «ПУТЕШЕСТВИЯ СВЯТОГО БРЕНДАНА-МОРЕПЛАВАТЕЛЯ»

Данная работа посвящена малоизученным аспектам источниковедения сравнительной агиографии, а именно: рецепции восточно-христианской традиции в ирландской агиографической литературе на материале «Путешествия Святого Брендана-Мореплавателя» (далее — «Путешествие»).

Интересен сам механизм рецепции нетрадиционных элементов в таком сложном жанре, как агиография, и технология конструирования символического пространства, вопросы авторского начала (далее — языковой личности) и его связи с общественными практиками (политической, социальной, культурной и др.), механизм отбора восточно-христианских элементов в ирландской монастырской культуре, источники, использовавшиеся для написания текста в IX и X вв., адаптация и рецепция, и как следствие — популярность самой истории и мифа «Путешествия» в европейской средневековой латинской культуре. Исследуется также проблема пространственного представления в источниках ирландского агиографического цикла, затрагиваются вопросы о методах исследования сконструированных символических пространств («вымышенных» миров, пограничных областей и др.) в средневековых житиях святых ирландской традиции. Рецепцию, таким образом, мы можем рассматривать как конфликт и как стратегию разрешения конфликта.

«Путешествие» — это памятник, ставший достоянием европейской средневековой литературы и культуры и вышедший далеко за географические пределы Ирландии и Британских островов уже в период классического Средневековья. На данный момент известно более 100 списков сочинения, созданных в разное время и в разных местах за весь период Средних веков (Пенская 2013: 697).

История изучения «Путешествия» начинается в XIX в. Исследования затрагивали преимущественно вопросы истории культа легендарного святого, мотивы его путешествия, географические координаты, а также традиционные для источниковедения вопросы: когда и кем был написан основной текст, где это произошло, причины и предпосылки и др. (Vincent 1982: 15–16; Пенская 2013).

Жанр «Путешествия» трудно поддается определению. Некоторые исследователи были склонны считать, что на текст рукописи оказала влияние ирландская мифологическая традиция (возможно, шире — кельтская?), христианские представления о мироустройстве, а также некоторые весьма специфические восточно-христианские элементы (Kenney 1929: 410, 415, 417). Однако это не давало ответа на вопрос о месте, среде и об условиях создания текста. По-видимому, текст источника создавался в очень противоречивой обстановке, что нашло свое отражение в структуре и жанровой композиции текста уже в IX в., а следовательно, и в символической «нагрузке» истории «Путешествия».

Вопросам рецепции и адаптации восточно-христианских элементов в ирландской агиографической литературе и их источниковедческой проблематике посвящены специальные работы (Orlandi 1968: 160; Dumville 1973: 299–338; Dumville 1988: 87–102; Bray 2000: 175–186; Esposito 2000: 27–41; Fagnoni 2006: 53–79 и др.). Отметим лишь некоторые из источников восточно-христианского круга, которые, по-видимому, оказали влияние на текст «Путешествия»: *Vita Antonii* в переводе Евагрия Антиохийского, *Vita Pauli* Иеронима, *Vita Macarii Romani*, *Vita Onuphrii*, *Vita Mariae Aegyptiacae*; и патерики — *Historia monachorum in Aegypto* в переводе Руфина, *Vitae partum (Verba senior)*, *Historia Lausiaca* и др. (Пенская 2013: 699–700).

Как будет показано в докладе, проблема определения круга источников восточно-христианской традиции в текстах «Путешествия», а также исследование механизма рецепции и адаптации этих элементов — это вопрос дальнейших источниковедческих исследований. Необходимо провести комплексное сравнительное историко-текстологическое исследование всех имеющихся списков «Путешествия», определить критерии сравнения и сравнить списки с источниками восточно-христианской традиции.

БИБЛИОГРАФИЯ

Ленская Д.С. Ирландское «Плавание Брендана» и византийское «Сказание отца нашего Агапия»: возможные точки пересечения // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVII (чтения памяти И.М. Тронского). Материалы Международной конференции, 24–26 июня 2013 г. / Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб., 2013. С. 697–716.

Bray D.A. Allegory in *Navigatio Sancti Brendani* // The Otherworld voyage in Early Irish Literature. An Anthology of Criticism / Ed. by J.M. Wooding. Dublin, 2000. P. 175–186.

Dumville D.N. Biblical Apocrypha and the Early Irish: A Preliminary Explanation // Proceedings of the Royal Irish Academy. 1973. № 73. P. 299–338.

Dumville D.N. Two approaches to the Dating of «*Nauigatio Sancti Brendani*» // Studii Medievali. 1988. № 29. P. 87–102.

Esposito M. An Apocryphal «Book of Enoch and Elias» as a Possible Source of the *Navigatio Sancti Brendani* // The Otherworld voyage in Early Irish Literature. An Anthology of Criticism / Ed. by J.M. Wooding. Dublin, 2000. P. 27–41.

Fagnoni A.M. Oriental Eremitical Motifs in the *Navigatio Sancti Brendani* // The Brendan Legend: Texts and Versions / Ed. by G.S. Burgess and C. Strijbosch. Leiden, 2006. P. 53–79.

Kenney J.F. The Sources for the Early history of Ireland: 2 vols. NY, 1929.

Navigatio Sancti Brendani abbatis from Early Latin Manuscripts / Ed. with introduction and notes by C. Selmer. Notre Dame, 1959.

Orlandi G. *Navigatio sancti Brendani*. I. Introduzione. Milano; Varese, 1968.

Vincent G. Recherches sur la «Navigation de Saint Brendan»: ms. latin d'Alençon, Bibl. mun. 14 (X-XIe siècle), Poème anglo-normand, de

Benedeit (XIIe siècle). Université de Provence – Aix-Marseille I, 1982.
Diss.

The Voyage of St. Brendan: Representative Versions of the Legend in English Translation / Ed. by W.R.J. Barron, G.S. Burgess. Exeter, 2005.

В.А. ЯКУНИНА

ДЕЛО ГЕРМАНА ГАППЕ ПОПЫТКА РЕКОНСТРУКЦИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ДИАЛОГА ТАЛЛИНА И НАРВЫ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ
(проект № 19-18-00183)*

Средневековая Нарва формально была городом самостоятельным, действующим на основе любекского права (Kivimäe 2004: 18) с органом местного самоуправления — магистратом (Смолокуров 1999: 4). Однако общеизвестен факт об экономическом и политическом нажиме Ревеля (Таллина), стремившегося не допустить чрезмерного усиления Нарвы (Казакова 1975: 99). К сожалению, изучение взаимоотношений двух городов осложнено тем, что фонды магистрата из Нарвского городского архива не сохранились, поэтому историкам приходится обращаться к материалам, хранящимся в Таллинском городском архиве (Tallinna Linnaarhiiv).

Данная работа посвящена двум документам — письмам нарвского магистрата в Ревель по делу Германа Гаппе (Hermen Harppe), хранящимся в Таллине (TLA, f. 230, BD 8 II, № 6, 12). Одно из них, датируемое 29 июля 1479 г. было опубликовано в “Hansisches Urkundenbuch” (HUB 1957: № 752), а также переведено и опубликовано И.Э. Клейненбергом (Клейненберг 1970: 130–149). Второе же письмо опубликовано на среднениненемецком языке в четырнадцатом сборнике “Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch” (LEKUB 2019: №20) и представляет собой продолжение данного судебного разбирательства.

Из первого документа мы узнаем, что нарвец Герман Гаппе продал псковичу Якиму (Jackime) бочку семян лука. Поскольку

лук был особенным товаром, качество которого определить визуально невозможно, то он требовал особых условий сделки, поэтому она была подписана через хирограф (*chirographum* — лат., *hantschrift* — ннем.) (Bresslau 1889: 503-511). По условиям договора пскович мог вернуть в течении трех недель семена, если они окажутся ненадлежащего качества, и он этим правом воспользовался. Нарвский магистрат постановил проверить качество семян и, в случае если они действительно некондиционного качества, то вернуть их Герману. Однако, нарвец отказался представлять свою половину хирографа, тем самым затягивая дело и подал апелляцию в Ревель (TLA, f. 230, BD 8 II, № 6).

Тот факт, что Нарва — не ганзейский город, позволило «нарушить» обеим сторонам ряд ганзейских условий: во-первых, сделка носила не меновый характер, на котором настаивала Ганза в этот период времени (Клейненберг 1970: 137–139), а представляла собой обмен товара на деньги — куплю-продажу. К тому же, обычное право немецких купцов гласило, что сделка, совершенная за деньги, нерасторжима, даже если товар плохой (Ebel 1950: 9). Во-вторых, в середине XV в. решением съезда ливонских городов все немецкие купцы при торговле с русскими должны были прибегать к услугам маклеров (Hanserezess 1890: Nr. 62, § 3). В рассматриваемой нами сделке этого не было сделано.

Во втором письме нарвского магистрата к ревельскому магистрату от 8 февраля 1480 г. мы узнаем, что Герман Гаппе приобрел семена лука у ревельца Симона Норенбергера (Simon Norenberger). Что примечательно, сделка так же была совершена за деньги. В ходе разбирательства был проведен анализ пробы семян (“unde int lateste, sodan saet to proberen unde to vorsoken”) и нарвский суд признал их непригодными, на основании чего ревельский магистрат постановил — вернуть семена Симону и исключить из обвинения Германа, но при условии наличия доказательств, что он не изменял (то есть не портил) качество приобретенного товара (TLA, f. 230, BD 8 II, № 12).

Анализ данных двух писем не только дает ценную информацию о форме международных торговых сделок конца XV в., но и помогает в определении характера судебно-административных взаимоотношений Ревеля и Нарвы. Как было отмечено

выше, Нарва подчинялась любекскому праву. Судебные дела рассматривались изначально в нижнем суде (*Niedergericht*), верхней инстанцией являлся магистратский суд (*Obergericht*) (LECUB 1900: № 893, §4, 5). Решения нарвского суда можно было обжаловать в магистратском суде Ревеля, пример почему мы и наблюдаем в деле с Германом Гаппе. Если проанализировать имеющиеся апелляции (Ebel 1952), то можно сделать следующий вывод: дела, касающиеся только нарвских бурггеров, при обжаловании в Ревеле, как правило, сохраняли решение, принятые нарвским магистратом. Дела же, как в случае с делом Германа Гаппе, включающие споры с представителями других ливонских и не ливонских городов, рассматривались в приоритетном порядке и особенно тщательно.

Несмотря на то, что Ревель боялся усиления торговых позиций своего потенциального конкурента и всячески стремился не допустить чрезмерного развития Нарвы и, тем более, вступления ее в Ганзейский союз, два города являлись экономическими партнерами, зависимыми друг от друга. Внутренние дела Нарвы, в том числе и судебного характера, мало интересовали ревельский магистрат. Дело Германа Гаппе показывает, что даже такие сложные дела с участием иноземцев не вызывали конфликта интересов между городами. К сожалению, мы не можем полностью реконструировать по письмам судебное дело и ответить на многие возникающие вопросы, но даже имеющиеся данные и тот факт, что в источниках мы не находим ни одного протеста со стороны Нарвы относительно этой системы судоустройства, говорит о том, что ограничение апелляционного права Нарвы было продиктовано практической необходимостью (близость Ревеля значительно сокращала расходы на проведение судебных заседаний). Это формально-юридическое ограничение, которое хотя и можно считать показателем филиальной зависимости, отнюдь не имело реального влияния на развитие средневековой Нарвы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Казакова Н.А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI в. Л., 1975.
- Клейненберг И.Э.* Оформление договора купли-продажи и мены в ганзейской торговле Новгорода и Пскова // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1970. Т. 3. С. 130–149.
- Смоловоров А.* Нарвское городское самоуправление // Сборник статей Нарвского музея. Нарва, 1999. С. 3–29.
- Bresslau H.* Handbuch der Urkundenlehre fur Deutschland und Italien, Leipzig, 1889. Bd. I.
- Ebel W.* Das Revaler Ratsurteilsbuch (Registr van affsproken) 1515–1554. Göttingen, 1952.
- Ebel W.* Lubisches Kaufmannsrecht vornehmlich nach Lubecker Ratsurteilen des 15–16. Jh. Gottingen, 1950.
- Hanserezess. Leipzig, 1890. Abt 2. Bd. VI.
- Hansisches Urkundenbuch. Leipzig, 1905. Bd. IV.
- Hansisches Urkundenbuch. Halle, 1907. Bd. X.
- Kivimäe J.* Medieval Narva: Featuring a Small Town between East and West // Narva und die Ostseeregion| Narva and the Baltic Sea Region. Narva, 2004. S. 17–27.
- Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch. Riga; Moskau, 1900. Abt. 2, Bd. 1.
- Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch. Wien; Köln; Weimar, 2019. Abt.1. Bd. 14. 1480–1483.
- Tallinna Linnaarhiiv, f. 230, BD 8 II, № 6, 12.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

ПЕРИОДЫ

Поздняя Античность и эпоха Великого переселения народов
Буданова В.П.
Ермолова И.Е.
Петрова М.С.
Подосинов А.В.

Раннее Средневековье

Аникьев И.И.
Ванина Е.Ю. (Индия)
Вепрецкий С.В. (Мезоамерика)
Вершинина Ю.Е.
Вилкул Т.Л.
Вин Ю.Я.
Гимон Т.В.
Джаксон Т.Н.
Земляков М.В.
Калинина Т.М.
Коновалова И.Г.
Курышева М.А.
Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.
Мельникова Е.А.
Мехамадиев Е.А.
Мишин Д.Е.
Подосинов А.В.
Рашковский Б.Е.
Сафонов А.В. (Мезоамерика)
Сидоров А.И.
Филиппов И.С.
Фонкич Б.Л.
Хохрякова (Висканта) С.А. (Мезоамерика)
Щавелев А.С.
Яковенко А.Ю.

Высокое Средневековье

Анисимова А.А.
Анкудинов И.Ю.
Антонов В.А. (геральдика)
Ауров О.В.
Байдуж Д.В. (сфрагистика)
Блохин П.А.
Ванина Е.Ю.
Вилкул Т.Л.
Вин Ю.Я.
Винокурова М.В.
Габдрахманов П.Ш.
Девятайкина Н.И.
Джаксон Т.Н.
Дзярнович О.И.
Калинина Т.М.
Кириллова Е.Н.
Коновалова И.Г.
Королев А.А.
Краснова И.А.
Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.
Литовских Е.В.
Маслова С.А.
Mitsiou E.
Носова Е.И., Вебер Д.И., Пьянкова Л.А., Шепилова Е.М.,
Баскакова Ю.П.
Подосинов А.В.
Портных В.Л.
Рашковский Б.Е.
Срединская Н.Б.
Староскольская Д.С.
Танеева-Саломатшаева Л.З. (Индия)
Тогоева О.И.
Филиппов И.С.
Чекин Л.С.
Черных А.А. (геральдика)
Чиркова А.В.

Позднее Средневековье и раннее Новое время

Агеева Д.А.
Байдуж Д.В. (сфрагистика)
Белов Н.В.
Белоусов М.Р.
Беляев Д.Д. (Мезоамерика)
Бережная Н.А.
Бибиков М.В.
Болдырева Н.А.
Бондаренко А.А., Хоруженко О.И.
Ванина Е.Ю. (Индия)
Ведюшкин В.А.
Вершинин К.В.
Вилкул Т.Л.
Вин Ю.Я.
Воробьев Г.М.
Грязнов А.Л.
Гуслистова А.Н.
Данилов И.А.
Духанина А.В.
Елохин К.А.
Казбекова Е.В.
Калашникова А.А.
Козляков В.Н., Севастьянова А.А.
Конюшихина Н.Л.
Конявская Е.Л.
Корзо М.А.
Кошелева О.Е.
Кравцова Е.С., Рогова Ю.К., Таможников А.В.
Кузнецов А.А.
Кучкин В.А.
Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.
Маслова С.А.
Митюрёва Д.С.
Моисеев М.В.
Оборнева З.Е.
Окунева О.В.
Паскаль А.Д.
Полехов С.В.

Попова Е.М.
Портных В.Л.
Праздников А.Г.
Прокопьев А.Ю.
Пчелов Е.В.
Рева К.С.
Румянцева М.Ф.
Русецкая И.А.
Рябова М.А.
Савельев О.В.
Санжаров В.А., Гришин Е.С.
Секачева Д.С. (Мезоамерика)
Сукина Л.Б.
Таценко Т.Н.
Филиппов И.С.
Фролов А.А.
Фролова О.Э., Субботина О.В.
Худин К.С.
Чекин Л.С.
Черных А.П. (геральдика)
Чеснокова Н.П.
Шадунц Е.К.
Шамина И.Н.
Шустова Ю.Э.
Щеглов А.Д.
Щеголева Л.И.
Якунина В.В.

СТРАНЫ И РЕГИОНЫ

Англия и Шотландия

Анисимова А.А.
Винокурова М.В.
Гимон Т.В.
Митюрёва Д.С.
Праздников А.Г.
Рева К.С.

Арабский Восток

Калинина Т.М.

Коновалова И.Г.
Мишин Д.Е.

Византия

Бибиков М.В.
Бондач А.Г.
Вин Ю.Я.
Воробьев Г.М.
Курышева М.А.
Мехамадиев Е.А.
Mitsiou E.
Оборнева З.Е.
Фонкич Б.Л.
Чеснокова Н.П.
Щавелев А.С.
Щеголева Л.И.

Германия

Бережная Н.А.
Блохин П.А.
Данилов И.А.
Земляков М.В.
Казбекова Е.В.
Носова Е.И., Вебер Д.И., Пьянкова Л.А., Шепилова Е.М.,
Баскакова Ю.П. (сфрагистика)
Портных В.Л.
Прокопьев А.Ю.
Сидоров А.И.
Таценко Т.Н.
Фролов А.А.

Индия

Ванина Е.Ю.
Танеева-Саломатшаева Л.З.

Ирландия

Яковенко А.Ю.

Испания и Португалия

Ауров О.В.
Ведюшкин В.А. (картография)
Елохин К.А. (нумизматика)
Конюшихина Н.Л. (картография)

Италия

Агеева Д.А. (дипломатика)
Аникьев И.И. (литургики)
Воробьев Г.М.
Девятайкина Н.И.
Краснова И.А.
Петрова М.С.
Русецкая И.А. (палеография)
Рябова М.А. (дипломатика)
Срединская Н.Б. (дипломатика)
Чиркова А.В (дипломатика)

Иудаика

Рашковский Б.Е.

Монгольская держава

Маслова С.А.

Польша

Корзо М.А.

Прибалтика и ВКЛ

Байдуж Д.В. (сфрагистика)
Дзярнович О.И.
Кравцова Е.С., Рогова Ю.К., Таможников А.В.
Полехов С.В.
Якунина В.А.

Древняя Русь и Российское государство

Анкудинов И.Ю.
Белов Н.В.
Белоусов М.Р.

Бибиков М.В.
Бондаренко А.А., Хоруженко О.И.
Вершинин К.В.
Вилкул Т.Л.
Гимон Т.В.
Грязнов А.Л.
Гуслистова А.Н.
Духанина А.В.
Калашникова А.А.
Козляков В.Н., Севастьянова А.А.
Конявская Е.Л.
Корзо М.А.
Кошелева О.Е. (картография)
Кузнецов А.А.
Кучкин В.А.
Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.
Маслова С.А.
Мельникова Е.А.
Моисеев М.В.
Оборнева З.Е.
Паскаль А.Д.
Полехов С.В.
Попова Е.М.
Пчелов Е.В. (геральдика, картография)
Сукина Л.Б.
Худин К.С.
Чекин Л.С. (kartография)
Чеснокова Н.П.
Шадунц Е.К. (kartография)
Шамина И.Н.
Шишкун В.В.
Шустова Ю.Э.

Румыния

Паскаль А.Д.

Скандинавские страны

Джаксон Т.Н.
Литовских Е.В.

Попова Е.М.

Щеглов А.Д.

Галлия и Франция

Вершинина Ю.Е.

Габдрахманов П.Ш.

Земляков М.В.

Кириллова Е.Н.

Королев А.А.

Портных В.Л.

Савельев О.В.

Санжаров В.А., Гришин Е.С. (ист. география)

Сидоров А.И.

Тогоева О.И.

Фролова О.Э., Субботина О.В.

Шишкун В.В.

Мезоамерика

Беляев Д.Д.

Вепрецкий С.В.

Сафонов А.В. (картография)

Секачева Д.С.

Хохрякова (Висканта) С.А.

Южная Америка

Окунева О.В.

ОТДЕЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Теоретические вопросы источниковедения

Сидорова В.В.

Филиппов И.С.

Юсим М.А.

Компаративное источниковедение

Гимон Т.В.

Румянцева М.Ф.

Вспомогательные исторические дисциплины

Историческая география и картография

Болдырева Н.А.
Калинина Т.М.
Коновалова И.Г.
Подосинов А.В.
Пчелов Е.В.
Санжаров В.А., Гришин Е.С.
Чекин Л.С.
Шадунц Е.К.

Палеография

Воробьев Г.М.
Курышева М.А.
Русецкая И.А.
Фонкич Б.Л.

Дипломатика

Габдрахманов П.Ш.
Оборнева З.Е.
Рябова М.А.
Срединская Н.Б.
Таценко Т.Н.
Чиркова А.В.

Книговедение

Фролова О.Э., Субботина О.В.
Шустова Ю.Э.

Кодикология (иконографическая программа)

Моисеев М.В.
Сукина Л.Б.
Тогоева О.И.

Геральдика и сфрагистика

Антонов В.А.
Байдуж Д.В.
Носова Е.И., Вебер Д.И., Пьянкова Л.А., Шепилова Е.М.,
Баскакова Ю.П.

Пчелов Е.В.
Староскольская Д.С.
Черных А.П.

Нумизматика

Елохин К.А.

Цифровые технологии в исторических исследованиях

Вепрецкий С.В.
Вин Ю.Я.
Калашникова А.А.
Конюшихина Н.Л.
Кравцова Е.С., Рогова Ю.К., Таможников А.В.
Mitsiou E.
Сафонов А.В.

ОБ АВТОРАХ

АГЕЕВА Дарья Александровна — студент Санкт-Петербургской школы гуманитарных наук и искусств НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург), daageeva@edu.hse.ru

АНИКЬЕВ Илья Игоревич — ассистент Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, anikyev@yandex.ru

АНИСИМОВА Анна Александровна — к.и.н., с.н.с. Института всеобщей истории РАН, cantiana@yandex.ru

АНКУДИНОВ Игорь Юрьевич — с.н.с. Государственного архива Новгородской области, ankudinovu@mail.ru

АУРОВ Олег Валентинович — к.и.н., доц. Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук РАНХиГС (Москва), olegaurov1@yandex.ru

БАЙДУЖ Дмитрий Валерьевич — к.и.н., доц. Тюменского ГУ, bayduzh@yandex.ru

БАСКАКОВА Юлия Павловна — м.н.с. Санкт-Петербургского Института истории РАН, yulsja@gmail.com

БЕЛОУСОВ Никита Васильевич — магистрант Института истории Санкт-Петербургского ГУ, belovnikita1997@yandex.ru

БЕЛОУСОВ Максим Рудольфович — к.и.н., доц. Казанского (Приволжского) федерального университета, vonrheineck@gmail.com

БЕЛЯЕВ Дмитрий Дмитриевич — к.и.н., доц. Мезоамериканского центра имени Ю.В. Кнорозова РГГУ, с.н.с. Международного центра антропологии НИУ ВШЭ (Москва), lakamha@mail.ru

БЕРЕЖНАЯ Наталья Александровна — к.и.н., ст. преподаватель Института истории Санкт-Петербургского ГУ, n.berezhnaya@spbu.ru

БИБИКОВ Михаил Вадимович — д.и.н., проф., г.н.с. Института всеобщей истории РАН, mbibikov@mail.ru

БЛОХИН Павел Александрович — к.и.н., доц. Астраханского ГУ, pavelblochin@yandex.ru

БОЛДЫРЕВА Наталья Андреевна — н.с. Музеев Московского Кремля, аспирант Московского ГУ им. М.В. Ломоносова, boldyreva@kremlin.museum.ru

БОНДАРЕНКО Андрей Андреевич — к.и.н., м.н.с. Института российской истории РАН, bondarenko-a.a@mail.ru

БУДАНОВА Вера Павловна — д.и.н., проф., г.н.с. Института всеобщей истории РАН, vpbudanova@yandex.ru

ВАНИНА ЕВГЕНИЯ ЮРЬЕВНА — д.и.н., г.н.с. Института востоковедения РАН, eug.vanina@gmail.com

ВЕБЕР ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ — к.и.н., доц. Санкт-Петербургского ГУ, d.weber@spbu.ru

ВЕДЮШКИН ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ — к.и.н., с.н.с. Института всеобщей истории РАН, vedyushkin@mail.ru

ВЕПРЕЦКИЙ СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ — м.н.с. Мезоамериканского центра им. Ю.В. Кнорозова РГГУ, servepr@gmail.com

ВЕРШИНИН Константин Владимирович — к.и.н., н.с. Института российской истории РАН, versh-kv@yandex.ru

ВЕРШИНИНА ЮЛИЯ ЕВГЕНЬЕВНА — аспирантка Центра междисциплинарных антропологических и социокультурных исследований Нижегородского ГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород), vershininae@gmail.com

ВИЛКУЛ ТАТЬЯНА ЛЕОНИДОВНА — д.и.н., в.н.с. Института истории Украины НАНУ (Киев), tvilkul@gmail.com

ВИН ЮРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ — к.и.н., с.н.с. Института всеобщей истории РАН, hkn@igh.ras.ru

ВИНОКУРОВА МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА — д.и.н., в.н.с. Института всеобщей истории РАН, vinocurova@mail.ru

ВОРОБЬЕВ ГРИГОРИЙ МИХАЙЛОВИЧ — к. филол. н., PhD, м.н.с. Санкт-Петербургского Института истории РАН, н.с. Института ИЛИ РАН, ст. преподаватель НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург), grisparrow@gmail.com

ГАБДРАХМАНОВ ПАВЕЛ ШАВКАТОВИЧ — к.и.н., с.н.с. Института всеобщей истории РАН, gabdrakhmanov@hotmail.com

ГИМОН ТИМОФЕЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ — д.и.н., в.н.с. Института всеобщей истории РАН, guimontv@mail.ru

ГРИШИН ЕВГЕНИЙ СЕРГЕЕВИЧ — руководитель сектора исторической картографии и геоинформационных систем НИЛаборатории экономической и социальной истории РАНХиГС (Москва), bibliosof-info@yandex.ru

ГРЯЗНОВ АНАТОЛИЙ ЛЕОНИДОВИЧ — с.н.с. НП «НИЦ «Древности» (Вологда), rubicon-2@yandex.ru

ГУСЛИСТОВА АННА НИКОЛАЕВНА — н.с. НП «НИЦ «Древности» (Вологда), annavaentina@mail.ru

ДАНИЛОВ ИГОРЬ АЛЕКСЕЕВИЧ — м.н.с. НИОРК БАН, igordanilov1990@gmail.com

ДЕВЯТАЙКИНА НИНА ИВАНОВНА — д.и.н., проф. Саратовской государственной консерватории им. Л.В. Собинова, проф. МПГУ,

devyatay@yandex.ru

ДЖАКСОН ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА — д.и.н., г.н.с. Института всеобщей истории РАН, tatjana.jackson@gmail.com

ДЗЯРНОВИЧ ОЛЕГ ИВАНОВИЧ — к.и.н., доц., в.н.с. Института истории НАН Беларуси, aleh.dziarnovich@gmail.com

ДУХАНИНА АЛЕКСАНДРА ВЛАДИМИРОВНА — к. филол. н., с.н.с. Института российской истории РАН, sakhara@yandex.ru

ЕЛОХИН КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ — к.и.н., н.с. Института всеобщей истории РАН, kelokhin@gmail.com

ЕРМОЛОВА ИРИНА ЕВГЕНЬЕВНА — к.и.н., доц. Историко-архивного института РГГУ, merira@mail.ru

ЗЕМЛЯКОВ МИХАИЛ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ — к.и.н., ст. преподаватель Школы исторических наук факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ (Москва), der-schwarze-obelisk@yandex.ru

КАЗБЕКОВА ЕЛЕНА ВАЛЕРЬЕВНА — к.и.н., с.н.с. Института всеобщей истории РАН, e-kazb22@yandex.ru

КАЛАШНИКОВА АНГЕЛИНА АНАТОЛЬЕВНА — м.н.с. Санкт-Петербургского Института истории РАН, aastafieva@eu.spb.ru

КАЛИНИНА ТАТЬЯНА МИХАЙЛОВНА — к.и.н., с.н.с. Института всеобщей истории РАН, tmka@yandex.ru

КИРИЛЛОВА ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА — д.и.н., в.н.с. Института всеобщей истории РАН, kkirillova@mail.ru

КОЗЛЯКОВ ВЯЧЕСЛАВ НИКОЛАЕВИЧ — д.и.н., проф. Рязанского ГУ им. С.А. Есенина, v.kozliakov@365.rsu.edu.ru

КОНОВАЛОВА ИРИНА ГЕННАДИЕВНА — д.и.н., г.н.с. Института всеобщей истории РАН, irina_konovalova@mail.ru

КОНЮШИХИНА НАДЕЖДА ЛЬВОВНА — сотрудник Большой Российской энциклопедии, nadegda_92@list.ru

КОНЯВСКАЯ ЕЛЕНА ЛЕОНИДОВНА — д.филол.н., в.н.с. Института российской истории РАН, ekonyavskaya@gmail.com

КОРЗО МАРГАРИТА АНАТОЛЬЕВНА — к.и.н., с.н.с. Института философии РАН, korzor@mail.ru

КОРОЛЕВ АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ — к. культур., н.с. Института всеобщей истории РАН, aaalkorr@gmail.com

КОШЕЛЕВА ОЛЬГА ЕВГЕНЬЕВНА — д.и.н., в.н.с. Института всеобщей истории РАН, okosheleva@mail.ru

КРАВЦОВА ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА — к.и.н., м.н.с. Санкт-Петербургского Института истории РАН, kravtsova.kes@gmail.com

КРАСНОВА ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА — д.и.н., проф. Северо-Кавказского Федерального университета, gorward_@mail.ru

КУЗНЕЦОВ АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ — д.и.н., проф. Института экономики и предпринимательства Нижегородского ГУ им. Н.И. Лобачевского, nalbuz@mail.ru

КУРЫШЕВА МАРИНА АЛЕКСАНДРОВНА — к.и.н., с.н.с. Института всеобщей истории РАН, kurysheva@yandex.ru

КУЧКИН ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ — д.и.н., г.н.с. Института российской истории РАН, kuchkin_va@mail.ru

ЛИТВИНА АННА ФЕЛИКСОВНА — к.филол.н., доц. НИУ ВШЭ (Москва), annalitvina@gmail.com

ЛИТОВСКИХ ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА — к.и.н., н.с. Института всеобщей истории РАН, elitovskih@mail.ru

МАСЛОВА СВЕТЛАНА АЛЕКСЕЕВНА — к.и.н., н.с. Института российской истории РАН, sveta2687@yandex.ru

МЕЛЬНИКОВА ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА — д.и.н., г.н.с. Института всеобщей истории РАН, melnikova_2002@mail.ru

МЕХАМАДИЕВ ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ — к.и.н., ст. преподаватель Санкт-Петербургского ГУ, e.mehamadiev@spbu.ru, mehamadiev@gmail.com

MITSIOU EKATERINI — DR, Göttingen Academy of Sciences and Humanities, Austrian Academy of Sciences, Mitsiou@em.uni-frankfurt.de, ekaterinimitsiou@assoc.oeaw.ac.at

МИТИЮРОВА ДАРЬЯ СЕРГЕЕВНА — ассистент Тюменского ГУ, dmiturova@yandex.ru

МИШИН ДМИТРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ — к.и.н., с.н.с. Института востоковедения РАН, mde@mts.ru

МОИСЕЕВ МАКСИМ ВЛАДИМИРОВИЧ — к.и.н., с.н.с. Новосибирского ГУ, зав. сектором ГБУК г. Москвы «Музейное объединение «Музей Москвы», maksi-moisee@yandex.ru

НОСОВА ЕКАТЕРИНА ИГОРЕВНА — к.и.н., н.с. Санкт-Петербургского Института истории РАН, katerinanossova@gmail.com

ОБОРНЕВА ЗИНАИДА ЕВГЕНЬЕВНА — к.и.н., н.с. Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, o_zinaida@mail.ru

ОКУНЕВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА — к.и.н., доктор ун-та Париж-Сорbonна, с.н.с. Института всеобщей истории РАН, olga.okuneva@gmail.com

ПАСКАЛЬ АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ — к.и.н., в.н.с. РГБ, finvest3@gmail.com

ПЕТРОВА МАЙЯ СТАНИСЛАВОВНА — д.и.н., г.н.с. Института всеобщей истории РАН, mayapetrova@yandex.ru

Подосинов Александр Васильевич — д.и.н., г.н.с. Института всеобщей истории РАН, проф., зав. кафедрой МГУ им. М.В. Ломоносова,
podossinov@mail.ru

Полехов Сергей Владимирович — к.и.н., с.н.с. Института российской истории РАН, с.н.с. Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук РАНХиГС (Москва), sergey.polekhov@gmail.com

Попова Елизавета Михайловна — аспирант, м.н.с. Новгородского ГУ им. Ярослава Мудрого (Новгород Великий),
kowkaforever@yandex.ru

Портных Валентин Леонидович — д.и.н., доц. Новосибирского ГУ,
valport@list.ru

Праздников Андрей Геннадьевич — к.и.н., доц., зав. кафедрой истории и философии Вятской государственной сельскохозяйственной академии, andrei-selek@mail.ru

Прокопьев Андрей Юрьевич — д.и.н., проф. Института истории Санкт-Петербургского ГУ, a.prokopiev@spbu.ru

Пчелов Евгений Владимирович — к.и.н., зав. кафедрой Российского государственного ГУ, evg-pchelov@yandex.ru

Пьянкова Любовь Алексеевна — к.г.-м.н., вед. специалист АО «Научные приборы», lyuba_ryan@mail.ru

Рашковский Борис Евгеньевич — к.и.н., н.с. Института всеобщей истории РАН, borisevg@gmail.com

Рева Ксения Сергеевна — аспирант Института истории Санкт-Петербургского ГУ, ksenia.s.reva@gmail.com

Рогова Юлия Константиновна — к.и.н., г.н.с. Государственного Музея истории религии, jurogova@yandex.ru

Румянцева Марина Федоровна — к.и.н., доц., доц. НИУ ВШЭ (Москва), доц. РГГУ, m_rumiantseva@hse.ru

Русецкая Ирина Алексеевна — к.и.н., доц. РГГУ, irkom@mail.ru

Рябова Мария Александровна — н.с. Московского ГУ им. М.В. Ломоносова, riabovama@mail.ru

Савельев Оксана Викторовна — специалист по учебно-методической работе, аспирант Московского ГУ им. М.В. Ломоносова, acharn-ee@inbox.ru

Санжаров Валерий Анатольевич — к.и.н., доц. Донецкого национального университета, valsandzh@yandex.ru

Сафонов Александр Владимирович — к.и.н., доц. Московского ГУ им. М.В. Ломоносова, alexsafronov@bk.ru

СЕВАСТЬЯНОВА Алла Александровна — д.и.н., проф. Рязанского ГУ им. С.А. Есенина, a.sevastyanova@365.rsu.edu.ru

СЕКАЧЕВА Дарья Сергеевна — м.н.с. Мезоамериканского центра им. Ю.В. Кнорозова РГГУ, daria.baida@gmail.com

СИДОРОВ Александр Иванович — д.и.н., в.н.с. Института всеобщей истории РАН, alexhist@mail.ru

СРЕДИНСКАЯ Наталия Брониславовна — к.и.н., с.н.с. Санкт-Петербургского института истории РАН, доц. НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург), sredinska@yandex.ru

СТАРОСКОЛЬСКАЯ Дарья Сергеевна — к.и.н., м.н.с. Института всеобщей истории РАН, darstar.ivi@gmail.com

Субботина Ольга Владимировна — к.искусств., н.с. НИОРК БАН, olgav8@gmail.com

Сукина Людмила Борисовна — д.и.н., доц., зав. кафедрой Института программных систем им. А.К. Айламазяна РАН, lbsukina@gmail.com

Таможников Артем Васильевич — руководитель Отдела разработки программного обеспечения ООО «Ново Би Ай», tamozhnikov@ngs.ru

Танеева-Саломатшаева Лола Зарифовна — д.филос.н., проф., в.н.с.-эксперт Института востоковедения РАН, salomatshaeva.lola@yandex.ru

Таценко Тамара Николаевна — к.и.н., с.н.с. Санкт-Петербургского Института истории РАН, tntatsenko@mail.ru

Тогоева Ольга Игоревна — д.и.н., в.н.с. Института всеобщей истории РАН, togoeva@yandex.ru

Успенский Федор Борисович — д.филол.н., чл.-корр. РАН, г.н.с. Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, проф. НИУ ВШЭ (Москва), fjodor.uspenskij@gmail.com

Филиппов Игорь Святославович — д.и.н., проф. Московского ГУ им. М.В. Ломоносова, isfilippov.new@gmail.com

Фонкич Борис Львович — д.и.н., г.н.с. Института всеобщей истории РАН, fonkitch@mail.ru

Фролов Алексей Анатольевич — к.и.н., с.н.с. Института всеобщей истории РАН, npkfrolov@gmail.com

Фролова Ольга Эдуардовна — ведущий библиотекарь РНБ, olgairina@yandex.ru

Хоруженко Олег Игоревич — к.и.н., с.н.с. Института российской истории РАН, khoruzhenko1@yandex.ru

Хохрякова (Висканта) Сандра Альгимантасовна — м.н.с. Мезоамериканского центра им. Ю.В. Кнорозова РГГУ, s.viskanta@gmail.com

Худин Кирилл Станиславович — м.н.с. Института всеобщей истории РАН, khudin1988@yandex.ru

Чекин Леонид Сергеевич — д.г.н., в.н.с. Научно-исследовательского центра «АИРО-XXI», chekinls@gmail.com

Черных Александр Петрович — к.и.н., в.н.с. Института всеобщей истории РАН, signumivi@yandex.ru

Чеснокова Надежда Петровна — к.и.н., с.н.с. Института всеобщей истории РАН, prchesn@mail.ru

Чиркова Александра Викторовна — к.и.н., с.н.с. Санкт-Петербургского Института истории РАН, chirok-alexandr@list.ru,
reineke.patrick@gmail.com

Шадунц Елена Константиновна — с.н.с. Переславль-Залесского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, helena.shaduntc@gmail.com

Шамина Ирина Николаевна — к.и.н., н.с. Института российской истории РАН, shaminy@yandex.ru

Шепилова Елена Михайловна — м.н.с. Санкт-Петербургского Института истории РАН, yelena_sch@mail.ru

Шустова Юлия Эдуардовна — к.и.н., доц. Историко-архивного института РГГУ, с.н.с. Научно-исследовательского отдела редкой книги (Музея книги) РГБ, shustova@yandex.ru

Щавелев Алексей Сергеевич — к.и.н., с.н.с. Института всеобщей истории РАН, alexis-schavelev@mail.ru

Щеглов Андрей Джолинардович — д.и.н., в.н.с. Института всеобщей истории РАН, ascheglov@mail.ru

Щеголова Людмила Игоревна — к.филол.н., н.с. Института всеобщей истории РАН, lisch@mail.ru

Юсим Марк Аркадьевич — д.и.н., г.н.с. Института всеобщей истории РАН, youssimm@mtu-net.ru

Яковенко Андрей Юрьевич — студент Московского педагогического ГУ, liptonpochta@gmail.com

Якунина Валентина Андреевна — магистрант Новгородского ГУ им. Ярослава Мудрого, valjajastrebova@mail.ru

Научное издание

**ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
В СОВРЕМЕННОЙ
МЕДИЕВИСТИКЕ**

Материалы
Всероссийской научной конференции,
Москва, 2020–2021

Ответственные редакторы
И.Г. Коновалова
Е.Н. Кириллова

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института всеобщей истории РАН*

Подписано в печать 03.12.2020

Формат 60x84¹/₁₆
Гарнитура Cambria.
Усл. печ. л. 28,75. Тираж 500 экз.
Тип. зак. № 189

ИВИ РАН, Москва, 119334, Ленинский пр., д. 32а

ISBN 978-5-94067-516-7

9 785940 675167